

лярным в этом аспекте можно назвать гендерный спор с «новыми» молодыми мужчинами и женщинами, относящими себя к эмокультуре. Интересно, что спор за мужскую и женскую нормативность идет не только на уровне внешности, но и права на открытое проявление чувств.

Заметим, кстати, что довольно часто считается, что субкультура – это чисто мужская сфера, мужская активность, мужские типы солидарности. Во многом это результат «мужских» социологических и культурологических исследований, в том числе европейских, которые сконструировали субкультуры как мужской феномен. На самом деле, женщины, девушки всегда входили в субкультуры и играли там вполне заметные роли, отличные от роли только лишь подруги скина или панка. Не существует чисто мужских субкультур, равно как и женских, – все они являются смешанными. Борьба гендерных образцов для молодежи сегодня, пожалуй, намного важнее, чем борьба политическая. Если говорить о реальности молодежных сцен, то намного важнее отстоять свое представление о нормативном мужском и женском, чем побеседовать о том, за кого ты: за Путина или против.

Политической, политизированной молодежи не становится больше (как всегда, это 2-3% всех молодых людей), и отношение к политике в молодежной, студенческой среде достаточно прагматичное. Участие в массовых проявлениях молодежной активности, таких, как марши «Наших» или «Молодой гвардии», крайне ситуативно, не основывается на какой-то реальной, глубокой убежденности, сознательности, понимании и разделении общих ценностей и идей. На мой взгляд, это не так уж и плохо. Когда мы задавали вопросы, в чем видят молодые люди свою политическую, партийную, гражданскую активность, то наибольший интерес все-таки проявляется к культурным, я бы даже сказала, эстетизированным аспектам политического. Сколько-нибудь выраженный интерес вызывают именно те акции и активности, которые дополняются культурными, модными видами включения: флэшмобами, перформансами, прямыми действиями, театрализуемыми скучную бюрократическую риторику и дающими молодежи реализовать актуальные для нее моменты. Развитие блогерской среды демонстрирует актуальность самопрезентации, поиска новой искренности. Иными словами, может цениться включение во что-либо актуальное, но не политическое в чистом виде. Если обратиться к социологическим замерам, то сегодня, безусловно, наиболее многочисленны и известны молодежные организации, либо поддерживающие «Единую Россию», либо являющиеся ее филиалами, но поддержка эта по большей части конформистского толка и на убеждениях не основана.

Омельченко Е.Л. (НИЦ «Регион», Ульяновск)

Социология и молодежные субкультуры

Вопрос, зачем существуют социологи, конечно, не простой. Так же как психологи, политологи и так далее, и так далее. Его можно, наверное, задать по поводу любой социальной науки. Если позитивное знание можно перевести в какие-то формулы, в состав, в реакцию, словом, в какую-то вещь, которую можно повторить или наглядно продемонстрировать, то социальные науки, науки об обществе, имеют дело с какими-то конструкторами, представлениями, мифами, идеями – и кажутся чем-то эфемерным. Мифы рождаются, прежде всего, в художественном творчестве. Социология обращена к сегодняшнему дню. По большей части, если художественная культура обращается к вечным образам, то социология ориентирована на понимание того, что с нами происходит сегодня.

В отличие от психологии, которая имеет дело с одним человеком и объясняет ему все про его собственную жизнь, социология работает с некими обобщенными группами, где человек часто растворяется. Отсюда непонимание, зачем это все нужно, а если говорить о социологии в ее опросном варианте, то она нередко не особо гуманно выглядит, потому что человек высказывает свое индивидуальное мнение, с какими-то дополнительными чувствами, индивидуальными красками, а социологи всех объединяют и выводят среднее арифметическое. Люди порой говорят: какая разница, у вас и так много респондентов, какое значение имеет еще и мой голос. Он все равно ничего не изменит. Кроме того, это накладывается на достаточно грустную историю практической социологии, которая часто, особенно в советское время,

выполняла определенные идеологические заказы, и не имела какого-то самостоятельного голоса.

Здесь, наверно, надо внести маленький нюанс. Есть социологи и социологи. Я представляю такое крыло социологии, которое, прежде всего, ориентировано на использование качественных методов, то есть это глубинные интервью. Это не обращение к массам, не подсчеты каких-то мнений, а попытка понять и прочувствовать... Конечно, отчасти получается и так, что беседуешь с людьми, а потом экстраполируешь знания, полученные от них, на остальных людей, предполагая, что другие устроены так же, как они. Но здесь все-таки больше возможностей для того, чтобы был услышан каждый. Тем более, что человек хочет быть так индивидуализирован.

Существует миф, что люди не любят о себе рассказывать. Когда мы занимаемся молодежью, изучаем такие сложные темы, как наркотизация, то нас часто спрашивают: неужели ребята вам рассказывают о своем наркотическом опыте? На самом деле, человек очень любит о себе рассказывать. Если удастся преодолеть первый барьер настороженности и недоверия, то подчас собеседника бывает сложно остановить. Честно говоря, сегодня мало кто слушает других людей, поэтому люди рады, когда их хотят выслушать. Если же все-таки отказываются рассказывать, то один из мотивов – человек не верит, что его мнение может хоть каким-то образом на что-то повлиять. Еще одной причиной является недоверие к чистоплотности, искренности и бескорыстию исследователя. Один из самых больших страхов, когда мы имеем дело с такими, скажем так, трудными ситуациями, как опросы среди молодежи, которая употребляет наркотики, – страх, что социологи сдадут их правоохранительным органам. Но умение снять эти страхи зависит от профессиональной подготовки, просто нужно иметь специальные навыки и аргументы, чтобы объяснить собеседнику или собеседнице, что его рассказ не будет предан никакой огласке, и конфиденциальность полностью гарантирована. Кроме того, у исследователей существует определенная репутация. Вообще, надо сказать, наши информанты (здесь тоже есть небольшая разница между количественниками и качественниками: количественники обычно говорят о респондентах, а качественные – об информантах) многое о нас знают.

Вопрос насчет доверия, конечно, очень и очень сложный. Для этого, в частности, когда мы изучаем проблемные ситуации, мы даем свои координаты, и у наших собеседников есть возможность проверить нашу репутацию. Они заходят на сайт, они вообще проявляют достаточно большую активность. Даже, к нашему удивлению, иногда достают и читают наши книги для того, чтобы сформировать какое-то мнение и понять, насколько можно нам доверять. Более того, они не просто дают какую-то информацию о себе, но потом интересуются тем, что же о них рассказывают.

Непрофессиональность социолога проявляется в тенденциозности исследования. Тенденциозность может заключаться даже в формулировке вопроса. Например: скажите, пожалуйста, как вы относитесь к такому негативному явлению, как употребление наркотиков? Ну, естественно, когда человеку говорят, что это негативное явление, он и скажет, что относится негативно. Есть техники, которые помогают человеку оказаться в пространстве, где существуют разные мнения. Медики думают так, юристы так, а ученые так. И вообще, вы знаете, что есть страны, в которых существуют другие практики. А вот как вы к этому относитесь? Что такое употребление наркотиков? Мы задавали такие вопросы, и получали неоднозначные ответы. Если человек чувствует негативное отношение к предмету, который для него почему-то позитивен, он просто откажется говорить. Или отговорится – «трудно сказать». Иными словами, все зависит от того, как задан вопрос, какие предложены альтернативы, как ограничиваются варианты ответов.

Вне манипулирования вообще в информационном пространстве ничего не существует. Мне кажется, если политик что-то говорит, или культурный лидер, или какой-то эксперт, в любом случае они что-то формируют. Конечно, задача социолога максимально убрать свою личность, но, тем не менее, социология не позитивная наука и мы не можем говорить об абсолютной объективности того знания, которое мы представляем. Мы сами, так или иначе,

включены в это поле. Но с другой стороны я, когда разговариваю с кем-то из молодежных субкультур, всегда задаю вопрос, почему они в субкультуре, а не просто пытаюсь понять, кто они такие, эти готы, панки, эмо, скины. Почему этот юноша или та девушка делают такой выбор, а другие нет. Это же личностный выбор, очень глубокая вещь, зависящая от окружения. Другое дело, что внутри этой культурной сцены, есть разные персонажи, выполняющие разные роли. Там есть ядро, есть лидеры, есть, конечно, примкнувшие. Вот среди примкнувших могут оказаться те, которые просто следуют моде, или им нравится девочка или мальчик в этой группе. Существует не только реальное символическое пространство, но еще и виртуальное пространство. Готом можно стать через Интернет. Приобщиться к этой идеологии, культуре, к имиджу или еще к чему-то можно не обязательно в реалии. Сейчас другой тренд в Интернете – все стремятся открывать себя, реализовывать. Представить себя максимально правдиво, потому что очень важно рассказать о том, какой или какая ты есть. И описать себя во всех возможных ипостасях. Но я считаю, что этого недостаточно. Если человек хочет быть готом, ему важно иметь свою логику, правильно? Если, например, журналист, маркетолог или, допустим, политтехнолог будут интересоваться, сколько готов в Москве, и можно ли их активировать на ту или иную акцию, то для нас самое интересное – причина данного субкультурного выбора. Мы хотим знать, какие проблемы человек для себя решает, какие цели и задачи он таким образом реализует и прочее? Например, эмо – это эмоушн, то есть это производное сокращенное от эмоций, от чувственности или чувствительности. Это такая субкультура, нет, скорее, движение, потому что последовательные субкультурщики типа готов и панков не считают эмо субкультурой. Они полагают, что эмо – это очень попсовая, мейнстримная молодежь, которая использует какие-то отдельные элементы старших братьев. Критерий субкультуры – это признают ли тебя субкультурой другие субкультуры. Между ними существуют достаточно мощные ритуальные разборки, выяснения.

Но на самом деле не совсем правильно говорить, что, например, готы не дружат с эмо. Там, где наиболее распространены эти культурные сцены, в столицах, мегаполисах, тем действительно они существуют в основном сепаратно. А в маленьких городах, хотя Ульяновск я не назову маленьким, ну, не очень крупных, где субкультурная сцена не очень разнородна, там между многими субкультурщиками более распространено коллективное взаимодействие. Они особо не дерутся между собой и поддерживают друг друга, если возникает необходимость. Часто они даже оккупируют одни и те же кафе, какие-то площадки.

Нужно разграничивать движения и субкультуры. Антифашисты, например, – это движение, а не субкультура, потому что там существует очень много разновидностей: и скины бывают антифашистами, и рэперы, и диджейчики (аббревиатура от do it yourself – люди, использующие только то, что сделано своими собственными руками. Это новые панки, это урбанистические культуры, какое-то ответвление панковского движения, хиппи. Основные их акции – это... как это называется? Food not bombs, FNB: они кормят бомжей пищей, которую сами готовят).

Есть ли смысл ими заниматься? Это вопрос, заданный с позиций количественной социологии. Не важно, сколько их. Субкультурщиков всегда меньше, чем мейнстрима, составляющего основную поколенческую группу. Мейнстрима, конечно, больше – обычной, нормальной молодежи. И сколько субкультурщиков – это абсолютно неважно, потому что революцию тоже делали несколько человек. Какая разница, сколько их? Смысл заключается в том, что между обычной молодежью и субкультурной не существует абсолютного барьера. То есть очень многие тренды, которые разрабатываются молодежными субкультурами, потом воспринимаются мейнстримом.

Как возникают субкультуры? Всякий раз по-разному, но в основе все-таки лежит определенное культурное сопротивление навязыванию какой-то культурной доминанты, не политической, а именно культурной. Да, и все субкультуры так или иначе противостоят гопничеству, противостоят абсолютной лояльности. Гопники – это образное выражение, с помощью которого неформалы определяют агрессивно настроенный молодежный мейнстрим, агрессивно настроенную часть конвенциональной молодежи, которая не просто не хочет быть

субкультурщиками, а активно не любит, ненавидит, и готова бороться вплоть до физических мер с неформалами. Причем гопники (как и люберы – в свое время) – скорее всего, это движения или группировки. Все-таки существуют определенные уровни организаций, потому что если организация формируется исключительно по территориальному признаку, по защите какой-то локальности или территории, это самый первый уровень. Это все-таки недостаточная идеология для того, чтобы быть субкультурой. А субкультура формируется все-таки вокруг неких ценностей. Кто-то понимает свою принадлежность к субкультуре, кто-то нет, да это и неважно. Важно, что они, например, могут сказать о себе – мы эмо, мы готы, но никто не называет себя гопником.

Конечно, у каждой субкультуры есть своя легенда. Вот интересная метаморфоза произошла, например, с неформалами, которые сейчас очень активно используют этот термин. Он же родился в недрах комсомольской бюрократии. Казалось бы, его никак не могли воспринять продвинутой частью нынешней, современной молодежи. Но термин зажил новой жизнью. Его с удовольствием приняли и политические, и культурные неформалы. Наоборот, стало очень почетно говорить: я неформал!

Среди субкультур есть и такие, аналогов которых нет за границей. Например, КСП. Можно еще назвать какие-то диссидентские субкультуры, шестидесятников. Хотя, конечно, в 1960-е практически во всей Европе были определенные движения, студенческие волнения и пр. А у нас диссидентство, это другое. Честно говоря, я не согласна с тем, что субкультура это экспорт. Сейчас вообще странно об этом говорить, поскольку существует глобальное информационное пространство. Я не знаю, где зародились эмо. Панки, готы и скины английского происхождения, хиппи – американского.

Наличие субкультур есть признак общественного плюрализма. В тоталитарных обществах субкультуры, в общем, невозможны. Или они подавляются, или они существуют в полном андеграунде. Если мы не представляем себе, что это такое – субкультура, то любые необычные проявления молодежи вызывают у взрослых панику. У взрослых – панику, у родителей – страх, у политиков – желание каким-то образом контролировать, приобщить, манипулировать и использовать. А вообще содержательное представление о субкультурах помогает гармонизации общества. Помогает понять, что в обществе должны существовать разные люди, в том числе, в молодежной среде. Это как и в любом другом пространстве. Люди имеют право на разные культурные выборы, разные способы презентации себя и разные способы нахождения своего смысла в жизни. И когда отсутствуют тоталитарные, четко прописанные правила, каким должен быть молодой человек или молодая девушка, то они имеют право это свое пространство молодости обустроить так, как они хотят. И если существует уважение к этому праву, то возникает большее понимание, в том числе и между родителями и детьми. Уходит, в частности, моральная паника по поводу того, что если ты – эмо, то завтра ты обязательно будешь себе резать вены и прыгать с крыши.

На самом деле социология этих групп нужна для решения проблемы отцов и детей. Для того чтобы отцы не боялись своих детей, для того чтобы политики не считали, что все это подрывные элементы – те, кто ходят себе накрашенными. Или, по крайней мере, научились бы политики или просто люди понимать, что и внутри тех же скинов существуют разные движения. В частности, есть красные скины. Субкультура – это, как правило, закрытое, достаточно ограниченное сообщество людей. Чего они хотят от окружающего общества? Наверно, чтобы их услышали, чтобы они свою правду каким-то образом транслировали. Они, прежде всего, хотят, чтобы другие «свои» видели, что они тоже «свои». Вряд ли они так много думают о тех, кто не субкультурщик. Каждому готу или эмо, я думаю, приятно встретить гота или эмо и поговорить о своей музыке, о своих книжках, о своих делах. Но понимаете, это же вечные потребности, и типичные не только для молодых. Найти своих, найти свою тусовку, где ты можешь быть самим собой, присоединиться к кому-то. И понять, что ты не один такой урод. Что ты не такой, как родители тебе объясняют, никудышный. Ты находишь своих, которые тебя понимают и разделяют твои ценности, и среди которых ты занимаешь статус, который тебе недоступен в обычном, скажем так, обществе.

И от социолога представители этих субкультур ждут – быть услышанными, рассказать о себе. Просто рассказать о себе. Мы говорили с ребятами, по их мнению, журналисты пишут о них или утрированно, или поверхностно. Потому и возникают моральные паники вокруг тех или других вещей. Например, в Нижнем Новгороде прошло заседание Городской Думы, где было принято решение проводить в школах пропагандистскую работу по запрещению эмо. Суицидальная субкультура – такой ярлык им сразу навесили. Если вы, родители, не хотите, чтобы ваши дети начали кончать с собой, то ни в коем случае не допускайте, чтобы они становились эмо.

Социология, в отличие, в частности, от журналистики, все-таки позволяет донести до людей, кому это интересно, другую информацию, другие версии, интерпретации тех понятий, которые или на слуху, или продвигаются политиками в каком-то одном ключе. Это важно, так как человек имеет возможность выбирать.

Омельченко Е.Л. (НИЦ «Регион», Ульяновск)

Молодость в публичном пространстве современности. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры?

Столь категоричное название статьи не случайно. В нем отражается критический взгляд на привычное и обще употребляемое понятие «молодежь», вскрывается преходящий, условный характер ее историко-политических конструктов, подчеркивается, насколько изменчивы координаты этой загадочной социальной группы, насколько они зависят от того, в каком контексте, внутри какого дискурса, утверждаются или опровергаются базовые дефиниции.

Современное «состояние молодежного вопроса» в России. Молодежь, как отдельная от детей и взрослых группа, привлекала к себе особое внимание исследователей и политиков на протяжении всего XX в. Начало нового времени в этом смысле не исключение. Интерес к молодежи настолько велик, что впору говорить о «новой молодежной эре». Что я имею в виду? Старт реального внимания к молодежному вопросу в новом российском тысячелетии был «дан» в ноябре 2004 г. событиями в Украине. С указанного момента молодежь оказалась в эпицентре внимания. Ею интересуются на государственном уровне, одна за другой разрабатываются стратегии молодежной политики, программы воспитания патриотического сознания, ищутся новые пути «духовно-нравственного возрождения молодежи»¹. Большая часть подобных документов фокусируется на «политическом» измерении молодежной активности. Власть ищет механизмы мобилизации (прежде всего политической) молодежного ресурса в ситуации глубокого ценностного кризиса. Игнорируется то, что молодежный активизм перекочевал за 20 лет перестройки из пространства политики в пространство культуры, субкультурный капитал разнообразных молодежных формирований реализуется не столько в контексте аутентичных ценностей «своей» солидарности, сколько «работает» в качестве рыночного сегмента, привлекательной ниши потребительского супермаркета. Молодежь ищет пространства для культурного самовыражения, а государство различными способами продолжает навязывать ей политические идентичности. Самые важные изменения происходят, на мой взгляд, не в политической, а культурной борьбе² – в области перераспределения права на

¹ Чего, например, стоит название конференции: «Преодоление демографического кризиса путем духовно-нравственного возрождения молодежи»? Под таким лозунгом, ставящим практически окончательный диагноз современной молодежи, прошли размышления о том, как поднять рождаемость в Ульяновской области.

² Эстетическая составляющая имиджа нацболов связана с лидерами, стоявшими у основания в 1993 г. В этой группе литературная харизма Э. Лимонова удачно сочеталась с музыкальной альтернативой в лице – панк-рокера Е. Легова, руководителя поэтического «Ордена куртуазных маньеристов» и рок-группы «Бахыт компот» В. Степанцова, лидера расистской трэш-группы «Коррозия металла» С. «Паука» Троицкого, певицы и поэтессы Н. Медведевой, гей-литератора Я. Могутина, создателя поп-группы «Запрещенные Барабанщики» И. Трофимова, самиздатовского публициста М. Вербицкого, одаренного петербургского композитора музыканта С. Курехина. С таким кадровым составом НБП вполне могла претендовать на культовый статус в аполитичной молодежной среде, пополняясь не только образованными радикалами, но и панками, скинами, рок-фанатами. Первые акции носили характер ярких представлений, перформансов, политика дополнялась культурой – выставками, концертами, вечерами поэзии. Я здесь не говорю о политической и идеологической составляющей их программы и действий, а об их влиянии на формирование определенного стилистического направления в альтернативно-андеграундной молодежной среде.

культурное доминирование, содержание (мотивация, направленность) современных молодежных «протестов» связаны не с политической, а культурной властью. Так, например, даже для самых эпатажно/экстремистских молодежных формирований одним из ключевых моментов поддержания групповой идентичности становится эстетическая, художественно креативная сторона имиджа. Другой пример. Молодежные штабы при избирательных компаниях, кроме материальной выгоды, привлекают тем, что становятся классической тусовкой, своеобразным клубом по интересам. Одно из последних исследований НИЦ «Регион» показало, что активно-политической молодежи «больше не стало», как и везде, желающих и стремящихся активно включаться в политические процессы – не более 3%, а вот в культурных акциях готовы поучаствовать более половины молодежи разных страт, возраста, уровня образования и материального достатка. Политические движения и партии остаются мало привлекательными, «чистое» волонтерство практически исключается, участие публичных выступлений связывается, прежде всего, с материальными, а не идеологическими соображениями¹. Это не говорит о падении духовности или нравственности в молодежной среде. В этом проявляется совершенно естественная реакция на коммерциализацию всех звеньев политической сферы (вовсе не молодежью). Как следствие – падение доверия к участию в официальной политике, по крайней мере – по идейным соображениям (как раньше говорили – «по зову сердца»). Однако молодежь все же участвует в политике, но пытается найти и находит в ней что-то свое. Будет не совсем корректно связывать обострение интереса к молодежному вопросу исключительно с событиями в Украине. Какое-то время активно обсуждались такие факты, как: погромы против кавказцев на московских рынках например, в Ясенево в апреле 2001, которые частью журналистов связывались с празднованием скинхедами дня рождения Гитлера); погром на Тверской во время трансляции футбольного матча Россия – Япония (июнь 2002 г.) и другие. Однако, именно «оранжевая» революция и активное участие в ней молодежи (Киев, 2004-2005 гг.), события в парижских пригородах, а затем – поджоги машин молодежью кварталов, населенных, как это преподносилось, бывшими мигрантами (ноябрь 2005 г.) были панически восприняты российскими и глобальными СМИ. Ученые, политики и комментаторы заговорили об опасности новых молодежных революционных выступлений. Готовность к протесту была очевидной, однако его смысл и направленность – скрытой и туманной. Поспешная организация новых молодежных политических движений/партий, их курирование российскими топ политтехнологами, масштабное финансирование (как из государственного бюджета, так и крупного бизнеса) – доказательство признания реальной опасности новой молодежной «революции». Но остается открытым вопрос – каково ее содержание, реальные силы, направленность?

Анализ материалов исследований и наблюдений позволяет предположить, что включение молодежи в публичную политику во многом зависит от особенностей группы, с которой себя идентифицируют девушки и юноши, на чем подробнее я остановлюсь позднее. Однако есть, на мой взгляд, некие общие черты, характерные для большинства:

- незначительное, спорадическое, чаще некомпетентное включение в сами выборные процессы, в чем молодежь мало отличается от старших;
- конъюнктурное (карьерно-меркантильное) присоединение к организованным сверху «самодеятельным» политическим движениям или молодежным крылам господствующих партий власти («Наши», «Молодая гвардия», «Молодежное единство»);
- собственные, самодеятельные политические формирования имеют не политическую, а культурную, ценностную природу.

Эти наблюдения подталкивают к тому, чтобы попытаться найти современные контексты молодежных солидарностей. Важно понять, вокруг каких ценностей происходит их консолидация, какие неблагоприятные условия среды воспринимаются ее реальными и виртуальными участниками как «общие беды», что хотят сказать миру через свои практики, имидж,

¹ Проект «Портрет молодежи Ульяновской области» (2005 г.). Треть опрошенных выразили свою готовность участвовать в политических выступлениях и акциях при условии материального вознаграждения.

внешний вид (прикид), язык, чему сопротивляются и что предлагают в качестве замены. Почему одни девушки и юноши выбирают альтернативные культурные стратегии, а другие – включаются в мейнстрим и присоединяются к большинству? И, наконец, насколько корректно применять к новому культурному содержанию, ставшие привычными клише – «молодежная культура, субкультура, контркультура»?

Начну с того, что молодежи, как особой «нации» или группы, отличной от других поколений вовсе не существует. Понятие «молодежной культуры», используемое для выделения социальной позиции, статуса молодежи, возникло для описания особого типа социального пространства, которое «населяют» люди, находящиеся в относительно бесправном и зависимом положении. У поколения, только входящего в общество, отсутствует реальный доступ к значимым ресурсам, поэтому молодежь «нуждается» в защите и контроле. Жизнь каждого, в той или иной степени, предопределена обществом, позицией, семьей, соседством. Но зависимость молодежи иного рода. Она во все времена рассматривалась «социально зрелыми» взрослыми, как естественный ресурс будущего, который надо социализировать, культивировать, образовывать и использовать.

Исторически первым и наиболее живучим остается *биополитический конструкт* молодежи, как социально-демографической группы, последовательное развитие которого приводит к представлению о молодежи как «социальной проблеме». Базовые принципы этого подхода являются теоретической поддержкой воспитательных и исправительных интервенций в молодежную политику со стороны государственных чиновников и профессионалов – «специалистов помолодежи» не только на Западе, но и в современной России. Эти принципы до сих пор остаются основными кирпичиками «здорового смысла» во взгляде на молодежь:

- молодежь признается *унитарной* категорией, психологические характеристики и социальные потребности которой являются общими для всей возрастной группы;
- молодость считается *особенной* ступенью в развитии личности. Модели поведения и ценности, усваиваемые молодыми людьми в этот период, становятся *идеологическими якорями*, которые консервируются в обретенном качестве на всю жизнь;
- переход (*транзигция*) из детской зависимости к взрослой автономии включает в себя так называемую *фазу «бунтарства»*, которая является частью культурной традиции, передающейся от одного поколения – к другому;
- транзигция современной молодежи из незрелого состояния – в *зрелое (взрослое)* осложнена новыми социально-экономическими условиями взросления, которые описываются с помощью понятий *трансформация, модернизация, постфордизм*. Поэтому молодежь, чтобы достигнуть успеха и повзрослеть, нуждается в контроле и поддержке со стороны профессионалов.

Био-политический конструкт означает: для того, чтобы «правильные» ценности «зрелых взрослых» передались через молодежь – в будущее, «био-анатомические» импульсы молодежного (по умолчанию критического) возраста требует политического вмешательства и руководства. Молодежь конструируется как исключительный тип человеческой популяции, легко определяемый по «отличимым» признакам – возраст, здоровье, неопытность, которые помогают точно определять сегмент (местоположение) для специальных политических вмешательств. Отмечу, что научные концепции молодежи, сформированные на этой базе, приводят к откровенному юсизму. Эти подходы оказались в центре широкой дискуссии по молодежному вопросу, развернувшейся в 1980-х гг. в западной науке¹. Представление о молодежи, как единой группе, закреплённой биологическими параметрами (возраст и соответствующие ему обязательные психо-паталогические катаклизмы) объединяло и социальных политиков, и большинство социальных исследователей того периода. И было, если не аксиомой, то разделяемым всеми «общим знанием». Вопрос о том, что такое/кто такие «моло-

¹ Понятие «юсизм» точно отражает смысл био-политического конструирования некоей группы, определяемой одновременно и биологически и политически. Молодость понимается исключительно как биологическая категория, примененная к политическим проектам. В специфическом, но немногим отличающемся виде, юсизм присутствует в отечественной государственной политической и академической практиках.

дежь», как интерпретировать это «очевидное» понятие ставится учеными давно и часто. Насколько я знаю, ни одна социальная группа, объединенная на базе формальных признаков (возраст, образование, позиция в социальной структуре) не удостоивалась такого интереса и не вызывала такой критики. Основные идеи юсизма «вросли» в теоретические конструкты молодежи так сильно, что кажется невозможным писать и думать про молодежь без использования таких слов, как «подростки», «переходный возраст», «пубертантный период», «молодежная транзикация», «молодежная проблема». Однако пришло время если и не расстаться, то постараться критически их переосмыслить.

В рамках традиционных подходов в этой области, классическими считаются теории С.Холла, К. Мангейма и Т. Парсонса¹. Каждая из них была прогрессивной для своего времени, авторы стремились внести научные коррективы в представления «здорового смысла». Общим для них было то, что «молодежь» конструировалось через биологическую природу, с присущими только ей психологическими особенностями, а культурные и исторические посредники (ключевые события эпохи, поколенческое сознание, система верований) влияли на то, как эта биолого-психологическая сущность молодежи проявляла себя в то или другое время. «Драматургия» подросткового возраста связывалась с непреодолимыми силами природы: «сексуальный драйв», который подталкивался «гормональным пробуждением» – *пубертантностью*. Далее, «внутри» молодости силы природы – неуправляемая сексуальность встречаются с «неподвижными» предметами культуры – социальными институтами. Это напряжение подростковости и есть движущая сила взросления. Молодежь, чтобы стать «зрелыми и взрослыми» должна интегрироваться в социальные институты, а механизмы социально-культурного посредничества призваны помогать согласию разных сил. Следовательно, пробужденная сексуальность (биологическая предпосылка) определяет поколенческую социализацию (политическая предпосылка). Это и есть формула биополитического конструкта.

Понятие «молодежь» входит в научный обиход вместе с понятием «молодежная культура». Рождение термина связывалось Т. Парсонсом с обоснованием стабильности, направленности и целесообразности развития общественных систем. Это была своего рода рефлексия на послевоенное возрождение западных обществ, выражение веры в возможность стабильности, благополучия и процветания всех его членов. Молодежная культура представлялась независимым социальным пространством, в котором молодые люди могут обрести аутентичность, тогда как в семье или школе они лишены реальных полномочий, и полностью контролируются взрослыми. Молодежный вопрос (или молодежная проблема) описывались им через специфические структурные напряжения, возникшие при переходе от традиционного к современному обществу. В традиционных (до индустриальных) обществах, семья полностью выполняла все жизненно важные репродуктивные функции – экономическую, биологическую и культурную. Внутри семьи были объединены системы образования, материального производства, первичного ухода за ребенком и его воспитанием. Модели семейной социализации давали эффективный образец для всей последующей жизни, создавали базу для проигрывания взрослых ролей в широком обществе. В современных индустриальных обществах семья, по мнению ученого, начинает терять традиционные функции образования и профессионализации. Профессиональные роли требуют большей специализации, в меньшей степени связаны с навыками ведения домохозяйства и ручным мастерством, более инструментальны и менее эмоциональны, имеют другие критерии оценки результатов. Разрыв преемственности между моделями семейной социализации, организованными вокруг традиционных патриархальных образцов, и взрослыми ролями, базирующимися на рыночной рациональности и безличной бюрократической структуре, преодолевается, по мнению ученого за счет индивидуальной конкуренции. Молодежь занимает в этой системе максимально напряженную позицию, находясь между двумя ценностными мирами. Продление школьного образования способствует отдалению молодых людей от семьи, и в то же время, молодежь достаточно долгое время остается на обочине взрослой работы и политики. Подростковость, по мнению Т. Пар-

¹ Более подробно зарождение и этапы развития биополитических конструктов молодежи и юсизма рассмотрены в книге: Омельченко Е.Л. Молодежь: Открытый вопрос. Ульяновск, 2004.

сонса, это период «структурированной безответственности», *мораторий* между детством и взрослостью. Эта достаточно долгая консервация пространственно-временной позиции молодежи в жизненном цикле позволяет локализоваться группам сверстников (*peer group*) и *молодежной культуре*. Их латентная функция заключается в посредничестве между традиционными (семейными) и модернистскими (индустриальными) ценностными системами. Посредством ценностей и образцов поведения, принятых в компаниях сверстников, подростки дистанцируются от родительских и профессиональных ролей взрослого общества. Таким образом, молодежная культура помогает развитию моделей эмоциональной независимости и безопасности, приватизации «своих» территорий, изменению ролевых характеристик первичной (детской) социализации через усвоение принятых в компании соревновательных (конкурентных) и инструментальных техник. Это как раз то, что подготавливает подростка занять взрослые позиции.

Другим, не менее, а может быть и более важным понятием, с помощью которого описывались особенности молодежной идентичности, была – *субкультура/контркультура*. В антропологии, социологии, криминологии и культурологии, понятие субкультуры было новым подходом к интерпретации социальной жизни молодежи¹. Сам термин подчеркивал андеграундный характер новых формирований в отличие от социально-культурного мейнстрима. Наиболее яркие субкультурные идентичности приобрели свои имена – Тедди Бойз (в СССР и России – стилиаги), Моды, Скинхэды, Рапта, Панки, Готы и другие. Их публичность, демонстративность, эпатажная аутентичность вызывала моральные паники. Они воспринимались как прямая угроза, сначала – существующему порядку, а затем общественным ценностям и буржуазной идеологии в целом. Несмотря на отсутствие прямых политических выступлений, о субкультурах говорили, как о контркультурах, готовых к мятежу против всего общественно-го устройства.

Необходимыми предпосылками субкультурных противостояний являются:

- превращение молодежи во властного потребительского субъекта (свой заработок и свои деньги, наличие реального свободного времени, развитость досуговой инфраструктуры);
- независимость (пусть и относительная) частного пространства — от публичного,
- культурный плюрализм;
- наличие культурного доминирования (культурного господства), поддерживающего дилемму высокого (элитарного) и низкого (массового) искусства.

Субкультуры и контркультурные движения были порождены поствоенной реальностью, новыми формами молодежного досуга и изменением жизненных графиков западной молодежи. Расширение пространства досуга, рост обслуживающей его индустрии привели к усложнению характера молодежного потребления. На определенное время такие реальные молодежные проблемы, как занятость, образование выпали из сферы исследовательского интереса, все внимание социологов и культурологов обратилось к эпатажным культурным практикам и возникавшим вслед им моральным паникам. Яркие групповые идентичности настоятельно «требовали» интерпретаций. Субкультурные «имена» возникали одно за другим, ментально становились объектом пристального внимания журналистов, что в немалой степени способствовало их закреплению за новыми культурными формированиями.

Связь субкультурных и контркультурных движений наделяла тех, кто их исследовал особым чувством сопричастности к революционно-прогрессивному преобразованию мира. Исследовательский пафос был адекватен теоретической платформе марксизма и классовой методологии, принятой учеными на вооружение, а исследования становились частью прогрессивного общественного андеграунда. Этнографические погружения в экзотическую моло-

¹ Классические исследования молодежной культуры в XX в. принадлежат прежде всего Северной Америке и Британскому опытам. Подробно субкультурные конструкты и их критика рассмотрены в работах: Cohen Ph. Rethinking The Youth Question Education, Labor and Cultural Studies. L., 1997; Pilkington, H., Jonson, R. Periphery youth relations of identity and power in global/local context // European Journal of Cultural Studies. 2003. 3. vol. 6. P. 259-285; Омельченко Е.Л. Субкультуры и культурные стратегии на молодежной сцене конца XX века: кто кого? // Неприкосновенный запас, 2004 № 36, С. 53-61.

дежную повседневность, анализ общественных реакций и медиа репрезентаций были своего рода методологическими вызовами «примиряющей социологии»¹. Субкультурные теории были подвергнуты самой широкой критике. Причем не в малой степени со стороны тех, кто стоял у истоков этого направления. Однако до сих пор не прекращаются споры вокруг актуальности или неактуальности этих конструктов. Общее знание снабдило субкультурные «имена» устойчивыми культурными контекстами, затрудняющими профессиональную коммуникацию и исследовательский процесс. Стоит произнести такие слова, как скины, панки, готы, рэперы, как все оказываются «в курсе» и понимают, о чем идет речь. Имена стали своего рода брендами, очень отдаленно корреспондирующимися с первоисточниками. Андеграунд стал мейнстримом, и даже «бабушки у подъезда» могут рассказать, чем панк отличается от скинхеда.

Субкультурные и контркультурные конструкты молодежных идентичностей исторически тесно связаны друг с другом. Общим было стремление сделать *видимыми* разные и независимые молодежные активности для преодоления и критической ревизии теорий, основанных на биополитической унификации молодежи. Отличались они акцентами на молодежи разных общественных классов, разных территорий, использованием отличающихся методологий. Контркультурные исследования были в основном американскими, субкультурные – в основном английскими, первые были, в основном, позитивистки ориентированы, опирались на данные массовых опросов студенчества, вторые – использовали методы социолингвистики, опирались на марксистскую теорию классов, конструктивизм и трансакционизм. Ключевыми понятиями американских подходов был «молодежный мятеж», английских – «символическое сопротивление», «моральные паники», медиаконструирование. Контркультурные конструкты в большей степени нашли отражение в философской литературе, получили широчайший резонанс в литературно художественном творчестве, тогда как субкультуры описывались, прежде всего, в рамках социологии и культурных исследований.

Часть западных ученых полагали, что общий кризис молодежных исследований в 1980-х гг. был вызван окончательным «сворачиванием» молодежного протеста. «Бархатные революции» конца 1960-х были кратким вздохом свободы, ознаменовавшим пробуждение политического, хотя и достаточно хаотичного сознания молодежи среднего класса, прежде всего – студенчества. Часть их группирований, более близкая к субкультурным, вылилась в движения битников, хиппи, поисковиков и других. Их идеология питалась идеями так называемой сексуальной революции, психоделического андеграунда, философскими и литературными течениями экзистенциализма. Два культурных потока были взаимосвязаны, однако полностью не совпадали.

Субкультурные формы, пусть и в измененном виде, продолжают существовать в современном, не только молодежном мире, контркультурные молодежные движения остались яркими маркерами мятежных 1960-х, оплодотворив собой новые течения культуры и искусства XX в., формирование новых типов интеллектуальных андеграундов как на Западе, так и в СССР. После перевода на русский язык в конце 60-ых годов нескольких работ по проблемам молодежной культуры, термин «субкультура» появился и в отечественной научной лексике, используя в основном в рамках критики западных теорий молодежи². Вторая и более мощная волна интереса к субкультурным теориям была связана с появлением «домашних» субкультур, или неформальных молодежных объединений в конце 1980-х — начале 1990-х гг.³ Переформатирование современных молодежных культурных сцен и открытие но-

¹ Молодежное исследовательское поле до сих пор продолжает считаться одним из самых интересных и увлекательных, наделяя исследователей чувством профессиональной гордости за смелый вызов, помогающим продлить, помимо всего прочего, собственную молодость. Это во многом определяет высокий эмоциональный тон большинства субкультурных текстов, в отличие, например, от постмодернистского скепсиса и деконструкции.

² Социология преступности. М., 1966.

³ Исламшина Т.Г. и др. Молодежные субкультуры. Казань, 1997; Левикова С.И. Молодежная культура. М., 2002; Молодежь России на рубеже 90-х. М., 1992; Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. М., 2000.

вых перспектив прочтения молодежной активности в контексте расширяющегося культурно-стилевого супермаркета поставило ряд новых вопросов.

Расстановка сил на российских молодежных сценах за последние два десятилетия менялась, по крайней мере, три раза.

Первый этап. 1980-ые гг. – бурный всплеск неформального молодежного движения, которое отчетливо поделило поколение на «упертых» комсомольцев и «продвинутых» *неформалов*¹. Неформальных групп было очень много, они делились по разным направлениям. Их начали активно исследовать не только отечественные социологи, но и западные. Казалось, мир открылся, и глобальные субкультурные бренды обретают свою молодежную аудиторию на постсоветской перестроечной земле. Весна 1987 г. ознаменовалась демонстративным нападением московской милиции на неформальный молодежный клуб-тусовку хиппи на Гоголевском бульваре. К тому времени уже появились самые первые публикации о неформальных группах. Так, например, статья в «Огоньке» основателя и отца «Коммерсанта» В. Яковлева про бандитствующие молодежные группировки в Люберцах², которых он назвал «люберами». Скандал, вызванный той публикацией, сделал известность и ему, и самим «люберам». После этой публикации так стали называть молодежные группировки. Это был особый тип молодежных объединений, видом активности которых была защита собственных территорий, локальных мест комплексного проживания. Как правило, это были новые, отдаленные кварталы растущих провинциальных городов, состоящие из сельских переселенцев, или пригородные территории российских столиц и мегаполисов (Москва, Самара, Казань).

Второй этап. 1990-ые гг. были временем спада неформального движения. Коммунистическая организация советской молодежи – Комсомол – распался окончательно, публично противостоять было некому. Развитие рыночных отношений привело к переориентации группировок на криминальную и полукриминальную активность. Расширяющийся рынок неформальной (теневой экономики) создавал почву для формирования особого типа объединений – так называемых «крыш». Ядром этих групп были «взрослые» полу/бандитские формирования, состоящие из криминальных общественных элементов, частью – из бывших афганцев, с трудом вписывавших в новую систему. Они мобилизовали подростковые группировки и использовали их для охраны «переднего» края. В этот период аутентичные молодежные формирования фактически растворяются в «полубандитской» среде, выполняя функции контроля над рынками, автозаправками, расширяющейся сетью частных ресторанов и киосков. Субкультурные молодежные группы (в их «классическом» смысле) начинают активно отвоевывать себе клубные и дискотечные пространства в российских городах. На середину 1990-х гг. приходится самый настоящий бум клубных российских сцен.

Третий – современный этап. Вряд ли сегодня можно серьезно говорить об аутентичных субкультурах. Тексты, посвященные им, часто исполнены мистификации: обозначения субкультур «на устах у всех», свои местные панки, рэперы, скинхеды, толкиенисты есть везде – разговор о *необычной* молодежи начинается с уже готовых имен, которые были сконструированы

¹ Термин *неформалы* был введен комсомольскими бюрократами в период перестройки для обозначения самоорганизованных молодежных групп, позиционировавших себя в качестве «других» по отношению к формальным структурам: пионерским, комсомольским, коммунистическим. Это слово было воспринято «народом», и им начали обозначать различные политические движения и организации (не только молодежные), как, например, движение диссидентов или демократов первой волны (1980-е гг.). На протяжении последующих 20 лет смысл понятия не раз менялся. Парадоксально, что термин, введенный «сверху», был воспринят самой молодежью. Сегодня им обозначают различные молодежные группы, в первую очередь субкультурные формирования. Термин используется как самой молодежью, так и, например, в СМИ. Однако, вопрос «происхождения» и аутентичности остается открытым, дискуссии и споры: неформалы – кто они? – продолжают (Неформалы: кто они? Куда зовут? М., 1990).

² Город под Москвой. В статье речь шла об агрессивной молодежной группе из Подмосковья, которая специально приезжала в столицу и занималась «чисткой» города. В первую очередь их привлекали центральные улицы Москвы, например Старый Арбат. Эти мужские молодежные группы избивали «неформалов» и гомосексуалов, нападали на открывающиеся частные ларьки, издевались над бомжами, мигрантами, «кавказцами», выходцами из Средней Азии. Сами себя называли «санитарами русской столицы».

рованы усилиями ученых и журналистов достаточно давно. Субкультурные теории подверглись серьезной критике¹, современные западные социологи говорят о «постсубкультурах», о «смерти субкультур», о рождении новых молодежных «племен», отличающихся текучестью, прозрачностью границ, временным и ненадежным характером соединений. В современной России, как и в любой другой стране, включенной в глобальное пространство, с остатками «старых» мини-групп соседствуют имитаторы, примкнувшие, туристические экспонаты («а ля субкультурщики»), населившие пешеходные «Арбаты» столиц и больших городов. Стили смешались, и хотя некоторые ритуальные разборки сохранились (например, между скинами и рэперами), но они мало отличаются от территориальных споров молодежных группировок конца перестройки. Путаница в использовании понятий «молодежные культуры», «субкультуры», «контркультуры» отражает не только сложную историю их российской адаптации, но и смешение соответствующих явлений на современных молодежных сценах.

Несколько иначе обстоит дело с *неформальным движением*. На мой взгляд, особенности этой групповой идентичности определяются более сложным характером взаимоотношения различных стилевых составляющих. Именно неформальное движение, с присущей ему множественностью типов солидарностей вокруг принимаемых ядром группы ценностей, можно считать действительно «домашним», незаимствованным вариантом самостоятельного творчества молодежи. И что особенно важно для формирования групповой идентичности (хотя неформалы неоднородны) – это то, что им есть, кому противостоять. Антиподом, столь нужным для формирования контекста понятия «свои», врагом неформалов являются *гопники*². Противостояние неформалов – гопникам, территориально культурные и ценностные границы, которые охраняются ими для дистанцирования друг от друга составляют, на мой взгляд, основное стилевое напряжение молодежных культурных сцен России.

Более адекватным контенту новых типов молодежных формирований и солидарностей будет, на мой взгляд, понятие *жизненно-стилевой стратегии*. С его помощью можно более детально выразить: контексты культурных практик современной молодежи; их собственное понимание мотивов и направленности солидарностей; критерии определения границ, по которым проходит размежевание с чужими; маркеры распознавания *своих* и *других*. Анализ результатов исследования отношения российской молодежи к образам Запада позволил выделить две принципиально различающиеся жизненно-стилевые стратегии: *продвинутую* и *нормальную*. Эти понятия не результат исследовательской фантазии, и не теоретический конструкт особых типов идентичностей. Эти термины использовались самими информантами для позиционирования себя и отделения «своих» от «чужих». Ядром первых являются – *неформалы*, вторых – *гопники*³.

С начала нового века диспозиция молодежных сцен сильно изменилась. Кроме различий молодежных культур в зависимости от выбора *продвинутой* или *нормальной* (конвенциональной) идентификации, с ними рядом сосуществуют и другие группы, различающиеся по разным основаниям. Формируются новые, мозаичные молодежные локальности. Специализация экономической и профессиональной сфер общественной жизни привели к обособлению – с одной стороны, с другой – к появлению множества «мелких» противостояний, большая часть которых ориентирована на публичную артикуляцию своего отношения к понятиям патриотизм, национализм, экстремизм.

¹ Ассоциации субкультур с девиантным поведением, описание субкультурных активностей, как преимущественно мужских, понимание отечественных аутентичных культурных групп в качестве калек или стилевых заимствований с западных образцов возрождаются в текстах российских авторов (Левикова С.И. Молодежная культура. М., 2002). Вопросы о национальной аутентичности молодежных субкультур – одни из первых как в студенческих аудиториях, так и в профессиональных сообществах.

² Термин *неформалы* перестал ассоциироваться с оппозицией формальным молодежным организациям, но был реанимирован молодежными тусовками в конце 1990-х, используя для характеристики всех альтернативщиков, «продвинутых», «субкультурщиков».

³ Омельченко Е.Л. Субкультуры и культурные стратегии на молодежной сцене конца XX века: кто кого? // Неприкосновенный запас, 2004 № 36, С. 53-61; Пилкингтон Х., Омельченко Е. Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры / Пер. с англ. О. Оберемко и У. Блюдиной. СПб., 2004.

Перейду к ответу на вопрос: как собственно молодежь отделилась от молодежи (или наоборот), куда молодежь убежала, и что происходит с молодежной культурой. И так, молодежная культура в том ее виде, как она понималась в начале и середине XX в. действительно ушла со сцены. Новым содержанием (контентом) наполнились и субкультуры. Однако, как это не парадоксально, именно измененная природа культурной реальности эпохи глобализации сформировала предпосылки для нового рождения молодежной культуры, которая, начиная с конца 1980-х гг., переживает настоящий ренессанс. Правда пространства, в которых она разворачивается, несколько другие.

Переформатированию молодежной культуры, ее превращению из структурного моратория в используемый ресурс коммерческой прибыли, способствовали глубокие сущностные изменения современной культуры конца XX в. Они и стали фундаментом превращения культуры – в стиль. Описывая особенности американского общества последней трети прошлого столетия, Дж. Сибрук использует понятие «культура супермаркета». Центральное действующее лицо – постоянно конструируемый через новые коммерческие медиа сети – *подросток потребляющий*¹. Хотя его суждения напрямую связаны с американской популярной культурой, многие из них можно, пусть и с определенной долей условности, применить и к нашей реальности. У нас эти процессы только начинаются, существуют скорее как тенденции, однако ярко демонстрируют траекторию дальнейшего развития. Автор описывает, как, через формирование новой культуры (культуры шума) происходит растворение представлений о высоком – элитарном, и низком – массовом в общем пространстве поп культуры². Шум – это коллективный поток сознания, «шумящий сумбур», объективированная, бесформенная субстанция, в которой смешаны политика и сплетни, искусство и порнография, добродетель и деньги, слава героев и известность убийц. Элитарная, высокая культура опиралась в свое время, на поддерживаемое экспертами понятие художественного и эстетического вкуса, сформированного на так называемых классических культурных образцах. До появления новой культуры *Шума* элита усиленно дистанцировалась от потребителей коммерческой или массовой культуры. Термины «высокое» и «низкое» были как раз тем языком, с помощью которого культура переводилась в статус, их противостояние – было своеобразной площадкой, на которой вкусовые различия переходили в кастовые. «Слова Highbrow (дословно – высокобровый) и Lowbrow (низкобровый) – это чисто американское изобретение, направленное на чисто американскую цель: трансформировать культуру в класс»³. До тех пор, пока коммерческая культура признавалась экспертами второсортной, те, кто ее потребляли, естественным образом занимали нижние ступени в социальной иерархии. В новой культуре возникает другое деление: не на элитарное и коммерческое, а на культовое и массовое. На смену понятия «качество», как критерия значимости произведения, приходит понятие «аутентичность», как критерий достоверности. В аристократической культуре (АК), основанной на вкусе, ценилась последовательность культурных предпочтений, а в культуре супермаркета (КС) – предпочтения, нарушавшие традиционную культурную иерархию. В АК содержание (контент) и реклама существовали отдельно, а в КС границы между ними уже не существовало. Автор цитируемой работы следующим образом выстраивает новый тип культурной иерархии в КС⁴: Индивидуальность – Субкультура – Культура мейнстрима – Субкультура – Индивидуальность.

Здесь отсутствует вертикаль, как например в АК, иерархия существует в трех измерениях, то есть эту схему можно рассматривать, начиная с любого из трех понятий. Как видно из этой схемы, субкультура начинает играть ту же роль, что высокая культура в АК, то есть

¹ Сибрук Дж. Nobrow: культура маркетинга, маркетинг культуры. М., 2005. Автор – известный американский журналист, проделавший карьеру от работы в элитарном глянцево-журнале «Нью-Йоркер» — до участия в качестве эксперта в создании и экспертизе MTV проектов.

² Культура Шума может еще быть названа культурой супермаркета, то есть перенесением в область культурного потребления идеологии, техник и практик массовых рыночных продаж.

³ Сибрук Дж. Nobrow: культура маркетинга, маркетинг культуры. М., 2005. С.38.

⁴ В АК иерархия была вертикальной и выглядела следующим образом: высокая культура – топ пирамиды, низкая культура – основание, а между ними – культура среднего интеллектуального уровня.

она становится источником новых тенденций в культуре вообще. Единственным общим стандартом становится аутентичность/индивидуальность. Важное условие попадания в мейнстрим – это умение адаптировать любой субкультурный контент к той или иной демографической или «психографической» рыночной нише. Ядром, центром КС, хотя и весьма обширным, становится мейнстрим, а аутентичность/индивидуальность – занимает периферийные позиции. С одной стороны культурная власть переходит от индивидуальных вкусов (экспертизы вкусов) – к авторитету рынка (ключевая фигура – тинэйджер, знающий, что будет модно завтра). С другой стороны – новые имена, идеи, находки – рождаются на «индивидуальных окраинах», в аутентичных поисковых лабораториях «культуры». С помощью рыночных механизмов аутентичность наделяется брендом и становится субкультурой, а потом – и новым трендом мейнстрима. Поэтому рядом с культурной однородностью мейнстрима постоянно возникают культурные окраины – маленькие театры, одноактные пьесы, самиздатовские журналы, музыкальные группы, разрушающие жанровые границы, малобюджетные фильмы, рэперы со своим стилем «правдивых историй», появляются Интернет сайт, на которых можно было читать стихи, которые ни один издатель не взялся бы напечатать. Благодаря МТВ и кабельному телевидению границы мейнстрима значительно расширились, в него начали входить авангардные художники. По мере того, как мультимедийные и Интернет технологии способствовали сокращению дистанции между художником и его потенциальной аудиторией, массовый рынок – бывший враг настоящего художника, начал приобретать некую целостность, становясь выражением предпочтений аудитории. Изменилось понимание авторства. Собственно сама идея уникальности художника как необыкновенного существа и творчества, как магического таинства начинают устаревать: ряды художников постоянно пополняются. Современный художник – это парадигма раскрытия в себе творческих способностей для любого жителя планеты.

Если суммировать сущность культурного переворота или культурной революции, победно шествующей по бывшему молодежному пространству, то ее можно выразить следующим образом. В так называемой классической культуре (АК) авторитетом был *эксперт*, опиравшийся на сформированный происхождением, образованием и воспитанием вкус (по определению – незаинтересованное, лишенное меркантильных соображений суждение). В контексте новой культуры супермаркета (КС) экспертом стал *тинэйджер*, потребности которого сконструированы и воспитаны *идеологией и стилем МТВ*. В первом случае, критерий вкуса – качество произведения, во втором – чувство рынка или рыночная интуиция. Главный герой прежней культуры – художник, второй – продюсер. Он знает рынок, владеет всем арсеналом техник продвижения «культурного продукта», имеет «нюх» на то, что будет принято целевой аудиторией и, следовательно – продано. В этом новом измерении субкультура играет роль посредника, рыночного лица (бренда) культурного мейнстрима. Процесс переформатирования общего культурного пространства, перевод культурной вертикали в многовекторную горизонталь взаимовлияний и соподчиненности, напрямую отражается в новых измерениях культурных молодежных сцен.

В российском контексте это, на мой взгляд, проявляется в расширении пространства попсы за пределы музыкальной культуры¹. При этом, «попса», как некий стиль или жизненная стратегия, становится точкой соединения молодежного мейнстрима и доминирующего (поддерживаемого властью) политико-культурного дискурса. Новая культурная революция проходит под знаком опопсовения культурного протеста. Ее агенты – молодежный мейнстрим, «нормальная, обычная» молодежь (крайнее крыло – гопники), поддерживаемые рас-

¹ Попса (сокращенно от «поп-музыка») – легкая музыка с примитивными текстами, предназначенная для танцев и развлечений, а также цех по ее исполнению и производству. Способ восприятия жизни в ее контексте отличают: принципиально коммерческое ориентирование культурных практик, упрощение и схематизация жизненных проблем, обывательская романтизация жизненных перипетий, примитивизация духовных интенций, снижение профессиональной требовательности, прагматичный дилетантизм, целенаправленное выравнивание имиджей раскручиваемых «звезд» до узнаваемого «среднего», отказ от аутентичности, акцентирование интимных банальностей.

ширяющейся коммерциализацией духовного производства, «приблатненной» эстетикой, политехнологическими экспериментами. Это новая революция связана с ослаблением роли и значения субкультур, а также сокращением «сроков жизни» культурного андеграунда в целом. В противостоянии неформалов – гопникам и наоборот проявляется эффект «перераспределения» субкультурного капитала, подготовленный ослаблением альтернативного влияния на формирование культурных солидарностей. Откровенная попса, вместе с «гопнической» (обывательской, патриархатно-местечковой) идеологией агрессивно вторглись в субкультурные контексты, что отразилось, например, на культурных симпатиях клубных (в большей мере нестоличных) аудиторий. Попсовый тренд проявился и в тиражировании имиджа «молодежности», приметами которого считаются активность, мобильность, оптимизм, склонность к риску, эксклюзивности. Эпатажность, экстравагантность, сексуальность, энергия, здоровое и красивое тело – становятся культовой атмосферой, стилем жизни, практикуемым далеко не всеми молодыми, зато довольно часто – зрелыми и пожилыми людьми. Динамичность современных потребительских рынков стимулирует формирование множества сегментов, помогающих уйти от жесткой регламентации жизненной позиции – можно чаще и легче менять свои идентичности, экспериментировать с ними, отбирать в «культурном супермаркете» то, что подходит, и то, что доступно, вырабатывая тактики защиты от рыночного изобилия. Экспериментирование с молодежными потребительскими аудиториями ведет к потере аутентичности стилей в собственно молодежных контекстах, превращая субкультурный капитал в товар наряду с другими. Неформальные субкультурные практики и солидарности не исчезают, но сокращаются сроки их аутентичной жизни, их преобразование, परिवаривание в попсовый вариант происходит стремительней, чем прежде.

В сознании большей части российского населения произошла принципиальная смена ценностных координат. Сознательно или вынужденно в качестве базовой направленности принимается не морально-нравственный императив, а ценность материального благополучия/минимума, которая наполняется разнообразным содержанием, в том числе и «субкультурным». При этом кардинально меняется его «классический» смысл. Так, например, скинхедовский прикид сегодня используется и гопниками (крайнее крыло – «отморозки») и неформалами (не только радикально настроенными молодежными формированиями национал-шовинистического толка, но и красными скинами). Стиль так называемого «гламура» имеет как богемно-элитарный, так и попсово-гопнический вариант. Субкультурное предложение вписалось в широкий потребительский супермаркет, где можно выбирать нечто похожее на «субкультурную классику», однако смысл и контекст ее использования формируется произвольно¹.

Особенностью реальной, а не символической (брендовой) молодости является стремление девушек и юношей обрести свое независимое пространство, отвоевать места для проявления собственной, не навязанной идентичности. Когда-то молодежь «вышла на улицы» и стала видимой, породив и само понятие социальной группы, и моральные паники вокруг «молодежи, как социальной проблемы». Молодежность присваивается в качестве жизненной стилистики все новыми и новыми потребительскими сегментами. Видимо, пришло время молодежи «покинуть улицу». Она убегает, формируя совершенно новый тип молодежной «комнатной культуры». Я не хочу сказать, что молодежь реально покинула публичные пространства, полностью реализуясь исключительно в частных сферах. В молодежной повседневности, в ежедневном проживании реальных проблем, не в меньшей степени, чем в публичной – яркой, эпатажной, открытой сфере, проявляются аутентичные культурные практики и жизненно стилевые стратегии современной молодежи.

Субкультуры в их классическом смысле практически исчезли с молодежных сцен не только Запада, но и России. Поп-культура, которая раньше была ориентирована преимущественно на молодых, стала достоянием всех возрастных групп. Культ детскости и молодости распространился в широкие массы, формируя общество, отказывающееся взрослеть, культу-

¹ Омельченко Е.Л. Поп-культурная революция или перестроенный римейк? Современный контекст молодежного вопроса // Неприкосновенный запас, 2006, № 45.

вирующее гедонистические ценности, желающее получать удовольствие «здесь и сейчас». Погруженность в настоящее освобождает от необходимости строить прогнозы, *молодежность* помогает преодолеть отчуждение, связанное с отсутствием веры в возможность социальных перемен и лучшей жизни¹.

Стили жизни формируются из разных источников, в зависимости от их доступности. Потеря субкультурной (групповой и индивидуальной) самобытной стилистики не означает того, что современная молодежь ограничена в ресурсах, с помощью которых она может создавать свою неповторимую и уникальную версию стиля. Стремительное развитие информационных технологий предоставляет ей ресурсы глобальной культуры, благодаря чему она получает значительные преимущества и наделяется определенной властью, создающей иллюзию контроля над собственной биографией. Однако эти преимущества довольно часто выглядят новыми способами стандартизации молодежного опыта. Далеко не все имеют доступ и могут пользоваться высокими технологиями, в то время как масс-медиа, особенно молодежное телевидение, всячески подталкивает молодых к пониманию того, что цифровой мир является необходимым и обязательным атрибутом молодого «тела»². Молодежь, по мнению С. Беста и Д. Келнера, оказывается затерянной в мире гиперреальности. Используя анализ популярной MTV-серию «Beavis and Butt-Head», ученые определяют подростков как «большой необразованный тинейджерский андеркласс, который вырос из брошенных семей. Он злой и сердитый, он сопротивляется и потенциально склонен к насилию, и ему совершенно нечего делать, кроме как включиться в социальный погром»³.

Вместе с ослаблением связи с семьей, возрастает влияние других авторитетов — масс-медиа и сверстников. Это ведет к тому, что материалом для конструирования идентичностей становятся потребление и жизненные стили. Благодаря глобализации происходит интенсификация мировых потоков, связывающих между собой отдельные локальности, культурное существование которых начинает зависеть от событий, происходящих на расстоянии многих километров, и наоборот. Вместе с глобализацией приходит виртуализация многих типов отношений, которые могут описываться в терминах «пространственно-временного сжатия» или «пространственно-временного дистанцирования». Этот процесс приводит к новым формам подавления индивидов и исключения тех групп, которые оказываются вне глобальных сетей. Глобализация активно включается в повседневность⁴. Современная молодежь социализируется в свете глобального знания, глобальных достижений и глобальных имиджей. Глобализация порождает новый тип социальной дифференциации — между теми, кто хорошо

¹ Понятие Запад используется здесь весьма условно, как отсылка к «Родине» возникновения и самому яркому и аутентичному периоду «субкультурного бума». За последние десятилетия субкультурные копии или «формы» одна за другой возникали на всех культурно географических территориях. Одной из первых реакций ученых и культурологов было стремление понять, являются ли они прямыми кальками своих западных (в основном — британских) прародителей, или имеют собственные культурные корни. Ученые новой волны пост-субкультурных исследований обратились к осмыслению влияния процессов глобализации на аутентичность культурных формирований (Pilkington, H., Jonson, R. Periphery youth relations of identity and power in global/local context // *European Journal of Cultural Studies*. 2003. 3. vol. 6. P. 259-285).

² Многие, казалось бы, преимущественно интеллектуальные товары, продвигаются на молодежный рынок через образ молодого тела — его привлекательность, сексуальность, здоровье. Особенно это заметно по рекламе мобильных телефонов и новых пакетов услуг от телесетей. Уникальными предложениями рекламы, обращенной к молодежи, становятся «сексуализированный» футляр, особая («продвинутая») музыка на мобильнике, встроенная фотокамера, которая запечатлевает интимные сцены. Телефон постепенно вписывается и в другие атрибуты молодежного «прикида»: сумки, ремни, рюкзаки, бейсболки, плавки и т.п.

³ Best, S., Kellner, D. *Beavis and Butt-Head: No future for postmodern youth*, in J.S. Epstein (ed.) *Youth Culture: Identity in a Postmodern World*. Oxford, 1998. P. 88.

⁴ Глобальные, как и локальные «фабрики» имиджей становятся все более сложными и многоступенчатыми. Чтобы сформировать имидж самого высокого уровня (например, знаменитости) нужно создать и поддерживать систему имиджевых иерархий. Это стимулирует развитие рейтинговой индустрии, сети профессиональных комментаторов, специализирующихся в определенной области. Например, набирающая силу и в России индустрия («фабрика») звезд, наглядно демонстрирует, как за три-шесть месяцев можно сделать любой имидж и поместить его в определенную нишу в общей иерархии знаменитостей. «Народных героев» создают также и в многочисленных «реалити шоу», список предложений для выбора объекта поклонения постоянно пополняется.

знаком с технологическими новшествами, и теми, кто нет. Однако даже те, кто не имеет прямого доступа к мультикультурному предложению, в какой-то степени все равно оказываются вовлеченными в это новое пространство. При этом глобализация лишь отчасти приводит к стандартизации и массовизации культуры, потому что на местах глобальные смыслы потребления могут использоваться для утверждения своей силы и власти в локальном контексте¹.

Индивидуализация означает преимущественную ориентацию на собственные силы, стремление к получению разнообразного жизненного опыта, понимание того, что личные достижения находятся в прямой зависимости от индивидуальных усилий, и что ответственность за выбор жизненной стратегии и ее реализацию лежит в основном на самом человеке. Поскольку ни компании, ни, тем более, социальные институты не позволяют в полной мере обрести самость, то принципиально важным для современной молодежи становится наличие собственного, приватного и защищенного личного пространства. Особая роль в этом контексте принадлежит своей комнате, что выражается, например, в заметном, по сравнению с прошлым, предпочтении проведения свободного времени не на улице, а дома, особенно если юноша или девушка имеют в своем распоряжении компьютер, телевизор и другие технические средства коммуникации. Особая роль в *детерриторизации* молодежного пространства и в активном конструировании глобальных стилей, основанных на музыке и моде, принадлежит масс-медиа. Групповой опыт современной молодежи не столь ритуализирован, как это было в прошлом: компании в меньшей степени зависят от обязанности поддерживать совместные традиции: посиделки, праздники, совместные обеды, выезды на природу, – участие в которых становится не таким регулярным. Группы сверстников по-прежнему значимы, однако во внутренних коммуникациях происходит сдвиг от общих – к личностным взаимоотношениям. Компании все чаще становятся смешанными, как в возрастном, гендерном, так и стилевом плане. Девушки и юноши в своих повседневных практиках отстаивают независимость, понимая ее как важное, а подчас и единственное пространство для самореализации. Однако, стремясь к независимости, они не чувствуют себя в полной безопасности, поскольку не ощущают особой поддержки со стороны формально организованных молодежных компаний (школьной, студенческой, дворовой, субкультурной), часто оказываясь изолированными не только от взрослого общества, но и друг от друга. Парадоксальность мира «постоянства неопределенности» заключается в том, что он предлагает очень большой выбор возможностей, но многие молодые люди оказываются на самом краю этого разнообразия, без защиты и страховки. В этой ситуации самым главным их «преимуществом» становится свободный доступ к продуктам массовой потребительской культуры.

Особая роль во взаимоотношениях современной молодежи и массмедиа принадлежит MTV. Этот интернациональный телевизионный брэнд превратился за последние 10 лет в идеального посредника, предлагающего не только глобальные продукты, но и позиционирующего их внутри сформированной атмосферы дружелюбия и хорошего настроения. Язык MTV характеризуется непостоянством и изменчивостью, что соответствует самоощущению молодежи с ее неопределенной социальной позицией. Исследователи современных молодежных аудиторий говорят о том, что благодаря особенностям языка и стилистики MTV многие другие медиа были «mtv-зированы». Интерактивность и свободный доступ для всех, специфика клиповой подачи материала, скорость и гибкость монтажа, превратила молодежную MTV-аудиторию в самых замысловатых потребителей. Способность к быстрому, обрывочному и сложному восприятию делает молодежь более чувствительной к такому типу информации, в целом характерному для современных коммуникаций. Особая роль в этих процессах принадлежит компьютерным технологиям и глобальной сети Интернет. Электронные масс медиа выглядят новыми колонизаторами молодежи, панику вызывает опасность развития «наркотической» зависимости от компьютерных игр, которые получают все большее и большее распространение. Компьютерные игры используются молодежью для осво-

¹ Пилкингтон Х., Омельченко Е. Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры. / Пер. с англ. О. Оберемко и У. Блюдиной. СПб., 2004.

бождения от социального подавления. Победы в компьютерных играх содержат ловушки: достигнув одного уровня, игроки попадают в ловушку следующего. Б. Грин говорит о том, что появилось новое поколение Нинтендо (названное по аналогии с игровой приставкой) – поколение тех, кто влюблен в компьютер¹. Молодежь Нинтендо, по мнению автора, полностью идентифицируются с компьютером. Ей представляется, что компьютеры — это они сами и есть, и что они с компьютером принадлежат одному поколению². Компьютерные игры не только вызывают привыкание, они участвуют в формировании идентичностей, погруженных в воображаемый мир, пребывание в котором становится для человека все более и более значимым. Цифровые технологии, по мнению этого ученого, социализируют поколение в массовом масштабе. Подавляющее большинство геймеров – это подростки от 12 до 17 лет, их жизнь строится в полном соответствии со сценариями постмодернистских субъективностей. Компьютер вместе с другими масс медиа становится ресурсом и фундаментом их повседневности. Поколение Нинтендо представляет собой специфический сегмент рынка. Не все молодые конструируют свои жизни в пределах этого понятия, большая часть молодежи не имеет доступа к компьютеру или ее доступ ограничен контролем со стороны других, чаще всего старших братьев или родителей. Например, фокусом исследования С. Мак-Наме были гендерные отношения и видеоигры³. Она пыталась понять, почему девочки исключены из анализа современной молодежной культуры и из дискуссии вокруг масс медиа. Ее исследование показало, что девочки любят играть в игры не меньше, чем мальчики, но их доступ к компьютеру и играм ограничен. Братья могут просто не пускать сестер к компьютерам. Поскольку молодежные культуры в целом переместились с улиц в дома, мальчики имеют больше возможностей для контроля над частным пространством дома, чем их сверстницы. Компьютеры и видеоигры оказываются тесно связанными как с распределением властных отношений внутри принятого в семье гендерного порядка, так и со стилями жизни молодежи.

Другое название поколению дает Д. Рашкоф⁴, который описывает современных молодых как «screenagers», или дословно «экранейджеров». Молодежь родилась, по его мнению, в мире, опосредованном телевидением и компьютерами, поэтому она способна научить взрослых тому, как адаптироваться к постмодернистской реальности. Если взрослые боятся фрагментарности глобальной культуры, то молодые впитывают ее с раннего детства, а медиа технологии помогают им развивать в себе эти качества. Поколение Нинтендо или экранейджеров может быть описано, с точки зрения Б. Грина и Д. Рашкофа, как гедонистическое, поскольку компьютерные игры используются для того, чтобы избежать скуки. Молодежь, таким образом, творит особую форму культуры, в которой она, как ей кажется, полностью контролирует свое время и где формой самоосвобождения становится интерактивность. Однако, контролируя свое время, молодежь вряд ли способна контролировать медиа, поэтому на самом деле рычаги управления находятся не в ее руках.

Для характеристики особенностей и последствий реформатирования молодежных культурных сцен конца прошлого — начала нынешнего века, мозаичности современной молодежной культуры, фрагментарности идентичности и исчезновении классических молодежных субкультур, западные ученые используют пример рейв-культуры. Ее описывают в контексте гедонизма, сиюминутного удовольствия и растворения молодежи в доминирующей культуре мейнстрима. Культуру рейва, по сравнению с субкультурными объединениями молодежи 60-х годов, называют формой «коллективного исчезновения» и даже «смертью

¹ Green, B., Reid, J.-A., Bigum, C. Teaching the Nintendo generation? Children, computer culture and popular technologies // in S. Howard (ed.) *Wired Up: Young People and the Electronic Media*. L., 1998. P. 19-41.

² Интернет и игровые сообщества включают в себя не только любителей игровых приставок. Среди них как отдельные стилевые группы выделяются еще геймеры, чатеры, кибер-спортсмены (констрайкеры, квакеры, крафтеры) и т.п.

³ McNamme, S. Youth, gender and video games: power and control in the home // in T. Skelton and G. Valentin (eds.) *Cool Places: Geographies of Youth Culture*. L., 1998. P. 195-206.

⁴ Rushkoff, D. *Children of Chaos: Surviving the end of the world as we know it*. L., 1997.

молодежной культуры»¹. Однако скорее нужно говорить не о смерти молодежной культуры, а об исчезновении той культуры, которая описывалась с помощью традиционных подходов. Для социологов изучение рейв-культуры интересно еще и тем, что путь ее развития во многом помогает понять особенности приобщения молодежи к популярной коммерческой культуре. Анализ истории развития рейва дает возможность увидеть, как активная институционализация молодежного досуга влияет на перерождение молодежной культуры в ее коммерческую форму. Современная рейв-культура тесно связана с рынком, поскольку именно благодаря сформированному брэнду, эта культура стала массовой и безопасной². Однако рейверы пошли дальше, преодолев субкультурность своего стиля и превратив его в культурную стратегию. При этом интересно, что частью молодых людей эта субкультура (как, например, и рэп) использовалась в качестве стратегии социальной мобильности³.

Потребительский опыт современной молодежи изменчив, они могут постоянно выбирать что-то новое в «стилевом супермаркете», опыт становится подобием экспериментальной лаборатории, молодые люди меняют культурные стратегии, поскольку не считают себя обязанными вечно принадлежать одной стилистике и ее идеологическим требованиям. Однако эта свобода остается иллюзорной. Именно на развитии этих «супермаркетов» делаются сегодня самые большие капиталы. Это поддерживается продвижением прямой и косвенной рекламы того, как молодые люди могут полностью удовлетворить свои амбиции за счет того, что они выбирают, покупают, и того, как «независимо» они конструируют свою «индивидуальную» идентичность и стиль. Походы по магазинам (шоппинг) становятся для части молодежи своеобразной культурной активностью, восполняющей недостаток коллективизма. Поэтому очень важно вслушиваться в сами молодежные интерпретации тех или иных практик, чтобы понять истинные мотивы потребления, которые на поверхности выглядят гедонизмом, а, по сути, являются чем-то совсем другим. Шоппинг-культура становится своеобразным культурным посредником в псевдо-сообществах. Эти пространства осваиваются молодежью вне родительского контроля, что помогает молодым интерпретировать то, кем они являются; а доступ к потребительскому рынку связывает их с возможностью испытать новую свободу, независимость и сделать свой выбор. Однако эта свобода доступна не всем. Есть разница между теми, кто может потреблять, и теми, кто только мечтает о потреблении. На разницу между потребительскими практиками молодежи большое влияние оказывают гендер, этничность, сексуальная ориентация, географическое расположение, социальный класс и, в не последнюю очередь, наличие физических ограничений. С учетом этих различий, молодежное потребление подчас может выглядеть не как сплошное удовольствие, а как источник болезней и психических расстройств. Для многих молодых потребительский гедонизм превращается в войну за то, чтобы, поддерживая определенный стиль, остаться в ряду

¹ Melucci, A. The ecstasy of disappearance // in S. Redhead (ed.), Rave Off: Politics and Deviance in Contemporary Youth Culture. Aldershot, Avedury. 1993. P.37.

² Рейверы – молодежь, которая субкультурно оформилась вокруг рейв-музыки. Начало развития этой культуры было положено в Великобритании в конце 80-х годов, когда распространилась музыка «эйсид-хаус», «черный» радикальный вариант диско. Огромное влияние на развитие данного направления оказали также технические достижения, негритянские традиции рэпа и диск-жокейские практики брейка (ритмических сбоев). Со временем оно переросло в огромную и влиятельную техно-культуру или сцену с множеством подстилей. Техно – это культура перенаселенных мегаполисов. Культ анонимности, обезличивания доведен в ней до предела. Основная масса техно-групп принципиально неразличима. Появление в техническом музыкальном оборудовании сэмплера, с помощью которого практически любой мог делать свою музыку из обрывков чужой, открыл новую эпоху в развитии субкультур. Культура рейва – это всеобщие бдения, экстази, пацифизм и унисекс. С ней связывают новые измерения клубных сцен. Первые рейв-вечеринки проходили в заброшенных амбарах, полуразрушенных заводах, на открытых пляжах. Постепенно рейв коммерциализировался, поэтому многими альтернативными молодыми людьми стал расцениваться как разновидность «техно-попсы». В новых коммерческих рейв-проектах могут принимать участие до двадцати тысяч человек. Часть рейверов соединилась с «ню-эйдж», остальные превратились в «клубных рейверов». Они стали доминирующей культурой, составив «продвинутой» часть молодежного мейнстрима.

³ Омельченко Е.Л. Субкультуры и культурные стратегии на молодежной сцене конца XX века: кто кого? // Неприкосновенный запас, 2004 № 36, С. 53-61.

сверстников и не стать аутсайдером. Особую важность эта потребительская «борьба» имеет для российской молодежи, растущей в своем большинстве в бедных, депривированных и просто не очень состоятельных семьях. Позиция этих юношей и девушек внутри групп, сконцентрированных на ценностях «дорогого» потребительского стиля, очень тяжелая и противоречивая. Особенно заметны имущественные и стилевые различия в столичных и элитных учебных заведениях. Однако даже когда молодые не могут приобрести то, что им хочется, недоступный, но желаемый потребительский уровень и соответствующий ему стиль жизни все равно играет важную роль в формировании их жизненных стратегий.

Идеологические аспекты молодежного потребления проявляются в том, что молодые люди могут получить все желаемое ими. Однако именно дифференциация в потреблении помогает сохранять и воспроизводить существующее экономическое и культурное неравенство. Развитие рынка зависит от массового производства и массового потребления, которое лишь принимает форму индивидуального, поэтому большинство молодежи остается под контролем. Конструирование их потребительской стилистики, так или иначе, происходит в рамках массового производства. Даже тогда, когда они «убегают» и начинают создавать что-то свое, их все равно, раньше или позже, настигает массовая молодежная индустрия. Так произошло со всеми субкультурными стилями, эпатажные находки которых были массово растиражированы индустрией молодежной моды, так случается и с альтернативными молодежными проектами, например, в музыке, которые с течением времени становятся «попсой».

Понятие «молодежной культуры» имеет более широкую функцию в обществе, чем просто социологический термин, используемый для описания особенностей групповых молодежных идентичностей. Этот термин – есть форма публичной фантазии, модель сферы досуга или свободы для любого желающего *хорошо проводить свободное время, чувствуя себя молодым и свободным*. Я уже писала о том, что происхождение понятия молодежной культуры своими корнями уходит в 1920-е гг., когда мир западной молодежи среднего класса – мир девушек и юношей (подростков) в атмосфере джаза и танцев – начал позиционировать себя и утверждать как обычный образ молодости. Постепенно с помощью стереотипизации этого образа в масс медиа, эта ассоциация становится «общим местом», своего рода клише. Молодежные интересы в моде, в ритуалах ухаживания, в практике свиданий, постоянное стремление молодых людей к использованию и сотворению новых стилей, подростковые дружба и любовь – все это становится популярными темами не только для большинства медийных проектов (ТВ, радио волны, гляцевые журналы), но и для развивающейся сети молодежного потребительского рынка. Рекламщики повсеместно начинают использовать молодежные имиджи чувственности, сексуальности, утонченности и беззаботности для того, чтобы продавать товары, в реальности ничего общего с молодежной культурой не имеющие: «Именно наш крем сделает вас моложе, чем сама молодость»!

Молодежная культура – не отдельное, отграниченное от другого общества пространство, а часть общей потребительской культуры, в которой люди постоянно провоцируются к покупкам, содержащим в себе «пилюлю» молодости, поддерживаются ожиданиями, что обладание именно этими товарами или услугами поможет им сохранить (продлить, вернуть) молодость. Разве в своей повседневной жизни мы действительно испытываем потребности в том, чтобы раз за разом покупать очередную модную одежду или менять мебель в квартире, постоянно экспериментировать с новыми диетическими продуктами, приобретать все новые и новые косметические и парфюмерные серии. Подобная потребительская активность – покупка самых разных аксессуаров роскоши (в смысле избыточности по отношению к реальным потребностям) – изначально иррациональная, основанная на фантазии, преувеличениях и внушаемости. Но именно подобная «иррациональность» взрослого удовольствия и продается лучше всего в одной «упаковке» с молодостью, ассоциирующейся со спонтанностью и постоянным fun-ом: «Доставь себе удовольствие, купи себе немножко молодости»!

Что происходит с подобными рекламными образами, когда значение молодежи как социальной категории перемещается из пространства безответственности, безрассудности и сво-

бодного выбора в пространство бесполезности существования и постоянного ощущения принуждения, когда молодежь начинает широко восприниматься не как потребительская группа, вызывающая зависть, а как волнующая трудовая проблема, провоцирующая жалость? На этот вопрос невозможно ответить. Коммерческий имидж молодежи продолжает демонстрировать себя в журналах, на рекламных щитах и в видеоклипах, эксплуатируясь еще более тонко, художественно изоциренно и достаточно эффективно, проблема возрастных переходов выглядит еще более запутанной. Смена имиджей, стилей, модных ориентаций, замешанных на теме молодости, происходит невероятно стремительно, причем в самых разных направлениях, формируя новые модели отношения к ним. Довольно часто, поэтому сами взрослые, занимающиеся подростковой индустрией (поп культурой, модой и молодежным бизнесом), говорят о «конце века подростков» или «смерти молодежи». Однако это не означает, что модная коммерческая (в том числе, и рекламная) индустрия перестает черпать из идеи молодости новые силы для развития своих товаров и услуг, формируя иррациональные потребности, усложняя виды и формы потребительской активности на рынке. Идея молодости в современном мире давно уже не является столь очевидно и однозначно прикрепленной к некоей возрастной группе, а стала чертой, акцентом, фокусом мировой культуры в целом.

И все таки, молодежь существует и она будет творить (в соответствии со своими классовыми, гендерными, географически-территориальными и этническими позициями) «молодежную культуру» как способ понимания собственных жизненных ситуаций. Теряя социальный приоритет в единоличном обладании идеей молодости, молодежь, тем не менее, не лишается и, конечно же, не лишится качества перехода от одной социальной позиции к другой. «Век подростков» дал невероятно сильный толчок развитию всей современной индустрии моды, которая уже сама начинает во многом определять и формировать новые векторы в молодежной культуре. Выделить некие субкультуры в этой ситуации становится все более и более сложно, а определить субъектов воздействия практически невозможно. Помимо дорогих бутиков, продающих новейшие модели одежды, навешанные субкультурными стилями, распространяются и маленькие дешевые магазинчики, продающие не массовые, а достаточно индивидуальные серии одежды, отзываясь на возрастающие потребности в поиске аутентичности. Магазины «выходят» на улицы, за пределы избранного пространства, упрощая и демократизируя процесс общения покупателей и продавцов. Поощряются уличные рынки более дешевой, но достаточно качественной продукции. Все большую популярность завоевывают среди молодежи шоппинг-центры с их «необязательностью» традиционного покупательского поведения. Пространство «вынужденного» досуга молодежи продолжает заполняться новыми и новыми культурными выборами.

И последнее. Не исключено, что скоро появится понятие/термин «пенсионная культура/субкультура», потому что, вследствие падения рождаемости и продления сроков жизни, именно пенсионеры, а не молодежь станут основным потребительским субъектом, от культурных выборов которых, будет зависеть общественное благополучие. В поиске новых потребительских сегментов и рыночных ниш, культура супермаркета освоит любые типы потребностей, если их удовлетворение будет сулить прибыль.

Орлова В.В. (ТУСУРЭ, Томск)

Ценностные приоритеты молодежи в сибирском регионе

Радикальные политико-экономические преобразования влекут за собой изменения ценностно-нормативной базы и общества в целом, и отдельных социальных групп, В первую очередь это касается молодого поколения. Молодежь, с одной стороны, быстрее адаптируется к новым условиям и соответственно имеет больше шансов на реализацию активной жизненной стратегии и достижение успеха, а с другой – она более подвержена деструктивному влиянию последствий макросоциальных процессов. Сегодняшнюю ситуацию в стране можно определить как промежуточную между старой системой ценностей, которая дает существенные сбои, и новыми ценностями, которые только зарождаются. Это время, когда каждому приходится определять для себя смысл и направление своей жизни. Молодежь острее других социально-демографических групп чувствует меняющиеся общественные настроения и больше

расположена к политическим новациям. И она же находится в положении объекта и субъекта социализации, посредством которой собственно и становится личностью.

В процессе социализации особое значение приобретает проблема ценностных приоритетов молодежи, среди которых, на наш взгляд, можно выделить духовно-нравственные и социально-правовые. Проверке этой гипотезы было подчинено проведенное автором в 2007 г. социологическое исследование «Традиции и ценности молодежи». Общий объем выборки составил 358 человек в возрасте 17-26 лет. В соответствии с многоступенчатой, целенаправленной квотной выборкой были включены пять из шестнадцати районов Томской области, г. Томск. На первом этапе применена территориальная случайная выборка. На втором отображены населенные пункты в каждом районе также на основе случайной выборки. На третьем – использован метод гнездовой выборки. В соответствии с имеющимися статистическими данными и задачами исследования опрос проводился среди студентов вузов и молодежи села, инженерно-технической интеллигенции; гуманитарной и творческой интеллигенции (аспиранты, ассистенты, молодые преподаватели); работников сферы бытовых и интеллектуальных услуг; предпринимателей малого и среднего бизнеса (24-26 лет). Кроме того, проведен опрос экспертов (индивидуальное формализованное интервью, 25 человек). При отборе экспертов учитывались их компетентность, область профессиональной занятости.

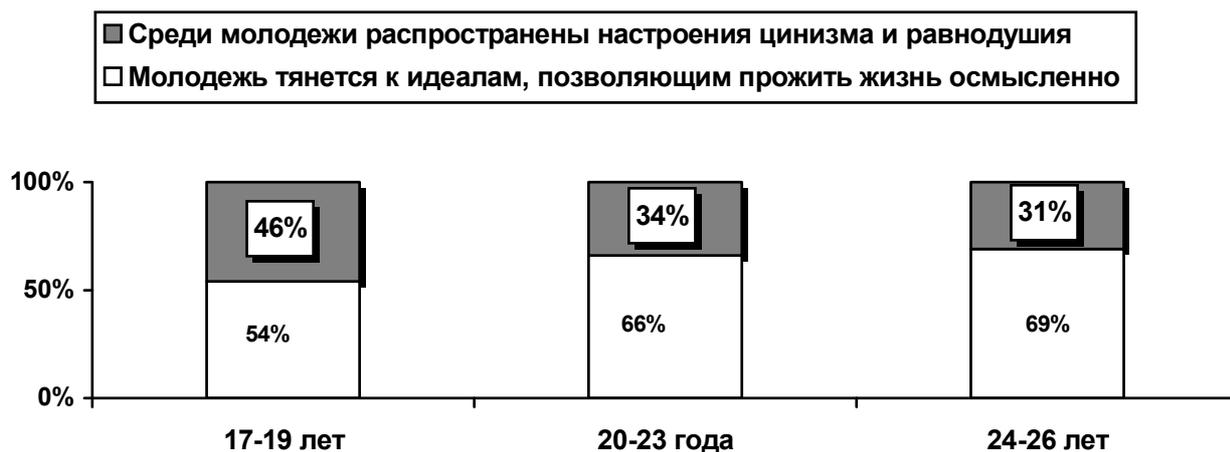
Для получения сравнительной информации применялся вторичный анализ результатов изучения ценностных приоритетов молодежи новой России, ряда исследований по социологии образования, проведенных Центром социологии образования под руководством В.С. Собкина.

Духовно-нравственные ценности, занимая в структуре ценностей приоритетное положение, образуются единством морального сознания и моральной практики. Моральное сознание, включающее в себя социальный (объективный) и личностный (субъективный) аспекты, выглядит как комплекс оценок, отражающий действительность сквозь призму одобрений и осуждений, и выражается в осмыслении нравственных норм, оценке явлений окружающей действительности, нравственном сопереживании. Оно включает в себя также взгляды, идеи, представления, идеалы, принципы, убеждения, нравственные чувства. Нравственное поведение – совокупность форм повседневного поведения человека, в которых находят внешнее выражение моральные ценности и ориентации индивида. Сознание определяет содержание поступков, а поведение раскрывает его. Во взаимодействии моральное сознание и поведение определяют содержание духовно-нравственных ценностей личности (социальной группы), уровень духовно-нравственной культуры. Духовно-нравственные ценности молодежи понимаются как *знания и убежденность в их значимости для людей; воплощение этих знаний и убеждений в практической деятельности.*

Происходящие в последние два десятилетия в стране процессы изменили многое не только в экономике и политике, но и в обыденной жизни каждого человека, в отношениях между людьми, в понимании того, что сегодня есть жизненный успех, какие цели надо перед собой ставить и какими средствами достижения этих целей можно пользоваться. У многих россиян складывается мнение о полной и безвозвратной утере нашим обществом и его гражданами нравственных норм, о том, что эрозия морали достигла критической точки, за которой грядет духовное перерождение, а точнее – вырождение России. Сравнение оценок, даваемых представителями отдельных возрастных подгрупп наших респондентов, свидетельствует, что распространение среди молодежи настроений цинизма и равнодушия к идеалам в наибольшей степени ощущается среди самых юных сограждан (См.: Рис.34).

Как видим, в группе в возрасте 17-19 лет склонность молодежи к цинизму отмечается чаще – почти каждым вторым (среди 20-23-летних – чуть больше трети, и среди 24-26-летних – чуть меньше трети опрошенных). Напротив, представители «старшей молодежи» настроены не столь пессимистично, среди них 7 из 10 уверены, что их сверстники тянутся к идеалам, позволяющим прожить жизнь осмысленно (при 2 из 3 – среди 20-23-летних и чуть больше половины – среди 17-19-летних респондентов).

Рис.34. Отношение молодежи к идеалам

Как показал опрос, понятия морали и нравственности приобретают зачастую характер анахронизмов, пользоваться которыми – значит обречь себя на неуспех.

Рис.35. Оценка молодежью моральных норм

Так, немногим менее половины опрошенных представителей молодежи (48%) согласились с утверждением, что сегодня мы живем уже совсем в другом мире, отличном от того, что было раньше, и многие традиционные моральные нормы уже устарели. Противоположной точки зрения придерживается большинство молодежи: 52 % уверены, что основные моральные нормы не подвержены влиянию времени и всегда остаются актуальными и современными. Нельзя не признать, что современные жизненные реалии достаточно суровы и подвергают нравственность молодежи серьезным испытаниям на прочность. В ходе опроса многие респонденты признают, что трудности, с которыми им приходится сталкиваться в разных сферах жизни, вынуждают их к серьезной «инвентаризации» ценностей. В результате большинство молодежи (55%) сегодня вынуждено признать, что их успех в жизни во многом зависит от умения вовремя закрыть глаза на собственные принципы и соглашаться с тезисом, что «современный мир жесток, и, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать моральные принципы и нормы». Противоположной точки зрения, что лучше не добиться успеха, но не переступить через нормы морали, придерживаются 44% молодежи.

Чем молодые готовы пожертвовать во имя успеха, к чему они могут отнестись снисходительно, остались ли в современном российском обществе какие-либо нравственные табу?

Как показало исследование, молодежь демонстрирует достаточно высокий морально-нравственный уровень, во всяком случае, на словах. В отношении большинства поступков и явлений, которые принято считать аморальными или, по меньшей мере, неэтичными, более половины опрошенных высказываются резко негативно и заявляют, что они никогда не могут быть оправданы. В числе безусловных табу – заброшенность и беспризорность детей, же-

стокое обращение с животными, употребление наркотиков, измена Родине¹. Далее в числе табуированных действий также отмечаются: приверженность к гомосексуализму, публичное проявление неприязни к представителям других национальностей, обогащение за счет других. Кроме того, значительная часть опрошенных считает недопустимыми хамство, грубость и использование нецензурной лексики, пьянство и алкоголизм, деловую необязательность, проституцию, супружескую измену. Вместе с тем оценка некоторых традиционно осуждаемых явлений сегодня пересматривается, они отрицаются уже не так безусловно. Например, заметный «дрейф» в направлении от осуждения к оправданию наблюдается по отношению к уклонению от уплаты налогов, даче/получению взяток, абортam, уклонению от службы в армии и др.

Безусловно, декларирование приверженности тем или иным нравственным нормам далеко не тождественно тому, как люди ведут себя в реальной жизни. В ходе опроса респондентам специально задавался вопрос, приходилось ли лично им делать что-то из того, что обычно принято считать неэтичным, аморальным. В частности, 7% признались, что пробовали наркотики, 1% – делали это часто. Еще 8% заявили, что сами наркотиков не пробовали, но других за их употребление не осуждают. 31–45% молодежи не считают зазорным использование сексуальных связей в корыстных целях, уклонение от налогов и дачу взяток. О личной практике нарушения запретов в сфере экономических отношений говорило примерно одинаковое число респондентов 24–26 лет – 5% уклонялись от налогов, 13% давали взятки.

Сложившаяся в российском обществе ситуация общей незащищенности прав населения в целом проявляется и в отношении молодежи. Так, результаты социологического исследования, проведенного Центром социального прогнозирования под руководством Ф.Э. Шереги в 2004 г., показывают, что, по мнению молодых людей, права личности в российском обществе защищены слабо, а порой и вовсе не защищены государством и его органами. Позиция по поводу защищенности своих прав «дифференцируется дихотомически»: положительную оценку степени защищенности своих прав дали 35%, отрицательную – 65% молодежи. С выводами Ф.Э. Шереги солидаризируется и Е.А. Певцова, которая отмечает, что современная российская молодежь склонна оправдывать свою активность во внеправовом пространстве повсеместным нарушением в обществе прав человека².

В современных индустриальных обществах молодым людям очень трудно проявить себя, самоутвердиться. Поиски самого себя, своей индивидуальности и социального статуса осложняются обилием вариантов выбора. Сегодня молодой человек созревает гораздо раньше, «насыщаясь» знаниями. Но положение его в обществе характеризуется тем, что он не может сказать свое взрослое «Я» в связи с отсутствием весомого участия в институтах взрослых. В первую очередь, это связано с длительным периодом овладения профессией. В результате самостоятельность приходит к молодым людям очень поздно: нет профессии и собственного жилья, материально многие зависят от родителей. Попытки молодежи включиться в общественные структуры ставят ее перед необходимостью поиска альтернативных каналов интеграции и выбора между самореализацией в социально одобряемых формах (учеба, труд) и самоутверждением в рамках молодежной культуры. Российская молодежная субкультура формировалась под влиянием западных «моделей», но в современном состоянии приобрела свои особенности. Искусственное отчуждение большей части общества от молодежных субкультур вело к тому, что в России нашлись «референтные группы по связям с молодежной общественностью». Криминальный мир, недобросовестные политики, заинтересованные производители молодежных товаров и услуг при помощи СМИ и рекламы манипулируют желаниями и потребностями молодых людей, формируют выгодные им стереотипы социаль-

¹ Данные по РФ приводятся по: Молодежь новой России: ценностные приоритеты. Аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с представительством фонда имени Ф. Эберта в РФ. М., 2007. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://isras.ru/analytical_report-Youth.html.

² Шереги Ф.Э. Социология девиации: прикладные исследования. М., 2004. С. 325–326; Певцова Е.Л. Воздействие современной социальной среды на правовое сознание школьной молодежи (теоретико-правовые аспекты) // Государство и право. 2006. № 12. С. 111–112.

ного поведения и потребления. Вместе с тем, как показало наше исследование, у современной молодежи сохраняется ориентация на общечеловеческие, духовно-нравственные ценности и в меньшей степени обнаруживается влияние западных, прагматических ценностей. Значительное место стали занимать ценности семьи (82%) и самореализации (61%). Профессиональная самореализация стала важным составляющим в представлении молодежи о жизненном успехе (65%). Анализ устремлений современной молодежи позволяет говорить о группах в возрасте от 17 до 26 лет, различающихся своими ценностными приоритетами, для большинства молодежи безусловными остаются ценности семьи и работы или иной вариации: когда работа желаемая и интересна или когда она дает возможность достичь материального благополучия. Молодые планируют многого добиться в жизни, при этом рассчитывают на свои силы, полагают, что материальное положение человека зависит, прежде всего, от него самого: в этом убеждены 67% респондентов.

Доля молодежи, которая работает на предприятиях государственного типа собственности, растет по мере увеличения возраста. При этом материальное положение работающих на частных предприятиях оказывается лучше, чем у тех, кто работает на государственных. Но они реже работают по той специальности, которая указана у них в дипломе. В целом только около половины молодежи на период исследования работала по полученной специальности. Чаще всего работа соответствует полученной специальности у молодых специалистов с высшим образованием. Наибольших успехов в работе добиваются молодые жители города – среди них больше доля тех, кто уже получил интересную и престижную работу, смог построить карьеру или открыть свое дело, заняться любимым делом. В этом контексте выделяется более взрослое поколение молодежи, а также предприниматели, специалисты с высшим образованием и молодые руководители.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о том, что в формировании социального капитала молодежи важную роль играют знакомства и поддержание связей с людьми, которые могут повлиять на получение хорошего образования, удачное трудоустройство, продвижение по карьерной лестнице. При этом объем и характер социального капитала зависят также от социального положения человека, его места жительства, материального благосостояния, уровня образования и профессионального статуса. В поселениях различных типов складываются разные модели образования и занятости молодежи, что приводит к различным жизненным шансам. Образование, полученное молодежью в государственных вузах, чаще соответствует их дальнейшей работе, в то время как молодым людям из областных центров, обучающимся в филиалах вузов приходится работать не по специальности, а половине сельской молодежи не удается работать вообще. Такая ситуация может привести лишь к увеличению уже существующих социальных неравенств молодых жителей населенных пунктов различных типов. В отношении неправовых практик выделяются три группы молодежи – предприниматели, которые наиболее активно прибегают и к даче взяток, и к уклонению от налогов; молодые специалисты, которым реже, чем предпринимателям, но все же чаще, чем остальным, приходится использовать такие меры; рядовые работники, которые в большинстве своем выступают последовательными противниками подобных действий.

Основной страх молодых сибиряков – остаться без средств к существованию и сопряженные с ним опасения потерять работу или не суметь ее найти. Зато по мере достижения индивидуального материального благополучия жизнь им стала нравиться больше, чем по оценкам десятилетней давности. Молодежь много раскованней строит планы на будущее. При этом она не столько говорит о желаниях достичь успехов, сколько полагает, что ей по силам это сделать. Для реализации жизненных планов она готова предпринимать активные действия, будучи уверена в том, что человек сам в ответе за свою судьбу.

Охотников О.В. (УрФУ, Екатеринбург)

Постулаты марксистской парадигмы в истории социологии

Парадигма (от греч. – «эталон», «образец») – термин, который в XX в. реанимировал в качестве методологического принципа анализа истории научного знания Т.С. Кун. Автор

«Структуры научных революций» придал этому понятию двуединое значение. Во-первых, «парадигма» – это общая научная теория, объединяющая на данный момент развития той или иной области знания всех ученых-специалистов в этой сфере. Во-вторых, «парадигма» – это само сообщество ученых, разделяющих общую теорию в данной области знания. Поскольку предметом анализа Т.С. Куна была и остается история естествознания, постольку он делает совершенно справедливый акцент на временности парадигмы и, следовательно, на поступательном характере смены парадигм. Однако в случае с гуманитарным знанием возникновение новой парадигмы отнюдь не означает преодоление предшествующей. В истории гуманитарных наук парадигмы «рядоположены», сосуществуют одновременно и даже не всегда представители разных «школ» полемизируют друг с другом. Можно смело утверждать, что мультипарадигмальность – одна из существеннейших характеристик бытия гуманитарного знания. Это в полной мере относится и к истории социологии.

Опираясь на методологический принцип, относительно периодизации истории социологии, предложенный Г.Е. Зборовским (единство временного, пространственного и содержательного критериев), мы можем локализовать существующие сегодня парадигмы построения самой истории социологии. Каждая парадигма может быть описана следующим образом:

- постулаты, определяющие единство теории и разделяемые всеми сторонниками;
- эволюция взглядов и, следовательно, неизбежно возникающий круг вопросов полемического характера внутри самой парадигмы;
- локализация по национально-географическому признаку.

Делая предметом анализа различные варианты описания истории чего бы то ни было, мы задаемся не только и не столько методологической проблематикой, сколько оказываемся в ситуации «метанауки». Вряд ли сам К. Маркс и его последователи задавались подобным уровнем рефлексии. Это не входило в их задачу. Поэтому, естественно, у основателей марксизма не существует текста, который бы содержал принципы построения историко-социологического знания. Однако не только сам К. Маркс высказывался по поводу тех мыслителей, которые определили историю социологии (некоторые труды, ставшие впоследствии классическими, получили детальный разбор в работах Маркса), но, что еще важнее, общая концепция исторического процесса, его «социология истории» вполне экстраполируется и на историю науки. В базовых принципах она и была воспринята его последователями, что и позволяет говорить о четко очерченной парадигме марксистского толка. Постулаты:

1. Гегелевский принцип «единства исторического и логического». История имеет смысл. История развивается по определенным законам, зная которые, мы можем даже предвосхитить ход истории. Для истории социологии из этого следует, что идет процесс поступательного накопления знания, все более дифференцированного и усложненного. Поскольку Маркс уже открыл законы развития истории, то он дал социологам методологию – анализа и направление поиска. После К. Маркса поиск в социологии должен вестись целенаправленно, тот, кто ведет исследования в другом направлении, поступает против здравого смысла.

2. «Эссенциализм» – поиск сущности. За каждым явлением «скрыта сущность». «Сущность должна являться» (Гегель). Историк должен спрашивать не о причинах и функциях, а о «сущности» историко-социологического явления.

3. Поскольку для марксистов наука – одна из форм общественного сознания, а общественное сознание, в свою очередь, никогда не индифферентно, но всегда классово ангажировано, то любая социологическая теория должна оцениваться с точки зрения своей идеологической нагруженности.

4. «Социологический детерминизм». История науки это не история талантов, имен, персоналий. «Единица — ноль...» (В.В. Маяковский). Каждая социологическая теория и порождается объективным ходом развития общества, и отвечает на потребности или прямой заказ определенной части общества, и только с этой точки зрения она имеет ценность.

Основание и критерий сравнения в методологии историко-социологического анализа

Мультипарадигмальный подход к истории социологии необходимо предполагает сравнение выделяемых парадигм. Каждая модель построения историко-социологического знания опирается на свое понимание предмета, метода социологии и, соответственно, выделение основных ее направлений в истории. Такая постановка проблемы неизбежно приводит нас к общеметодологическому вопросу о соотношении понятий «основание» и «критерий» сравнения. Вопрос о критериях сравнения в методологии историко-социологического анализа настолько же сложен, насколько запутан. Путаница происходит от того, что, на наш взгляд, часто, говоря о критериях, на самом деле имеют ввиду основание для сравнения, и наоборот, когда спрашивают, на каком основании проводится сравнение, подразумевается, что отвечающий должен говорить о критериях. Совершенно очевидно, что это не одно и то же. Поэтому, чтобы добиться максимальной ясности по этому вопросу, необходимо развести эти понятия.

Основание – необходимое условие сравнения, точнее самой возможности этой операции, то, благодаря чему мы можем выявлять различия и схватывать сходство. Это некий общий «знаменатель» для сравниваемых предметов. В этом смысле основание сравнения – это всегда единство. Одна из важнейших и даже сущностных характеристик этого единства – объективность. С одной стороны, возможность сравнения вытекает уже из того, что вне нас, объективно существуют «единицы сравнения», то есть то, что мы сравниваем. Например, возможность сравнивать тексты социологического содержания основывается уже на том, что, во-первых, эти тексты существуют, а, во-вторых, исходя из нашего интуитивного представления о том, что такое социология, мы говорим, что они /тексты/ социологические. С другой стороны, «разлитая» вокруг нас объективность определяется нами только в отношении к «единству сознания», которое, в свою очередь, тоже объективно, так как представляет собой одну из граней этого мира. По Канту, феноменальный мир структурируется сознанием субъекта, но за ним есть что-то объективное, что с необходимостью приводит именно к такому структурированию. Это и есть «единство сознания», тот эталон, та шкала, по отношению к которой «выстраивается» этот мир, другими словами фундаментальное основание любого сравнения.

Кант относил сравнение к базисным логическим операциям рассудка. Без сравнения невозможны ни рефлексия, ни абстрагирование. Поскольку объективное основание существует с необходимостью (это, кстати, во многом объясняет феномен конвенциональности), то можно утверждать, что сравнимость абсолютна, так как это основание универсально, а несравнимость относительна. Но будут ли результаты сравнения объективны? Будут ли они обладать всеобщностью и необходимостью? Нет, так как при объективности основания критерии сравнения всегда субъективны. Критерий – это признак, по которому сравниваются выбранные единицы. Признаки всегда выбираются произвольно, в зависимости от целей сравнения. Существует свобода исследователя определять что и как сравнивать в соответствии с теми задачами, которые диктует исследование. В этих рамках и можно говорить о выборе критериев сравнения, и это объясняет, почему результаты сравнения никогда не поднимались выше их показа. Сравнение только демонстрирует специфику. Процедура определения – тоже сравнение, выявление специфических сторон определяемого. Поэтому древние имели право сказать: «Сравнение не есть доказательство». Вместе с тем, результаты сравнения не есть суждения вкуса, которые полностью эмпиричны. Критерии сравнения при всей их субъективности есть реализация априорных форм разума, т.е. идей, которые, как показал Кант, хоть и не обладают всеобщностью, но руководят действиями рассудка. В отношении истории такой идеей может быть идея движения, процессуальности. Рассудок обобщает, но история занимается изучением индивидуальностей. Из этого тезиса исходили неокантианцы баденской школы. Сравнение, как уже было показано, и есть выявление различий, т.е. индивидуализация. Значит критерий сравнения – это реализация идей разума.

Кантовская критика, его ревизия способностей познания, его проверка «чистого разума» на обоснованность претензий последнего очень привлекательна для всех, кто занят поиском научности в науке. Не избежали этого и мы. Но вопрос о том, как возможна история социологии в качестве науки, – это вопрос о том, в каких формах возможна история социологии, поэтому это вопрос, рядоположенный со многими другими, а именно: «как возможна история социологии в качестве не науки?» или «как невозможна история социологии в качестве науки?» и так далее. Мы сформулировали эти вопросы, чтобы понять, что в данном случае, если речь идет о вариациях тех форм, в которые может быть облечено знание, то понятно, что это знание претендовать на научность не может. Но для историко-социологического знания осознание методологической основы очень важно. Мы мыслим схемами. Какими бы анти-сциентистами мы ни были, мы все равно не уйдем от схем, хотя бы потому что вынуждены выражать свои мысли в языковых структурах. Но в основе структурирования опять-таки лежит сравнение. В этом контексте понятна мысль Гельвеция: «Всякая новая мысль – новое сравнение». Поэтому осознание метода необходимо, независимо от ответа на вопрос о научности истории социологии. Все историко-социологические исследования, так или иначе, основаны на сравнении, так почему бы не делать то же самое, но осознанно?

Пасовец Ю.М. (КурскГУ, Курск)

Общие черты и региональная специфика социального портрета молодежи России¹

Молодежь – социально-демографическая общность с характерными возрастными, социально-психологическими особенностями и ценностями, которые обуславливаются уровнем социально-экономического, культурного развития, спецификой социализации и индивидуализации в обществе. Социальный портрет молодежи характеризуется свойствами ее социального положения и статуса. В современных социокультурных условиях молодежь выступает значимым социальным субъектом, выполняющим особую роль в социальном производстве и воспроизводстве. Специфика социальной субъектности молодежи определяется процессами интеграции в общество. Под социальной интеграцией понимается характер связей между обществом (как целым) и молодежью (как его частью), направленных на поддержание и воспроизводство устойчивых общественных отношений и целостности общества; совокупность процессов, определяющих различные формы внутригруппового единства молодежи².

Целесообразно говорить о молодом поколении как части социально-возрастной (поколенческой) структуры общества. В таком ключе, молодежь предстает в качестве относительно монолитной общности, интегрирующими признаками которой выступают ее возрастные границы (14-30 лет), специфика социального положения и социальных функций, особенности сознания и поведения молодых людей. Но, несмотря на наличие интегрирующих признаков, молодежь оказывается внутренне неоднородной, сложно дифференцированной общностью, внутри которой имеют место различия по уровню материальной обеспеченности, основным видам деятельности (учеба, работа, вторичная занятость), уровню образования, дееспособности и деликтоспособности, степени престижности профессии и другим статусным характеристикам. Социальный статус включает оценку индивидом (группой) своего места в обществе в сравнении с положением других людей и оценку деятельности индивида (группы) со стороны общества, выражающуюся в определенных количественных и качественных показателях (зарплата, награды, привилегии и др.).

Неравенство социальных статусов в обществе определяет социальную стратификацию молодежи: интегрированность в структуры и отношения социума отражает связи и процессы, которые характерны для общества в целом. Основной критерий внешней дифференциации молодежной общности – стратификационный фактор, связанный с социальным происхождением и статусом молодых людей. Помимо внешней стратификации, сопровождающей социальную интеграцию, молодежь подвергнута и внутренней дифференциации. К ключевым параметрам последней относятся возрастной (подростки – до 18 лет, молодежь – 18-24 года,

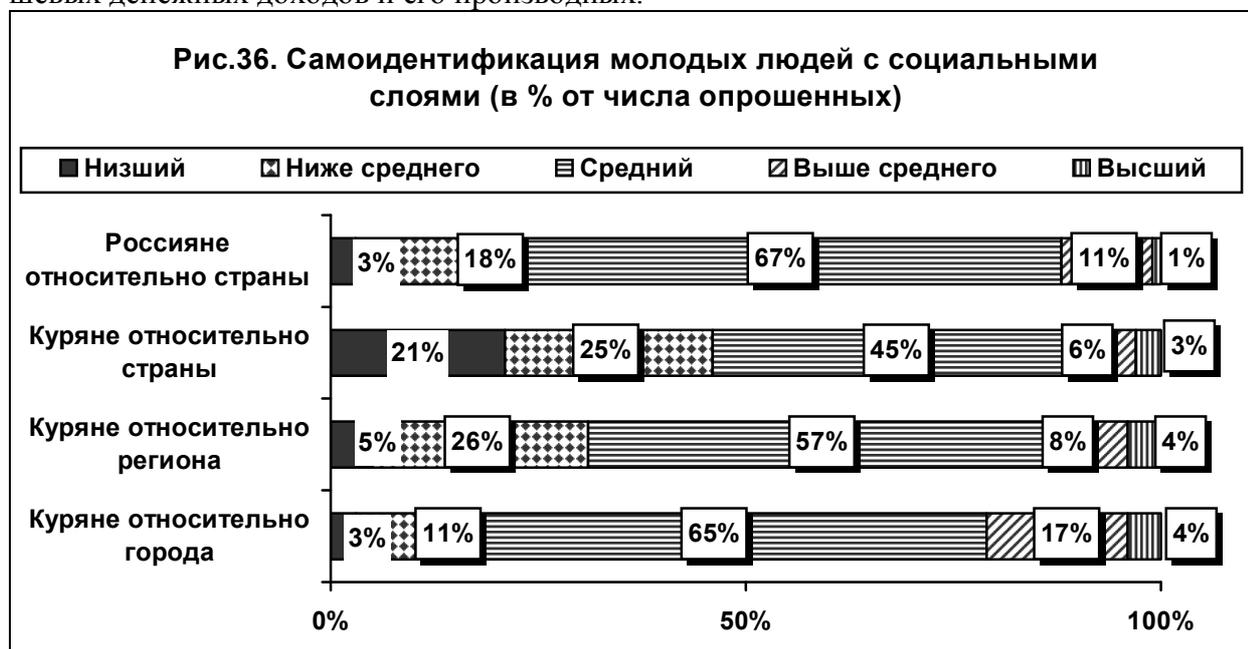
¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (М 08-03-00498а).

² Зубок Ю.А. Исключение в исследовании проблем молодежи // Социс. 1998. № 8. С. 47.

«молодые взрослые» – 25-29 лет) и субкультурный (различные ценностные ориентации, образ и стиль жизни) критерии. Современное российское общество характеризуется углублением материальной дифференциации и сохранением бедности. Выявление и анализ имущественной стратификации молодежи (как в общероссийском, так и региональном контексте) представляют особый интерес.

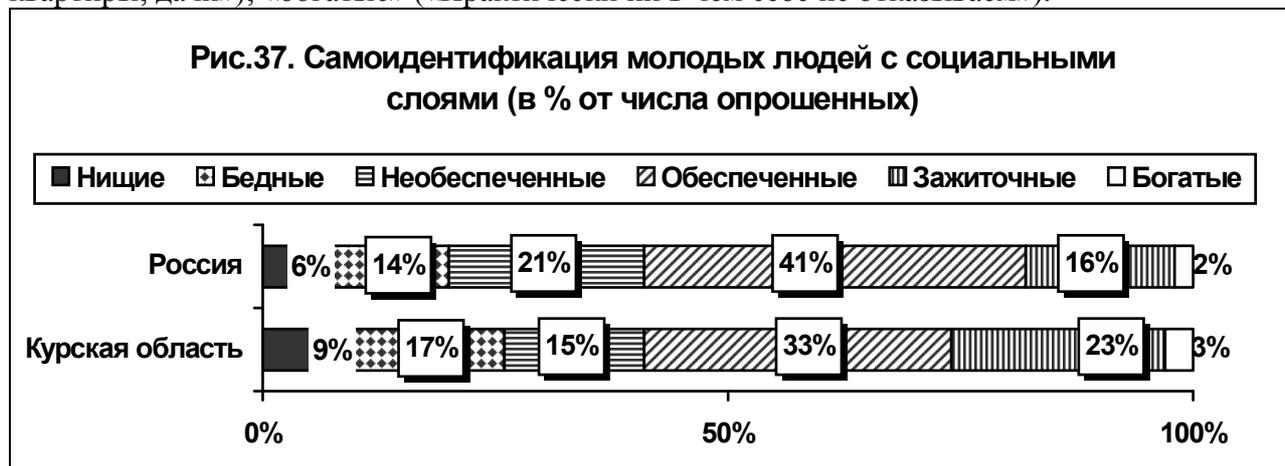
Результаты исследований¹ показали: большинство молодежи относит себя к среднему слою. В российском масштабе как среднюю охарактеризовали собственную позицию в социальной иерархии 67 % молодых респондентов, в регионе – 57 % (здесь и далее рассматриваются валидные проценты). Второй по численности социальный слой внутри молодежной общности, выделенный на основе субъективных оценок, – слой «ниже среднего». С ним идентифицирует себя практически каждый пятый молодой россиянин и каждый четвертый курянин в возрасте от 18 до 29 лет. К низшему слою относят себя 3 % молодых россиян и 5 % курской молодежи. Самым малочисленным среди российской и региональной молодежи оказывается высший слой: 1 % и 4 % соответственно.

В исследовании выявлено, что с расширением территориальных рамок социального сравнения доля молодежи, идентифицирующей себя со средним классом, снижается практически на треть; количество молодых людей, причисляющих себя к слою выше среднего, уменьшается в 2,8 раза; сокращается число региональной молодежи, называющей себя представителями высшей страты, на 42 %. В то же время резко возрастает численность низшего слоя (с 3 % на уровне поселения, в котором проживает респондент до 21 % в масштабе страны); в 2,2 раза увеличивается в объеме слой «ниже среднего». Это во многом связано с субъективным сравнением региональных и общероссийских стандартов качества жизни различных слоев населения, экономически успешные регионы федерального значения (города Москва и Санкт-Петербург, Красноярский край, Ленинградская, Московская, Свердловская области, Республика Татарстан и др.) отличаются более высокими значениями показателя среднедушевых денежных доходов и его производных.

¹ Привлечены результаты двух социологических исследований: данные пятой волны (2006 г.) всероссийского мониторинга «Ценности и интересы россиян» (Центр изучения социокультурных изменений ИФ РАН, руководитель Н.И. Лапин; 36 субъектов РФ из 7 федеральных округов /N = 1200 человек, среди которых 20% в возрасте 18-29 лет/), и регионального опроса «Социокультурный портрет региона: Курская область», реализованного сотрудниками научно-исследовательской социологической лаборатории Курского государственного университета (2007 г.) (N = 1128 человек, из них 22% в возрасте 18-29 лет). Выборочная совокупность исследования формировалась как стратифицированная, многоступенчатая, случайная. В каждом из исследований ошибка выборки не превышает 3%. Метод сбора первичной информации – формализованное (стандартизированное интервью по месту жительства респондентов).

Также результаты опросов населения выявили существенное расхождение между самоидентификацией молодых респондентов и их имущественным статусом. Отметим, что в опросах определение социально-экономического статуса респондента проводилось через оценивание уровня собственного потребления (потребления своей семьи). На основании этого он включался в одну из шести условно выделенных имущественных страт: «нищие» («Денег не хватает на повседневные затраты»); «бедные» («На повседневные затраты уходит вся зарплата»); «необеспеченные» («На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна»); «обеспеченные» («В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг»); «зажиточные» («Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи»); «богатые» («Практически ни в чем себе не отказываем»).

В России и в Курске 2 из 5 молодых респондентов относят себя по уровню потребления к низшему слою (социально-имущественным стратам «нищих», «бедных» и «необеспеченных»); 57 % и 56 % – к среднему слою, объединяющему страты «обеспеченных» и «зажиточных»; лишь 2 % и 3 % участников опроса – к высшему слою (социально-экономической категории «богатых»). В процессе самоидентификации с социальным слоем к среднему и выше среднего слоям отнесли себя не только представители высших и средних имущественных страт, но и большинство молодых респондентов, относящихся к низшему слою. На основании полученных данных можно утверждать, что самоидентификация российской и региональной молодежи связана не с социальным критерием оценки своего статуса (местом в социально-экономической иерархии), а с социально-психологическими критериями (признанием себя таким, как все, «средним» представителем сообщества; компенсацией переживания неудовлетворенности социальным положением). По оценкам региональной молодежи в её среде в 1,5 раза больше «нищих» и практически на 30 % больше «бедных», что выражается в большей поляризованности социально-экономической структуры региональной молодежной общности. Основание для подобных оценок – невысокий уровень жизни в Курской области (на протяжении постсоветского времени, равно как и в Брянской, Воронежской, Ивановской, Орловской, Тамбовской областях, среднедушевые доходы населения и среднемесячная оплата труда были значительно ниже средних по Центральному федеральному округу¹). Так, в 1995 г. среднедушевые денежные доходы жителей Курской области превысили величину прожиточного минимума в 1,6 раза, в 2002 г. – 1,5 раза, в 2005 г. – 2,1 раза, в 2006 г. – 2,4 раза². В это время среднемесячная заработная плата занятого населения области превосходила минимально допустимый уровень денежных доходов в среднем в 2 раза. В 1995 г.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007. М., 2007. С. 159.

² Областной статистический ежегодник: стат. сб. Курск, 1999. С. 127; Сводный статистический ежегодник Курской области. 2007. Сб.стат. Курск, 2007. С. 103. В 2000-2001 гг. в Курской области не был принят закон для установления потребительской корзины (в соответствии с Федеральным Законом «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»).

в Курской области средняя месячная заработная плата превышала величину прожиточного минимума в 1,5 раза, в 2002 г. – 1,7 раза, в 2005 г. – 2,2 раза, в 2006 г. – 2,5 раза¹.

Социально-экономическое развитие региона во многом обуславливает субъективные параметры для межрегионального сравнения показателей материального положения, которыми пользуется курская молодежь. Характеризуя качество жизни в регионе, треть молодых курян заявили, что в области люди живут хуже, чем во всех соседних регионах; 48 % – зафиксировали неоднозначность данного сравнения: *«по сравнению с одними регионами у нас люди живут лучше, а по сравнению с другими – хуже»*. Лишь 9 % участвовавших в опросе молодых людей отметили более высокий уровень жизни в Курской области, чем в сопредельных субъектах федерации. Показательно, что каждый десятый молодой курянин затрудняется оценить ситуацию своего региона относительно соседей. Возможно, это является свидетельством отсутствия у молодежи четких критериев для оценки жизненного уровня, как регионального сообщества, так и своего собственного в межрегиональном сопоставлении.

Сравнивая профили социально-экономической стратификации российской и региональной молодежи, можно выделить общие черты процесса её имущественного расслоения: более половины молодого поколения относятся к среднему слою, при этом каждые четыре из десяти молодых людей – к низшему, лишь малая часть молодежи является представителями высшего слоя. Однако материальная дифференциация молодежи Курской области имеет специфику, выражающуюся в преобладании в низшем слое страты «бедных», в большем удельном весе «нищих».

Таблица 99

**Численность населения с денежными доходами
ниже величины прожиточного минимума²**

	1995	2001	2005	2007	2008	1 квартал 2009
Курская область	20	40	20	13	-	-
Россия	25	28	18	13	13	17

В профиле имущественной стратификации молодежи обращает на себя внимание значительная по объему доля низшего слоя. Проявляется воспроизводство в молодежной среде модели социально-экономической стратификации, характерной для российского общества в целом. Для данной модели свойственны стабилизация уровня бедности, фиксируемого официальной статистикой по доле населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, и углубление имущественной дифференциации (о чем свидетельствуют возрастающие значения коэффициента Джинни).

Следует отметить, что после экономического кризиса 1998 г. число бедных россиян и курян резко увеличилось. Однако с 2000-х гг. и до начала финансового кризиса 2008 г. в России в целом и регионе в частности наблюдалось сокращение численности бедного населения. При этом происходило постепенное усиление имущественной дифференциации. Так, если в 1995 г. в Курской области коэффициент Джинни равнялся 0,266; в 2000 г. – 0,335; в 2005 г. – 0,348; в 2007 г. – 0,373³. В контексте нашего исследования показательным является тот факт, что по данным официальной статистики в 2007 г. 13 % молодых людей от всей численности молодежи в возрасте от 16 до 30 лет располагали денежным доходом ниже величины прожиточного минимума. При этом результаты общероссийского мониторинга (и регионального

¹ Областной статистический ежегодник. 1999. С. 127; Расчет по: Сводный статистический ежегодник Курской области. 2007. С. 103-104.

² Областной статистический ежегодник. 1999. С. 127; Регионы России. социально-экономические показатели. 2008: стат. сб. М., 2008. С. 178; Россия в цифрах: Уровень жизни населения. Основные показатели (из сборников 2007-2008 гг.); Электронный ресурс Федеральной службы государственной статистики <http://www.gks.ru>

³ За 1990-2005 гг. данные предоставлены территориальным органом Федеральной службы гос. статистики по Курской области (по договору №836 от 27.07.2006 г.); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008. С. 172.

опроса) демонстрируют превышение масштабов бедности среди молодежи, заданных субъективными оценками, над статистически установленными ее границами в три раза¹.

Одной из причин подобного расхождения оказывается заниженный уровень потребления товаров и услуг, закрепленный в величине прожиточного минимума. Действительно, прожиточный минимум представляет собой социальный норматив ограниченного потребления, который обеспечивает удовлетворение основных потребностей человека на минимально допустимом уровне. При этом в затрудненном материальном положении оказываются т.н. работающие бедные: лица, получающие заработную плату, немногим превышающую размер прожиточного минимума. Вместе с тем по мере углубления социокультурной трансформации у большинства молодежи происходит формирование стандартов потребления, ориентированных на уровень жизни материально состоятельных групп. Так образуется слой молодежи, отличающийся повышенными запросами, но не имеющий необходимых материальных ресурсов для их удовлетворения.

В целом низкий имущественный статус молодежи во многом связан с началом жизненного пути, своеобразным «стартом», на котором находятся молодые люди. Они лишены или ограничены в доступе к экономическим и социальным ресурсам, что затрудняет реализацию потенциала низкостатусных групп молодежи в значимых сферах жизнедеятельности. С другой стороны, в открытом обществе сам по себе данный статус не исключает возможности социального продвижения. При благоприятных условиях молодежь сможет двигаться по восходящей социальной мобильности, активно присваивая более высокие позиции в социальной иерархии (экономические, властные, престижа и др.).

Осознание ограниченности собственных социальных ресурсов предопределяет достаточно высокую значимость для молодежи благополучия (*«Главное в жизни забота о своем здоровье и благополучии»*). Уровень полного согласия российской молодежи с данной ценностью достигает 3,84 балла, у молодых курян – 4,25 балла (при *max* значении – 5 баллов). Интересно, что данный вывод подтверждается более выраженной ценностью благополучия для региональной молодежи, имущественное положение которой по самооценкам несколько хуже, чем у молодых россиян в целом.

В этой ситуации приобретает особое значение адекватность восприятия и оценки молодежью жизненных условий. В представлениях современного молодого поколения одним из ключевых способов достижения благополучия выступает работа. Показательно, что в мотивации трудовой деятельности российской молодежи доминирует стремление «много зарабатывать, даже если придется очень много работать» (56 % респондентов). Второе место занимает желание «много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее» (21 %). В значительно меньшей степени современную молодежь привлекает небольшой, но гарантированный размер заработной платы – 7 %) и небольшой размер оплаты труда при большем количестве свободного времени (9 %). Отметим, что 5 % молодых участников опроса затруднились высказать свою позицию по этому вопросу.

При оценке реальности достижения материального благополучия в процессе жизни молодежь проявляет достаточно высокий уровень социального оптимизма. По результатам опроса, с утверждением «любой человек может стать богатым, если этого захочет», согласны 58 % курской молодежи, а противоположного мнения – «человеку на роду написано, жить в богатстве или бедности» – придерживаются 32 %.

¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа. <http://www.gks.ru>

Жизненные стратегии студенческой молодежи.

Не так давно студенчество России вступило в XXI в., который предстает перед нами в координатах модернизации, глобализации и доминирования информационных технологий. Нынешняя молодежь, студенчество живет уже в другом мире, не в том, что жила молодежь предыдущих десятилетий. Она развивалась в эпоху государственных перемен и кризисных условий и смотрит на мир уже другими глазами. Эта социальная группа наиболее легко восприимчива к новомодным изменениям и тенденциям, зачастую носящим отрицательный характер. Студенчество составляет значительную часть современного российского общества, от качества высшего образования, получаемого студентами, зависят перспективы экономического процветания и социального благополучия России. Важными факторами, влияющими на качество профессионального образования, являются социальное самочувствие студенчества, степень решения присущих студенчеству социальных проблем. Студенческая молодежь – это не только самая активная и динамичная часть любого общества, объективно она является его будущим, так как именно ей вскоре предстоит решающим образом определить судьбу страны. Именно поэтому анализ проблем и жизненных планов студентов представляется настолько важным и актуальным в наше время. Изучение в целом духовной жизни студенческой молодежи – одна из наиболее традиционных тем социологической науки как у нас в стране, так и за рубежом. Научный, социологический подход к молодежи как специфической группе общества, учёт комплекса обстоятельств и особенностей образа жизни и культуры молодежи получил отражение в работах многих отечественных социологов и ученых других гуманитарных направлений. Так, вопросам влияния различных факторов, включая высшее образование, присущих различным этапам исторического развития нашей страны на процессы формирования духовной культуры обстоятельно изучались отечественной наукой. В качестве основных предметов изучения в студенческой проблематике выступали: студенчество в социальной структуре; функции студенческой молодежи в системе общественного разделения труда; особенности образа жизни студенчества; жизненные планы; внутренняя дифференциация студенчества¹. Важный вклад в изучение социальных и культурных проблем молодежи времени социально-экономической трансформации внесен отечественными учеными². Жизненные планы и проблемы различных групп населения рассматривались социологами в рамках исследований по социальному самочувствию, настроению. Предпосылкой изучения социального самочувствия можно считать подход отечественных исследователей – психологов, философов и социологов – к общественному сознанию³. Отметим здесь же труды российских ученых начала XX в. В.М. Бехтерева, П.П. Викторова, Л.Н. Войтоловского и Л.И. Петражицкого⁴. В середине 1980-х гг. появились теоретические работы, посвященные непосредственно проблемам социального самочувствия и выполненные в русле концепции образа жизни. Исследователи полагали, что жизненная ситуация индивида должна рассматриваться не только как непосредственная данность (с точки зрения ее объективных параметров), но и как данность опосредованная (с точки зрения ее восприятия и оценки субъектом). Следующее десятилетие – 1990-е гг. – было ознаменовано в отечественной социологии бумом эмпирических исследований. Термин «жизненные планы» стал употребляться непомерно часто и приобрел черты размытости, неопределенности. Популярность понятия, кажущаяся простота в его понимании привлекала многих, что способствовало активизации эмпирических исследований по этой теме. Большинство публикаций этого периода отмечены эмпиризмом, недооценкой комплексного характера жизненных планов⁵. Итак, в отечественной социологии

¹ Среди них можно назвать научные труды: В.С. Боровика, Н.Ф. Головатого, Г.Д. Дмитриева, С.Н. Иконниковой, Ю.С. Колесникова, В.С. Комаровского, В.Т. Лисовского, А.Л. Маршака, Г.В. Осипова, М.Н. Руткевича, Н.С. Слепцова, М.Х. Титмы, Ф.Р. Филиппова, В.Н. Шубкина и др.

² Работы Н.А. Зоркой, Ю.А. Зубок, О.И. Карпухина, Б.А. Ручкина, В.К. Сергеева, В.И. Чупрова, Ф.Э. Шереги и др.

³ Ковалева Т.В. Российское студенчество в условиях переходного периода // Социс, 1995. №1.

⁴ Социология молодежи. СПб., 1996. С.361-363.

⁵ Ковалева Т.В. Российское студенчество в условиях переходного периода // Социс. 1995, №1.

судьба понятия «жизненные планы» оказалась не самой удачной, в то время как зарубежные исследования данного феномена (аналогом которого служит субъективное благополучие) представляют собой значительный концептуальный пласт в обращении к субъективному состоянию общества и отдельных социальных групп¹.

Представим несколько определений понятия «жизненные планы». Жизненные планы – обобщенное представление индивида относительно своего будущего социального статуса в семейной, профессиональной и других сферах жизнедеятельности и способов их реализации. Жизненные планы – проективная временная последовательность достижения человеком индивидуально избранных жизненных целей, формирующихся под воздействием общества и его институтов, а также в результате проявления совокупности личных установок и мотиваций индивида. Как отмечают Е.И. Головаха и А.А. Кроник², отсутствие жизненных планов, как правило, связано с отсутствием позитивного образа будущего. Отсюда и сопротивление переменам. Однако противодействия планируемому развитию могут проистекать и из обязательств прошлому. Человек зачастую стремится к целям, которые не присутствуют в настоящем, а находятся в ближайшем или отдаленном будущем, а иногда даже за пределами собственной жизни. По этой причине побудительные мотивы и поведенческие акты анализируют не только по содержанию, но и по временной их локализации. Сейчас уже доказано, что формирование временной перспективы (реалистичная организация ее структуры, четкое обозначение в ней жизненных целей, ее непрерывность и др.) является результатом социализации. Весной 2008 г. студентами-социологами было проведено социологическое исследование «Жизненные планы студенческой молодежи»³.

Для того чтобы выявить жизненные планы студентов, для начала мы решили выяснить их социальное самочувствие и удовлетворенность различными сферами жизни.

Таблица 100

Насколько Вас устраивают различные стороны жизни в настоящее время?

Вариант ответа	вполне	отчасти	не устраивает	затрудняюсь ответить
учеба	36	60	4	0
личная жизнь	40	30	26	4
отношения в семье	76	20	0	4
отношения в студенческом коллективе	46	54	0	0
финансовое положение семьи	22	48	24	6
дружеские контакты	76	24	0	0
досуг	42	54	4	0

Все выделенные показатели оказывают влияние на социальное самочувствие и жизненные планы молодежи. Мы видим, что проблемы студентов в первую очередь связаны с личной жизнью и финансовым положением семьи. Около четверти студентов не довольны этими сферами жизни. Три четверти опрошенных удовлетворены отношениями в семье и дружескими контактами. Учебный процесс устраивает отчасти больше половины респондентов.

На определение жизненных планов значительно влияют ценностные ориентации молодых людей.

Как видим, наиболее важны для современных студентов такие ценности как здоровье, материальный достаток и любовь, а так же семья и общение с друзьями. Менее всего студенты отдавали предпочтение в предложенном списке таким ценностям, как красота, творчество и религия. Следует отметить, что опрошенные более всего ценят то, что тяжело им дается. Значительная часть студентов не удовлетворена своей личной жизнью и финансовым по-

¹ Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев, 1984.

² Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев, 1984

³ Выборка составила 265 человек. Нами были опрошены студенты Историко-социологического института, обучающиеся на 1-4 курсах.

ложением семьи. Как известно, также в плане здоровья дела с молодым поколением обстоят не так хорошо, как хотелось бы.

У подавляющего большинства молодежи (70%) есть главная цель жизни. Нет её только у 9% молодых людей (21% над этим не задумывались). Вероятнее всего это связано с изменчивостью современного мира, который заставляет людей «жить одним днем». На вопрос о том, в чем заключается главная цель жизни, большая часть респондентов отвечала следующим образом: иметь хорошую семью, получить хорошее образование, устроиться на хорошую работу, жить в достатке. Как видно, для современной российской молодежи свойственны и духовно-нравственные, и сугубо прагматичные, материальные жизненные цели.

Таблица 101

Какие из приведенных ниже ценностей являются для Вас наиболее значимыми?, % (Укажите не более 4 вариантов)

Ценности	%
здоровье	60
наличие материального достатка	56
любовь	48
общение с друзьями	40
семья	40
работа по душе	24
патриотизм	20
независимость, свобода	20
реализация способностей	20
спокойная размеренная жизнь	12
престиж, слава	8
красота, прекрасное	4
творчество	4
ценности религии	4

Если же говорить о планах на недалекое будущее, то они в целом совпадают с главными жизненными целями.

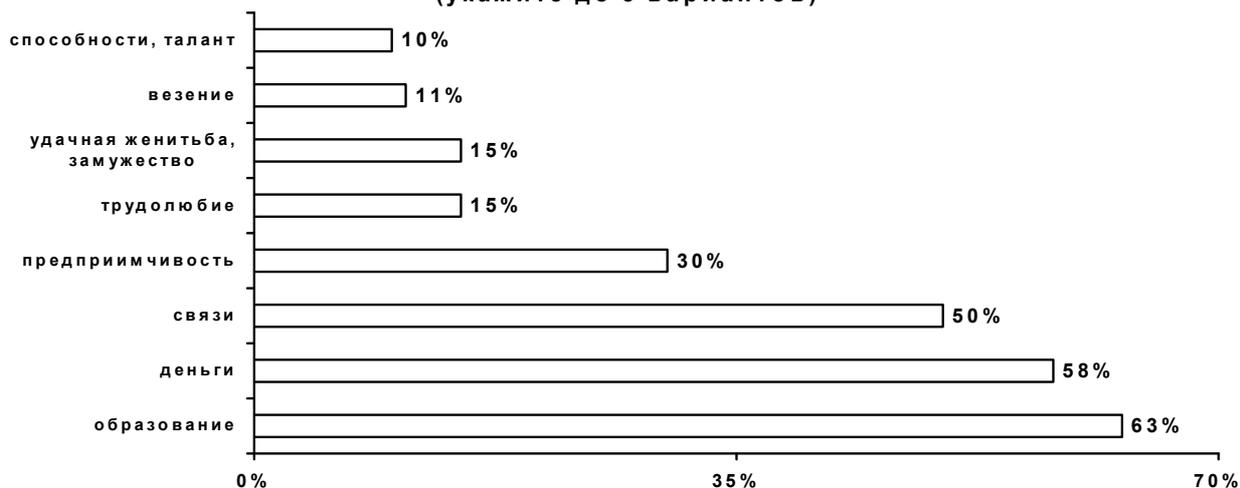
Таблица 102

Каковы Ваши планы на ближайшие 5 лет? (Укажите не более 3 вариантов), %.

создать семью	окончить институт	пойти на второе высшее образование	продолжить обучение в аспирантуре	устроиться на работу	решить проблему с жильем	ничего не планируют
65%	92%	44%	22%	70%	30%	4%

Молодежь ставит перед собой цели и постепенно движется к их реализации. В ближайшие 5 лет большинство студентов стремится окончить институт, устроиться на работу и создать семью. Отметим, что значительная часть респондентов собирается идти на второе высшее образование. Студенты стремятся обеспечить себе лучшее будущее, и им представляется, что с двумя высшими образованиями они скорее найдут себе хорошую работу. Что же, по мнению современных студентов, необходимо для приближения к успеху и какие средства они будут использовать для достижения своих жизненных целей?

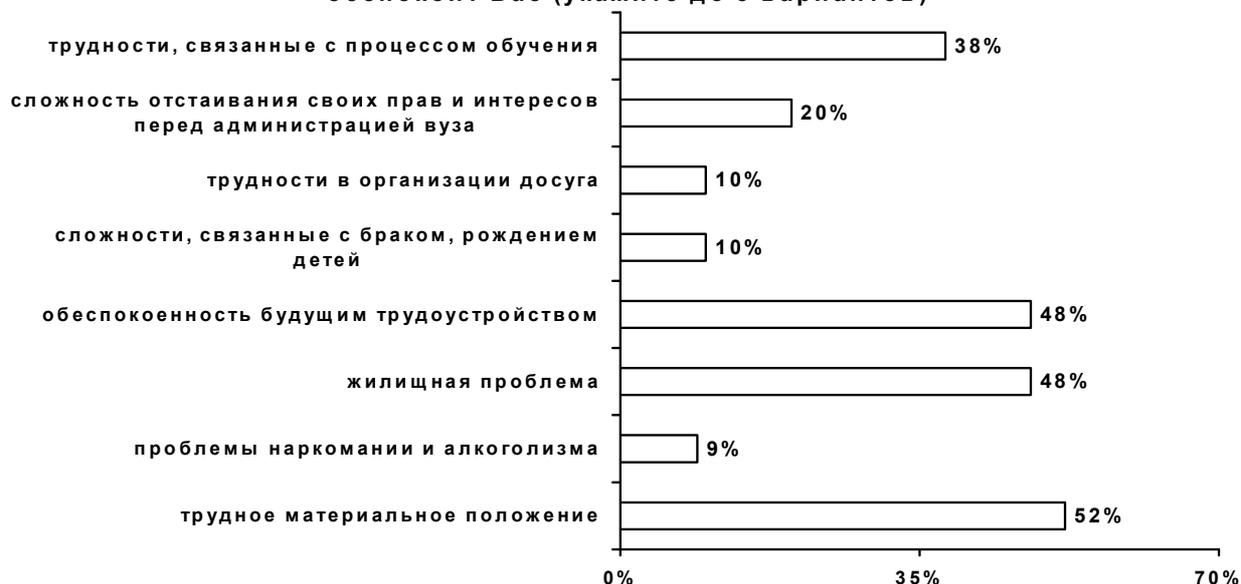
Рис. 38. Что необходимо для достижения жизненного успеха (укажите до 3 вариантов)

Жизненные планы человека напрямую зависят от его материального благополучия. Тем более что молодые люди рассматривают деньги как эффективное средство достижения жизненного успеха. Поэтому мы решили выяснить, как студенты охарактеризуют денежные доходы своей семьи. Исходя из данных исследования, для большей части респондентов покупка большинства товаров длительного пользования вызывает затруднения или денег достаточно только для приобретения необходимых продуктов питания и одежды. Большинство материально необеспеченных молодых людей с меньшим оптимизмом смотрят в будущее и на реализацию своих планов.

А может ли что-то помешать молодым людям в реализации их жизненных планов? И вообще, опасается ли чего-либо нынешняя молодежь в своей жизни?

Рис.39. Какая из указанных социальных проблем наиболее беспокоит Вас (укажите до 3 вариантов)

Как видим, студентов волнуют в первую очередь проблемы, связанные с трудным материальным положением, с проживанием, получением жилья и с будущим трудоустройством. Эти варианты отметило около половины опрошенных. Также значительную часть респондентов беспокоят трудности, связанные с процессом обучения. Все эти проблемы типичны для студентов. Проблема с жильем больше волнует иногородних студентов. Трудности материальной обеспеченности могут быть связаны не только с финансовым положением семьи, но и со стремлением молодых людей стать независимыми от родителей в денежном отношении. В подтверждение данного предположения представим следующие данные. Почти треть студен-

тов совмещают учебу и работу. Из них 6% работают по специальности и 24% имеют подработки от случая к случаю. Почти три четверти опрошенных работают, т.к. хотят стать материально независимыми. Мотивами совмещения работы и учебы при этом являются материальные трудности, стремление помочь родителям, необходимо оплачивать учебу.

В конце анкеты респондентам предлагалось выбрать один из вариантов ответа, который в обобщенном виде отражает их ожидания. Более половины опрошенных сохраняют оптимизм и считают, что ситуация во всех сферах жизни в скором времени изменится к лучшему. Пессимистов среди студентов немного: всего 4% думают, что впереди нас ждут еще более тяжелые времена.

Подведем итоги. Основными проблемами студентов являются проблемы материального характера и затрагивающие будущий профессиональный статус, а именно трудное материальное положение, проблемы с проживанием, получением жилья, трудности, связанные с процессом обучения, обеспокоенность будущим трудоустройством. Менее всего студенты сталкиваются с проблемами наркомании, алкоголизма; трудностями в организации досуга; сложностями, связанными с браком, рождением детей. Большинство студентов не удовлетворены своим материальным положением. Они уверены, что это мешает им реализовать свои планы. Настораживает, что молодое поколение так заостряет внимание на финансовой составляющей своей жизни и верит, что «деньги решают все». Однако студенты с оптимизмом смотрят в будущее и надеются на реализацию своих жизненных планов. В их планы входит закончить вуз, устроиться на хорошую работу и создать семью. Значительная часть студентов планирует также пойти на второе высшее образование. Среди самых значимых ценностей для студентов стоят здоровье, материальный достаток, любовь, семья, дружеское общение. Стоит отметить, что современная молодежь считает образование главным средством достижения жизненного успеха.

В ходе исследования подтвердилась гипотеза, что студенчество достаточно оптимистично смотрит в будущее.

Ряд гипотез подтвердились частично:

1. Основными проблемами студентов являются недостаточная материальная обеспеченность и неудачи в учебе.
2. Главными целями жизни для студентов являются создание семьи и обеспечение материального благополучия.
3. Наиболее важными для молодежи являются здоровье, семья и наличие материального достатка.

Результаты, полученные в нашем исследовании, лишь фрагмент осмысления проблем студенческой молодежи и их жизненных планов. Результаты представляемого опроса позволяют, по крайней мере, прикоснуться к этой теме и дают некоторый материал для размышлений. Работа в этом направлении должна быть продолжена как в поиске адекватной методологической конструкции, так и углублении анализа эмпирических данных.

Помелова Н.А., Ушкин С.Г. (МордГУ, Саранск)

Читательские предпочтения молодежи

Долгое время Россия считалась самой читающей страной в мире. Но, с началом кризиса, разразившегося в начале 1990-х гг. она стала постепенно уступать свои позиции. Утрата интереса к процессу чтения связана как с социальными, так и экономическими переменами, произошедшими в нашем обществе. Как показывают многочисленные социологические опросы, почти половина взрослого населения России не читает художественную литературу. А это непременно ведет к культурной деградации социума, смещению его жизненных позиций. Нация, утратившая интерес к чтению, становится слабой и уязвимой. Ведь потеряв статус самой читающей страны в мире, Россия теряет и свой интеллектуальный капитал. Молодежь не стремится к получению новых знаний путем чтения. Многие исследователи признают, что российское общество в настоящее время находится на грани культурной деградации, которая, несомненно, способна подорвать авторитет России в мировом

сообществе. Книга долгое время была символом преемственности культур. Однако, исходя из оценки современной ситуации, векторы постепенно смещаются в сторону средств массовой коммуникации, в частности, к телевидению и Интернету. Но это не значит, что книга является пассивным, инертным носителем культурного наследия. Она несет в себе огромную социальную функцию, и изучение влияния книги на общество может дать данные, позволяющие судить о самом обществе. С целью выявления читательских предпочтений молодежи Саранска в июле 2009 г. было проведено пилотажное социологическое исследование «Читательские предпочтения молодежи». Было опрошено 50 респондентов. В ходе исследования выявлялась, в первую очередь, регулярность прочтения книг, наиболее предпочтительные жанры литературы, а также формы приобретения оной.

Как выяснилось, количество обращающихся к книгам постоянно оказалось невелико – чуть менее четверти (24%). Почти треть респондентов (32%), напротив, совсем не читает книги или же читает их очень редко. И 42% обращаются к книгам от случая к случаю. Полученные данные, как оказалось, почти не расходятся с данными, полученными в ходе исследования ВЦИОМ, проведенного в июне 2009 г. По исследованию ВЦИОМ «никогда не читают или читают очень редко» – 35%, «читают от случая к случаю, иногда» – 42%, «читают постоянно, практически ежедневно» – 22%. Среди тех, кто обращается к книгам практически ежедневно, велика доля женщин (67%). А половина мужчин почти никогда не читает книги. Если в массиве женщины составляют 56%, то среди очень редко или никогда не читающих их 32%, среди читающих от случая к случаю – 71%. Без малого половина участников исследования (48%) прочли за последние три месяца одну-три книги. Около трети опрошенных (30%) не прочли ни одной. 4-6 книг прочли 14% респондентов, 6-9 – 6%. Интересно, что более 10 книг не прочел ни один из участников исследования. Каждый пятый читатель (20%) утверждает, что стал читать больше, а чуть более трети участников исследования (34%) напротив, считает, что меньше. Еще чуть более трети (34%) респондентов отметили, что привычное количество читаемых ими книг, никак не изменилось за последнее время. Те, кто стал читать больше, в основном связывают это с тем, что появилось больше свободного времени для чтения, а также с тем, что стало больше интересных книг.

Домашняя библиотека молодого человека в Республики Мордовия в основном насчитывает до 300 книг (60%). Причем количество книг до 100 и от 100 до 300 поделилось поровну. Почти у каждого пятого (18%) респондента домашняя библиотека составляет от 300 до 500 книг, а у 4% опрошенных – от 500 до 1000 книг. Свыше 1000 книг не имеет в своей домашней библиотеке ни один участник исследования.

Рис. 40. Книги каких жанров вы выбираете для чтения?

Согласно приведенным выше данным, женщины питают больший интерес к чтению, чем мужчины. Во многом этим и объясняется тот факт, что наибольшей популярностью среди респондентов пользуются любовные романы. Соответственно, абсолютное большинство (88%), выбирающих данный жанр – женщины. А вот эротическую литературу в равной степени читают и мужчины, и женщины. Преимущественно «мужскими» жанрами получились фантастика и фэнтези, а также остросюжетная литература. Стоит отметить, что значительной популярностью среди молодых людей пользуется отечественная (9%) и зарубежная (7%) классика. На наш взгляд, достаточно любопытным представляется тот факт, что из предлагаемого перечня жанров ни один из участников исследования не выбрал религиозной литературы. Таким образом, так называемые «легкие жанры» (детективы, боевики, фантастика, фэнтези, приключения) в совокупности составляют значительную часть структуры читательских предпочтений (36%).

Как утверждают многие исследователи, приоритеты в чтении художественной литературы смещены в сторону релаксации. По выражению российского социолога Ф.Э. Шереги массовая литература несет на себе «экологическую» функцию, является своеобразным буфером между реальной и ожидаемой жизнью¹.

Самыми популярными авторами оказались Пушкин (22%), Дюма (18%), Толстой (16%), Донцова (16%), Есенин (14%). Также молодые люди Мордовии читают Лермонтова (12%), Козьмо (10%), Дойля (10%), Пелевина, Маринину, Лукьяненко, Достоевского (по 8%). Примечательно, что среди популярных авторов нет тех, кто пишет любовные романы. Таким образом, можно сделать вывод, что читательские предпочтения молодежи относительно авторов достаточно разрознены, хотя и прослеживается некая концентрация вокруг классических российских писателей, что во многом, на наш взгляд, обуславливается изучением их в рамках школьной программы.

Чаще всего молодые люди берут желаемую книгу у знакомых, друзей, родственников (35%), либо в домашней библиотеке (24%). Реже они покупают книги в магазинах (19%). Достаточно большое количество респондентов (15%) «скачивает» или читает книги во всемирной сети Интернет. Для сравнения, в опросе, проведенном ВЦИОМ, доля таких респондентов составляла лишь 7%. Таким образом, можно сказать, что возрастные характеристики во многом влияют на характер приобретения книг. Молодежь нечасто посещает общественные библиотеки: в городской берет нужную книгу 3% респондентов; в научной библиотеке, библиотеке вуза, предприятия – 4%. Лишь 1,3% приобретает книги через Интернет или заказывает по почте. Хотелось бы отметить, что свыше половины респондентов считают, что книга все же остается лучшим подарком (54%). Но для 40% процентов молодых людей такой подарок все же утратил, или почти утратил всяческий смысл.

Также, в ходе исследования выяснились и предпочтения молодежи относительно газет и журналов. Как показало исследование, половина респондентов читает газеты иногда, от случая к случаю. Менее четверти респондентов (22%) читают их лишь иногда или очень редко, а 28%, наоборот, читают постоянно. Стоит отметить, что молодые люди читают газеты чаще, чем девушки. Мужчины составляют 44% массива. Но среди никогда или очень редко читающих газеты их 36%, среди читающих от случая к случаю, иногда – 40%, среди читающих постоянно, практически ежедневно – 57%.

Почти две трети респондентов читают газеты, которые приносит другой член семьи. Покупают газеты сами почти в полтора раза реже. Каждый пятый респондент пользуется подпиской или скачивает газеты в Интернете. Наибольшей предпочтительностью среди газет пользуются «Столица С», «Вечерний Саранск», «Голос МГУ», «Аргументы и Факты» и «Телесемь». Наименьшей - районные газеты и газеты на мордовском языке.

Чаще всего молодежь выбирает статьи в газетах на деловые и общественно-политические темы (26%), молодежные (26%), «женские» (26%), касающиеся здоровья, семьи и ухода за

¹ Цит. по: Волкова Г.Б. Библиотека – центр общественного мнения / Чтение в тверских библиотеках // <http://corbis.library.tver.ru/document/d-0436.htm>

детьми (28%) и спортивные (16%) темы. Характерный штрих – почти каждый пятый респондент интересуется газетами и журналами на автомобильные темы. По тематике газет и журналов молодежь преимущественно выбирает спортивные, музыкальные и компьютерные издания. Научно-популярные статьи, «мужские», рекламно-справочные статьи, а так же касающиеся сотовой связи и цифровых технологий молодежь читает гораздо реже. Молодежь выбирает в основном газеты, посвященные не одной тематике, а универсальные, в которых содержатся статьи на разные темы.

Журналы большая часть респондентов читают лишь от случая к случаю (40%), треть опрошенных (36%) читают журналы практически ежедневно и лишь пятая часть участников исследования не читает их вообще или же читает, но очень редко. Доля затруднившихся ответить незначительна (4%). Большая часть (38%) молодых людей республики Мордовия отмечает, что журналы они покупают самостоятельно. Ответы «приносит другой член семьи» и «беру у друзей и знакомых» разделились поровну и составляют 23%, «скачивают» из Интернета и читают в Интернете 12%, остальные респонденты получают журналы по подписке (3%) и получают бесплатно (1,4 %). На первом месте среди часто читаемых журналов находится журнал «Лиза» (36%), на втором «Fox Magazine» (28%), на третьем месте среди наиболее часто читаемых журналов находится «Cosmopolitan» (26%), четвертое место отводится журналу «Коммерсантъ» (20%) и пятое место делят между собой такие журналы как «Вокруг света» и «Компьютера» (по 14%). Остальные журналы читаются реже.

Наиболее интересной темой для чтения среди молодых людей республики Мордовия является «женская» тематика, после отмечаются такие темы как: молодежная; деловая и общественно-политическая; музыкальная; здоровье, семья и уход за детьми; «мужская», автомобильная, туризм и путешествия.

Таким образом, по результатам всего исследования, можно сделать вывод, что книги молодыми людьми читаются значительно реже, чем газеты и журналы. Во многом, на наш взгляд, это объясняется меньшей доступностью книг. При этом следует учитывать и факт феномена «ускоряющегося времени», о котором заговорили в начале 1930-х гг. и на смену «большим» романам пришел «короткий» рассказ, который публиковался в различных журналах, сборниках и т.д. В настоящее время широко распространены книги под собирательным названием «Pocket book». Такие книги не требуют от читателя концентрации на сюжете, просты в усвоении, их можно читать в автобусе, метро. Но у них есть существенный недостаток – среди книг такого класса попадает большое количество товара низкого качества, что отталкивает от их приобретения, несмотря на цену, потенциальных покупателей. Также стоит отметить, что привлечение читателя к книге должны осуществляться и с помощью рекламы, с помощью проведения книговыставок и т.д. Многие ведущие книжные издательства осознали необходимость пропаганды чтения. Хотя бы потому, что иначе они просто потеряют покупателей своего товара. Но, зачастую, молодые люди Республики Мордовия не знают о новинках литературы, новых течениях в ней, что обуславливает достаточно небольшой спектр читаемых авторов.

Немаловажным является и тот факт, что молодежь при прочтении книг предпочитает преимущественно «легкие» жанры, что свидетельствует о ее желании воспринимать книгу лишь как нечто «развлекательное», над которым не требуется думать. Концентрация именно вокруг такой литературы приводит ее к популизму, отодвигая так называемую «серьезную» литературу на второй план. Вместе с этим уходит на второй план и образовательная функция литературы, что, в свою очередь, постепенно ведет и к так называемой дегуманизации литературы. Необходимо сказать и о том, что публичные библиотеки пользуются очень малой популярностью. Конечно, можно сказать, что в последнее время произошла некая активизация их деятельности, но, как подтверждают результаты исследования, она оказалась недостаточной. В общей сложности лишь 6% молодых людей в Мордовии пользуется публичными библиотеками. На наш взгляд, библиотека должна выполнять не только пассивные функции «хранительницы» книг, но и функции пропагандистские – приобщать читателя к книге. И чем раньше – тем лучше. Современное общество на данном этапе его развития можно оха-

рактизовать как «общество массового потребления». Но, как отмечают многие исследователи, требуется демассификация культуры. Необходимо создавать качественно отличающуюся от «общества массового потребления» интеллектуальную среду, и главным орудием должна послужить именно книга.

Пономарева О.Я., Попова М.Г. (УрФУ)

Субъектно–личностная предрасположенность заказа к результатам образования выпускника университета – HR- специалиста со стороны студентов, работодателей и профессорско–преподавательского состава.

Происходящие в мире и России изменения в области целей образования, соотносимые с глобальной задачей обеспечения вхождения человека в социальный мир, вызывают необходимость постановки вопроса о более полном, интегрированном социально-личностно-поведенческом феномене как результате образования в совокупности мотивационно-ценностных, когнитивных составляющих. Основное направление обновления профессионального образования в современном мире заключается в том, чтобы найти пути формирования у будущего специалиста деятельности позиции в процессе обучения, способствующие становлению опыта целостного системного видения профессиональной деятельности, системного действия в ней, решения новых проблем и задач.

Ориентация образования на его новый результат требует инновационного подхода к обеспечению качества такового, критериям его оценки, нового подхода к организации образовательного процесса и управления им. Эта идея отражается в содержании компетентностного подхода к отечественному образованию. Сегодня, когда образовательная реформа вступила в новую фазу, разработка идей данного подхода становится императивом, а реализация основных направлений Болонского процесса усиливает ее очевидность и необходимость. Введение компетентностного подхода в систему высшего образования подтверждается директивными предписаниями Министерства образования РФ (Концепция модернизации российского образования до 2010 г., Федеральная целевая программа развития образования на 2006-2010 гг., План мероприятий по реализации положений Болонской декларации в системе высшего профессионального образования Российской Федерации на 2005-2010 и др.). К настоящему времени концептуальные координаты компетентностного подхода обозначены достаточно отчетливо, сформулированы основные его положения. Наступает новый этап: компетентностный подход переходит из стадии самоопределения в стадию реализации, когда заявленные им общие принципы и методологические установки находят свое подтверждение в различных прикладных разработках.

Компетентностный подход – попытка привести в соответствие образование и потребности рынка, сгладить противоречие между учебной и профессиональной деятельностью. Эта педагогическая инновация не антагонистична утвердившимся в педагогической науке деятельностному и личностно-ориентированному подходам. Для отечественной системы образования переход к системной модели выпускника вуза, отражающей преимущества квалификационного и компетентностного подходов в их единстве, представляется исследователям крайне важным. В связи с этим возникает необходимость уточнения понятия «компетентностная модель выпускника», являющейся результативно-целевой основой проектирования образовательного процесса вуза в виде модели подготовки. Обобщение исследований, проводимых в Западной Европе и России по формированию компетентностных моделей в системе профессионального образования, показывает, что общепринятого алгоритма или подхода нет. Основным вопросом исследователя при моделировании результатов образования ориентирован на определение этого содержания. В.И. Байденко¹, анализируя различие в подходах к моделям компетенций в европейской практике профессионального образования, выделяет четыре модели компетенций (МК 1 – МК 4) (Models of competence). Каждая из четырех точек зрения на понимание компетенции (МК 1–МК 4), отмечает автор, приводит к различным подходам к

¹ Байденко, В.И. Концептуальная модель государственных образовательных стандартов в компетентностном формате: авторская версия. М., 2004.

планированию, организации и предоставлению профессионального образования и обучения, и, в особенности, к оценке и признанию достижений обучаемого и оценке возможностей его трудоустройства на рынке труда.

Модель компетенции, основанная на примерах личности (МК 1), лежит в основе подходов (особенно в образовании), придающих особое значение развитию моральных, духовных и личных качеств человека. Она может привести к заключению, что каждому человеку природой уготовано свое место и в жизни, и в профессиональной сфере. Например, положение, согласно которому, чтобы стать врачом, нужно иметь академические способности, выделяет этот параметр как основу компетенции, относящейся к области медицины. Процессы образования и обучения в этом случае будут связаны с выявлением тех, кто обладает данным качеством, и отсевом тех, кто им не обладает. Используемые образовательные программы/учебные планы и модели оценки будут нацелены на отбор и поощрение тех, кто обладает академическими способностями. Точка зрения МК 1 во многом оказывает влияние на традиционное высшее образование и на традиционные подходы к подготовке руководящих кадров, хотя реальные доказательства того, что определенные параметры личности определяют предрасположенность человека к определенной компетенции, чрезвычайно скудны.

Модель компетенции решения задач (МК 2) до недавнего времени была господствующей в производственном обучении в большинстве западных стран, особенно в обучении на рабочем месте и развитии умений, требуемых для осуществления трудовой деятельности на конкретном рабочем месте. Она обращает особое внимание на освоение человеком стандартных процедур и операций (посредством изучения процесса труда, методов работы и др.). В основу образовательной программы положен анализ задач и процессов, а также оценка трудностей, с которыми может сталкиваться человек при освоении задач, которые требуется решать на рабочем месте. Образовательная программа и методы оценки позволяют человеку осваивать четко определенный набор умений, практиковаться в их использовании и осуществлять деятельность на их базе, а также решать конкретные задачи. Сильная сторона подхода в том, что он позволяет резко сократить время обучения выполнению конкретных задач, связанных с данным рабочим местом. А слабая – в том, что образовательная программа может стать чересчур узкой. Осваивая только ограниченный набор умений и знаний, человек может столкнуться с трудностями при необходимости адаптации к изменениям методов и форм труда или технологий и сможет предложить на рынке труда лишь ограниченный набор умений.

Модель компетенции для производительной деятельности (МК 3) подчеркивает важность достижения результатов и является весьма распространенным подходом к компетенции в профессиях, где деятельность измеряется по результатам – продажи, управление проектом или производством. Образовательная программа основана на оценке мотивации и стратегий, используемых для достижения целей. Оценка основана на том, что люди делают, а не на том, что они знают, а также на эффективности достижения целей, а не долговечности результатов. Образование и обучение, основанное на этой точке зрения, во многом рассчитано на способность учащихся учиться самостоятельно. Сильная сторона этого подхода состоит в том, что он может дать возможность тем, кто полагается только на свои силы, научиться очень быстро достигать своей цели. Он не принимает в расчет или считает неспособными к достижению целей тех, чья внутренняя мотивация может быть низкой. Особое значение придается прагматическому подходу к содержанию образовательной программы, а не новомодным идеям и стратегиям, как это часто бывает. В результате специалисты могут получить обширные, но поверхностные знания в своей профессиональной области и обладать некоторыми очень хорошо развитыми навыками, но им может не доставать других умений и навыков, необходимых для адаптации к изменениям или для смены мест работы, специальности или профессии.

Согласно модели управления деятельностью (МК 4) деятельность является функцией социального контекста человека, в котором существует некий порядок требований и ожиданий в отношении человека на рабочем месте, которые могут быть взаимосогласованы. Образовательные программы/учебные планы основаны на анализе и согласовании важных ожиданий, которые люди должны оправдать при выполнении своих трудовых обязанностей. Такие ожи-

дания основаны на требованиях, предъявляемых работодателями, характере выполняемой работы, моделях взаимодействия с другими, законодательной основе, имеющей отношение к выполняемой деятельности, и на других социальных факторах. В соответствии с данной точкой зрения внимание уделяется как широте охвата, так и глубине содержания учебных планов и программ, с тем, чтобы люди могли соответствовать полному набору требований, предъявляемых при найме на работу, независимо от того, где они будут работать¹.

Краткий анализ компетентностных моделей в образовании Германии, Великобритании и США, представленный Н.И. Булаевым с соавторами, показал, что в Германии она характеризуется структурой трех типов компетенций: профессиональных, личностных (персональных) и социальных, при этом в состав личностных входят и качества: самостоятельность, критическое конструктивное мышление, надежность, самоуважение, осознание ответственности и долга); в Великобритании – ключевыми (key skills), активными (core skills), базовыми (base skills); в США компетентность выпускника представлена двумя классами компетенций: компетенции, которые выполняет знание по отношению к человеческой деятельности (знание – описание; знание – объяснение, синтезированное (или системно) знание, знание – предсказание, знание – intervention, контролирующее знание) и компетенции – умения (мыслить критически, кооперативные умения, умения делать выбор и др.)².

Обобщение исследований, проводимых в России по формированию компетентностных моделей выпускников вузов и подходов к их проектированию³, показало, что в этом вопросе не существует общепринятого подхода к содержанию педагогических понятий, описывающих компоненты компетентностной модели, их составу и структуре. Анализ показывает: в основе большинства разработанных компетентностных моделей 1 этапа (2004-2007 гг.) разработки ГОС ВПО третьего поколения УМО вузов России лежит представление о двухблочной компетентностной модели: блок профессиональных (предметно-специализированных и общепрофессиональных) и ключевых (или универсальных) компетенций. Эта работа, проведенная проектными коллективами УМО вузов, нашла отражение в утвержденных ФГОС ВПО, где все разнообразие компетенций «свернуто» в два вида – общекультурные и профессиональные.

Наиболее подробный анализ подходов к моделированию результатов образования в России и за рубежом проведен нами ранее⁴. В качестве примера, раскрывающего субъектно-личностную позицию двух авторов, и касающегося выделения существенных различий подхода при построении компетентностной модели выпускника, приведем подходы И.А. Зимней и О.В. Никифорова. В частности, в модели И.А. Зимней компетентностная составляющая рассматривается целостным личностным качеством, имеющим два предпосылочных блока (интеллектуальный и личностный), которые развиваются в образовании и являются основой для формирования компетентностного блока. Третий блок модели представляет собой взаимоперекрывающиеся, взаимосвязанные множества социальных и профессиональных компетентностей, где профессиональные последовательно формируются в соответствии с ГОСами, а социальные развиваются и совершенствуются – с учетом специфики профессиональной деятельности, к которой готовится специалист преимущественно во внеучебной воспитательной

¹ Байденко В.И. Концептуальная модель государственных образовательных стандартов в компетентностном формате: авторская версия. М., 2004.

² Булаев Н.И. Козлов В.Н., Оводенко А.А., Рудской А.И. Системные ресурсы качества высшего образования России и Европы. СПб., 2007. С.123-124.

³ И.А. Зимняя, 2004; В.В. Ищенко, 2004; Н.Н. Кузьмин и др. 2005; Я.И. Кузьминов, Д.В. Пузанков, И.Б. Федоров, В.Д. Шадриков, 2004; А.С. Казурова, 2005; В.П. Соловьев, Р.Н. Азарова, Н.М. Золотарева, 2005, 2008; И.Г. Галямина, 2005; Э.Ф. Зеер, 2005, 2007; С.А. Маруев, 2005, 2007; В.И. Байденко, 2006; Р.М. Петрунева, 2007; Р.Н. Азарова, Н.В. Борисова, Б.В. Кузон, 2008; И.В. Челпанов, 2005 и др.

⁴ Пономарев А.В., Пономарева О.Я. Формирование модели социально-личностных компетенций выпускника вуза: монография. Екатеринбург, 2008. С.24-46.

деятельности вуза¹. В модели О.В. Никифорова компетентностная составляющая понимается составной частью общей структуры подготовленности выпускника. Автор называет модель «компетентностной моделью подготовленности выпускника», под которой понимается «динамичная совокупность знаний, умений, навыков, способностей, ценностей, необходимая для эффективной профессиональной деятельности и личностного развития выпускников, которую они обязаны освоить и продемонстрировать после завершения части или всей образовательной программы», представленная профессиональными и универсальными компетенциями.² Универсальные компетенции (общие, ключевые), необходимые выпускнику любого профиля, делятся на 5 подгрупп: социального взаимодействия, системно-деятельностные, самоорганизации и самоуправления, ценностно-смысловые и политико-правовые, самостоятельной познавательной деятельности. Для каждой компетенции авторы предлагают три внутренних компонента: знаниевый, деятельностный и ценностный и три уровня сформированности: пороговый, продвинутый и превосходный.

Данные выводы о развитии базовых составляющих формирования компетентностей, предлагаемые И.А. Зимней, не новы в педагогической теории и практике, но имеют прогностическое значение в подходах к проектированию модели результата образования. Сегодня очевидным является то, что непрерывное образование «через всю жизнь» по уровням (ступеням) образовательной системы должно иметь *преемственность по социально-личностной составляющей проектирования образа выпускника* в компетентностном формате. Принцип «единство в многообразии», как один из принципов проектирования преемственности моделей «школа» – «вуз» – «производство», позволяет определиться с целью воспитания в современных изменяющихся условиях на уровне государства и общества. Таким образом, необходим мониторинг мнения различных субъектов, заинтересованных в результатах образования. Для исследования нами была разработана *анкета*, и для оценки компетенций использовали подход, употребляемый нами ранее.³

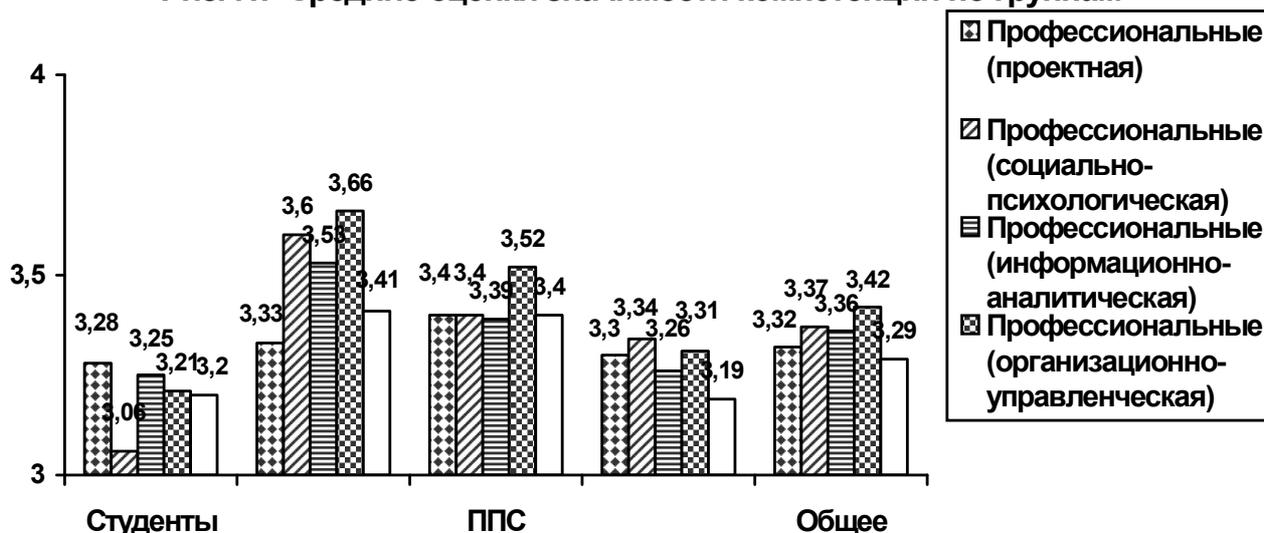
¹ Зимняя И.А. Методология мониторинга формирования социальных компетентностей студента вуза // Материалы XVII Всероссийской научно-методической конференции «Проектирование ФГОС и образовательных программ ВПО в контексте европейских и мировых тенденций». Ч. 1. М., Уфа. 2007. С.48-50

² Никифоров, О.В. Компетентностная составляющая и ее становление в структуре оценки подготовленности выпускников педагогического вуза: автореф. дис. на соис. учен. степ. канд. пед. наук / О.В. Никифоров. – М., 2007. С. 14-19

³ Пономарев А.В., Пономарева О.Я. Формирование модели социально-личностных компетенций выпускника вуза: монография. Екатеринбург, 2008. С.131. Анкета включала: *введение*, кратко раскрывающее цели опроса; *основную часть*, состоящую из 4 вопросов на оценку качеств личности и компетенций выпускника; *данные о респонденте*. Анкетный опрос проводился в письменной форме (заполнение анкеты респондентом собственноручно) и рассылка анкет по почте (корреспондентский способ). Исследование проводилось в феврале – мае 2010 г. Респонденту предлагалось оценить по четырехбалльной шкале значимость для профессиональной деятельности и уровень освоения в вузе общекультурных и профессиональных компетенций, последние из которых характеризуют организационно-управленческую, информационно-аналитическую, социально-психологическую и проектную деятельность. Перечень компетенций был взят из проекта ФГОС ВПО по направлению подготовки «Управление персоналом», квалификация бакалавр (Постановление Правительства РФ от 24 февраля 2009 г. № 142). Исследования представлений о требованиях к выпускнику одной профессиональной группы – менеджера по специальности «Управление персоналом» проводилось нами среди 4-х групп респондентов – профессорско-преподавательского состава, осуществляющего подготовку по общепрофессиональным и специальным дисциплинам (23 чел.), студентов выпускного курса (33 чел.), выпускников данной специальности, завершивших обучение 1-3 года назад (20 чел.), и работодателей в сфере торговли/услуги (50 чел.)

Обработка полученных данных проводилась с помощью пакета обработки социологических данных Vortex 8.0.

Рис.41. Средние оценки значимости компетенций по группам

Анализ полученных данных показывает, что уровень значимости каждой группы компетенций колеблется от 3 до 3,6 баллов. Это говорит о том, что все участники исследования считают представленные компетенции значимыми для профессии. Заметно и то, что наибольшие оценки всем группам компетенций дали выпускники, чуть меньше профессорско-преподавательский состав, работодатели и наименьшее студенты. Это можно объяснить тем, что студенты, как правило, не имеют опыта работы по специальности и не до конца представляют себе все тонкости выбранной профессии. Выпускники, получившие высшее профессиональное образование в сфере управления персоналом и работающие по специальности, лучше разбираются в ее тонкостях. Наивысшие баллы поставили выпускники группам компетенций организационно-управленческой (3,66 бал.) и социально-психологической (3,60 бал.) видов деятельности. Наименьшие баллы поставили студенты – социально-психологической деятельности (3,06 бал.) и общекультурным компетенциям (3,2 бал.).

Параллельно со значимостью у респондентов выяснялось мнение об уровне освоения предложенными компетенциями в университете. Если по значимости компетенций для профессиональной деятельности баллы варьировались от 3 до 3,6 баллов и, соответственно, проходили допустимый критерий¹, то по уровню освоения в вузе в трех выборках компетенции по абсолютному значению показателей не проходят установленное критериальное значение в 3 балла по всем компетенциям в выборках студентов, выпускников и профессорско-преподавательского состава. Только в выборке работодателей по двум группам компетенций – в социально-психологической и организационно-управленческой деятельности. Анализ показывает, что наименьшее количество баллов у студентов, выпускников и профессорско-преподавательского состава набрала группа компетенций, характеризующая проектную деятельность.

На наш взгляд, конечно, необходимо ориентироваться на результаты исследования и проводить соответствующую корректировку содержания и технологий подготовки будущих HR-ов, исходя из субъектно-личностного подхода к результату образования всех заинтересованных сторон, а также их обобщенного представления.

¹ Пономарев А.В., Пономарева О.Я. Формирование модели социально-личностных компетенций выпускника вуза: монография. Екатеринбург, 2008. С.131.

Отраслевая направленность профессиональных компетенций выпускника как заказ работодателя

В условиях компетентного подхода возникает необходимость по-новому осмыслить функциональное назначение профессионального образования, поскольку высшая школа как социальный институт отвечает за развитие личностного потенциала человека. Развитие компетенций рассматривается как новый заказ на рынке труда, расширяющий понятие квалификации. Квалификации и компетенции в этом случае не противопоставляются друг другу, они являются различными аспектами субъектно-деятельностного потенциала личности. Квалификация описывает функциональное соответствие между требованиями рабочего места, областью, объектом, видами, задачами профессиональной деятельности и целями образования. Под квалификацией понимаются знания и способности, необходимые для выполнения определенной деятельности. Виды деятельности выдвигают требования к квалификации. Компетенция же предполагает возможность действия в широких областях. Под компетенцией понимается способность применять знания, навыки и личностные качества в определенной области профессиональной деятельности (ФГОС – III). Это понятие характеризует интегральный результат образования, который востребован новыми формами занятости, содержанием и организацией труда. Современный рынок труда существенно изменил требования к соискателям рабочих мест, проявляющиеся в целом ряде характеристик, в числе которых исследователи отмечают:

1. усиление фактора динамизма и неопределенности;
2. изменение стилей жизни на всех уровнях: глобальном, социальном, организационном, индивидуальном;
3. внедрение рыночных механизмов в профессиональное образование;
4. возрастание роли горизонтальной мобильности в течение трудовой жизни;
5. принципиальная трансформация многих профессий, их глобализация и ускоренная демаркация¹;
6. усиление роли и усложнение задач «личностного развития» («умения на всю жизнь»);
7. Децентрализация ответственности за качество работы;
8. сокращение социальной защиты граждан².

Как эти характеристики отражаются на задачах, стоящих перед молодым специалистом? Исчезновение рабочих мест, на которых можно трудиться в течение всей трудовой жизни, ориентирует на временный характер работы, который становится рабочей моделью будущего; возрастает роль гибких, краткосрочных проектов и коллективов и более предпочтительным становится нестандартизированный характер рабочей силы; увеличивающаяся ненадежность и неопределенность должны восприниматься как новый шанс для успеха; перед выпускниками появляется необходимость организовывать свою деятельность в широких социальных, экономических и культурных контекстах, т.е. разрушается профессиональная замкнутость, формируются «плавающие» профессиональные границы, изменяются трудовые задачи; складываются новые формы труда, требующие от выпускников способности мыслить различными сценариями и категориями процесса, действовать с учетом нескольких альтернатив, признаются интеграция планирования и осуществления, и актуализируется организационно-управленческий потенциал и др. Таким образом, простое выделение некоторых изменившихся параметров труда свидетельствует о кардинальном изменении требований к характеристикам выпускников в современных социально-экономических условиях.

Поэтому вопрос о компетенциях и квалификациях – это вопрос о целях образования, которые должны стать более динамичными и чуткими к запросам общества и рынка труда. Эти

¹ Демаркация профессий – процесс обновления профессий, сопровождающийся «отпадением» от нее традиционных (устаревших) требований и функций и замена их новыми, современными (по аналогии с медициной – отграничение омертвевших участков).

² Байденко В.И. Компетенции: к освоению компетентного подхода. Материалы к методологическому семинару. М., 2004. С.12.

новые обстоятельства, как вызовы общества, требуют освоения новых моделей выпускников и новых моделей их подготовки. Адекватной инновационной экономике и динамично изменяющимся социокультурным условиям становится такая модель выпускника, которая является образом интегративного результата профессионального образования науки, образования и бизнеса. Отсюда важно, чтобы подход к современному образованию на всех ступенях ориентировался на достижение таких целей.

На языке компетенций сформулированы и образовательный, и профессиональный стандарты¹, что свидетельствует о единой цели профессионального развития на этапе подготовки в вузе и является основанием для объединения усилий выпускающих кафедр и работодателей в подготовке специалистов к современному рынку труда. На сегодня существует нормативно-правовая база, которая определяет и ответственность и механизм такого взаимодействия в условиях модернизации образования. Принятие в 2007 г. двух базовых законов (№307–ФЗ и №309–ФЗ) закрепило механизм нового регулирования управления профессиональным образованием: первый закон говорит об участии работодателей в разработке и реализации государственной политики в области профессионального образования, а другой – об изменении понятия и структуры государственного образовательного стандарта. Эти законы базируются уже на компетентностном подходе.

Так, на основании № 307-ФЗ объединения работодателей имеют право участвовать в мониторинге и прогнозировании потребностей экономики в квалифицированных кадрах, а также в разработке и реализации государственной политики в области профессионального образования, в том числе в разработке федеральных государственных образовательных стандартов и разработке федеральных государственных требований к дополнительным профессиональным образовательным программам, формировании перечней направлений подготовки (специальностей) профессионального образования, государственной аккредитации образовательных учреждений профессионального образования в порядке, установленном Правительством РФ. С учетом мнения работодателей на основе данного механизма к 2008 г. были разработаны проекты ФГОС ВПО УМО вузов по областям подготовки (Н.Н. Кузьмин и др., 2005; В.П. Соловьев, Р.Н. Азарова, Н.М. Золотарева, 2005, 2008; И.Г. Галямина, 2005; и многие др.). Анализ проектов ФГОС ВПО, а также ряда проектных и авторских исследований, проведенный нами², позволил сформулировать гипотезу, что в зависимости от отрасли народного хозяйства требования работодателей к личным качествам и компетенциям специалистов по управлению персоналом могут иметь различия.

Запрос на изучение отраслевой специфики модели компетенций специалиста по управлению персоналом (далее – К–модели HR–специалиста) сформировала практика трудоустройства наших выпускников. В течение последних 5 лет кафедра социальной антропологии и психологии подготовила для всех отраслей народного хозяйства свыше 520 менеджеров по управлению персоналом.

При этом около 30% студентов всех форм обучения работают по специальности на выпускном курсе, а в первые 2 месяца по завершению обучения трудоустраиваются или получают продвижение в профессиональной или деловой карьере еще от 15 до 25 %. Анализ проблем трудоустройства выделяет в качестве прочих слабую ориентацию выпускников в специфике управления персоналом, а также в требованиях к компетенциям специалистов служб управления персоналом в конкретных отраслях народного хозяйства.

Комплексные экспериментальные исследования социально-личностной компетентности выпускника технического университета, проводимые нами в УГТУ–УПИ с 2006 по 2009 гг. по мнению работодателей, профессорско-преподавательского состава, студентов и выпускников, а также анализ документов по вопросам воспитания и образования в высшей профессиональной школе, авторских исследований ученых различных педагогических и психологических школ в России подтвердили запрос всех заинтересованных сторон на личностную со-

¹ Макет ФГОС ВПО от 01.09.2008 г., Макет профессионального стандарта, № РП-46 от 28.06.2007 г.

² Пономарев А.В., Пономарева О.Я. Формирование модели социально-личностных компетенций выпускника вуза. Екатеринбург, 2008. С.109-119, 203-214.

ставляющую в модели подготовки специалиста. Экспериментально установлено, что общими для всех и востребованными у выпускников семи укрупненных групп технических и гуманитарных специальностей, оказались такие качества личности, как уверенность в себе, инициативность, целеустремленность, трудолюбие, самостоятельность, ответственность, креативность.

Они были включены нами в предварительную К–модель HR–специалиста и дополнены тремя качествами личности, полученными методом контент-анализа наиболее востребованных качеств HR–специалиста при открытии вакансии на Интернет–сайтах в порталах «работа»: работоспособность, обучаемость, мобильность. Перечень общекультурных и профессиональных (организационно-управленческих, информационно-аналитических, социально-психологических и проектных) компетенций был взят из проекта ФГОС ВПО по направлению подготовки «Управление персоналом», квалификация «бакалавр»¹.

Исследование проводилось в октябре – мае 2009/2010 гг. В качестве метода исследования мы использовали анкетирование и подход к разработке анкеты, употребляемый нами ранее².

Таблица 103

Результаты ранжирования качеств личности по выборкам (абсолютное значение, в баллах)

Качества личности	Среднее значение		
	общая	металлургия	торговля
трудолюбие	9,0	9,1	9,1
инициативность	8,0	7,8	8,1
уверенность в себе	8,5	8,4	8,4
самостоятельность	8,4	8,5	8,3
целеустремленность	8,9	8,8	8,8
ответственность	9,4	9,2	9,3
креативность	7,7	7,7	8,0
работоспособность	9,0	9,1	8,8
обучаемость	8,8	8,7	8,0
мобильность	8,3	8,4	8,4

Анализ полученных данных в общей выборке и по отраслям показал, что первые три ранговые места распределяются, в целом, идентично: наиболее важными качествами личности HR–специалиста являются: ответственность, трудолюбие и работоспособность. Дополнительно в число первых трех ранговых мест в торговой отрасли вошло такое качество личности, как целеустремленность». Так же обращают на себя внимание различия в абсолютных

¹ Постановление Правительства РФ от 24 февраля 2009 г. № 142.

² Пономарев А.В. Формирование модели социально-личностных компетенций выпускника вуза / А.В. Пономарев, О.Я. Пономарева. Екатеринбург, «Издательство УМЦ УПИ», 2008. с. 131. Респондентам предлагалось оценить качества личности HR–специалиста (по десятибалльной шкале), а также общекультурные и профессиональные компетенции по их значимости для профессиональной деятельности и уровню освоения в вузе (по четырехбалльной шкале). В исследовании приняли участие 180 работодателей предприятий города Екатеринбурга и Свердловской области, с большинством из которых выпускающая кафедра поддерживает социальное партнерство (Екатеринбург – 29 %, Верхняя Пышма – 15 %, Артёмовский – 14 %, Полевской – 12 %, Алапаевск – 7 %, Кировград – 7 %, Среднеуральск – 6 %, Полевской – 5 %, Ревда – 4 %, и др.). Выборочную совокупность представляли 35 руководителей предприятий (высший менеджмент), 145 менеджеров (средний и низший менеджмент), из них 87 руководителей служб управления персоналом или их заместители 10 отраслей народного хозяйства: государственные структуры, банки, полиграфия, энергетика, строительство, телекоммуникации, транспорт, машиностроение, металлургия, торговля/услуги. Две последних отрасли составили 70 % всей выборки в равных долях. На первом этапе обработка полученных данных проводилась с помощью пакета обработки социологических данных Vortex 8.0. Результаты исследования анализировались нами в общей выборке и по отраслям «металлургия» и «торговля» по следующим направлениям: анализ особенностей ранжирования качеств личности по степени значимости их для профессиональной деятельности; сравнительный анализ выраженности показателей значимости общекультурных и профессиональных компетенций и уровня их сформированности в вузе на основании средних данных в отраслях «металлургия» и «торговля».

значениях показателей трех качеств личности у работодателей торговой отрасли. Креативность и инициативность они оценили выше, а обучаемость значительно ниже, чем работодатели металлургической отрасли. В свою очередь, работодатели отрасли металлургия более важными для профессиональной деятельности считают такие качества личности, как обучаемость и самостоятельность. Объяснение предпочтению качеств личности в торговой отрасли, вероятно, можно искать в ее специфике – отрасль является конкурентной, жесткой, динамично изменяющейся, как правило, находящейся в руках частных собственников. HR–специалист в таких условиях должен быть способен преодолевать локальное сопротивление изменениям со стороны персонала организации. Для этого ему необходимы такие личные качества, как инициативность и креативность, которые связаны с активностью, умением отстаивать интересы компании и собственника, гибкостью и свежестью взглядов, умением найти компромиссы в согласовании действий руководителей и персонала. И, наоборот, в металлургической отрасли, в которой динамика изменений содержания и процесса труда основных категорий работников не так стремительна, а введение инноваций в наукоемкую отрасль ориентировано на более длительный период, требуется принятие корпоративной культуры предприятий, обучаемость по «стандартам» фирмы посредством внутрифирменное обучение в центрах обучения и переподготовки на предприятиях.

Приведем результаты исследования среднегрупповых данных значимости общекультурных и профессиональных компетенций по отраслям народного хозяйства (См.: Рис.42, 43). Как видно, все 5 групп компетенций имеют высокую значимость (выше допустимого критерия 3 балла). Обращает на себя внимание тот факт, что группа проектных компетенций имеет степень значимости чуть ниже других групп. Вместе с тем, небольшой разброс баллов (0,1) не даёт возможности говорить о высокой значимости одних групп компетенций и низкой значимости других. Анализ уровня освоения по группам компетенций показывает, что допустимый уровень, по мнению работодателей, не проходят информационно-аналитические компетенции, важные для сферы «человек-техника». Как видно, все 5 групп компетенций также проходят допустимое критериальное значение баллов. Анализ показывает, что наиболее высокую степень значимости имеют организационно-управленческие и социально-психологические компетенции, что, на наш взгляд связано со спецификой отрасли (сфера «человек-человек», ориентация на потребности и ожидания клиента). Анализ уровня освоения компетенций показывает, что и общекультурные и все группы профессиональных компетенций проходят критериальное значение. Это свидетельствует о том, что к работе в данной отрасли выпускники – будущие HR–специалисты наиболее подготовлены.

Рис.42. Оценки значимости и освоения компетенций работодателями металлургической отрасли

Рис.43. Оценки значимости и освоения компетенций работодателями торговой отрасли

В обеих отраслевых группах значимость показателей по степени важности компетенций для профессиональной деятельности выше, чем уровень их освоения в вузе, что должно определять политику выпускающей кафедры в образовательной деятельности. Обнаруженные различия по уровню значимости и уровню освоения по всем группам компетенций в настоящий момент не являются поводом для оценки качества образования, они проходят установленный допустимый уровень значимости баллов. Их можно рассматривать как тенденцию на перспективу для реализации ФГОС-III, основанного на компетенциях, которые старый ГОС не мог ставить в качестве своей цели.

На втором этапе исследования были выделены конкретные компетенции в группах, имеющих различия в металлургической и торговой отраслях. С этой целью была проведена сравнительная статистика абсолютного значения показателей значимости 89 компетенций в этих двух независимых выборках. Использовался t-критерий Стьюдента. Определялась, а затем интерпретировалась статистическая значимость различий, определяемая по величине вероятности ошибки: чем меньше вероятность ошибки (1%, $p < 0,01$ в сравнении с 5%, $p < 0,05$), тем больше различие между показателями переменных. Результаты проведенного анализа свидетельствуют о наличии статистически значимых различий между показателями компетенций для отраслей металлургия и торговля. В частности, различия установлены по трем компетенциям на уровне значимости $p < 0,05$. Во всех случаях значимость оценивается выше работодателями металлургической отрасли¹. Эти различия свидетельствуют о более высоких требованиях работодателей металлургической отрасли к специалистам в вопросах коллективной деятельности в силу распространенной в данной отрасли бригадной работы; в области знания правовых нормативных актов в условиях вредного производства; в вопросах использования рабочего времени в силу разнообразия видов режимов и сменности работы отдельных категорий работников в данной отрасли.

У нас возник вопрос: можно ли руководствоваться сравнительным анализом среднегрупповых данных по отраслям для построения модели компетенций HR-специалиста и считать, что данные различия не существенны? Для построения K-модели HR-специалиста в общей выборке и по отраслям нами была применена методология факторного анализа и его вариация (стохастический по методу главных компонент с последующим Varimax-вращением). На данном этапе исследования обработка полученных данных проводилась с помощью про-

¹ Общекультурные компетенции «Готов к кооперации с коллегами, работе в коллективе на общий результат, обладает навыками организации и координации взаимодействия между людьми, контроля и оценки эффективности деятельности других»; «Умеет использовать нормативные правовые документы в своей деятельности»; и информационно-аналитической компетенции «Владеет навыками контроля за использованием рабочего времени».

граммы SPSS for Windows v.13.0. В факторный анализ были включены 98 показателей: 88 компетенций и 10 качеств личности.

Первичный анализ факторных структур в общей выборке с учетом значимости факторных весов (для $n = 180$ чел.) показал, что в К–модель обобщенно могут входить 96 из 98 компетенций, то есть, проект ФГОСа–III по управлению персоналом по перечню компетенций, которыми должны владеть HR–специалисты, составлен корректно, основываясь на реальных потребностях современных организаций. Так же в К–модель вошли 7 качеств личности. Вместе с тем, данная модель характеризуется количественной избыточностью элементов, и на наш взгляд мало применима на практике. В целях дальнейшего практического использования К–модели необходимо было выделить компоненты, имеющие наиболее важное значение. С этой целью нами был проведен анализ полученных факторных структур и выделены компоненты, имеющие высокое значение факторных весов ($p \geq 0,6$).

Таблица 104

Анализ факторных структур

Компоненты факторных структур	Перечень номеров компетенций из проекта ФГОС ВПО по направлению «управление персоналом», квалификация «бакалавр», вошедших в факторные структуры		
	Общая	Металлургия	Торговля
Общекультурные компетенции	2, <u>3</u> , <u>4</u> , 5, 6, 7, 8, 9	2, <u>3</u> , <u>4</u> , 12, 15, 17, 18, 20, 22	<u>3</u> , <u>4</u> , 5, 6, 7, 8, 10, 15
Организационно-управленческие компетенции	<u>4</u> , 8, <u>12</u> , <u>18</u> , <u>19</u> , <u>20</u> , 29, 30, <u>31</u> , <u>32</u> , 33, 35, <u>36</u> , 37	<u>4</u> , 5, <u>12</u> , 13, 14, 16, 17, <u>18</u> , <u>19</u> , <u>20</u> , 21, 23, <u>31</u> , <u>32</u> , 33, 34, 35, <u>36</u>	3, <u>4</u> , 8, 10, 11, <u>12</u> , 14, <u>18</u> , <u>19</u> , <u>20</u> , 22, 29, 30, <u>31</u> , <u>32</u> , <u>36</u>
Информационно - аналитические компетенции	3, 4, 5, 6, 7, 8, 11, 14, 15	1, 3, 4, 5, 15, 7, 14	6
Социально - психологические компетенции	3, 5, 7, 8	2, 7	-
Проектные компетенции	<u>3</u>	<u>3</u> , 4	<u>3</u> , 4
Качества личности	уверенность в себе, самостоятельность, целеустремленность	работоспособность, ответственность, трудолюбие	самостоятельность, уверенность в себе, креативность

Жирным шрифтом и подчеркиванием выделены повторяющиеся номера компетенций во всех трех факторных структурах

Анализ полученных данных факторного анализа показывает, что в К–модель HR–специалиста попадают все группы компетенций и ни одна из них не может быть исключена из модели, что также подтверждает валидность групп компетенций проекта ФГОСа.

Анализ таблицы дает основание утверждать, что К–модель HR–специалиста имеет трехкомпонентную структуру и включает: качества личности, важные для профессиональной группы в конкретной отрасли, общекультурные и профессиональные компетенции; состав компонентов структуры модели включает как общий – единый перечень компетенций, составляющий около 30% компетенций в факторной структуре в общей выборке работодателей (11 из 36) и в отрасли «металлургия» (11 из 37) и около 40 % – в отрасли «торговля» (11 из 27), так и частный – «отраслевой» – перечень компетенций, удельный вес которых достаточно велик и составляет, соответственно, по отраслям – 70% и 60 %. Отсутствие группы социально-психологических компетенций в структуре отраслевой модели в торговой сфере свидетельствует о недопонимании ее работодателями в данной выборке, требует «встречного движения» со стороны ученых, профессорско-преподавательского состава о включении этой группы в модель с прицелом «на будущее».

Результаты преобразованных факторных структур К–моделей HR–специалистов

ОБЩЕКУЛЬТУРНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ:	
2	Знает и понимает законы развития природы, общества и мышления и умеет оперировать этими знаниями в профессиональной деятельности
3	Способен занимать активную гражданскую позицию
4	Анализировать и оценивать исторические события и процессы в их динамике и взаимосвязи
5	Владеет культурой мышления, способен к восприятию, обобщению и анализу информации, постановке цели и выбору путей ее достижения
6	Умеет логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь, способен отстаивать свою точку зрения, не разрушая отношения
7	Готов к кооперации с коллегами, работе в коллективе на общий результат, обладает навыками организации и координации взаимодействия между людьми, контроля и оценки эффективности деятельности других
8	Способен находить организационно-управленческие решения, способен разрабатывать алгоритмы их реализации и готов нести ответственность их результаты
9	Умеет использовать нормативные правовые документы в своей деятельности
10	Стремится к личностному и профессиональному саморазвитию, умеет расставлять приоритеты, ставить личные цели, способен учиться на собственном опыте и опыте других
12	Осознает социальную значимость своей будущей профессии, обладает высокой мотивацией к выполнению профессиональной деятельности
15	Владеет методами количественного анализа и моделирования, теоретического и экспериментального исследования
17	Владеет основными методами, способами и средствами получения, хранения и переработки информации, имеет навыки работы с компьютером как средством управления информацией
18	Способен работать с информацией в глобальных компьютерных сетях и корпоративных информационных системах
20	Учитывает последствия управленческих решений и действий с позиции социальной ответственности
22	Привержен этическим ценностям: уважение человеческого достоинства, честность, открытость, справедливость, порядочность, доброжелательность, терпимость
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ	
Организационно-управленческая деятельность:	
3	Владеет навыками разработки организационной и функционально-штатной структуры
4	Владеет навыками составления кадровой отчетности
5	Знает основы нормирования труда
8	Знает основы разработки и внедрения требований к должностям и критериев подбора персонала
10	Владеет методами деловой оценки персонала
11	Знает принципы формирования системы адаптации персонала
12	Знает основы разработки и внедрения кадровой политики, планирования и стратегии адаптации персонала в организации
13	Знает основы разработки и внедрения программ адаптации персонала
14	Знает виды, формы и методы обучения персонала
16	Знает принципы формирования учебных программ
17	Умеет определять цели, задачи и виды оценки персонала в соответствии со стратегическими планами организации
18	Знает основы разработки и внедрения критериев оценки персонала
19	Знает методы и инструменты оценки персонала и умеет применять их на практике
20	Знает методы и владеет навыками оценки результатов и качества оценки персонала в компании
21	Знает методы и владеет навыками организации постоценочных мероприятий
22	Способен эффективно организовывать групповую работу на основе знания процессов групповой динамики и принципов формирования команды
23	Знает корпоративные коммуникационные каналы и средства передачи информации, владеет навыками информационного обеспечения процессов внутренних коммуникаций
29	Знает Трудовой кодекс РФ и иные нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права
30	Знает Кодекс об административных правонарушениях РФ, Уголовный кодекс РФ и иные федеральные законы в части определения ответственности за нарушения трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права
31	Знает Гражданский кодекс РФ в части, относящейся к деятельности кадровой службы
32	Владеет навыками ведения взаимодействия по кадровым вопросам с профсоюзами и внешними организациями, трудовым коллективом
33	Знает основы разработки и внедрения кадровой политики и планирования процедур регулирования

	трудовых отношений и сопровождающую документацию
34	Знает особенности возникновения и разрешения трудовых споров и конфликтов в коллективе
35	Знает требования по обеспечению защиты персональных данных сотрудников
36	Знает процедуры приема, увольнения, перевода на другую работу и перемещения персонала в соответствии с Трудовым кодексом РФ, владеет навыками оформления сопровождающей документации
37	Умеет вести кадровое делопроизводство и организовать архивное хранение кадровых документов в соответствии с действующими нормативно-правовыми актами
Информационно-аналитическая деятельность:	
1	Умеет рассчитывать численность и профессиональный состав персонала
3	Умеет составлять описания функционала сотрудников и подразделений разного уровня (карты компетенций, должностные инструкции и т.д.)
4	Владеет навыками анализа конкурентоспособности стратегии компании в области подбора и привлечения персонала
5	Владеет навыками сбора информации для анализа внутренних и внешних факторов, влияющих на эффективность подбора персонала
6	Владеет навыками сбора информации для анализа рынка образовательных услуг
7	Владеет навыками и методами сбора информации для выявления потребности в обучении и развитии персонала
8	Владеет навыками получения обратной связи по результатам обучения и развития
11	Умеет определять соответствие трудовой деятельности сотрудника критериям ее оценки
14	Умеет проводить аудит и контроллинг персонала и осуществлять диагностику организационной культуры
15	Способен проводить анализ рыночных и специфических рисков, связанных с деятельностью по реализации функций управления персоналом, использовать его результаты для принятия управленческих решений
Социально-психологическая деятельность:	
2	Способен формировать трудовой коллектив (взаимоотношения, морально- психологический климат)
3	Умеет применять практическую социологию в формировании и воспитании трудового коллектива, проводить диагностику социальных ситуаций
5	Способен обеспечивать предупреждение и профилактику личной профессиональной деформации и профессионального выгорания
7	Умеет обеспечивать соблюдение этических норм взаимоотношений в организации
8	Способен целенаправленно и эффективно реализовывать современные технологии социальной работы с персоналом
Проектная деятельность:	
3	Знает основы проведения и методы оценки экономической и социальной эффективности инвестиционных проектов в области управления персоналом при различных схемах и условиях инвестирования и финансирования программ развития персонала
4	Готов участвовать в реализации программы организационных изменений, способен преодолевать локальное сопротивление изменениям

Необходимо отметить, что в состав К–модели HR–специалиста в общей выборке вошло около 40 % компонентов от их первичного перечня. Наиболее полно представлены следующие группы компетенций: информационно-аналитическая – 56 % от исходного числа компетенций; социально-психологическая – 50 %; общекультурная и организационно-управленческая – 36 %. В меньшей степени представлена группа проектных компетенций – 25 % от исходного их количества. В эмпирически полученную факторную структуру компетенций, которую мы можем рассматривать как обобщенную межотраслевую К-модель, вошли и такие качества личности, как уверенность в себе, самостоятельность и целеустремленность.

Содержательная интерпретация К–модели HR–специалиста в общей выборке позволяет заключить, что ее базовыми характеристиками являются широкий спектр общекультурных компетенций, а также двух групп профессиональных компетенций – информационно-аналитических, связанных с владением навыками и методами сбора информации подсистемы обучения и развития персонала, и организационно-управленческих, характеризующих владение навыками составления кадровой отчетности. Углубленный анализ модели в общей выборке показывает, что это работник со сформированной гражданской позицией, готовый к кооперации с коллегами и работе на общий результат, способный находить организационно-управленческие решения, знающий подсистему оценки персонала, свободно использующий

нормативные правовые акты, умеющий работать с информацией, а также обеспечивать соблюдение этических норм взаимоотношений в организации.

Анализ К–модели HR–специалиста по отраслям показал, что в ее структуре имеются существенные отличия. Содержательная интерпретация модели в выборке металлургической отрасли показывает, что это специалист с богатой общекультурной составляющей, имеющий не только активную гражданскую позицию, знание, и понимание законов развития природы, общества и мышления, отличающийся работоспособностью, ответственностью, трудолюбием, но и приверженный этическим ценностям: уважению человеческого достоинства, честности, открытости, справедливости, порядочности, доброжелательности, терпимости. Необходимо отметить, что данная компетенция (ОК № 22) не вошла в модели в общей выборке и в выборке торговой отрасли. Это позволяет заключить, что в отрасли востребован не только инженер «с человеческим лицом», о чем свидетельствуют полученные ранее данные по выпускникам технического профиля, но повышенные требования к личностным качествам предъявляются и к специалисту по работе с персоналом, то есть вопрос о модели компетенций профессиональной группы на предприятиях отрасли ставится широко – как общие требования корпоративной культуры. Как показывает анализ, высокая технологичность производственного процесса в отрасли актуализирует у HR–специалиста способность работать в глобальных компьютерных сетях и корпоративных информационных системах.

Содержательная интерпретация модели в выборке торговой отрасли показывает, что это специалист, владеющий культурой мышления, готовый к кооперации с коллегами и работе на общий результат, знающий нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права, а также владеющий навыками сбора информации. Помимо того, актуализируется готовность к участию в программах организационных изменений. В связи с тем, что данная отрасль является динамичной, жесткой, конкурентной, динамично изменяющейся, HR–специалист должен быть способным преодолевать локальное сопротивление изменениям со стороны персонала организации. Для этого ему необходимы такие личные качества, как уверенность в себе, самостоятельность и креативность, которую мы трактуем как гибкость и свежесть взглядов.

Полученные данные подтверждают поставленную гипотезу исследования и имеют существенное практическое значение. Эмпирически спроектированные отраслевые К–модели HR–специалиста и их постоянная коррекция может служить научной основой подготовки специалистов для отраслей народного хозяйства. Исследование подтвердило, что недостаточно сегодня формировать общую К–модель HR–специалиста, так как она не ориентирует на «затачивание» специалиста к требованиям отрасли, соответственно, он имеет меньше шансов для трудоустройства без дополнительного обучения или переобучения. Существенным выводом по результатам исследования является ориентация работодателя на новые цели образования – формирование компетенций. Различия в отраслевых требованиях к К – модели компетенций HR–специалиста свидетельствуют о том, что в новых условиях рынка труда недостаточно в вузе сформировать соответствие выпускника уровню квалификационных требований к рабочему месту. Возникает необходимость включать «личностную составляющую» профессиональной подготовки – мотивацию студентов для работы на предприятиях отрасли, «стержневые» качества личности и включенность в деятельность – самоуправление процессом профессионального саморазвития. Комплекс перечисленных составляющих, представленных в эмпирической модели компетенций, и будет являться интегральным результатом образования. С учетом готовности будущих специалистов к освоению требуемых компетенций будет возможно обеспечить качество образования.

Таким образом, корректировка содержания и технологий подготовки специалистов в вузе включает помимо традиционных в свою сферу еще две обязательных составляющих – требования работодателей конкретной отрасли и мотивацию самих обучающихся, их личностную включенность в процесс своего профессионального становления.

Формирование инновационной культуры молодых предпринимателей в современном российском обществе

Актуальность данной темы сегодня очень высока: именно инновационное предпринимательство способно обеспечить российскому обществу значительное экономическое и социальное ускорение, модернизацию экономики и ее существенный рост. Вместе с тем, социальные нормы и традиции инновационного и предпринимательского поведения формируются на базе определенных культурных паттернов: ценностей, культурных норм, идей, духовных и культурных стремлений. Именно на основе культуры формируются необходимые институты; одностороннее развитие правовых механизмов не сможет обеспечить действительно широкий рост инновационного предпринимательства. Вместе с тем, в российском обществе существуют многочисленные и достаточно серьезные проблемы, препятствующие развитию малого бизнеса и коммерческой инновационной деятельности. Частично эти проблемы лежат в поле культурной и духовной жизни общества, частично – в несовершенстве правовой базы, структурных дисбалансах экономики, недостаточности ресурсов и несовершенстве механизмов государственного и муниципального управления.

Проблема культуры предпринимателя часто упрощается и сводится к правовой культуре (необходимости платить налоги) и управленческой культуре. Вместе с тем, как показали социологи еще в XIX в. (М. Вебер), предпринимательство – это носитель особой культуры, отличной от культуры труда, экономики, управления. Культура предпринимателя наиболее тесно связана с инновационными ценностями и идеями, предприниматель – это всегда новатор, осознавая свой риск, он внедряет новшества в бизнес – будь это новые промышленные технологии или новые принципы и методы управления.

Сегодня перед российским обществом стоит задача значительно активизировать инновационную предпринимательскую деятельность, задействуя при этом широкие механизмы социального управления, в том числе – механизмы влияния на культуру общества и предпринимательских слоев в целях повышения социальной ценности новаторства, антрепренерства, экономического творчества. История научного изучения предпринимательства начинается в сфере экономической теории, однако сегодня проблемам предпринимательства и инновационной активности все большее внимание уделяют психологи, культурологи и социологи. Однако надо сказать, что уже в теориях экономистов прослеживается особое внимание к проблемам анализа предпринимательского поведения, мотивов инновационной активности и особенностям предпринимательской культуры.

Введение в оборот термина «предприниматель» принадлежит французскому экономисту Р. Кантильону (1680 – 1734), который под этим понимал человека (торговца, фермера, ремесленника) действующего в условиях риска. Риск – главная отличительная черта такого предпринимателя. Со времени Р. Кантильона понимание этого феномена существенно расширилось. Ж.-Б. Сэй пытался структурировать процесс хозяйственного производства. Он выделял в нем три стадии: научную, предпринимательскую и производственную и определял предпринимателя как человека, который берется на свой страх и риск и для своей пользы произвести какой-либо продукт. В функции предпринимателя, по его мнению, входят: 1) соединение факторов производства (капитала и труда), 2) сбор информации и накопление необходимого опыта, 3) принятие решений и организация производственного процесса¹. Ж.-Б. Сэй определяет предпринимателя в основном как управляющего и координатора факторов производства. Он указывает на творческий, экспериментальный, рискованный характер деятельности предпринимателя, ее отличие от рутинных повседневных операций по управлению производством.

Теоретиком современного социально-экономического понимания предпринимательства считают Й. Шумпетера (1883-1950). По его мнению, предприниматель есть основной фено-

¹ См.: Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории. М., 1993; Колесникова Л.А. Предпринимательство и малый бизнес в современном государстве. М., 2000; Радаев В.В. Экономическая социология. Курс лекций. М., 2005.

мен экономического развития, которое он представлял как переход от одного равновесного состояния к другому. По мнению Й. Шумпетера, роль предпринимателя довольно существенно отличается от роли капиталиста и рабочего, так как предприниматель изначально не имеет капитала и не продает свой труд, но обладает организаторскими и лидерскими способностями, инициативой и способностью идти на риск. Благодаря кредиту, предприниматель мобилизует факторы производства и, получив их в распоряжение, осуществляет инновационную деятельность. Основная задача предпринимателя – «революционализировать способ производства путем внедрения изобретений, а в более общем смысле – через использование новых технологических возможностей для производства новых товаров, или прежних, но по новым методам, благодаря открытию новых источников сырья или нового рынка готовой продукции – вплоть до реорганизации прежней и создания новой отрасли промышленности»¹.

Й. Шумпетер выделяет пять типов изменений, осуществляемых предпринимателем, которые можно отнести к инновациям: 1) использование новой техники в экономическом производстве, 2) выпуск товаров с новыми свойствами, 3) использование новых видов сырья 4) проведение организационных изменений в фирмах, 5) овладение новыми рынками сбыта. Основой инновационной деятельности предпринимателя Й. Шумпетер считает труд по управлению предприятием. «Труд по управлению занимает, видимо, господствующее положение по отношению, как к исполнительному труду, так и к услугам земли. Он как бы образует третий фактор производства»². Однако Й. Шумпетер, рассматривает предпринимательские идеи лишь как продукт воздействия внешних сил. Он пишет: «По своей воле он не меняет ничего; хозяйственный субъект изменяет только то, что меняют сами обстоятельства. Он устраняет те несоответствия между экономическими показателями и управлением хозяйством, которые возникают, когда конкретные условия меняются, а люди пытаются продолжать хозяйствовать на прежний манер. ..В народном хозяйстве отсутствует какое бы то ни было творческое начало и есть только воздействие давления вещной необходимости»³. В конечном итоге, предприниматель у Й. Шумпетера выполняет функцию комбинирования «начальных факторов производства» и выполняет ее как бы «механически, автоматически»⁴. Фактически он «отказывает» предпринимателю в «особой» инновационной и предпринимательской культуре.

Неоавстрийская школа (Мизес Л., Хайек Ф., Кирцнер И.) продолжает исследовать предпринимательскую деятельность как деятельность, связанную с нарушением равновесности рыночных экономических систем, принятием решений в условиях неопределенной и конкурентной среды. Однако в рамках этой школы предпринимательство рассматривается уже в аспекте *личностных характеристик человека, его поведения и культуры*. По Ф. Хайеку⁵, предприниматель – это исследователь новых экономических возможностей, то есть предпринимательство – это характеристика поведения и всякий человек, поведение которого отличается поисковым стилем – это потенциальный предприниматель. Количество предпринимателей примерно одинаково во всех странах; в тех же обществах, где «дух предпринимательства» не проявляется, это является следствием «ограничений, налагаемых существующими обычаями и институтами».

Недостаточное исследование феномена предпринимательства экономической наукой и актуальность работ, исследующих культуру, поведение и мотивы предпринимателя, подчеркивает П. Друкер. Он пишет: «...Среди всех крупных современных экономистов только Й. Шумпетер серьезно рассматривал предпринимателя и его влияние на экономику. Для экономистов предпринимательство есть нечто вроде «метаэкономического» события, воздействующего на экономику, не будучи, по сути, ее частью. Другими словами, экономисты не

¹ Шумпетер Й. Теория экономического развития М., 1982.С.148.

² Там же. С.79.

³ Там же. С.158.

⁴ Там же. С.113.

⁵ Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия //МЭ и МО.1989. №12. С.14.

имеют объяснения ни того, почему предпринимательство возникло и так интенсивно стало развиваться, в особенности, в конце XIX в., аналогично тому, как это, похоже, происходит в конце нынешнего столетия, ни того, почему оно развивается лучше в одних странах и культурах и не развивается в других. В действительности, вероятно, это объясняется тем, что события, которые лежат в основе этих явлений, не являются чисто экономическими. Причины лежат, скорее в изменении ценностей, восприятия, ощущений и отношения, в изменении демографии, институтов и, возможно, также в изменении образования»¹. Для работ П. Друкера характерно выделение социальных функций предпринимательства. Он рассматривал предпринимательство как социально-экономический институт, формирующийся вокруг определенных культурных паттернов.

Примером применения социологической концепции в сфере экономических отношений являются труды М. Вебера. В работе «Протестантская этика и «дух капитализма» он исследует культурные и духовные причины возникновения современного капитализма и развития предпринимательской деятельности. Вебер доказывает, что определенные экономические отношения появляются в обществе в результате воплощения идей, верований и убеждений. Исследуя взаимоотношение религии и экономических, производственных отношений, он доказывает, что именно религия, то есть, в широком смысле, духовные идеи, стремления, желания, эмоции и культура людей изначально лежат в основе экономических отношений людей и формируют их.

Вебер писал: «Для того, чтобы мог произойти соответствующий специфике капитализма «отбор» в сфере жизненного уклада и отношения к профессии, то есть для того, чтобы определенный вид поведения и представлений одержал победу над другими, он должен был, разумеется, сначала возникнуть, притом не у отдельных, изолированных друг от друга личностей, а как некое мироощущение, носителями которого являлись группы людей»². Вебер подчеркивает: «Вопрос о движущих силах экспансии современного капитализма не сводится к вопросу об источнике использования капиталистом денежных ресурсов. Это, в первую очередь, вопрос о развитии капиталистического духа. Там, где он возникает и оказывает свое воздействие, он добывает необходимые ему денежные ресурсы, но не наоборот»³. М. Вебер показывает, что традиционные культурные паттерны являются препятствием рационализации хозяйственной деятельности. По природе своей человек консервативен, он хочет не зарабатывать все больше и больше денег, а жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько ему нужно для такой жизни. Это равновесие может быть нарушено только с появлением некой новой идеи, названной М. Вебером «духом капитализма» или «духом предпринимательства».

Таким образом, культура предпринимательства является важнейшим фактором формирования института предпринимательства и фактором активизации инновационных моделей экономической активности. Н. Зарубина пишет: «Особую роль во внедрении в общественное сознание Запада необходимости предпринимательского успеха и самоутверждении института предпринимательства в обществе сыграла массовая культура, которая в XX в. окончательно утвердила приемлемые для бизнеса формы поведения, ориентации сознания и стереотипные формы реакции на разного рода жизненные коллизии»⁴.

Культура России и менталитет россиян существенным образом отличаются от западной культуры, в которой существенную роль сыграли духовные идеи протестантизма – лютеранство и кальвинизм. Для традиционной российской экономической культуры не характерны жесткая рационализация и индивидуализация. Мышление в России – это

¹ Drucker P.F. Innovation and Entrepreneurship (Practice and Principles). N.Y., 1985. P.26.

² Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 77.

³ Там же.

⁴ Зарубина Н.Н. Без протестантской этики: проблема социокультурной легитимизации предпринимательства в модернизирующихся обществах.//Вопросы философии. 2001. №10. С. 48.

мышление иносказаниями, «поэтическими тропами»¹. Культура России «стремится сохранить себя как культура молчания, созерцания, эмоциональной логики инверсии», – пишет А. Ахиезер². Л. Незамова считает, что в России «слово, называя предмет, уже «образует» его, в отличие от западно-европейского понимания слова, требующего деяния, выраженного в плотском результате; здесь такой результат не затребован, достаточно самого звучания»³. По мнению Е. Орловой: «Особенность формирования предпринимательской культуры заключается в том, что в России нравственное принятие рыночных экономических отношений, принятие хозяйствования, нацеленного на прибыльность как результат, уже являются в определенной степени нравственным принятием инноваторства и предпринимательства в экономике»⁴.

Таким образом, культура предпринимательства и инновационной экономической активности является «ядром» формирования института предпринимательства, призванного выполнять в обществе важнейшие функции, связанные с обеспечением экономического роста. Предпринимательская культура формируется в результате социализации и интериоризации ценностей трудовой и хозяйственной активности, нацеленных на рационально осмысленный результат, ценностей личного успеха и «завоевательного» отношения к миру. Процесс формирования данных социальных ценностей и культуры инновационного предпринимательства в России еще только начался. Поэтому необходимо научное изучение процессов трансформации экономической культуры в России, выявление и анализ новых культурных паттернов, связанных с инновационной экономической активностью, разработка механизмов поддержки культуры инновационного предпринимательства, в том числе – поддержки на уровне систем государственного и муниципального управления.

Пронина Е.И., Тобенгауз П.М. (ИС РАН, Москва)

Воспитание гражданственности и патриотизма в школе и вузе

Современная российская молодежь живет в мире, сложном по своему содержанию и тенденциям развития, считают исследователи поведения российской молодежи в условиях социокультурных изменений. В начале XXI в. в России в очередной раз на фоне социально-экономического кризиса разразился духовный кризис, одним из проявлений которого, по мнению многих исследователей, выступает кризис патриотических чувств, сознания и поведения. Уклонение от службы в армии, желание существенной части молодых жить и работать за границей, неучастие в выборах – наиболее очевидные стороны этого процесса.

Положение с «дефицитом» патриотизма стало настолько серьезным, что была принята Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации 2001-2005 гг.» и затем 18 июля 2005 г. Правительство Российской Федерации приняло Государственную Программу «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 гг.».

У исследователей проблем гражданской социализации молодежи и подростков может сложиться впечатление, что различные социальные группы, государственные деятели, различные институты и субъекты образовательного процесса по-разному трактуют, понимают и используют это явление. Это подтверждают результаты нашего исследования «Формирование гражданской и патриотической позиции молодежи и подростков России», проведенного в мае 2007 г. среди учащихся старших классов школ гг. Оренбург, Белгород, Тверь, Магадан, Нижневартовск, нескольких городов, в т.ч. наукоградов, Московской области. На чувствах патриотизма зачастую осуществляются политические спекуляции и разжигается социальная вражда. Сегодня многие события патриотического прошлого России пересматриваются, их

¹ См.: Неретина С.С. Верующий разум К истории средневековой философии. Архангельск, 1995; Неретина С.С. История: миф, время, загадка. М., 1994.

² Ахиезер А.С. Специфика российского общества, культуры, ментальности как теоретическая и практическая проблема. /www.giisnr.ru

³ Незамова Л.Я. Русская культурологическая мысль XIX-XX веков. Автореф. дисс.. М. 1997. С. 23.

⁴ Орлова Е.В. Современное российское предпринимательство. Саратов, 2006. С. 212.

значимость оспаривается или преуменьшается. Знания об этих этапах жизни страны становятся фрагментарными, неполными, иногда необъективными.

В этой связи представляется важным с позиции социологии взглянуть на эту проблему, попытаться отыскать методы и инструменты ее решения с учетом традиций социальной и политической жизни Российского общества, государства и новых условий. Как и раньше, проблема патриотического воспитания является предметом значительного числа исследований отечественных и зарубежных ученых. Данные вопросы освещались еще в трудах В.Г. Белинского, К.А. Гельвеция, Н.А. Добролюбова, А.Н. Радищева, К.Д. Ушинского, Н.Г. Чернышевского. В советской педагогике проблема патриотического воспитания подрастающего поколения разрабатывалась такими учеными, как А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, и другими. Анализируя протекающие в обществе социополитические процессы, тему патриотизма развивают Ю.Р. Вишневский, В.К. Левашов, А. Малинкин, Э.А. Паин, В.Т. Шапко, Н.Д. Никандров и другие авторы.

Важной особенностью сегодняшнего этапа развития патриотизма является *усиление ориентации россиян на собственное благополучие*. Направленность на общее благо, свойственная советскому времени, сочетается сегодня с заботой о себе, своем благосостоянии и положении в обществе. Государственные СМИ и другие официальные источники формирования общественного мнения предлагают точку зрения, согласно которой улучшение благосостояния каждого человека связывается с упрочением российского государства, его экономики, стабильности в обществе. И это выглядит вполне логично: чем благополучнее, стабильнее общество, тем лучше жизнь каждого его члена. Однако данные опросов не свидетельствуют о высоком доверии граждан к официальным целям, провозглашаемым государством, официальным структурам, общественным деятелям и институтам законодательной и исполнительной власти.¹ В этой ситуации личная забота о себе, своих близких, собственном благополучии и пр. естественным образом влечет за собой изменение характера патриотизма.

Другой важной особенностью содержания патриотизма в современных условиях является его направленность не только *на будущее*, но и *на настоящее*. Если в эпоху строительства коммунизма настоящее приносилось в жертву будущему, то сегодня, в условиях неопределенности, динамично и непредсказуемо меняющейся действительности, отсутствия национальной идеи, ориентация на долгосрочную перспективу не может быть оправданием проблем настоящего. Поднятие целины, строительство БАМа, мирное освоение космоса, освоение Севера по комсомольским путевкам было пронизано мыслями о будущем. Мысли о будущем благосостоянии, благополучии Родины, которые нашли отклик в песенном творчестве прошлых лет («Жила бы страна родная, и нету других забот»; «Раньше думай о Родине, а потом о себе»), уступают место более рациональным мотивам поведения.

Одна из особенностей патриотизма, однако, заключается в том, что *подлинный патриотизм имеет непреходящий характер и относится к разряду общечеловеческих ценностей*. Действительно, любовь к Родине проявляется независимо от общественно-экономических, политических условий в государстве. Как считают многие исследователи, повышение значимости в содержании патриотизма такого признака, как *народность*, и предполагает уважение к традициям и обычаям своего народа, к родному языку, знание истории своей страны. Можно сказать, что *в современных условиях обращение к понятию «Родина» и «народность» составляют основу патриотизма*.² Это и является еще одной современной особенностью описываемого нами явления.

В содержание понятия патриотизм также включаются составляющие, *отражающие развитие национального самосознания, взаимосвязь патриотизма и интернационализма* (уважение к другим народам, их обычаям и культуре, нетерпимость к расовой и национальной неприязни), что связано с расширением связей государства с другими странами, интеграцией с мировой культурой, происходящими во всем мире процессами глобализации. О чувстве са-

¹ Левашов В.К. Глобализация и патриотизм. Опыт социологического исследования. М., 2006. С. 94.

² Левашов В.К. Глобализация и патриотизм. Опыт социологического исследования. М., 2006. С.65.

моуважения, народности и в тоже время братстве русского народа с другими народами искренне и с любовью и уважением говорили такие поэты и прозаики как А.С. Пушкин, В. Маяковский, К. Кулиев, Н. Думбадзе, Ч. Айтматов, Р. Гамзатов. В последнее время с этими показателями в России не все благополучно. В нашем исследовании об этом свидетельствует распределение ответов на вопрос «Если бы у тебя была безграничная возможность проявить себя как патриот России, что бы ты сделал(а) в первую очередь?», демонстрирующее наличие националистических настроений.¹ Среди ответов на вопрос достаточно ответов, свидетельствующих об отсутствии толерантности к некоторым ситуациям в обществе, в том числе носящим националистский характер. *Нетерпимость молодых к проявлениям инаковости возрастает с нарастанием кризиса.*

Как известно, *национальное самосознание и национализм* – явления противоположные. В то время как национализм ведет к национальной розни и отчуждению, национальное самосознание ищет и находит пути сближения и сотрудничества, ибо оно возвышается над индивидуальными и групповыми интересами, формируется из потребностей социального прогресса.² Сегодня, в условиях противоречивости и неопределенности развития общества, для некоторых молодых людей националистические настроения являются попыткой обрести хоть какие-то ориентиры, считают исследователи проблем молодежи. Известно, что важным показателем развития мировоззрения студентов и школьников выступает характеристика *отношения к государству*, обусловленная уровнем осознания молодежью своего социального статуса, прав и обязанностей, а также уровнем социально-политической активности и ее направленностью. Мировоззрение школьника и молодого человека складывается из разнообразных компонентов, среди которых отношение к историческому прошлому государства, причастность к настоящему, степень осознания социально-политического участия, а также понимание обязанностей, долга, законопослушание и пр.

Анализ данных свидетельствует о том, что при переходе от школьной к студенческой ступени образования меняется порядок важности компонентов мировоззрения молодежи: принадлежность к государству, долг, обязанность, конституционные права, активность участия в политике. По результатам наших и других исследований после исполнения законов, которое в обеих группах вышло на первое место, у школьников следует бдительность и готовность помочь государству в борьбе с врагами, а у студентов противостояние произволу властей.³ Анализируя данные исследований, мнения российских ученых, мы пришли к выводу, что порядок показателей свидетельствует о наличии *глубинного противоречия в формировании гражданской позиции молодежи между традиционным и современным*. Современная школа по-прежнему пользуется стандартным набором средств для воспитания гражданина и патриота. Возможно, это влияет на существующие различия в формировании моделей мировоззрения студентов и школьников. Для школьников в большей степени характерна модель «человек для государства», а для студентов – «государство для человека». Известно, что студентами становится лишь часть школьников, причем самая успешная. Но все студенты, так или иначе, являлись школьниками и прошли своеобразное «формирование» гражданственности и патриотизма на уровне школы посредством участия в разного рода акциях при непосредственном контакте с различными субъектами образовательной системы.

В процессе формирования гражданского мировоззрения большую роль играют носители этого мировоззрения, в том числе школьные учителя. Чтобы понять, что движет учителями в

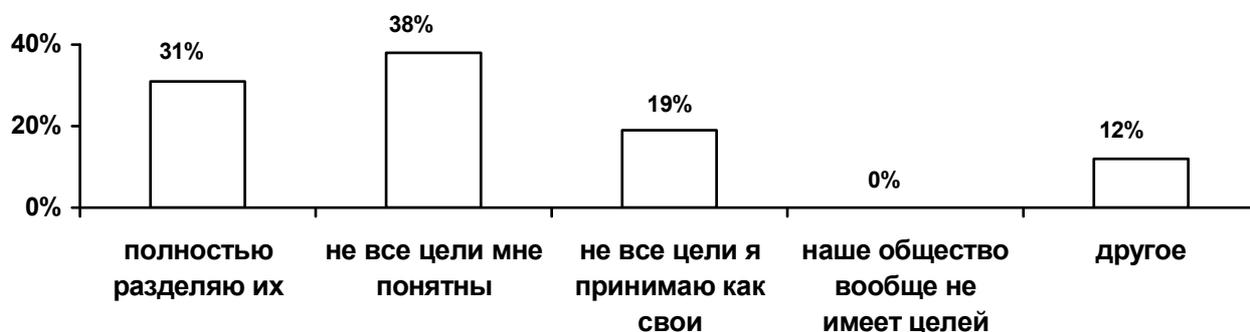
¹ Пронина Е.И. Становление гражданской позиции подростка: константы и динамика. // Образ жизни в советской и постсоветской России / Под общ. ред. А.А. Возьмителя и Г.И. Осадчей. М., 2009. С.186.

² Гасанов З.Т. Основные понятия и патриотического воспитания граждан Российской Федерации. // Воспитание российского патриотизма, дружбы народов, гражданственности: Материалы Третьей Всероссийской научно-практической конференции (25-26 ноября 2003). М., 2007. С.47.

³ Вишневский Ю.Р., Лобова Е.В., Пронина Е.И., Ружа В.А., Шапко В.Т., Шапко И.В. Современное российское студенчество – становление гражданина-патриота. // Гражданская культура современного российского студенчества / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневого, В.Т. Шапко. Екатеринбург, 2007. С. 271.

их работе, мы задали вопрос: «Каково Ваше отношение к целям, которые провозглашает сегодня наше государство?»¹.

Рис.44. Отношение учителей к целям, которые провозглашаются сегодня нашим государством

Как видим, лишь треть учителей разделяют цели, провозглашенные государством. Более половины опрошенных не принимают эти цели, как свои, или считают их непонятными для себя. Вместе с тем, ни один из опрошенных не отметил позиции «наше общество вообще не имеет никаких целей», что свидетельствует о том, что учительская когорта не оценивает ситуацию на государственном уровне как ситуацию хаоса или неуправляемую.

По мнению учителей, воспитанию патриотизма мешает идея индивидуализма, личной безопасности и благополучия, а также, то, что родители не воспитывают детей в традициях патриотизма. Более того, по мнению самих же учителей, несмотря на то, что программа предусматривает такое направление как патриотическое воспитание, некоторые из них не занимаются этим. Причины, которые были отмечены: не остается сил (54%), не знают, как (52%), нет времени (52%), не считают это своей задачей (47%). Тем не менее, практически все учителя говорят, что в какой-то мере участвуют в патриотическом воспитании, правда, большая часть учителей «не очень активно». Учителя считают, что патриоты среди учеников есть, но их не много. Половина учителей считает, что школьники не знают, не понимают, что такое патриотизм. Большая часть учителей считают, что подростки хотели бы проявить себя как патриоты, но не знают, как это сделать.

Программа патриотического воспитания граждан на 2006-2010 гг., принятая на государственном уровне, на момент проведения исследования (2008 г.) еще «не набрала обороты». Об этом свидетельствует тот факт, что более половины учителей затруднились ответить на вопрос об эффективности программы через полтора года после начала ее реализации.

Одна из задач школы – готовить человека к функционированию, деятельности в современном мире. Вместе с тем, по мнению педагогов, патриотизм имеет среднее значение для адаптации молодого человека в современном мире.

Изучая мнение учителей о мировоззрении школьников, мы спросили, насколько важно для подростка, по мнению учителей, уважать свою страну и гордиться ею. Обращает внимание большое количество затруднившихся ответить на этот вопрос учителей. В общей сложности треть педагогов не думали об этом или считают, что подростки не ощущают потребности уважать свою страну и гордиться ею.

Гражданина и патриота формируют в различной степени все агенты социализации. При этом у различных агентов социализации могут быть различные взгляды на проблему. Кто же, по мнению учителей, в первую очередь должен заниматься формированием гражданской позиции школьников?

¹ Исследование «Роль школы в формировании гражданственности и патриотизма» проведено в январе-марте 2008 г. Среди учителей Белгорода, Нижневартовска, Люберец, Троицка. Всего опрошено 79 экспертов.

Рис.45. Кто, по мнению учителей должен заниматься формированием патриотической позиции у школьников

Подавляющее большинство педагогов отвели эту роль родителям, на втором месте оказалась позиция «Все госсистемы на всех уровнях», на третьем институт классных руководителей, на четвертом СМИ, затем детские и молодежные организации и, наконец, учителя-предметники. Военно-патриотические клубы заняли одно из последних мест в списке институтов и организаций, которые должны заниматься формированием гражданской позиции школьников.

Данные, полученные при опросе учителей, свидетельствуют о том, что в педагогическом сознании уже происходят изменения и отказ от некоторых прежних традиционных форм работы в области патриотического воспитания. Какая – по содержанию, формам и методам – работа будет перспективной и эффективной, подлежит дальнейшему изучению. Вместе с тем настораживает тот факт, что значительная часть учительского корпуса не знает, есть ли у подростка потребность уважать свою страну и гордиться ею. Также вызывает удивление тот факт, что большая часть педагогов, по-прежнему, не находит времени, сил и желания давать старшекласснику знания, помимо предметных.

Однако, как и в любом процессе, есть те, кто начинают, открывают, являются лидерами, равнодушными и пр. И в педагогической среде идет интенсивное формальное и неформальное обсуждение, как воспитывать любовь к Родине, уважение к народу, что такое гражданственность и патриотизм, какими методами предпочтительнее воспитывать гражданина, можно ли воспитать патриота в нынешних условиях и многие другие вопросы волнуют педагогов и вызывают бурные дискуссии. *Учительское Интернет-сообщество* обсуждает тему воспитания патриотизма, демонстрируя различные подходы и мнения: «Не знаю, насколько можно научить патриотизму. Наверное, можно... Как и любому другому чувству... Только вот чувства двухцветными (черно-белыми, например) не бывают», «Патриотизм, в этом смысле, наиболее уязвим в смысле фальши. Как и любое чувство, он должен быть искренним. И в этом смысле, меня (внутренне) очень настораживают «Планы патриотического воспитания». Как воспитать, научить патриотизму?». Учителя волнуются, спорят, задают вопросы: «Скажите, можно ли научить *любить* по плану? Человека – нет! А Родину – можно?». О формах работы говорится, что они уникальны, когда идут от души: «если в одной школе де-

сятелетиями встречаются с ветеранами, а в другой – «потому что по плану» – это разный патриотизм!!!». Такого типа рассуждения можно встретить на страницах специальной прессы, в дискуссиях интернет сообщества учителей истории и обществознания. Поиск ответов на вопросы, поставленные временем, актуален и важен. Тем более что самая главная военно-патриотическая составляющая, все, что связано с ветеранами Великой Отечественной Войны, все дальше в пространстве и времени от нынешнего молодого человека. Чтобы представить, каков разброс мнений о методах воспитания, приведем и другие точки зрения учителей истории и обществознания. Все чаще звучит призыв посмотреть на себя критически: «У нас и так слишком много ищут внешних врагов, не задумываясь о том, что главный враг России – собственная расхлябанность, тунеядство, самодовольство загадочно сопряженное с вечным нытьем о том, какие мы несчастные».

Существует такая точка зрения, согласно которой «специальные программы патриотического воспитания» составляют в основном лишь в авторитарных государствах. А в странах демократических уважение и любовь к Родине как-то сами собой приходят. В СССР таких программ было с избытком. И что? Вот год или два назад вновь заговорили о государственной программе патриотического воспитания. Сколько-то миллионов выделили даже на издание дисков с записями военно-патриотических маршей. А лучше бы для патриотического воспитания те миллионы потратить на сооружение пандусов для инвалидов. Глядишь, граждане бы убедились, что государство не только от них любви хочет, но и *их любит и уважает. И ответили бы взаимностью*.¹ Анализируя позиции педагогов, можно констатировать, что их высказывания носят противоречивый характер и отражают столкновение мнений. Очевидно, что даже в педагогической среде нет единой или доминирующей точки зрения на методы воспитания патриотизма и любви к Родине.

Исходя из сказанного, можно сделать некоторые выводы. Несмотря на то, что школа накопила большой практический опыт патриотического воспитания молодого поколения, в современных условиях этот опыт может быть использован лишь частично. Прежде всего, это связано с изменением политических ориентиров, с развитием новых экономических отношений, утверждением гуманистических принципов в системе образования.

В условиях деполитизации системы образования повышается ответственность воспитательных институтов в решении задач патриотического воспитания молодежи. Деполитизация школы, выведение за рамки образовательных учреждений деятельности детских политических организаций, проводивших большую работу по воспитанию подрастающего поколения в духе патриотизма, требует пересмотра содержания, форм и методов патриотического воспитания в школе и соответственно подготовки будущих учителей к проведению данной работы.

При переходе из школы в вуз со вчерашними школьниками происходят большие перемены. Если на школьной скамье учащийся чаще оценивает взаимоотношения личности и государство как личность для государства, то третьему курсу он рассуждает скорее таким образом, что складывается представление об этом взаимоотношении – государство для человека. Проанализируем некоторые данные исследования РОС «Студенчество о Великой Отечественной войне» (2010 г.) в сравнении с данными других исследований

Тема патриотизма очень актуальна не только на уровне школы, но и на уровне вуза. Большая часть (81%) опрошенных студентов называют себя патриотами. Если говорить о школе, то, согласно исследованию «Формирование гражданской и патриотической позиции молодежи и подростков России», 26% старшеклассников говорят о том, что тема патриотизма для них очень актуальна, 50% - что отчасти актуальна². Однако эти ответы свидетельст-

¹ Интернет-сообщество учителей истории и обществознания // Сеть творческих учителей. - http://www.it-n.ru/Board.aspx?cat_no=2715&Tpl=Thread&BoardId=2718&ThreadId=18553

² Исследование «Формирование гражданской и патриотической позиции молодежи и подростков России» проведено в мае 2007 г. среди учащихся старших классов школ гг. Нижневартовск, Оренбург, Белгород, Тверь, Магадан, Лениногорск, нескольких городов Московской области. Всего опрошено 734 школьника. В статье анализируются ответы 534 респондентов, обработанные в программе VORTEX

вуют лишь о том, что респонденты хотят считаться патриотами, мы не можем с уверенностью говорить о том, что ими являются. Тема патриотизма сегодня поднимается государством, активно обсуждается на различных уровнях, быть патриотом России сейчас достаточно престижно, поэтому респонденты могут называть себя патриотами в том числе и для того чтобы не получить негативную реакцию со стороны сверстников или учителей, увидевших этот ответ.

Таблица 106

Влияние ответов «Вы можете себя назвать патриотом?» на мнения «ВОВ была давно, мне это не интересно» (в % от самооценки себя как патриота)

Вы можете себя назвать патриотом?	ВОВ была давно, мне это не интересно			
	согласен	не очень согласен	не согласен	Итого:
да	1	13	86	100
Нет	5	28	67	100
В целом:	2	16	82	100

Тема патриотизма связана в сознании студенческой молодежи с темой Великой Отечественной войны. Как видно из таблицы, те, кто называет себя патриотами, чаще интересуются войной, чем респонденты, которые себя патриотами не называют (86% против 67%). Наше исследование показывает, что у студентов сохранился интерес к Великой Отечественной войне. Большинство (4 из каждых 5) респондентов не согласны с утверждением «Великая Отечественная война была давно, и мне это не интересно». Это означает, что война по-прежнему актуальна, и интерес к ней сохраняется. С другой стороны, возможно, некоторые респонденты ответили, что Великая Отечественная война им интересна, потому что таков ожидаемый ответ. Кроме того, возможно, что у тех, кто называет себя патриотами, выше интерес не собственно к войне, а ко всей отечественной истории.

Подтверждают реальный интерес тех, кто называет себя патриотами, к Великой Отечественной войне ответы на вопрос о том, смотрели ли респонденты сериалы и фильмы о войне. Те, кто назвал себя патриотом, гораздо чаще смотрят такие сериалы и фильмы (70%), чем те, кто себя так не называет (49%). Просмотр по собственной инициативе фильмов и сериалов о войне является прямым индикатором интереса к ней. И респонденты, называющие себя патриотами, действительно больше интересуются Великой Отечественной войной, а не просто декларируют этот интерес. Вероятно также, что существует и обратный процесс, что просмотр фильмов может спровоцировать интерес к войне и подъем патриотических настроений. Поэтому в качестве меры по воспитанию патриотизма у подрастающего поколения можно использовать просмотр фильмов в семейном кругу. Просмотр фильмов в школе менее эффективен, т.к. студенты и школьники «больше любят литературные произведения и фильмы, которые они читали или смотрели не «по заданию» школьной программы»¹.

Одним из показателей патриотизма может выступать отношение людей к государственным праздникам. В исследовании РОС «Студенты о Великой Отечественной войне» об этом говорит распределение ответов на вопрос «Чем для Вашей семьи является День Победы?» в зависимости от того, считают ли респонденты себя патриотами.

Четко прослеживается взаимосвязь: для респондентов, считающих себя патриотами, День Победы чаще – «праздник со слезами на глазах»; те же респонденты, которые не назвали себя патриотами, чаще отвечают, что День победы для них – просто выходной и не несет никакого смысла. Более противоречивы оценки Дня Победы как дня памяти о родных, прошедших войну.

¹ Вишневский Ю.Р., Лобова Е.В., Пронина Е.И., Шапко В.Т., Шапко И.В. Современное российское студенчество – становление гражданина-патриота. // Гражданская культура современного российского студенчества / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневого, В.Т. Шапко. Екатеринбург, 2007. С. 282.

Таблица 107

Влияние ответов «Вы можете себя назвать патриотом?» на мнения «ВОВ была давно, мне это не интересно» (в % от самооценки себя как патриота)

Вы можете себя назвать патриотом?	Чем для семьи является День Победы			
	«праздник со слезами на глазах»	день памяти о родных, прошедших войну	просто выходной	Итого:
Да	40	56	4	100
Скорее да	27	63	10	100
Скорее нет	18	60	22	100
Нет	18	45	37	100

Это подтверждает исследование «Формирование гражданской и патриотической позиции молодежи и подростков России», проведенное в мае 2007 г. среди учащихся старших классов школ¹. В исследовании вопрос задавался относительно не только Дня Победы, но и других государственных праздников, а именно Дня защитника Отечества, Дня Независимости России, Дня Конституции.

Таблица 108

Влияние «Насколько для тебя лично сегодня актуальна тема патриотизма?» на «Какие из перечисленных ниже дней ты считаешь праздничными лично для себя?»
% от Насколько для тебя лично сегодня актуальна тема патриотизма?

Насколько для тебя лично сегодня актуальна тема патриотизма?	Какие из перечисленных ниже дней ты считаешь праздничными лично для себя? (любое количество ответов)					
	День Конституции	День Независимости России	День Победы	День защитника Отечества	Ни один из них так не считаю	Затрудняюсь ответить
Очень актуальна	17	40	88	64	2	3
Отчасти актуальна	14	35	87	57	3	2
Не актуальна	13	20	58	56	22	2
В целом:	14	33	84	58	5	2

Из тех, для кого тема патриотизма очень актуальна, по каждому из этих праздников дано большее число положительных ответов, наименьшее число положительных ответов дано респондентами, для которых тема патриотизма неактуальна. Гражданин-патриот видит в государственных праздниках не просто выходной, эти дни несут для него определенный исторический, духовный и нравственный смысл.

Необходимо отметить «ведущее» положение среди этих праздников Дня Победы. День Победы (84%) и День защитника Отечества (58%) оцениваются как праздники значительно чаще, чем День Независимости (33%) и День Конституции (14%), что говорит о том, что Победа в Великой Отечественной войне является более важным событием для школьников, чем недавние важнейшие вехи в становлении современной России как государства. Следовательно, и патриотизм в сознании старшеклассников связан в большей степени с темой войны, защиты Родины, подвигов героев, чем с темой политического развития государства.

Таким образом, тема Победы в Великой Отечественной войне является и может оставаться достаточно эффективным средством воспитания патриотизма у подростков и молодежи. По-видимому, наиболее эффективно воспитание патриотизма через тему войны может происходить при участии семьи, особенно если в семье поддерживается память о войне, в частности, если хранятся реликвии войны.

¹ Исследование «Формирование гражданской и патриотической позиции молодежи и подростков России» проведено в мае 2007г. среди учащихся старших классов школ гг. Нижневартовск, Оренбург, Белгород, Тверь, Магадан, Лениногорск, нескольких городов Московской области. Всего опрошено 734 школьника. В статье анализируются ответы 534 респондентов, обработанные в программе VORTEX

Те, у кого дома хранятся реликвии Великой Отечественной войны, чаще называют себя патриотами (хотя этот разрыв и не очень велик). Вероятно, это связано с тем, что возможность прикоснуться к реликвиям делает Великую Отечественную войну более близкой, более реальной для подростка, чем просто разговоры об этом. К тому же, в тех семьях, в которых хранятся реликвии войны, чаще либо живут участники войны, либо просто поддерживается почтение, интерес к этой теме, что пробуждает интерес и почтение у детей. Можно предположить, что связь в сознании студентов тем Великой Отечественной войны и патриотизма делает реликвии войны важным средством развития патриотизма.

Какой же смысл вкладывают сегодняшний студент в само понятие «патриотизм»?

Таблица 109

Что значит быть патриотом России

Варианты ответа	2010	2005
Уважать и знать историю России	70	67
Испытывать гордость за свою страну, любить Родину	59	62
Уважительно относиться к участникам Великой Отечественной войны, людям пожилого возраста	50	40
Испытывать чувство ответственности за происходящее в стране	34	32
Быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны	29	33
Принимать участие в общественной политической жизни страны	16	16
Не уклоняться от службы в армии	13	14
Честно и добросовестно трудиться	11	11
Обладать чувством хозяина в своей организации, городе, стране	5	6
Покупать в основном отечественные товары	2	3
Другое	2	1

Как видим, в трактовке «патриота России» у студентов приоритетны уважение и знание её истории; гордость за свою страну; уважительное отношение к участникам Великой Отечественной войны, пожилым людям. В целом они отражают *эмоциональное* отношение к своей стране и к тем, кто для нее что-то сделал, уважение к ее истории, к Великой Отечественной войне. Менее популярны варианты ответа, отражающие ответственность по отношению к стране и готовность к самопожертвованию во благо страны. Достаточно редко респонденты называют качества гражданина: участие в общественной и политической жизни страны; честный и добросовестный труд. Кроме того, по мнению многих респондентов, хотя патриот должен уважать ветеранов Великой Отечественной войны, сам он необязательно должен быть готовым служить в армии и не уклоняться от службы в ней. Важно учесть и другие высказанные респондентами мнения: не мечтать покинуть страну; принимать Россию такой, какая она есть; патриотизм – то же самое, что и национализм; я презираю свое Отечество с ног до головы, но мне становится грустно, когда иностранец разделяет со мной это чувство; выступать против США, ненавидеть американцев; стремиться, чтобы страна развивалась во всех сферах жизни; вносить вклад в культуру, науку, бизнес страны; готовность умереть за страну, заботиться о будущих поколениях; любить именно страну, а не государство; уважать место, где живешь, и считаться с его правилами, порядками; сейчас Родина и государство – слишком разные понятия, непонятно, за кого отдавать жизнь, и отдавать ли; и др. Столь широкий веер мнений (учтем и то, что вопрос был полузакрытым, и эти оценки респонденты вставляли дополнительно) говорит о достаточно противоречивом понимании патриотизма. Ситуация усугубляется и реальной сложностью патриотизма как чувства, идеи и ориентира поведения, а самое главное – попытками навязать студенчеству однозначное его толкование.

Интерес представляет и взаимосвязь понимания патриотизма и отношения к Великой отечественной войне. Респонденты, не согласившиеся с утверждением, что война была давно, и им это не интересно», чаще отмечают, что быть патриотом России – в первую очередь, уважать и знать историю своей страны (72%). Очевидно, их собственный интерес к истории России, в частности, к ВОВ, подкрепляет их позицию, что патриот должен знать историю страны. В то же время, те, кому неинтересна ВОВ, в меньшей степени считают, что патриот

должен знать историю России (47%). Респонденты, которым интересна война, чаще выбирают варианты «уважительно относиться к участникам ВОВ, людям пожилого возраста» (51% против 31% у тех, кому война неинтересна), «испытывать гордость за свою страну» (60% против 55%), «быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны» (29% против 22%). Однако они реже называют варианты, связанные с гражданским самосознанием («честно и добросовестно трудиться» (9% против 25% у тех, кому война неинтересна), «принимать участие в общественной и политической жизни страны» (16% против 20%)). Кроме того, несмотря на их уважительное отношение к ВОВ и ее ветеранам, они реже отмечают вариант «не уклоняться от службы в армии» (12% против 20%). Складывается впечатление, что те, кому интересна война, выбирают пассивные проявления патриотизма, в основном, на уровне чувств (гордость, уважение), но на поведенческом уровне они не готовы к реальным действиям. Такая ситуация характерна и для многих из тех, кому неинтересна Великая Отечественная война, но среди них таких людей несколько меньше. Подобную ситуацию можно наблюдать и в распределении ответов на этот вопрос в зависимости от того, называют себя люди патриотами, или нет. Те, кто называет себя патриотом, чаще понимают патриотизм, как чувства уважения, гордости, ответственности, но реже говорят о выражении патриотизма в реальных делах.

Знание истории России занимает первое место в списке качеств, показывающих патриотизм человека, особенно, по мнению тех, кто называет себя патриотом. Обращают на себя внимание «неправильные» ответы на вопрос «Знаете ли Вы важнейшие события Великой Отечественной войны? (напишите, о каких знаете)» (например, «Куликовская битва», «Бородино», «Битва под Полтавой» и т.д.). От 3525 участников исследования мы получили 42 неправильных ответа на вопрос о событиях ВОВ («Бородино», «Полтава», «Куликовская битва», «Брусиловский прорыв» и т.п.). Из 42-х неправильных ответов 86% были даны теми, кто назвал себя патриотами. Несмотря на то, что знание истории России, по мнению респондентов, является ключевым качеством патриота, те, кто назвал себя патриотом, чаще давали неправильные ответы, чем те, кто себя патриотом не назвал. Это подтверждает тезис, что некоторые студенты называют себя патриотами, но не готовы подтвердить это практическими действиями.

Учитывая, что современный патриотизм проявляется и функционирует в условиях объективно действующих взаимообусловленных сил глобализации, представляется несомненным наличие проблем в воспитании патриотизма, а также закономерным сам вопрос об изменении характера патриотизма. Для исследователей, изучающих тенденции гражданской социализации и проблемы социальной адаптации очевидно, что современная российская молодежь живет в мире, сложном по своему содержанию и тенденциям развития. В этих условиях одна из особенностей подготовки будущих педагогов к патриотическому воспитанию учащихся связана с процессом демократизации общества. В условиях многопартийной системы патриотические идеи выдвигаются в качестве ведущих представителями практически всех партий и течений, вплоть до явно реакционных, отмечают исследователи. Поэтому часто само понятие патриотизма связывается у молодежи с отрицательным отношением к определенным политическим теориям. Задачей педагогов при этом становится разъяснение воспитанникам сущности данного понятия, его содержания в современных условиях, а это требует специальной подготовки будущих педагогов в процессе обучения в вузе.

Молодежь воспринимается сегодня не столько как объект воздействия, сколько как субъект истории. Для того чтобы в эпоху глобализации осуществлять на практике политику государственного строительства и национальной безопасности, институты социализации должны формировать социально активное и ответственное молодое поколение, действия которого регулируются позитивными социальными нормами и общественными интересами. Это во многом по-новому ставит вопросы воспитания патриотизма и гражданственности в школе и вузе.

Принимая во внимание сложную структуру и современное содержание понятия «патриотизм», целесообразно определять патриотическое воспитание как процесс взаимодействия

воспитателей и воспитанников, направленный на развитие патриотических чувств, формирование патриотических убеждений и устойчивых норм патриотического поведения, адекватных сегодняшнему дню. В осуществлении патриотического воспитания подрастающего поколения, развивая различные аспекты проявления патриотизма, ведущую роль, наравне с родителями, СМИ, общественными объединениями, играют педагоги. Поэтому особенно актуальной в современных условиях становится разработка проблемы подготовки будущих педагогов к данному направлению воспитательной работы.

Анализируя работы исследователей, разрабатывающих данную тематику, можно предложить некоторые рекомендации по подготовке педагогов к осуществлению патриотического воспитания учащихся. Как отмечалось ранее и подтверждается нашими исследованиями, форма проявления патриотизма может быть различной. На методологическом уровне патриотизм реализуется как нравственный принцип; на эмоционально-психологическом – как моральное чувство, на поведенческом – как интегративное нравственное качество. Такая трактовка позволяет дать целостную характеристику рассматриваемого явления и выявить его сущность для дальнейшего практического наполнения деятельности педагога по воспитанию патриотизма. Исходя из перечисленного, целью подготовки будущих учителей в вопросах патриотического воспитания должно являться формирование готовности личности к данному виду деятельности и овладение данной деятельностью. Это включает в себя нравственно-психологический аспект и аспект теоретической и практической подготовленности личности педагога. В самом общем виде можно сказать, что содержание подготовки будущих учителей должно отражать единство структурных элементов патриотизма - патриотических чувств, патриотических убеждений и патриотической деятельности.

Перед молодежью и более старшим поколением, перед исследователями процесса воспитания гражданственности и патриотизма в школе и вузе встает множество вопросов, одним из которых является почти риторический: «Мы живем в жестокий век, где, казалось бы, при таком высоком уровне развития науки, техники и человеческой мысли, продолжаются жестокие, варварские, а главное уносящие миллионы жизней войны, конфликты. Разве об этом мечтали наши деды и прадеды? Для этого ли ценой своих жизней отвоевали нам мир в Великой Отечественной войне?»¹

Ружа В.А. (УрФУ, Екатеринбург)

Любовь и любовь к Родине глазами студентов: социологический анализ

Актуальность данной проблемы обусловлена сложностью понимания студенческой молодежью социальных проблем в различных аспектах социокультурной жизни, нравственных оценок событий и поступков и восприятия одного из основных понятий в патриотизме – «любовь к Родине». Цель нашего исследования – стремление понять, что движет сегодня молодыми людьми, какие они ставят перед собой цели в жизни, выявить механизм позиционирования себя как патриотов. При этом важно было определить отношение человека к Родине, его гражданскую позицию. Научная новизна состоит в обогащении понятийного аппарата за счет уточнения содержания указанного понятия с учетом его современных особенностей. Сегодня необходимо осмысление властью разнообразных тенденций формирования ценностей патриотизма в сознании российской молодежи и в развитии патриотического чувства у студентов как целостной системы непрерывного воспитания и обучения.

Начать хотелось бы с рассуждения одного из студентов на страничке форума в Интернете: «Словил себя на мысли, что я – вовсе не патриот... Эгоист... Если надо будет, могу и Родину продать ради собственной выгоды... А с другой стороны, ни разу не предавал... парадокс... Говорят, Родину не выбирают... Спорно... Иногда чувствую, что у меня нет Родины... Почему? Как можно говорить о патриотизме, если человек, претендующий на звание «патриота», зачастую не знает собственной истории – бред... Патриотизм как любовь к своей

¹ Воспитание гражданина в пионерской дружине. Минск, 2007. С.5.

стране – дело, в общем-то, бессмысленное. Имеет смысл только любовь к народу. Обычно первое совмещается со вторым. Если с национальным самоопределением проблемы, то и любви к стране обычно нет, что и понятно. ...Поправьте меня, если я глубоко заблуждаюсь»¹. Не правда ли, крайне любопытно? Что может социолог ответить студенту на это? Как помочь ему разобраться с понятиями патриотизм, Родина, любовь к Родине?

Видимо, нужно начать издали, с основ. Представляется, что любовь – это чувство целенаправленной привязанности к субъекту или объекту, требующее постоянных и тесных контактов с ними. Считаю основным отличием любви от дружбы следующее. Предметом любви может быть все, что угодно, не только люди, животные, но и понятия, образы и предметы. Очевидно, что невозможно дать четкого определения любви, как одному из высших человеческих чувств. Сложность и важность любви обусловлены тем, что в ней сливаются в одно целое и физическое и духовное, индивидуальное и социальное, личное и общечеловеческое, понятное и необъяснимое. Любовь как высшее человеческое чувство – это часть жизни любого из нас. О разных видах любви более подробно можно прочитать у Августина Блаженного, И.А. Ильина, Э. Фромма, М. Шелера, и наших современников –М.М. Есиковой, В.К. Левашова, А.Н. Малинкина, и др.

Так Августин Блаженный называл только два рода любви, которые существуют в этом мире и которые постоянно между собою враждуют: любовь к миру и любовь к Богу.²

Вопрос о разных видах любви ставил Э. Фромм. Проведя исследование природы любви, он показал, что «любовь – искусство, такое же, как искусство жить», и это искусство требует «знаний и усилий». Э. Фромм в своих работах выделил много граней любви. Это и искусство, и самообновление, и самообогащение, и наслаждение и т.п. При изложении теории любви он дал такое определение: «Любовь – это активная заинтересованность в жизни и развитии того, к кому мы испытываем это чувство». Кроме истинной, зрелой формы любви существуют незрелые формы любви, которые могут быть названы симбиотическим союзом. «Пассивная форма симбиотического союза — это подчинение или, если воспользоваться клиническим термином, мазохизм». «Активная форма симбиотического союза – господство, или, используя клинический термин, соотносимый с мазохизмом, садизм». Интересен подход Э. Фромма к способности любить, где она тесно связана с отношением человека к миру вообще, а не только к одному «объекту» любви. Поэтому любовь – это установка, ориентация характера. Однако большинство людей уверены, что любовь зависит не от собственной способности любить, а от свойств объекта любви. «Они даже убеждены, что, раз они не любят никого, кроме «любимого» человека, это доказывает силу их любви», однако это не любовь, а тоже симбиотический союз. Таким образом, любовь – это ориентация, которая направлена на всё, а не на что-то одно».³ На этой базе в социальном плане любовь может быть: искренняя или неискренняя; истинная или показная; устойчивая или неустойчивая; сформировавшаяся или формирующаяся; взаимная или односторонняя (безответная); корыстная или бескорыстная и т.д.

М. Шелер в своих трудах писал, что любовь человека может быть разная и любить можно правильно и неправильно, а связано это с тем, что каждое сущее, достойное любви, воплощает в себе свою собственную ценность, которая занимает отведенное ей место в иерархии божественных ценностей. Например, неправильно будет любить свой личный предмет или животное (дом, машина, собака и т.п.) так, как надлежит любить только человека. Следствием такой неправильной любви, неупорядоченной и хаотичной, поскольку она не согласуется с божественным порядком, является и акт ненависти. Отсюда Шелер выводит два своих основных закона – о примате любви над ненавистью и о примате любви над познанием. В правильной любви обнаруживает себя в своей чистоте и незамутненности бытие, и те, кто

¹ Студенческий форум Физфака МГУ. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://wasp.phys.msu.ru/forum/lofiversion/>

² Августин Блаженный. Избранные проповеди. Пер. с латинского протоиерея Дмитрия Садовского, 1913. Публ. по изд.: Проповеди блаженного Августина. Сергиев Посад. 1913. Составление Голодецкого Л.А.

³ Фромм Эрик. Искусство любить. М.,1990

оказывается вовлеченными в эту стихию любви, предстают в разрезе этого истинного бытия, в мире чистых сущностей или идей. В работе «Сущность и формы симпатии» Шелер подробно разъяснял, что любовь действительно сердцевина человеческого существования, его смысл, опора и цель. Любовь побуждает нас к познанию, открывает мир сущего в его «бытийствовании», и к «волеию», благодаря этому «мы устремляется навстречу этому сущему, беря для этого силы от энергии любви».¹

Любовь к Родине – чувство во многом, как говорил русский философ И.А. Ильин, инстинктивное. Поэтому нужно пробуждать у молодежи дремлющий патриотизм. Именно пробуждать, но не навязывать. Ни полюбить, ни разлюбить Родину по приказу невозможно.² Говоря об истинной любви можно констатировать, что нет и не может быть истинной любви к Родине, если она лишена временной протяженности, исторической памяти. А память народа – это его история. Именно она и объединяет всех нас. Человек без памяти – ничто. Чувство любви к Родине вызывает у людей другие чувства – гордость и уважение, сопричастность к происходящим событиям.

Под любовью к Родине В.К. Левашов понимает заботу об интересах и исторической судьбе своей страны; гордость ее достижениями и критика недостатков; сочувствие к страданиям и социальным нуждам народа; уважение к историческому прошлому и традициям своей родины; привязанность к месту рождения, жительства – «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам»; готовность к самопожертвованию, борьбе с врагами отечества, защита интересов Родины».³

Пытаясь построить иерархию видов любви, М.М. Есикова выделяет:

1. Общую установку на любовь, т.е. открытость миру, потребность в близости, способность к заботе, жалости, состраданию;
2. Любовь к объектам высшего порядка – Родине, своему народу, которая в соединении с чувством долга, чести, ответственности образует основу нравственного мировоззрения;
3. Индивидуальную любовь к родителям, детям мужчине или женщине, придающую особый смысл жизни конкретному человеку;
4. Любовь к предметам и процессам, имеющая опосредованную нравственную ценность.⁴

Следует подчеркнуть, что любовь к Родине и служение ей может проявляться по-разному. Так, патриотизм у научного работника будет иной, чем у крестьянина, рабочего, художника или военного. Имея единую Родину, все они будут любить ее, но у каждого это будет выражаться по-своему. У военнослужащего, например, патриотизм проявляется в верности воинскому долгу, в беззаветной службе Родине, храбрости и героизме, готовности пожертвовать своей жизнью. Для военных людей понятия «патриотизм» и «воинский долг», «подвиг» неразрывно взаимосвязаны, по сути дела являются синонимами.

Осознание своей Родины, чувство любви к ней возникают не сразу. И у каждого по-своему. Одно, несомненно – с первым глотком материнского молока начинает зарождаться это объединяющее всех нас чувство. Подрастая, человек начинает испытывать привязанность к друзьям, к родной улице, селу, городу. И только взрослея, набираясь опыта и знаний, постепенно осознает свою принадлежность к матери-Отчизне, ответственность за нее. Так рождается гражданин, так формируется патриот.⁵

Нельзя сказать, что любовь всегда имеет одинаковую нравственную ценность: нельзя сравнивать любовь к красивому предмету и любовь к матери, любовь к животным и любовь к своей стране. Но любая любовь имеет нравственную ценность в контексте поведения человека. Если из любви к шоколаду человек готов его украсть в магазине, то его любовь безнравственна и социально опасна.

¹ Шелер М. Избранные работы., М., 1995, С.366

² Ильин И. А. Сочинения: В 2 томах. Т. 1. С. 154 – 156, 158, 162

³ Левашов В.К. Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий. Социс. 2006., №8

⁴ Есикова М.М. Основы этики. Учебное пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007

⁵ О долге и чести воинской в Российской Армии. Собрание материалов, документов и статей, М., 1990

Известно, что Россия – страна, которая соткана из противоречий. В ней много прекрасного и немало безобразного. Но Родину, как и родителей, не выбирают. Отсюда следует всегда помнить мысль: хороша ли, плоха, но это моя Родина. И другой у меня не будет. Именно этим руководствуется человек при принятии решения. Например, на войну кто-то идет по своему желанию добровольцем, а кто-то не желает. Но и он вынужден идти. Здесь начинают бороться два чувства – это готовность защищать свою Родину и страх за свою собственную жизнь. На первый план выступает роль страха, как у конкретного члена общества, так и его определенной части. Немаловажно, но на определенном этапе под воздействием негативных причин, как правило, происходит переоценка, и тогда от любви до ненависти, как говорится, остается один шаг. Патриотическое сознание человека переворачивается.

Результаты многочисленных социологических исследований показывают, что сегодня большое место в структуре молодежного сознания занимают так называемые «общечеловеческие ценности» – здоровье, счастье, любовь, добро, красота, свобода, семья и обусловленные ими индивидуальные – личный успех, престиж, занимаемый статус, любимая работа и досуг, личное, особенно материальное, благополучие и т.д. В число приоритетных ценностей уже полноправно входят ценности религии и церкви. Однако, вследствие отсутствия у многих молодых людей глубоких духовно-нравственных основ, их внутренний мир стал более иррациональным, что нашло проявление в предрасположенности к мистике, магии, колдовству, экстрасенсам, «сатанизму» и т.п. Многие ценности молодежи приобрели явно выраженную национальную и националистическую окраску. Заметен рост оскорбленного, «раненого» национального самосознания русской молодежи; растут амбиции и активно проявляются националистические воззрения и ориентации целого ряда «малых» народов России.

По мнению социологов, изучение ценностных ориентаций молодежи, понимание ими социальных проблем, нравственные оценки событий и поступков, позволяют лучше понять, что движет молодыми людьми, какие они ставят перед собой цели в жизни. При этом важно определить отношение человека к Родине, его гражданскую позицию. В июле 2004 г. проводился Всероссийский социологический мониторинг «Как живешь, Россия?» под руководством В.К. Левашова. Социологи обратились к понятиям и определениям патриотизма, которые циркулируют в каналах массовой информации, транслируются политическими и общественными организациями, зафиксированы в учебной, научной, справочной литературе и электронных источниках. На вопрос «Что такое патриотизм?» самым востребованным оказался вариант ответа «Патриотизм – это любовь к Родине». Любовь к своей семье, родным, близким – на втором месте. Далее 3-е место – «любовь к родному городу, деревне, дому» (42%) и 4-е место – «любовь к русской культуре» (38%). Для большинства респондентов слово «патриотизм» в первую очередь совпадает с «малой Родиной». Для них это ближайшее социальное окружение: семья и близкие родственники, дом, друзья, родной город, поселок или деревня. Эти понятия и ценности составляют сегодня ядро патриотизма в российском обществе.¹

В 2005 г. ВЦИОМ представил данные о том, как россияне себя идентифицируют, что, по их мнению, значит быть патриотом. Было опрошено 1600 человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышала 3,4%.² Что значит «быть патриотом» для современных россиян? Для 67% – это означает любить свою страну, для 32% – работать во благо своей страны, ради ее процветания, для 30% – стремиться к изменению положения дел в стране в лучшую сторону, для 27% – защищать свою страну от любых нападок и обвинений. Реже в это понятие вкладывают смысл – говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была (18%), считать, что своя страна лучше других (16%), что у своей страны нет недостатков (4%).

¹ Левашов В.К. Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий. Социс. 2006., №8

² Всероссийский опрос ВЦИОМ 12–13 ноября 2005

Исследование различных аспектов социокультурной жизни будущих студентов Екатеринбурга (в том числе и по вопросам патриотизма), проводилось в 1995, 1999¹, 2003, 2007 и 2009 гг. (рук. Ю.Р. Вишневский) носило мониторинговый характер и позволило выявить тенденции и динамику социокультурных процессов в студенческой среде столицы Урала за 14 лет и скорректировать основные направления молодежной политики в рамках целевой комплексной программы «Молодежь Свердловской области». В июле 2008 г. с абитуриентами, поступающими на I-й курс УГТУ-УПИ, автором статьи было проведено социологическое исследование с целью – выявить общий уровень патриотической направленности у выпускников средних школ. Ниже приводятся выдержки из результатов анкетирования по наиболее интересным вопросам анкеты «Патриотизм и студенчество». Тип выборки – простая случайная выборка. Всего было опрошено 128 респондентов.

Так, наиболее популярными ответами на вопрос «Что значит сегодня быть патриотом России?» (необходимо было отметить по два ответа) стали «Испытывать гордость за свою страну, любить Родину» (85%), «Уважать и знать историю России» (66%) и «Быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны» (48%). На вопрос «С чем связано для Вас понятие Родина?» будущие первокурсники ответили: «Моя Родина – это ... «Россия» (58%), «обычай, традиции, образ жизни, национальный характер моего народа» (22%) и «родной город (деревня), с которым у меня связаны детские воспоминания» (20%).

Проведенное исследование показало, что будущие студенты в большинстве своем уже патриотичны. Хотя среди значимых ценностей они выбирают здоровье и образование, но дальнейшие ответы раскрывают их любовь к Отечеству, нежелание покидать Родину, как бы ни тяжело приходилось жить во время перемен. В ответах утверждается гордость за политические символы России, гордость за российских людей, добивающихся высоких достижений в мире, как в спорте, так и в других сферах человеческой деятельности. Нельзя забывать, что это мнение самих студентов, а не экспертов, которые реально со стороны могут оценить практические дела молодых людей. Сегодня еще не поздно на всех государственных уровнях глубже осмыслить тенденции формирования ценностей патриотизма в сознании российского студенчества и в развитии их патриотических чувств как целостной системы непрерывного обучения и воспитания. Конечно, в каждой конкретной культуре формируется свое специфическое представление о Родине, в котором интегрируются географические, этнические, религиозные и т.п. особенности, присущие социальной группе. Такой целостный образ Родины, сформировавшись в рамках культуры, оформляется в виде идеала и затем передается следующим поколениям. А студент Физфака еще узнает о любви как высшей ценности. Верю, он еще назовет любовь к Родине самой притягательной нравственной силой на протяжении всей человеческой истории.

Самкова В.А. (УрФУ, Екатеринбург)

Время как мера социальной жизни

Время, по авторитетному мнению П. Сорокина, Р. Мертон, Э. Гидденса, М. Элиаде², в общественном сознании и культуре отражено по-разному. Исходя из анализа социально-исторической практики, культура навязывает представление о времени обществам, народам и индивидам, а именно представление о его *цикличности или линейности*. В восточной культуре (индуизм) концепция времени определена как цикличная, в западной культуре концепция времени определена как линейная. *Линейная концепция времени* является продуктом иудаизма и христианства, в которых были сформированы идеи греха и наказания, идеи искупления и воздаяния, спасения и воскрешения в качестве цели, к которой должны стремиться

¹ Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т., Баранова Д.В. Молодежь: ресурсосберегающий подход. Сбережение населения Свердловской области. Сборник докладов. Екатеринбург. 2001. С.92.

² Eliade M. *Aspekts du mythe*. P., 1963; Eliade M. *Cosmos and History: The Myth of Eternal Return*. N.Y., 1959; Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge, 1990; Merton R.K. *Socially Expected Duration// Conflict and Consensus*. N.Y., 1984; Сорокин П. *Человек. Цивилизация. Общество*. М., 2006; Сорокин П. *Главные тенденции нашего времени*. М., 1993; и др.

люди в своей жизни. Появление логически и рационально обоснованной цели меняет представление о цикличности времени на его линейность.

Сегодня в глобализирующемся пространстве современности господствует *линейная концепция времени в секуляризованном варианте*. При этом необходимо сказать, что в современном обществе сохранились значительные анклавы циклического представления о времени. Циклическое восприятие времени усиливается в ощущении постоянства и повторения циклов труда и отдыха, в политической, экономической, культурной, научной, религиозной жизни индивида и общества, в напряжении циклов и ритмов движения всех видов транспорта и других видов коммуникации. Экономические спады и подъемы, политическая активность и пассивность, социальные кризисы, все это усиливает циклическое ощущение и восприятие времени.

Время – как важнейший фактор социальной жизни – находит свое отражение в сознании-мышлении индивидов, в духовных и культурных установках, которыми они руководствуются. Чувство времени это универсальное явление. Исторически, все люди отличаются друг от друга «чувством времени», способностью определять момент времени, оценкой времени, умением разделять время на интервалы. Социологический феномен времени позволяет говорить о социально-значимых циклах жизни индивида, общества, о периодах труда и отдыха, о формах досуга. Социокультурный феномен времени позволяет говорить об эффективном использовании времени. Духовный феномен времени позволяет нам рассматривать ценность вечности и бессмертия, как основные мировоззренческие категории. Различное коллективное и индивидуальное отношение ко времени позволяет нам выделить основные исторические, культурные, философские, социологические, психологические аспекты времени. В данной работе для нас более значимыми являются культурные различия в отношении ко времени в символах, ценностях, правилах, образцах и нормах, принятых в различных общностях. *Исторический аспект* времени позволяет нам сделать акцент на прошлом, настоящем и будущем и определить *время как важнейший фактор, критерий социальных изменений*.

Общества и индивиды, глубоко погруженные в свое прошлое, культивирующие свои традиции, старающиеся сохранить культурное наследие и закрепить его в памяти, воспринимают любые изменения жизни как регресс по отношению к прошлому, устойчивому и понятному им. В данном случае речь идет о *ретроспективной* ориентации обществ и индивидов. Помимо этого типа, в современном обществе мы наблюдаем индивидов и общества, которые ориентированы на будущее. Они игнорируют традиции, пренебрежительно относятся к коллективной памяти, стараются отгородиться от прошлого. К этой группе можно отнести молодые *экспансивные общества*. Подобной ориентации придерживаются представители предпринимательских профессиональных групп, молодые политики. Это характерно для поколений молодых, начинающих свой жизненный путь, исполненных энергии и оптимизма. Чаще всего их ориентация на будущее связана со ставкой на успех, достижение поставленных целей, карьерный рост. Цена вопроса не обсуждается, не осмысливается. Их жизненный принцип: «Успех любой ценой!» Молодежь живет сегодняшним днем, не задумываясь ни над уроками прошлого, ни над призраками будущего. Прежде всего, это проблема общей культуры общества, культуры воспитания и образования. Эта авантюристическая модель поведения молодежи связана с недавним прошлым нашего общества, переживающего до сих пор травму социальных, экономических, политических изменений. С одной стороны социально-экономический кризис, породивший армию бедноты, озабоченной проблемами выживания, с другой стороны тысячи обогатившихся в разы соотечественников, в ситуации полного благополучия и богатства. В пространстве современной России культура индивидов, групп, общностей, ориентированных на нормы и ценности сегодняшнего дня, может парадоксальным образом, определена как маргинальная культура.

Сегодня в современном российском обществе в общественном сознании проявляются существенные различия в представлениях о будущем. Для одних групп будущее представляется чем-то, что наступит само собой, в силу фатальной неизбежности, независимо от того, что мы сделаем или не сделаем сегодня. Поэтому достаточно принять типично русский мировоз-

зренческий проект: «авось» или «судьба» и погрузиться в поток времени. Для других приемлем волонтаристический проект будущего: вызова, борьбы. Ориентация индивидов такого толка определяет революционный пафос будущего. Наличие различных представлений о будущем позволяет нам признать необходимость «историчности» как особой установки на будущее, где индивид выступает в роли творца истории. Для людей прогрессивной ориентации время представляется ценным капиталом, которое следует максимально использовать и подвергнуть новаторским изменениям. Осознание важности времени, ощущение человеком его течения, хода, его недостатка, его потери, установка на эффективное использование времени, наличие пунктуальности, точности во времени, является основным требованием современной цивилизации и культуры.

Самсонова Е.А., Ефимова Е.Ю. (Центр «Шанс», Тула)

Молодежь Тулы: ценностные ориентации и реалии повседневной жизни

Лабораторией социологических исследований муниципального учреждения социальной службы «Центр социально-психологической помощи для молодежи «Шанс» в 2005 г. проведено социологическое исследование «Актуальные проблемы современного молодого человека» с целью изучения злободневных проблем социального развития тульской молодежи. По аналогичной программе проводилось исследование в 2004 г. Выборка тогда составила 400 человек. В 2005 г. опрошено 250 человек, проживающих в пяти административных районах Тулы, в возрасте от 14 до 30 лет. Из них 49 % мужчин и 51 % женщин в возрасте: от 14 до 19 лет – 31 %; 20-24-летних – 38 %; 31 % от 25 до 30 лет. По образованию: 34 % составили респонденты с высшим; 36 % – с незаконченным высшим; 12 % – со средним; 12 % – со средним специальным; 6 % – с неполным средним образованием. Учатся в настоящее время 41 %; работают 38 %; совмещают работу и учебу 19 % респондентов. По данным 2005 г. большинство опрошенных составляют молодые люди, не состоящие в браке (72 %); не имеющие детей (81 %); состоят в браке 27 %, являются родителями 16 %.

Материалы исследования составляют эмпирическую базу статьи, целью которой является рассмотрение жизненных устремлений и ценностных ориентаций тульской молодежи, составляющих около четверти (24 %) населения города.

В процессе социального становления и развития молодежь нуждается в надежных жизненных ориентирах. Без прочной опоры на общественные и групповые ценности, существующие в коллективных представлениях людей, ей трудно обрести личностный смысл своего существования, определить цели на ближайшую и отдаленную перспективы, выбрать адекватные действия для их осуществления.

Благодаря нормативно-регуляционной функции нравственных, политических, религиозных и других ценностей, мотивационная сфера сознания приобретает избирательный и целенаправленный характер¹. Респондентам был предложен набор ценностей с заданием присвоить каждой из них ранг (номер) по степени важности для ценностной ориентации. Оговоримся, что судить о динамике движения ценностных ориентаций в полном смысле этого слова не правомерно (короток временной интервал), но на основе сравнения данных в какой-то мере можно говорить об их векторе и некоторых тенденциях.

Ценностные ориентации и их иерархия. Прежде всего, следует отметить мозаичность, разброс данных и, несмотря на короткое время между исследованиями, значительный «перепад» в выборе наиболее жизненно важных ценностей, «материальное положение» в иерархии 2004 г. с 4-го места в 2005 г. поднялось на 1-е; «здоровье» с 1-го передвинулось через год на 2-е; «любовь», занимавшая 2-е место, «опустилась» до 4-го; «образование» с 5-го до 8-го (что совершенно непонятно), зато «семья» с 6-го поднялась на 3-е место. Трудно объяснить такую «мобильность». Можно лишь предположить, что это связано, во-первых, с высокой значимостью базовых ценностей. Трудно отдать предпочтение той или иной, поскольку все важны. Во-вторых, видимо, играет роль момент ситуативности (состояние здоровья, материального положения, коллизий жизни).

¹ Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М., 2003. С.189.

Анализ ценностных ориентаций существенно дополняет и расширяет рассмотрение данных о жизненных позициях тульской молодежи, о степени проявления активности в различных областях жизнедеятельности. Молодежь проявляет себя по-разному: лидируют ответы, свидетельствующие о достаточно высокой активности в области образования (58%); в криминале (реальное явление современной жизни) – 57 %; в бизнесе – 56 %. Характерно, что образование в иерархии ценностных ориентаций заняло лишь 8-е место, а в оценках реального поведения в этой области оказалось на первой позиции. Аналогично соотношение оценок бизнеса (предприимчивости): в первом случае его поставили на 11-е место, во втором – он на второй позиции. Сопоставление ответов свидетельствует о наличии противоречия между ценностными ориентациями молодежи и ее поведением в реальной жизни, можно сказать о разрыве между намерениями, словами и поступками, делами. Однако обнаруживается и определенная корреляция показателей: политике в иерархии ценностей отведено 14-е место, религии – 12-е, соответственно доля пассивного поведения в области политики в 2 раза превысила показатель активного (36 и 18 %), а в области религии в 12 раз.

Остановимся более подробно на других аспектах, характеризующих реалии повседневной жизни туляков. Мнение относительно достижения жизненного успеха носит амбивалентный характер. С одной стороны, при ответе на вопрос «Что, по Вашему мнению, может помочь современному человеку стать успешным в жизни?» молодые люди в основном ссылались на внешние обстоятельства.

По их мнению, достижению жизненного успеха в большей степени могут способствовать «связи, знакомства» (68 %), «хорошее материальное положение» (59 %). Немаловажным является «качественное образование» (53 %) и «востребованная специальность» (25%), а также «положение семьи» (28%); «стечение обстоятельств, случай» (20 %). Такие факторы успешности, как «личностные качества» и «стремление к успеху» были названы лишь 1% и 0,4% соответственно. Вместе с тем, данные исследования свидетельствуют также о том, что молодые люди видят связь между индивидуальными усилиями и успешностью: 66 % участников опроса ради достижения успеха готовы получить дополнительное образование; 56% – работать «не покладая рук»; позицию «выехать за рубеж» отметили 43%; 39 % готовы «пойти на риск или авантюру». Но каждый седьмой-восьмой готов «поступиться своими принципами» (13 %); «нарушить закон» (12 %).

Современная тульская молодежь достаточно целеустремленна и уверена в себе: преобладающая часть респондентов имеет жизненную цель (88 %) и уверена в том, что сможет ее реализовать (92 %). О морально-нравственных устоях свидетельствуют и представления о средствах, способах достижения цели. В ракурсе рассматриваемой проблемы участникам опроса предлагалось по пятибалльной шкале отметить позицию, относительно высказывания «Для достижения цели все средства хороши». Число готовых «пойти на все» ради достижения цели на 10 % превысило долю занимающих противоположную позицию. Большинство ответивших заняли позицию «золотой середины». Среди респондентов, не гнушающимися ради достижения своей цели любыми средствами, преобладают мужчины.

Одной из форм адаптации к окружающей действительности стала мимикрия, т.е. коррекция взглядов, ценностных ориентаций, норм поведения в соответствии со стандартами новых взаимоотношений. Сужение жизненных возможностей удовлетворения интересов и потребностей предопределило стратегию, направленную не на самореализацию, а на обеспечение выживания (адаптационный индивидуализм)¹.

Результаты исследования свидетельствуют о сдвигах ценностных ориентиров современной молодежи в сторону прагматизма. Доминирующей ценностной ориентацией для большинства опрошенных стало «материальное благополучие». Это стремление к достойной, обеспеченной жизни нормально. Не нормально, что в системе жизненных ценностей появился феномен гипертрофированного отношения к деньгам, богатству, роскоши. Деятельность, ориентированная на достижение материального благосостояния, утратила моральное осуж-

¹ Бродовская Е. В. Ценностная система общества как фактор политической трансформации современной России: Монография/ Под ред. Батаниной И.А. Тула, 2004. С.121.

дение, а сами деньги стали мощным регулятором не только экономического поведения, но и нравственных отношений.

Перманентное реформирование российского общества привело к нестабильности, противоречивости социальных отношений, отсутствию последовательности и четкости в осуществлении принимаемых законов, вследствие чего возникла неуверенность молодежи в завтрашнем дне, и убеждение, что сегодня ни в ком нельзя быть уверенным кроме самого себя. Все большее распространение получает эгоцентризм. Более половины опрошенных считают современную молодежь разобщенной (63%). Основными ее причинами респонденты считают неуверенность молодых людей в завтрашнем дне (32 %); копирование западных образцов жизни и поведения (26 %); непопулярность идей патриотизма (24 %); отсутствие объединяющей государственной идеи (21%) и «желание делать, что хочется», «разные уровни развития», «разные интересы и цели».

Доступность образования и возможности молодежи с высшим образованием. Образование – один из главных компонентов человеческого потенциала, важнейший институт социализации и фактор продвижения молодых вверх по социальной лестнице. Соответственно образование может рассматриваться в двух аспектах. Во-первых, в какой степени современная молодежь по уровню образования готова в ближайшем будущем взять на себя ведущую роль в становлении и развитии экономики, основанной на знаниях. Во-вторых, как образование способно помочь молодым людям успешно самореализоваться, встроиться в современную общественную жизнь, в социально-политическую, экономическую, духовную реальность. Рассмотрим эту проблему по трем позициям – *уровню образования молодежи, его качеству и доступности*. Как отмечалось ранее, туляки считают качественное образование и востребованную специальность важными факторами для достижения жизненного успеха. Менее половины опрошенных (44 %) полагают, что высшее образование, скорее всего, является залогом получения хорошей работы. В этом убеждены большинство респондентов среди мужчин и женщин, а также в каждой возрастной категории. Об этом свидетельствует наличие в жизненных целях у значительной части молодых людей долгосрочных перспектив, связанных с получением высшего образования. Значительный разброс по этому вопросу наблюдается у лиц со средним специальным образованием: около половины из них считает высшее образование определенным «трамплином» для успешного начала трудовой деятельности, другая половина придерживается диаметрально противоположной точки зрения, утверждая, что так бывает далеко не всегда. Более половины участников опроса (70 %) полагают, что в настоящее время высшее образование в России достаточно доступно (из них вариант «да» выбрали 26 %; «скорее да, чем нет» – 44 %). Основными причинами трудностей при получении образования в вузах респонденты отметили: во-первых, слабую школьную подготовку в периферийных учебных заведениях и их отдаленность от современных достижений науки. Речь здесь идет также о деятельности педагогов, в большинстве своем плохо осведомленных о новейших достижениях науки в области преподаваемой дисциплины, и учебниках, немногие из которых, ориентированы на усвоение современного знания, о нехватке учебной литературы, плохой компьютеризации и слабой оснащенности современными информационными технологиями региональных школ. В этом плане школьнику, по нашему мнению, окажут помощь различные формы самообразования. Во-вторых, респонденты указали на «большой конкурс по интересующей специальности», связанной с новыми сферами деятельности и отраслями знания. В то же время другие важные для жизнедеятельности общества профессии остаются без внимания молодежи. Парадокс состоит в том, что работать по специальности, по существу, устраиваются единицы в силу переизбытка «престижных» специалистов этих профессий на рынке труда.

Сегодня уже стало общепризнанным мнение о том, что «в современной России теневые процессы захлестнули не только экономику, но и российское общество в целом»¹. Одним из основных препятствий при получении образования в вузе анкетированные отметили «коррум-

¹ Леонтьева Э. О. Образование с изнанки: опыт пилотажного исследования «теневых» отношений в вузе // Социс. 2004. № 12. С.121.

пированность преподавательского состава». Следует подчеркнуть, что понятие «коррупцированность» в данном исследовании включает в себя не только «традиционное» взяточничество, но и широкий спектр услуг, не поддающихся исчислению в денежном эквиваленте, а также всевозможные подарки и подношения. Среди трудностей полученного высшего образования участники исследования указали свое плохое материальное положение, не позволяющее нести большие финансовые затраты, так как плата за обучение достаточно высока. Что касается качества российского образования, то, по мнению 48 % анкетированных, его можно оценить на «4» (по пятибалльной шкале); 37% молодых туляков поставили оценку «удовлетворительно». Несмотря на невысокую оценку качества, более половины молодых людей (55 %) из каждой категории пола, возраста и образования, предпочли бы российское образование зарубежному. Сторонники зарубежного образования (22 %) хотели бы получить европейский диплом. Имеются гендерные различия относительно привлекательности образования в других государствах: женщины готовы выехать за рубеж для получения образования в большей степени, нежели мужчины. Предпочтительней по сравнению с другими возрастными категориями оказалось обучение за границей и для молодых людей 14 – 19 лет.

Трудовая занятость тульской молодежи. Молодежь – наиболее мобильная часть населения, характеризующаяся относительно более быстрой адаптацией к требованиям рынка. Несмотря на это, возможности трудоустройства у нее не столь велики, ибо имеются ограничения объективного характера. Статистические данные свидетельствуют о наличии существенных различий в молодежной занятости по стране. Высокий уровень занятости частично связан с региональными экономическими условиями – общей экономической ситуацией, состоянием рынка труда, отраслевой структурой хозяйства и др.

Исследователи утверждают, что положение молодежи на рынке труда улучшается с повышением уровня образования, находится в прямо пропорциональной зависимости: чем выше уровень образования, тем выше уровень занятости и тем ниже доля безработных в соответствующей группе¹. По данным исследования, процент занятых выше среди имеющих высшее образование, чем среди респондентов с меньшим образовательным уровнем. Достаточно высока доля рабочей молодежи в группе со средним специальным образованием. Из категории респондентов, окончивших вуз, более половины (62%) сообщили, что в традиционных отраслях, работают по специальности.

Одной из задач исследования было выявление удовлетворенности молодежи различными «составляющими» работы. На фоне общей достаточно высокой степени удовлетворенности («удовлетворен», «скорее удовлетворен») первыми тремя важнейшими аспектами труда совершенно «социально некорректно» выглядит низкий уровень удовлетворенности заработной платой. Значимым фактором, ограничивающим возможности самореализации молодежи в сфере труда, является безработица. Обращает внимание тот факт, что более половины (56%) респондентов не боятся потерять работу. Несмотря на то, что в соответствии с современными тенденциями социальному исключению подвержены низкоквалифицированные кадры («кандидаты» в категорию безработных) большинство из числа с невысоким образованием, а также молодых людей, чья работа не соответствует специальности, не испытывает страх перед безработицей. Объясняется это, по нашему мнению, юношеским максимализмом, определенной беспечностью, необоснованной уверенностью в том, что легко могут найти работу.

Характерной чертой молодежной безработицы является преобладание в ней женской доли в сравнении с мужской. Согласно полученным данным, в числе испытывающих опасения потерять работу мужчин больше (53%), по сравнению с женщинами (47%). В случае потери работы 28 % ответили, что «будут искать работу по той же специальности». Часть участников опроса подвержены риску депрофессионализации и нисходящей социально- профессиональной мобильности: это молодые люди, которые «будут искать работу по новой специальности» (16 %) и «согласятся на любую работу» (26 %). Пятая доля опрошенных займет выжидательную позицию и «будет ждать интересных предложений» (22 %).

¹ Агранович М. Л. Молодежь в современной России: положение, потенциал, тенденции // Вестник молодежной политики. 2005. № 11. С.12.

Молодежь в семейно-бытовой сфере. Молодежь – становящийся субъект общественного воспроизводства – демографического, экономического, духовного. Первичной ячейкой его становления является семья – та, членом которой он состоит, и та, которую сам создает, – его семья. Естественно, что «семейные обстоятельства» – отношения доверия, поддержки, помощи, понимания – здоровая морально-психологическая атмосфера – существенный фактор нормальной жизни молодого человека и его функционирования как воспроизводящего субъекта. Это тем более важно, что социальное расслоение, разрушение производственных связей, явная и латентная безработица, возникновение новых видов экономической деятельности, в первую очередь, воздействуют на положение семьи и на внутрисемейные отношения. В процессе исследования изучался вопрос удовлетворенности жизнью молодых туляков в зависимости от семейного положения и наличия детей.

Среди проблем, которые больше всего осложняют повседневную жизнь, главными для респондентов являются материальные и жилищные трудности (22 %). Немаловажным фактором, влияющим на рост напряженности, являются внутрисемейные конфликты. 18% указали на тот факт, что нормальной жизнедеятельности их семьи препятствует «конфликт поколений», 13 % участников опроса отметили «несовместимость интересов и целей», 12 % ощущают «давление со стороны родственников». Обращает на себя внимание тот факт, что треть опрошенных (34%) затруднились с ответом на поставленный вопрос. Исследовательская группа полагает, что данная доля молодых людей считает семейные отношения сугубо интимной сферой и не придает огласке проблемы, существующие в их семьях. Большинство анкетированных, как из числа состоящих в браке и из числа имеющих детей, так и из числа не состоящих в браке и не имеющих детей, скорее удовлетворены своей жизнью в целом, чем не удовлетворены. Основными факторами, мешающими жить благополучно, отмечены низкий уровень дохода (25%); материальные и жилищные трудности (22 %); отсутствие социальной поддержки (14 %); плохое качество жилья (10 %); правовая незащищенность (9 %); 15 % считают, что благополучно жить, им не мешают никакие обстоятельства.

Анализ данных исследования свидетельствуют о том, что у тульской молодежи формируется прагматичное и взвешенное отношение в выборе жизненных стратегий. На смену традиционализму и коллективизму приходит индивидуализм, когда каждый молодой человек конструирует свою жизнь с индивидуально обусловленными траекториями в труде, образовании, заработке, потреблении, в отношениях с людьми. По мнению немецкого философа У. Бека, этот процесс имеет двоякое значение. Позитивное, поскольку в условиях все большего распространения индивидуализма перед молодыми людьми могут открыться дополнительные перспективы личного контроля над деньгами, временем, жизненным пространством, образованием, карьерой, выбором трудовой деятельности и многим другим. Подобные перспективы оказываются привлекательными в новых условиях для российской молодежи. Однако существует и негативная сторона индивидуализации: сохраняется высокая межличностная конкуренция. В условиях неопределенности молодой человек может не рассчитывать на помощь от государства, а лишь полагаться на свои собственные силы и принимать ответственность на себя. Иными словами, в действие вступает принцип «каждый за себя».

Скоробогачкий В.В. (УрАГС, Екатеринбург)

Последнее поколение Системы.

Культура, еще недавно считавшая себя великой, превращается в культурное наследие, в память, оставляя вместо себя ностальгию о прошлом. Господствующий ныне стиль «ретро» – слабая попытка удержать это исчезновение. Когда из-под ног уходит почва, в поле зрения попадает главное – человек в его повседневности. Здесь корни того, что произошло, здесь надежды на перемены.

В шестидесятые годы выросло, вступило в пору юности третье поколение Системы, которое радикально отличалось от «отцов» и «дедов». Это дети послевоенного десятилетия. Они росли в атмосфере разоблачений культа личности Сталина, более или менее свободные от того страха, в котором жили их отцы. Но в отличие от тех, кто шел за ними, они все эти разо-

блачения принимали всерьез – не как отвлеченный факт из учебников и книг, а как нечто непосредственно относящееся к своей жизни, как жизненно значимый, экзистенциальный факт. Разоблачение культа личности вводило их в новый мир, какого не знали их отцы, обреченные жить рядом с ними, но со Сталиным в душе – со страхом, памятью о прошлом и т.д. Дело не в особой политической или исторической грамотности детей, какой не имели отцы. Точнее, не в самой по себе информации о репрессиях и т.п. К этому отцы относились бережней, они в большей степени ценили исторические материалы, переделывая свою картину мира, корректируя мировоззрение. Так называемыми шестидесятниками, идеологами антисталинизма и диссидентства, было именно поколение отцов, родившихся в годы социалистической реконструкции и первых пятилеток, между двумя войнами – Гражданской и Отечественной.

Новое же поколение часто было равнодушно к подробностям, исторической конкретике сталинской эпохи с ее преступлениями, для него важнее было онтологическое значение этих разоблачений – открытие нового мира, где будет – неизвестно что, но где точно не будет места Сталину. Это «неизвестно что» пытался конкретизировать, наполнить положительным и вполне осязаемым содержанием Хрущев, через пять лет после критики Сталина предложивший образ будущего мира в новой программе КПСС. Так вот, новое поколение переживало достаточно быструю деидеологизацию и деполитизацию, все дальше уходя и от сталинизма, и от коммунизма как такового. Скорый провал программы строительства коммунизма (уже через несколько лет стала очевидной ее неисполнимость), разоблачение недавнего разоблачителя, обвиненного в волонтаризме, и его отставка на пленуме Центрального комитета партии – все это толкало духовную эволюцию нового поколения в сторону деидеологизации. К тому же даже уход Хрущева с политической сцены был обставлен по-новому: впервые советский лидер не умер, не был обвинен в политической и государственной измене и расстрелян (вариант: убит, как Троцкий), а просто ушел в частную жизнь. Но его уход стал событием символическим, знаком судьбы, указавшим путь для нечаянно возвращенного им, Хрущевым, поколения. Вряд ли он хотел привить новому поколению антикоммунистические или хотя бы антисталинистские взгляды. Он боролся за власть и в соответствии с логикой этой борьбы был вынужден реформировать какие-то отдельные стороны жизни советского общества. В процессе политической борьбы с наследниками Сталина он непреднамеренно подрывал корни коммунизма, нанося ему незаживающие раны. Хрущев просто жил – как умел и как мог, но финал его жизни стал сценарием жизни нового поколения, вступившего в возраст гражданской зрелости уже после ухода Хрущева из политики в частную жизнь. *Другая жизнь Хрущева* (ее литературный парафраз – одноименная повесть Ю. Трифонова), свидетельствовавшая о возможности неполитического и неидеологического существования, о возможности частной жизни среди сумасшедшей суеты трудовых будней строительства коммунизма, стала нечаянным наглядным и неопровержимым разоблачением коммунизма.

Это новое поколение разрушило коммунизм. Начиная с семидесятых годов, оно упорно не желало поддерживать и крепить дряхлеющую, разлагающуюся заживо и умирающую вместе с состарившимися вождями Систему, созданную Сталиным. Не столько из нелюбви к Сталину, сколько из равнодушия к нему, к его идеям и заветам новое поколение не желало взваливать на свои плечи груз исторической задачи строительства коммунизма. Идеи и дела предшествующих поколений требовали неременной помпезности, показной демонстрации и публичности, отрицающей саму возможность частной жизни. Новое поколение уже не хотело той жизни, которую прожили отцы, ибо эта жизнь была скомпрометирована и разоблачена как что-то неподлинное и отчужденное. Экзистенциалистская терминология входила в советское сознание контрабандой, вместе с книгами Сартра, Селинджера, Хемингуэя, Франсуазы Саган, Ремарка, Белля, но обретала легитимность благодаря парижским рукописям молодого доктора философии К. Маркса. Дальновидные идеологи пытались исключить этот текст из канонического свода марксистского вероучения, приписывая ему некую апокрифичность, но не смогли сдержать напор шестидесятников, видевших в «Рукописях 1844 года» осиновый кол в гроб сталинизма. Марксов анализ грубого, казарменного коммунизма шестидесятники

считали смертным приговором сталинизму, вынесенным тому от имени основоположников классического марксизма.

Словом, новое поколение не хотело той жизни, которую прожили их отцы и деды. И эта их жизненная установка заставила наиболее совестливых и образованных из поколения «дедов», в основном выходцев из дореволюционной интеллигенции, заняться переосмыслением и переоценкой прошлого. «Старик» и «Другая жизнь» Юрия Трифонова повествуют об историческом анализе, который ведут параллельно два поколения – старики и дети. Промежуточное поколение («отцы») провалилось в никуда, в историческое небытие, оказавшись между двумя берегами. Отличие старика от внуков задается непреодолимой силой совершившейся истории, которая тянет их в противоположные стороны. Трифоновский Старик искренне недоумевает, встречаясь с детьми и особенно внуками, – чего хотят, чем живут, непонятно, как будто все они говорят на разных языках. Родные по крови, они другие по существу, по своему нутру, по устройству. Оказывается, как и подозревал академик Лысенко, сталинизм не программируется в структурах ни биологической, ни социальной наследственности. Не случайно сталинисты ненавидели генетику, реанимируя ламаркизм с его концепцией определяющего влияния внешней среды на формирование индивида. А вот зараза мещанства, прелести частной жизни усваиваются мгновенно, особенно неискушенной идеологически и незрелой психологически молодежью. Стиляги, тунеядцы, уклонявшиеся от почетной обязанности осваивать целинные и залежные земли, покорять Сибирь с ее великими реками, – вот результат растленного влияния Запада. Того самого Запада, который не только в Советском Союзе, но и среди славянофильствующих патриотов дооктябрьской поры воспринимался как синоним мещанства и индивидуализма. Российская традиция нелюбви к частной жизни имеет глубокие корни и широкое распространение в умах, так что иногда принимается за естественное и неискоренимое качество русской природы, загадочной русской души, мистически тяготеющей к соборности, к человеческой слитности, слиянию всех в одно-единое чувствующее и мыслящее тело.

Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве, состоявшийся всего через год после XX съезда КПСС, развеял этот славянофильский миф: советская молодежь с невиданной легкостью изменила и русской натуре, и историческому предназначению, завещанному отцами. Стоило идеологической общественности ослабить бдительность, то ли от усталости («караул устал» – новый поворот известного сюжета), то ли решив, что идейная граница на замке и можно отдохнуть, и, глядь, пропал человек. Вернувшись из заграничного круиза, он ездит в булочную на такси, тайно посещает в гостинице любовниц и так далее по сценарию «Бриллиантовой руки». И если Козодоев, молодой и подозрительный уже по этому определению, – изначально отрезанный ломоть и пропащая душа, то честный, искренний, любящий жену и детей, свою скромную и совсем неидеологическую, более того, очень подозрительную по старосоветским канонам профессию бухгалтера Семен Семенович – вероотступник нечаянный. Он хочет лучшего – по мерке официальной идеологии, но постоянно выламывается из принятых рамок, подталкиваемый к этому своей честностью и искренностью. Они (честность и искренность) уже напрочь разошлись с советским укладом жизни, стали несовместимыми с ним, как несовместны гений и злодейство. Незаметно для самого Семена Семеновича, все еще ощущающего себя советским человеком, его стремление быть честным и искренним с неумолимостью уводит Семена Семеновича прочь от советского уклада, прямоком в частную жизнь, скромную, трудовую, проживаемую с чувством исполненного долга. Он диссидент поневоле, и эта логика, оборачивающая шиворот-навыворот его благие с идеологической точки зрения намерения, демонстрирует, что человек, поставивший на первое место простые общечеловеческие ценности: семья, работа, дом, любовь к ближним – рано или поздно становится неподвластным коммунистической идеологии и советской Системе.

Это поколение, время молодости и зрелости которого совпало – и совершенно не случайно совпало – с годами застоя, и стало могильщиком Системы. Эти люди просто-напросто ушли из Системы, как уходят дети из родительского дома, достигнув совершеннолетия. Они ушли из нее в частную жизнь, то есть поставили ценности «малого круга» выше ценностей

идеологических – История, Коммунизм, Родина, Партия и т.п. Без них, без очередного поколения Сизифов, добровольно согласившихся катить камень в гору и находивших смысл в нескончаемой череде ежедневных начинаний заново, Система рухнула. Рухнула без всякого видимого напора со стороны каких-то разрушителей.

Отсюда следует один-единственный и очень простой вывод: не диссиденты семидесятых, не радикалы конца восьмидесятых разрушили Систему, но то поколение, что отказалось от всемирно-исторической миссии народа-строителя нового общества (коммунистическая редакция славянофильского тезиса о народе-богоносце), по существу дезертировало с идеологического фронта, но дезертировало «без шума и пыли» (еще одно словечко из «Бриллиантовой руки»), стараясь не привлекать ничего внимания.

В этом жизненном выборе не было ни мужества, ни энтузиазма, ни героизма – тех привычных для нас пропагандистских штампов, которые сопровождали советского человека от рождения и до смерти, прочерчивая траекторию его жизненного пути в качестве строителя коммунизма, исторического авангарда и т.п. Он выглядит непривлекательно, такой человек, не только с точки зрения официальной идеологии, но даже в собственных глазах. Причина в том, что советский человек в процессе идеологического воспитания был наделен комплексом неполноценности. Он нес на себе печать первородного греха телесности, частности, отдельности. Живая индивидуальность человека препятствовала его абсолютному обобществлению, возможному лишь в том случае, когда индивид превращался в спиритуалистическое существо немецких идеологов, которых в сороковые годы девятнадцатого века критиковали творцы философского коммунизма Людвиг Фейербах и Карл Маркс. С точки зрения советско-коммунистической идеологии именно частная жизнь человека была отчуждением, иными словами, отпадением его от дела строительства коммунизма. Но, к сожалению советских идеологов, человек, как писал Маркс, прежде всего, должен есть, пить, одеваться, иметь крышу над головой. С частной жизнью советскому идеологу поневоле приходилось мириться, поскольку ее нельзя было отменить, обобществив человеческое существование до конца, но в таком случае ее нужно было сделать прозрачной для общественного контроля. Все это живо напоминало средневековье с его требованием аскетизма, презрением и недоверием к частным аспектам жизни, попыткой введения полного контроля над поведением, мыслями и чувствами верующего. Но это было только пародией на средневековье.

Обитатели Системы в идейном отношении были немного мазохистами, в том смысле, что допускали присутствие в себе некоего идеологического alter ego, оценки и суждения которого были обязательными если не с моральной точки зрения, то, по крайней мере, с точки зрения здравого смысла. Но alter ego это оставалось, тем не менее, чужаком, опасным, враждебным соглядатаем и фискалом. Это был код, задававший правила и нормы сознания и поведения советского человека, поддерживавший связь времен, связь между нашей (частной) жизнью и Системой. Прислушиваясь к нему и корректируя свое официальное поведение в соответствии с его «подсказками», человек отдавал дань этому прошлому, которое было встроено в структуры существования таким образом, что не только казалось, но и было более актуальным, чем самоновейшее настоящее с его запросами и потребностями.

Это поколение находилось в зависимости от прошлого, которое никак не хотело стать прошедшим, а постоянно длилось, замедляя ход времени, ход жизни. Но зависимость эта проявлялась не в активной форме служения великой Идее, а в форме прямо противоположной – бегства от великих задач и свершений. Тридцатилетние, они все еще ощущали себя мальчишками, вели себя, как студенты, только вступающие во взрослую жизнь, никак не могли (или не хотели) посерьезнеть и повзрослеть. Поколение это, уйдя из Системы, имитировало службу ей, изображая готовность и подтянутость стажера, который сам ничего не умеет и не знает, но готов под руководством и по примеру старших что-то делать.

И все же поколение «последних» не до конца изжило из себя Систему, это было невозможно по существу. Оно было вынуждено оставаться в том реальном мире, который создала Система, и как-то прилаживаться к нему, чтобы жить. В годы перестройки Евтушенко ввел в оборот новое слово: *притерпелость*, которым и характеризовался этот образ жизни. Оно де-

монстрировало высокие образцы пластичности и приспособления к условиям, иногда кричаще бесчеловечным, и все это не проходило бесследно. Самые беспринципные служители Системы, ее холуи, циничные и ни во что не верящие, – они тоже вышли из этого поколения.

Поколение состояло из разных страт. На краях его размещались слуги Системы, с одной стороны, и люди, полностью ушедшие в частную жизнь, до предела аполитичные, порой причастные к теневому предпринимательству с ощутимым привкусом криминальности. В центре же находился средний слой, самый массивный по размерам, по численности, предельно умеренный и незатейливый в своих жизненных притязаниях. Этот средний слой составил ту волну, которую перестройка подняла из состояния пассивности. Отказавшись от Системы, какой та была в глухие годы застоя, они на время и частично вернулись к ней, когда Система пришла в состояние возбуждения, перестройки. Прежний опыт отказа был явно недостаточен, этому поколению было суждено пережить соблазн. Соблазн перемены, которая будто бы могла произойти с Системой при их активном участии. Произошла замена «минуса» на «плюс» в их отношении к Системе, вызвавшая переход от состояния общественной пассивности к состоянию активности.

Возвращение к идеологии не было изменой прежней позиции. В эпоху перестройки, когда исторические токи начали пульсировать в затекшем общественном теле, возобновилась критика исторического опыта сталинизма, все еще пронизывавшего структуры государственной, партийной и общественной жизни. Она способствовала кратковременному возрождению в общественном сознании архетипов хрущевской оттепели – «шестидесятничества» – и неизбежно сопутствующих им героико-революционных мифов, созданных литературой двадцатых и тридцатых годов. Спустя два десятка лет можно сказать, что окончательный выход из сталинизма это поколение нашло не в простом и равнодушном отказе, но в изживании глубоко укорененных в базовых структурах сознания иллюзий по поводу Системы в ходе попыток ее реанимации. Говоря прямо, последнее поколение детей Системы сначала непроизвольно разрушило ее основы в годы застоя, а затем попыталось эту Систему реанимировать, как бы не подозревая, что ее критическое, предынфарктное состояние – прямое следствие его жизненной позиции. Оно, это поколение, изживало собственные иллюзии в иллюзорной деятельности. Те, кто во второй половине восьмидесятых стали завсегдатаями митингов и партийных собраний, активными читателями левоинтеллектуальной прессы и зрителями политических телепрограмм, были обречены на неадекватный отчет перед самими собой о подлинных мотивах своей общественной активности и действительных намерениях.

Основная часть этого общественного актива заблуждалась относительно себя совершенно искренне и бескорыстно. Это – романтики перестройки, будущие «совки» и «лохи». Они заново переживали детство, духовная атмосфера которого складывалась под влиянием книг и героев Николая Островского, Аркадия Гайдара и Александра Фадеева. Свобода, которую они получали, убегая из Системы с ее теснящей тело и дух действительностью и непреложностью в мир условный, воображаемый и вместе с тем реальный не менее, а даже и более, чем жизненный мир Системы, предполагала определенную плату. Ее ценой было размывание чувства реальности, отмеченный Фрейдом конфликт между принципом удовольствия и принципом реальности, что, в общем-то, грозило какой-то коллективной шизофренией или, по крайней мере, невротическими расстройствами. Романтики-книжники из последнего поколения откровенно чурались Системы в ее современном и официальном облике, сохраняя в той или иной степени привязанность к ее героической истории. Или к тому, что казалось таковой. Другой истории они не знали, за исключением, может быть, Куликовской битвы, сражения на Чудском озере и Бородина. Героическое прошлое Системы воспринималось, тем не менее, в контексте истории страны, от киевского князя Олега до недавних, но навсегда ушедших дней. «Но если вдруг когда-нибудь мне уберечься не удастся,/ какое б новое сраженье не покачнуло шар земной,/ я все равно паду на той, на той единственной гражданской,/и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной». Эти строки Булата Окуджавы только резче подчеркивали различие между временами, отрезанность настоящего от живого потока истории. Словно выброшенные на берег герои «Ариона», они были навсегда обречены на

роль зрителей, исследователей, комментаторов. История уже была завершена, солнце Разума клонилось к закату, и наступали сумерки, в которых сова Минервы начинала свой полет. Они были гегельянскими философами поневоле, по обстоятельствам, в которых жили. Перестройка дала им шанс вернуть утраченную историческую идентичность, а вместе с ней чувство реальности. Но возвращение к реальности причудливым образом сопровождалось оживлением ключевых образов сталинской поры: комиссары в пыльных шлемах противопоставлялись Системе, воздвигнутой на могилах героев революции и Гражданской войны.

Другая часть этого общественного актива, разделяя с первыми идеологическую сумятицу и теоретическую путаницу, не придавала ностальгическим порывам слишком большого значения и ставила на первый план возможность политической карьеры, открывшуюся перед ними в эпоху серьезных перемен, или предугадывала такую возможность. Это – прагматики перестройки, получившие постоянную прописку в президиумах собраний, митингов и на разного рода тусовках. Каким-то шестым чувством чуяли эти люди близкое падение Системы, когда придет их час и благодарная страна вознаградит героев, разрушивших крепостные стены Системы, своих первопроходцев – Гагариных политической космонавтики.

И по мере того, как сбывались эти мечты, уходила из головы идеологическая сумятица, корчагинские призывы облагодетельствовать человечество. Вместо всякой романтической чепухи в этих головах возник и окреп прагматический антикоммунизм. Его отличительная черта – беспринципность: на деле «анти-» было отрицанием не коммунизма как системы идей или особого рода политической практики, но только права ныне властвующей элиты на власть. Если бы эта элита представляла иную партию или идеологию, например, монархическую, они стали бы антимонархистами. В данном пункте совпали ближайшие интересы и идейно-политические установки прагматических антикоммунистов и изгнанного из рядов коммунистической элиты Бориса Ельцина...

Скутнева С.В. (ПГУС, Тольятти)

Несовершеннолетние матери

В сегодняшней России наблюдается снижение порога материнства, что исторически достаточно закономерно – в сложные периоды социально-экономического развития ожидается, что дети «взрослеют» раньше. С одной стороны, это – положительное явление, с другой, – часто выпадает то обстоятельство, что раннему социальному взрослению должно сопутствовать просвещение подростков, юношей и девушек по многим вопросам, включая их правовое сознание, а также создание служб помощи для адаптации их к взрослой жизни.

Исследования последнего десятилетия свидетельствуют о том, что возраст начала сексуальной жизни подростков снижается, причем интенсивнее среди девушек¹. В 2007 г. из медицинских учреждений в городской центр Тольятти «Семья» поступило 30 сообщений о несовершеннолетних беременных и 12 – о несовершеннолетних родителях. По результатам совместной работы с медицинскими учреждениями все несовершеннолетние беременные и 7 несовершеннолетних родителей взяты под социальный патронаж. С целью изучения практик раннего материнства, общественного и экспертного мнений в 2007 г. и начале 2008 г. было проведено социологическое исследование в форме экспресс-опроса, в котором участвовали 50 мужчин и 50 женщин по трем возрастным категориям: до 21 года, 21-35, от 35 и старше, а также 10 экспертов².

На вопрос «Как Вы относитесь к рождению ребенка девушкой до 18 лет?» положительно ответили трое мужчин и пять женщин. Они объясняли это тем, что организм в таком возрасте здоровый. В основном данный вариант ответа приходится на 21-35-летних. Причем почти всегда шло дополнение, что положительно они воспринимают рождение ребенка с 17 лет. Одна девушка 21 года добавила, что «рожать можно и до 18, если удачно замужем».

¹ Скутнева С.В. Гендерное измерение жизненного самоопределения молодежи. Тольятти, 2007. С.97;

Кон И.С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. М., 1997. С.264; Гурко Т.Л. Опыты сексуальных отношений, материнства и супружества несовершеннолетних женщин // Социс. 2002. №2. С.88-91.

² Аналитический отчет о деятельности МУ "Центр помощи семье и детям" г.о. Тольятти" за 2006-2007 гг.

Отрицательно относятся к данному явлению половина мужчин и женщин. Возрастные группы представлены почти равномерно. Дело здесь, видимо, в принятии западного опыта, когда на первое место выходят самореализация и карьера. Четыре человека к данной проблеме относятся нейтрально. Примерно половина мужчин и треть женщин считают раннее материнство личным делом каждого.

На вопрос о причинах, по которым девушки рожают в раннем возрасте, две трети мужчин и половина женщин отвечают «неправильное воспитание». Возрастная категория здесь в основном от 35 лет. Еще десятая часть мужчин и половина женщин склонны винить СМИ, пропагандирующие сексуальную свободу. Это характерно для возрастной группы 21-35 лет. Мужчины также указывают на акселерацию. И женщины, и мужчины считают, что подростки недостаточно знают о способах предохранения, что и приводит к ранней беременности. По мнению четверти мужчин и почти половины женщин, к ранней рождаемости общество относится равнодушно (возраст ответивших подобным образом в своем большинстве – до 21 года). На вопрос «В чьей поддержке, по-вашему, в первую очередь, нуждаются юные матери?» опрошенные назвали: родителей, часть уповают на государство и общество (возраст – до 21 года). Представители сильного пола считают, что юные матери должны заботиться о себе сами (молодые люди 21-35 лет). Аналогично думают и женщины этой же возрастной группы. Отношения в семье, где воспитывалась несовершеннолетняя мать, более половины всех опрошенных вне зависимости от возраста определяют как «скорее плохие, чем хорошие». Неблагополучными их считают как мужчины, так и женщины. Несколько человек уверены, что отношения в семье, воспитавшей несовершеннолетнюю мать, были благополучными. Лишь один мужчина и 6 женщин из возрастной группы до 21 года называют данные отношения «скорее хорошими, чем плохими».

Второй метод, использованный в исследовании, – *глубинное интервью с несовершеннолетними беременными и матерями*, родившими до 18 лет. Всего было проинтервьюировано 10 девушек. Сначала каждой из них предложили написать краткую автобиографию, в которой бы упоминались наиболее значимые и приятные для нее события жизни. Затем проводилось интервью.

Респондентка А., 17 лет, не замужем, живет с матерью и братом. Мать с отцом в разводе, у них конфликтные отношения. Мать узнала о беременности дочери на 31 неделе. Они вдвоем пришли в Комсомольский центр «Семья», чтобы отказаться от будущего ребенка. Специалистами центра с обеими была проведена длительная работа, которая не дала результатов. В семье мать работает одна, есть материальные трудности. По словам обеих, отцом ребенка якобы «был цыган, имеющий проблемы с психикой». В мае 2006 г. А. родила девочку. Ребенка удочерили. Автобиографию писать отказалась. Это был единственный случай неблагоприятного несовершеннолетнего материнства в проведенном исследовании – девушка отказалась от рожденного ею ребенка. В данном случае налицо все признаки психологической незрелости, свойственные возрасту А. За нее все решала мать.

Респондентка Е., 16 лет. Девушка из очень обеспеченной семьи. Учится в колледже на экономиста. Живет с мамой и старшим братом. Родители с 6 лет в разводе. Находится на 6 месяце беременности. Семья не знала ни о чем до последнего. На момент проведения интервью было подано заявление в ЗАГС. Отцу ребенка – 18 лет, не учится и не работает – «в связи с переездом и ремонтом», скрывается от армии. Семья Е. (исключая ее отца, которому на момент интервью ничего не было известно) во всем ее поддерживает, хотя необходимо отметить, что и мать, и старший брат шокированы произошедшим и волнуются по поводу будущего Е. Для прояснения ситуации респондентке было предложено нарисовать групповой портрет своей семьи. Анализируя его, можно сделать вывод, что для Е. равнозначно близки ее будущий муж и мать. Именно их и себя она включает в понятие «семья». Говоря об отношениях с будущим мужем, Е. утверждает, что они стали более равными, когда последняя забеременела, т.к. парень почувствовал на себе ответственность. Респондентка призналась в процессе интервью, что «еще не нагулялась» и жалеет об этом. Эта девушка к беременности явно готова не была. Морально она еще очень незрела, хотя быст-

ро входит в роль. Это – классический пример акселерации. Скорее всего, причина здесь кроется в эмоциональной нестабильности, желании быть нужной, довериться. На вопрос, «почему рожают до 18 лет?» ответила: «Из-за распутности». Радует то, что молодой человек оказался порядочным и сам предложил взять на себя ответственность.

Респондентка Т. 18 лет. Не замужем. Живет в однокомнатной малосемейной квартире с матерью, старшим братом и сыном. Забеременела в 17 лет. Делая вывод по данному интервью, хочется отметить, что описанная выше семья – исключительно порядочная. Очень открытые и доброжелательные люди. Т. великолепно разбирается в уходе за ребенком и с первого взгляда ясно, что она его не оставит ни при каких обстоятельствах. В своей ситуации держится очень зрело.

Респондентка Н., 18 лет. Не замужем. Родила мальчика. Отцу ребенка – 20 лет. Они расстались еще до того, как она узнала, что беременна. С тех пор ни разу не появился и не навестил ребенка, звонил один раз с вопросом, уверена ли она, что ребенок его. Н. учится в колледже на менеджера по туризму. Несмотря на то, что на момент интервью Н. была одинока, ее опыт материнства можно назвать положительным: огромная любовь к ребенку, целеустремленность и самостоятельность.

Респондентка Е., 18 лет. Учится в САГЕ на психолога. Замужем с 22 ноября 2006 г. Есть ребенок, мальчик. После свадьбы снимали квартиру, но потом из-за осложнений в протекании беременности переехали к родителям. Муж 1985 г. рождения, работает на ВА-Зе, имеет среднее специальное образование. Порядочная семья, где причиной раннего материнства для девушки послужило желание эмоциональной близости и стремление вырваться из-под власти родителей.

Респондентка К., 18 лет. Заканчивает колледж по специальности «правовед». Живет с родителями, братом и отцом ребенка, с которым состоит в гражданском браке. В марте родила девочку. Отец ребенка 1989 г. рождения, образование – среднее, работает монтажником, они ждут совершеннолетия, чтобы пожениться. Интервью показало очень интересный случай переплетения жизненных сценариев респондентки и ее гражданского мужа. Несмотря на возраст, К. рассуждает и совершает поступки вполне зрелой женщины и отвечает за свои действия.

Респондентка Л.. 18 лет. Замужем, имеет годовалую дочку. Муж старше на 7 лет. Семья обеспеченная. Живут отдельно от родителей. Учится в СамГУ на юриста. Данное интервью показало наличие в некоторых семьях традиций, по которым девушка становится матерью рано. Видимо, и молодой человек выбирал Л. первоначально именно как мать его будущих детей.

Анализ глубинных интервью привел к неожиданным для нас результатам. Реальное положение дел во многом расходится с общепринятым мнением о несовершеннолетних матерях. Так, большинство опрошенных жителей считают, что отношения в семье, где выросла молодая мама, были плохие, неблагополучные. Однако, по мнению самих юных мам, у 7 из них в семьях было полное взаимопонимание: скорее хорошие, чем плохие взаимоотношения – у 9. В основном девушки из хороших семей и зачастую вели образ жизни, даже более «правильный», чем окружающие. Было поразительно наблюдать, как юные девушки ловко обращались с ребенком, рассуждали на темы воспитания и ухода за малышом.

По итогам исследования выделено еще несколько позиций, по которым мнения юных мам и опрошенных жителей резко расходятся. Одним из них стал вопрос о том, насколько часто несовершеннолетние оставляют своих детей на попечение государства. Большинство жителей, которые были опрошены в ходе исследования, считают, что юные мамы довольно часто оставляют своих детей в роддомах и Домах ребенка. У 9 из 10 несовершеннолетних мам не было желания отказаться от ребенка. Единственный случай отказа объясняется тяжелым материальным положением семьи.

К причинам, по которым девушки рожают до 18 лет, большинство опрошенных жителей отнесли «неправильное воспитание». В основном ранние сексуальные связи случались не по вине распутности, а из-за недостатка эмоциональной близости – в 7 случаях и невысокой

ознакомленности о правильной контрацепции; а в 2 случаях – по большой любви и обоюдному с парнем желанию создать семью и иметь ребенка.

Большинство опрошенных жителей уверено в негативном отношении к юным мамам со стороны общества. Однако все 10 девушек утверждали, что не чувствуют никакого осуждения со стороны окружающих. По их мнению, несовершеннолетнее материнство становится нормой. Родители же, как правило, после получения первого известия о беременности приходят в шок, но затем поддерживают дочь. Почти все респондентки рассказывали, что единственными людьми, которые к ним плохо относились во время беременности, были врачи женской консультации. В 8 случаях девушек агрессивно агитировали на аборт, в двух случаях придумывали несуществующие болезни матери или ребенку.

Среди потребностей, высказанных молодыми матерями, на первом месте стоял жилищный вопрос. Далее – недоступность детских садов, где бы ребенка можно было оставить на время работы. Одна молодая мама пожаловалась, что в Тольятти «плохие дороги, с ребенком нормально прогуляться невозможно – коляска подскакивает, и малыш просыпается».

Разница между мнением жителей города и реальным положением дел говорит о том, что, несмотря на знакомство с этой проблемой по материалам прессы и телевидения или получение информации об этой проблеме от знакомых, родных, мало кто реально оценивает такое явление, в основном же люди мыслят стереотипами.

Третий метод исследования, использованный нами, – экспертный опрос специалистов центров «Семья» и Комитета по вопросам семьи, материнства и детства Тольятти по следующим вопросам: несовершеннолетнее материнство – плюсы и минусы; основные причины ранней рождаемости; отношение общества к несовершеннолетним матерям; способы профилактики ранней рождаемости; потребность данной категории в дополнительной социально-правовой защите. Эксперты в основном были единодушны.

7 экспертов из 10 выразили мнение, что в явлении несовершеннолетнего материнства больше минусов, чем плюсов и что это – ненормально и неестественно – рожать так рано. Но было замечено, что цифра родов среди подростков, в общем-то, остается стабильной, и поэтому для какой-то части девушек данное явление закономерно и плюсы гармонично нейтрализуют минусы. В большинстве случаев заботу о молодой семье и их новорожденном приходится брать на себя дедушкам и бабушкам. Также была выделена эмоциональная нестабильность. К плюсам отнесли относительное здоровье молодой матери и то, как у нее легко обычно протекают роды, соответственно, и здоровье будущего ребенка. Один эксперт выразил мнение, что при хорошем исходе обстоятельств молодые родители смогут больше понимать своих детей, конфликт поколений будет менее выраженным.

К основным причинам ранней рождаемости отнесены: пропаганда в СМИ вседозволенности, сексуальная революция; воспитание подростка как свободного человека, который самостоятельно выбирает свою жизнь. Один из экспертов добавил, что раньше стиль воспитания был авторитарным: с подростками обращались как с неопытными личностями, которые должны во всем слушать старших, признавался авторитет родителей. В настоящее время к детям относятся более гуманно, признавая их право на свободу выбора, что иногда и приводит к несовершеннолетнему материнству. Еще одна причина – это отсутствие у несовершеннолетнего ответственности за собственные действия.

Все эксперты сошлись во мнении, что корни ранней рождаемости следует искать в эмоциональной отчужденности отцов и детей. С одной стороны – подростку не хватает душевной теплоты дома, он склонен доверяться другим людям. С другой – недостаток информации от родителей на тему сексуального воспитания, т.к. серьезно никто им это не объяснял.

Шесть специалистов на вопрос об отношении общества к несовершеннолетним матерям ответили, «что общество сейчас ничего не волнует». Остальные уверены, что молодых матерей осуждают и их ровесники, т.к. сейчас «мода по-западному: рожать после 30», и уж тем более «бабушки на лавках». Родственники, конечно после первого шока в основном принимают данное событие более или менее терпимо, в зависимости от обстоятельств смиряются.

Эксперты утверждают, как уже ранее было замечено, что на самом деле количество родов среди несовершеннолетних – достаточно стабильная величина, однако восемь из десяти высказали опасения роста этого явления. В рамках профилактики все специалисты пожелали, чтобы до подростков доводилось больше информации о проблемах пола и методах контрацепции. Дело в том, что в школах этот вопрос начинает освещаться специалистами центров «Семья» примерно лет с 15, тогда как необходимо – с 11-12, т.к. позднее многие из подростков уже самостоятельно пройдут фазу сексуального дебюта. Эксперты предложили больше информировать подростков о сознательном материнстве, ввести в школах уроки семействования. Большинство экспертов говорят о льготах при поступлении ребенка в детский сад, дабы мать могла самостоятельно зарабатывать, о бесплатном детском питании, незначительном повышении материальных выплат. Другие уверены, что не стоит как-то выделять и уж тем более поощрять эту категорию матерей. Но все однозначно сошлись во мнении, что любые льготы для несовершеннолетних матерей должны быть косвенными, а не прямыми, т.к. могут привести к своей противоположности. Также была высказана мысль, что вообще денежные выплаты никогда никого не стимулировали на роды и не будут стимулировать. Дело тут в изменении ценностных ориентаций и социальной политики в стране.

Смирнов В.А. (КГСХА, Кострома)

Жизненные стратегии и социальные практики провинциальной молодёжи

Современная российская молодёжь не является однородной социальной группой, она жестко стратифицирована с точки зрения доступа к основным видам капитала: экономическому, политическому, социальному и культурному. Продолжающаяся трансформация российского общества, разрушение традиционных социальных лифтов, социализирующих практик ведут к появлению групп молодёжи, чей успешный жизненный старт и интеграция в жизнедеятельность общества затруднены. Важнейшим фактором, оказывающим влияние на динамику жизнедеятельности молодого поколения, является социокультурное пространство, в котором оказывается молодой человек. Сегодняшняя провинциальная молодёжь находится в ситуации, когда общая эскалация риска в обществе усиливается за счет возрастания отдельных его типов на периферии, что приводит к искажению социализационных траекторий молодого поколения, отчуждению его от базовых социальных практик и адекватных современности моделей жизненного пути. Особенности провинции оказывают серьезное влияние на жизненные стратегии и траектории молодых людей, проживающих в ней, формируя особый тип социализации молодого поколения, названный нами амбивалентной социализацией. Амбивалентная социализация – это симбиоз двух культурных программ, транслируемых центром и периферией. Центр формирует культурные цели и ценности, жизненные смыслы, критерии успеха, уровень притязания и т.д. При этом социокультурное поле провинции трансформирует эти цели и смыслы, адаптируя их к социально-экономическим условиям территории и особенностям социальной структуры периферии, где значительную роль играют традиционные институты социализации. Молодой человек, проживающий в провинции, интегрируя ценности и цели, транслируемые глобальным городом, не имеет ресурсов (экономических, культурных, интеллектуальных и т.д.) для их достижения, а также ограничен в выборе социально приемлемых средств достижения целей механизмами социального контроля, реализуемого традиционными институтами. Общество потребления, возникающее в России, формирует особый тип молодёжного мировоззрения, в котором на первое место выходят материальные ценности, успешность, карьерный рост, образованность. Социокультурная программа консюмеризма активно проникает из «глобального города» в провинцию, задавая параметры уровня притязаний для молодёжи периферии. Проведенные исследования¹

¹ В основу статьи положены данные, полученные в ходе социологических исследований: «Молодёжь и молодёжная политика в российских регионах» (2008 г. выборка 2300 человек, жители Архангельской, Владимирской, Ивановской, Костромской, Ярославской областей) (рук. автор); «Формирование гражданского сознания. Система, структура и научно-методическое обеспечение гражданского воспитания» (2008 г. выборка – 1622

позволяют выделить устойчивое сочетание ценностей и жизненных приоритетов, которые маркируются обществом и молодыми людьми как признаки успешной жизни. Жизненные устремления молодежи мегаполиса и провинции лежат в одной плоскости, при этом первые пять позиций остаются неизменными и являются содержанием ценностно-нормативного ядра современной российской молодежи¹. Представляет интерес более высокая значимость создания семьи для провинциальной молодежи, по сравнению с молодыми людьми из «центра», а также готовность к рождению ребенка, что свидетельствует о более сильном влиянии на жизненные траектории провинциалов традиционных институтов социализации. Материальное благополучие становится важнейшим маркером успешности, его достижение напрямую связывается с получением качественного образования, что, в свою очередь, позволяет эффективно продвигаться по карьерной лестнице и занимать более престижные социальные позиции, тем самым, повышая собственный уровень материального благосостояния.

Таблица 110

Жизненные планы молодежи «центра» и «провинции» (% от числа ответивших)

Планы на ближайшие пять лет	Молодёжь Санкт-Петербурга		Молодёжь провинции			
	%	ранг	Региональный центр		Малые города, село	
			%	ранг	%	ранг
Получить хорошее образование	79	1	76	1	80	1
Удачно трудоустроиться	55	2	65	2	67	2
Сделать карьеру	45	4	40	5	36	5
Создать собственную семью	33	5	46	4	45	4
Стать отцом, матерью	13	14	16	10	14	10
Получить престижную специальность	14	13	16	10	20	7
Добиться хорошего мат. положения	49	3	50	3	55	3
Купить машину	24	7	26	6	15	9
Уехать в другую страну	15	12	10	14	7	15
Решить жилищные проблемы	22	8	23	7	30	6
Заняться собственным здоровьем	16	11	15	11	13	12
Посвятить себя творческой деятельности	13	14	10	13	13	11
Заняться бизнесом	17	10	16	9	11	13
Уметь строить отношения с людьми	12	15	10	15	11	14
Овладеть иностранным языком	28	6	18	8	16	8
Расширить свой кругозор	18	9	13	12	16	8

Социальная и психологическая напряженность, воспроизводимая социокультурным полем российской провинции, формирует три наиболее распространенных типа жизненных стратегий молодых людей, направленных на преодоление противоречий амбивалентной социализации.

1. *«Бегство» из провинции.* Наиболее распространенной стратегией преодоления противоречий амбивалентной социализации является географическая мобильность, направленная на сокращение расстояния до глобального города. Эта мобильность реализуется в двух формах: непосредственный отъезд в глобальный город (Москва, Санкт-Петербург) или же перемещение в более крупный культурный центр (например, из села в город, из малого города в мегаполис). Данная стратегия распространена не только в среде молодых «интеллектуалов», чьи личностные ресурсы позволяют им бороться за престижные позиции в социальном простран-

человека, жители Ленинградской, Брянской, Воронежской, Костромской, Архангельской, Челябинской областей, Республики Татарстан) (рук. А.А. Козлов, при участии автора).

¹ Содержание ценностно-нормативного ядра современной российской молодежи, активно интегрирующей в общество потребления, подтверждается исследованиями российских социологов. См. напр. Ильин В.И. Быт и бытие молодежи российского мегаполиса: социальная структура повседневности общества потребления. СПб., 2007; Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: учебное пособие. СПб., 2000.

стве глобального города, но так же в среде молодёжи с высоким аскриптивным статусом. Более того, часто данная жизненная стратегия воспроизводится молодыми людьми, не обладающими достаточными материальными и интеллектуальными ресурсами для того, чтобы бороться за престижные социальные позиции в центре. В этом случае их ждет либо возвращение в провинцию, либо полунищенское существование в мегаполисе, без надежды подняться на более высокий уровень социальной иерархии. Особое место в данном контексте занимают молодые люди, чья попытка закрепиться в социальной структуре глобального города, оказалась неудачной. «Возврат в провинцию из Москвы или Питера – это совсем не то же самое, что безвыездная жизнь дома. Атмосфера общества потребления отравляет... Возврат домой часто... переживается очень болезненно. То, что представлялось реальным, превращается в провинции в фантастическую мечту. В результате возврат в провинцию человека, хлебнувшего воздуха общества потребления, может восприниматься как жизненный провал»¹. Возврат в провинцию часто ведет к социокультурному самоисключению, социальной и гражданской апатии, жизненной «слепоте», когда молодой человек не видит возможностей и перспектив своего существования в пространстве периферии.

2. *Вытеснение культурных программ глобального города.* В среде провинциальной молодёжи с низким аскриптивным статусом, не имеющей ресурсов для восходящей географической мобильности, распространена жизненная стратегия, ориентированная на притворное пренебрежение культурными целями и образцами центра, их игнорирование и демонстрация их неважности и незначимости. Молодой человек, тайно стремясь к реализации культурных программ глобального города, публично, в своем дискурсе и поведении демонстрирует отказ от них, рационализируя этот отказ различными способами. Подобная стратегия часто встречается в среде «молодых взрослых» (24-30 лет), уже имевших попытки реализации культурных программ «глобального» города. Результатом вытеснения культурных программ «глобального» города становится субъективно переживаемое недовольство собственной жизнью, отсутствие в ней целей и смыслов. Более 51% из числа «молодых взрослых» провинции демонстрируют недовольство своей жизнью, при этом этот показатель возрастает с увеличением возраста человека. Из числа тех, кто недоволен своей жизнью, 45% указывают на то, что они не видят возможностей для реализации себя в рамках провинции. Свое будущее с ней связывают только 6%.

3. *Имитация жизненных стилей глобального города.* Большой процент молодых провинциалов, особенно в возрасте от 15 до 23 лет (старшие школьники и студенты, не обремененные семьей и серьезными обязательствами перед обществом), не имеющие реальных возможностей покинуть провинцию, осуществляют попытки реализации культурных программ глобального города в рамках социокультурного поля периферии. Для осуществления данной стратегии необходимо вырваться из поля социального контроля традиционных институтов. Важнейшим механизмом этого является провинциальная молодёжная субкультура. Молодёжные субкультуры провинции формируются под влиянием процессов культурной самоорганизации молодёжи центра, их основная задача создать возможность воспроизводства культурных моделей центра в рамках провинции. Кроме этого, важнейшими механизмами, имитирующими жизнедеятельность глобального города, становятся «развлекательные» локальности (кафе, бары, ночные клубы, торговые центры), которые все активнее проникают в пространство провинции, посредством расширения проектов российского бизнеса.

В последнее время наметилась тенденция к увеличению числа молодых людей, начинающих свой социальный путь с получения высшего образования. Так, более 75% провинциалов в возрасте от 15 до 20 лет в качестве модели жизненного старта выбирают поступление в высшее учебное заведение. Рост количества подростков, выбирающих после окончания школы поступление в высшее учебное заведение, подтверждается и данными государственной статистики. Количество молодых людей поступающих в вуз, с 1990 г. по 2008 г. выросло бо-

¹ Ильин В.И. Быт и бытие молодёжи российского мегаполиса: социальная структуризация повседневности общества потребления. СПб., 2007. С.63.

лее чем в два раза, в то время как количество учащихся ссузов практически не изменилось¹. В современных российских условиях высшее образование становится необходимым атрибутом жизненного успеха и дает возможность занять более престижные места при трудоустройстве. Человек, имеющий диплом об окончании высшего учебного заведения, маркируется окружающими как имеющий более высокий статус и, соответственно, более успешный. Молодёжь провинции, поступаая в провинциальные вузы, отдаёт себе отчет в том, что качество образования в них значительно уступает столичным учебным заведениям.

Таблица 111

Оценка респондентами возможности получения качественного образования, %

Вариант ответа	%
Да, российское образование в целом по-прежнему является качественным	18
Да, но лишь в наиболее известных столичных вузах	43
Да, но лишь в платных вузах	5
Нет, качество российского образования ухудшается с каждым годом	31
Затрудняюсь ответить	3

Более 40% опрошенных указывают, что качество образования определяется расположением учебного заведения в крупном городе и профессионализмом педагогического коллектива. 73% молодых провинциалов хотели бы получать образование в вузах столичных городов (Москва, Санкт-Петербург), и лишь 25% имеют материальные ресурсы для этого. В результате, большинство молодых провинциалов вынуждено выбирать из тех возможностей, которые им предоставляют местные высшие учебные заведения. Представляет интерес анализ мотивов, влияющих на выбор учебного заведения.

Таблица 112

Что для Вас являлось (является) определяющим при выборе учебного заведения, факультета, специальности?, %

Вариант ответа	%
Желание в дальнейшем трудоустроиться по выбранной специальности	18
Наличие интереса к той или иной дисциплине	16
Советы, рекомендации, указания родителей	11
Будущая профессия гарантирует в дальнейшем высокий, стабильный заработок	11
Наличие на рынке труда спроса на выбранную профессию	9
Возможность сделать карьеру в выбранной сфере	9
Возможности личного самосовершенствования и самореализации	8
Местоположение учебного заведения	7
Низкий проходной балл, небольшой конкурс	5
Выбор друзей (выбирал так, как они)	3
Меня интересовал (интересует) только диплом, а не само образование	3
Обучаться в данном вузе (на данном факультете) престижно, модно	2

Полученные данные были подвергнуты факторному анализу², что позволило сделать предположения о существовании трех мотивационных стратегий получения высшего образования, используемых молодыми людьми из провинции.

В основе первой стратегии лежат *утилитарные, прагматические мотивы, базирующиеся на ведущих в молодёжной среде ценностях* – успехе, карьерном росте, материальном благополучии. Носители данной стратегии склонны к более осознанному выбору образования, увязывая его с будущей профессиональной деятельностью.

Те, кто попал во вторую группу ориентированы в своем выборе на личностное развитие, выбирая образование по принципу «чтобы по душе было». Высшее образование для этой группы становится самоценным, без проекции его результатов на будущее.

¹ Образование в России: стат.сб./ Госкомстат России. М., 2009. С.45.

² Факторный анализ проводился методом главных компонент, метод вращения варимакс, полученные факторы объясняют 78% дисперсии.

Наконец, в *третью группу* попали те, кто рассматривает *институт высшего образования как: отсрочку наступления «взрослости», как жизненной ситуации, сопряженной с высоким уровнем ответственности (в том числе отсрочка от армии для юношей); обретение особого социального статуса «человек с высшим образованием»,* что позволяет в дальнейшем более эффективно конкурировать на рынке труда с теми, у кого нет такого образования (при этом конкуренция обычно идет за рабочие места, напрямую не связанные с полученной профессией); возможность для сельской молодёжи остаться в региональном центре, что повышает социальный статус и дает более надежные перспективы дальнейшей жизненной самореализации.

Преобладающими стратегиями, как можно убедиться, являются первая и третья, что подтверждает мысль об *инструментализации отношения молодёжи к получению высшего образования*. Особого внимания заслуживают стратегии молодых людей при выборе специальности в процессе поступления в вуз. Инструментальное отношение к высшему образованию ограничивает рамки выбора специальности наиболее престижными на сегодняшний день профессиями, создавая условия для *воспроизводства молодыми провинциалами деструктивных практик в сфере получения высшего образования и дальнейшего трудоустройства* (таков, в частности, перекося в численности студентов, обучающихся по специальностям «экономика и управление»¹). В условиях провинции это создает диспропорции на рынке труда, что, в свою очередь, ведет, с одной стороны, к росту безработицы среди молодёжи и снижению ее профессиональной компетентности, а с другой – к возникновению нехватки молодых специалистов в целых отраслях региональной экономики. Такая ситуация создает условия для развития социального напряжения на уровне отдельного региона, что особенно ярко проявляется в условиях экономического кризиса. Подтверждением существования описанной деструктивной практики, ведущей к формированию целого комплекса социальных проблем на региональных рынках труда, особенно в ситуации экономической нестабильности, можно считать заявление, сделанное заместителем Министра образования и науки Российской Федерации В.В. Миклушевским на совещании ректоров высших учебных заведений 28 января 2009 г.: «по предварительным данным субъектов Российской Федерации число выпускников системы профессионального образования, имеющих риск быть нетрудоустроенными, – более 100 тыс. человек. Это очень оптимистичный прогноз, поэтому мы должны быть готовы к большим проблемам, связанным с нетрудоустройством выпускников 2009 г. Первичный анализ данных субъектов федерации по профессионально-квалификационной структуре выпускников, имеющих риск быть нетрудоустроенными, свидетельствует о том, что в группе риска сегодня выпускники с образованием экономического (30% от общей численности выпускников, имеющих риск быть нетрудоустроенными), гуманитарного (11%), педагогического (7%), сельскохозяйственного (6%) и строительного (5%) профилей»². Как следует из доклада, самые серьезные проблемы с трудоустройством могут возникнуть именно у выпускников, обучающихся по наиболее престижным сегодня экономическим специальностям.

Физическое воспроизводство общества является одной из важнейших функций молодости, и социальные практики, функционирующие в этой области, требуют особого внимания. В российской провинции можно выделить несколько *деструктивных стратегий*, которые не только не решают демографических проблем страны, но скорее снижают качество человеческого капитала российского общества. Речь идет о целом комплексе поведенческих паттернов, которые образуют специфическое поле социальных проблем в провинции. Одной из типичных практик определенной части молодёжи периферии в демографической сфере является *раннее рождение ребенка*. Если в «центре» наблюдается увеличение возраста матери при рождении ребенка и снижение раннего деторождения, то в провинции, особенно в сельской

¹ См.: Чередниченко Г.А. Молодёжь России: социальная ориентация и жизненные пути (опыт социологического исследования). СПб., 2004. Шмерлина И. Заметки о российском учительстве в контексте национального проекта «Образование» / Социальная реальность. 2007. №2. С.49-54.

² Доклад // <http://mon.gov.ru/ruk/zam/miklushevskii/dok/5157/>

местности, подобные практики сохраняются, а в некоторых регионах их количество даже растет.

Рис.46 Рождение детей матерью в возрасте 15-19 лет в городах, 2007 г. (на 1000 человек)

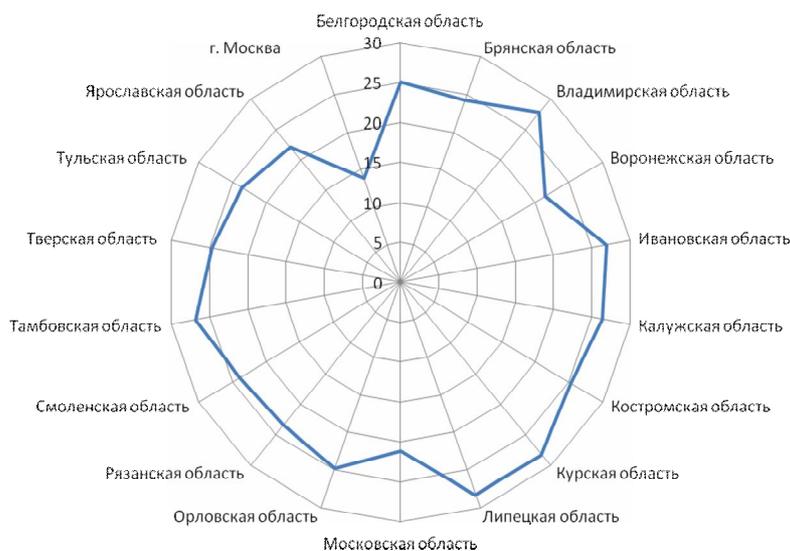

Рис.47. Рождение детей матерью в возрасте 15-19 лет в селах, 2007 г. (на 1000 человек)

Нельзя рассматривать данную практику как повсеместно распространенную в провинции, тем не менее, ее сохранение и воспроизводство (особенно в сельской местности) позволяет говорить о существовании особого *типа молодёжного транзита*, который заканчивается практически сразу же после окончания средней школы (а в некоторых случаях и раньше).

Стратегией молодёжи центра в демографической сфере является *поздний брак и позднее деторождение (25-30 лет)*. В условиях недостаточной социальной политики государства в отношении молодых матерей такая стратегия становится наиболее оптимальной, поскольку позволяет создать для ребенка полноценные условия существования и развития. Большая часть молодёжи к 25-30 годам обретает полноценный социальный статус, что позволяет аккумулировать необходимые материальные ресурсы для воспитания ребенка. Воспроизводство практики раннего деторождения в селах и малых городах провинции создает особое поле социальных проблем. Эта проблемность связана уже с низким материальным статусом молодых людей в возрасте 15-19 лет. Большинство из них в указанном возрасте не обладают достаточными материальными ресурсами для полноценного физического и интеллектуального развития ребенка. Это обстоятельство ведет к увеличению отказов от детей и пополнению

детских домов и приютов. Даже если ребенок остается с родителями, их жизненные траектории затруднены, что зачастую ведет к деформации жизненного пути молодых девушек. Наиболее распространенная стратегия решения возникших (ввиду раннего деторождения) проблем (материальных, жилищных), в ситуации отсутствия помощи от старшего поколения родственников и государства – это проституция. Исследования российских социологов демонстрируют достаточно устойчивую готовность молодых девушек в случае сложной жизненной ситуации заняться проституцией в целях заработка (16%)¹. При этом, очень часто такой выбор определяется отсутствием высшего образования и наличием маленького ребенка. Типичное описание жизненного пути, ведущего к проституции выглядит следующим образом (данные глубинного интервью): *«окончила техникум..., затем курсы секретарей-машинисток, но год сидела дома и не работала. После развода осталась с ребенком и без средств»*². Невозможность заниматься проституцией в лишенном анонимности пространстве российской глубинки и переезд в региональный центр или глобальный город ведут к еще большему усложнению жизненных траекторий молодых девушек, оказавшихся в сложной жизненной ситуации.

Важным фактором, усиливающим деструктивность раннего деторождения, является то обстоятельство, что в современной России продолжается *трансформация института семьи*. Это, в свою очередь, ведет к активному распространению *практик рождения ребенка вне традиционной семьи или же в гражданском браке*. Наибольшее распространение такая практика получила в социокультурном пространстве российской провинции, в особенности в сельской местности. Важной особенностью трансформации семьи в российской провинции является *рост числа разводов в молодых семьях*³. Это еще более усложняет процесс нормального воспитания и развития ребенка, что также ставит вопрос о сохранении российского государства как национальной целостности. И региональная молодежная политика должна особое внимание уделять трансформации представлений молодых провинциалов об особенностях семейно-демографического поведения.

Особое место в процессе социализации молодого человека занимает усвоение им ценностей и практик здорового образа жизни, что, в свою очередь, становится важнейшим условием полноценного воспроизводства общества. Российская провинция представляет собой локальность, в которой на протяжении многих поколений *воспроизводятся деструктивные практики, разрушающие здоровье молодого человека, как на физическом, так и на духовном уровне*. Самой распространенной из них является алкоголизация. Эта проблема недостаточно представлена в общественном дискурсе (особенно в деятельности органов по делам молодежи), по сравнению, например, с проблемой наркотизации молодого поколения, при этом ее влияние на депопуляцию российского общества не менее, а скорее даже более значимо. Важнейшей особенностью российской провинции является употребление тяжелого алкоголя, а также разнообразных форм продуктов самогонварения и спиртосодержащих суррогатов. Как показывают проведенные исследования, за последние годы резко снизился возрастной порог употребления алкоголя. Так, более 68% подростков из провинции в возрасте 12-13 (независимо от пола) хотя бы раз пробовали алкоголь, и более 50% употребляют его периодически. Распространенность употребления алкоголя среди сельских подростков 15-17 лет составила в среднем по России 71,8 на 100 обследованных мальчиков и 76,7 – на 100 девочек⁴. Рост употребления тяжелого алкоголя и его деструктивные последствия особенно заметны среди мужчин, проживающих в провинции, что проявляется в росте заболеваемости алкоголизмом и алкогольными психозами. По экспертным оценкам, «до трети всех смертей в Рос-

¹ См.: Голод С.И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996.

² Цит. по: Ильин В.И. Быт и бытие молодежи российского мегаполиса: социальная структура повседневности общества потребления. СПб., 2007. С. 245.

³ Демографический ежегодник России 2008. Стат. сб. / Росстат. - М., 2008.

⁴ Письмо Минздравсоцразвития 28 апреля 2004 г. N 2510/3268-04-25 «О мониторинге вредных привычек среди несовершеннолетних» / <http://rudocor.net/medicine2009/bz-nw/med-hmpuo.htm>

сии составляют прямые и непрямые потери в результате употребления алкоголя»¹. При этом этот процент увеличивается при движении от центра к периферии². Проявляются серьезные различия в уровне заболеваемости алкоголизмом и между провинцией и «центром», и между разными регионами РФ. Практика злоупотребления тяжелыми видами алкоголя формируется в подростковом возрасте, что, в свою очередь, и является причиной высокого уровня алкоголизации населения страны, в особенности провинциальных «зон» депривации.

Вторым важным фактором разрушения здоровья является наркотизация молодежи России. При этом в отличие от алкоголизации, процесс наркотизации достаточно равномерно распределяется от центра к периферии. В то же время распределение заболеваемости наркоманией, которое рассматривается как индикатор существования и распространения практик потребления наркотических средств, по регионам ЦФО позволяет констатировать наличие локальностей, где эта проблема стоит более остро в сравнении с другими. Думается, что и наркотизация молодого поколения распространяется в большей степени в отдельных «зонах» провинции. Исследования демонстрируют увеличение количества молодых людей, с определенной периодичностью употребляющих наркотики, в крупных региональных центрах, в то время как в сельской местности их количество резко снижается.

Амбивалентность социализации молодых людей, проживающих в социокультурном пространстве российской провинции, воспроизводство отличных от столичных форм и траекторий жизненного пути, требуют регионализации и дифференциации государственной и общественной молодежной политики. Как показывает анализ данных государственной статистики, а также результатов социологических исследований, в разных регионах молодежные деструктивные практики представлены в разных соотношениях друг к другу. Все вышеизложенное ставит вопрос о трансформации представлений о региональной молодежной политике, как государственной политике в отношении молодого поколения в целом. Речь должна идти о разработке и реализации особых форм работы с молодежью в зависимости от того социокультурного пространства, в котором протекает жизнедеятельность молодого поколения.

Соколов А.В. (СПбГУП, Санкт-Петербург)

Современное студенчество: интеллектуально-нравственная дифференциация

О постсоветской молодежи, включая студенчество, часто говорят как о «потерянном», «пожертвованном» поколении, печальной ошибке суровой русской истории. Нередко звучат нотки обличения, осуждения: «В атмосфере агрессивного натиска антикультуры формируются новые поколения российских граждан, чье сознание заражено бактериями примитивного потребительства, поклонения чужим идолам, пренебрежением к национальным ценностям»; молодым людям свойственно «презрение к ежедневному упорному труду, жажда наживы, массовый антипатриотизм (примерно 70% готовы отправиться в эмиграцию)»³. Один из авторитетных обществоведов – А.С. Панарин суров в своем «приговоре»: «деморализация и дезориентация молодого поколения несомненны...»; «духовная атмосфера порождает активистов не созидания, а разрушения, разложения и растрепания»⁴. В учебном пособии «Социология молодежи», изданном в Ростове-на-Дону (2001), суммированы сходные упреки: *социальная апатия* – уход из политической и общественной жизни, распространение мещанских, семейно-эгоистических настроений; *кризис нравственных ценностей*: отказ от правды, честности, совестливости, любви, дружбы как основы отношений между людьми; *падение престижа честного труда*, проявления обмана, цинизма, насилия; *рост потребительских настроений*, выражающийся в росте материальных вожделений, эгоизма, пренебрежения духовными ценностями, дегуманизации отношений между людьми⁵. Если верить такого рода суждениям

¹ См. напр. Немцов А.В. Алкогольный урон регионов России. М., 2003.

² Там же.

³ Веселов В.Р. Интеллигенция и народ: возвращение к старой теме // Интеллигенция XXI века: тенденции и трансформации: Материалы научной конференции. Иваново, 2003. С. 42.

⁴ Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998. С. 150; 389.

⁵ Социология молодежи: Учебное пособие. Ростов н/Д., 2001. С. 158.

и оценкам, получается, что не остается надежды на будущее России: с таким молодым поколением она может только деградировать. Однако не будем спешить. Нужно детальнее изучить мнения молодых, прежде всего, будущей интеллектуальной элиты, которая формируется сейчас в высшей школе. Что они думают о своем поколении, о своей жизненной миссии, к чему стремятся и что ожидают от будущего? Как они относятся к своей репутации?

Исходя из того, что доверительный и откровенный диалог с постсоветским студенчеством поможет лучше понять менталитет наследника и будущего хозяина национальной русской культуры, автор в 2000-2004 годах в инициативном порядке провел социологическое исследование в вузах Петербурга. Использовались разнообразные социологические методы: от массовых и групповых опросов до письменных интервью, ведения дневников, мысленных экспериментов и мозговых атак. Исследованием были охвачены студенты Университета культуры и искусств (государственный вуз) и Гуманитарного университета профсоюзов (негосударственный вуз); опрошены более 1500 человек. Обратимся к данным, позволяющим судить о духовном мире нынешней студенческой молодежи, разумеется, учитывая масштабы опроса, без претензий на широкие обобщения.

«Нравится ли Вам Ваше поколение?». Этот вопрос был задан 250 студентам различных курсов. Около 60% ответило утвердительно, 25% – отрицательно, 15% – «и да, и нет». *Утвердительные* ответы комментировались высказываниями: «Я считаю, что мое поколение более прогрессивно, мобильно, коммуникабельно, чем предыдущие поколения»; «Мое поколение – свободные люди, они знают, чего хотят, и смело идут навстречу будущему»; «Я знаю очень много умных, добрых, хороших, по-настоящему талантливых ребят, которые на самом деле представляют собой будущее России, и я верю, что они смогут возродить нашу страну и привести ее к процветанию»; «На моих сверстников можно положиться, в них много сил, энергии, из них получатся отличные специалисты в конкретных областях, и они смогут поднять экономику и культуру» и т.п.

Скептические оценки сопровождалась суждениями типа: «Многое нужно изменить в нынешней молодежи»; «Мои ровесники знают, что есть странные молодые люди, которые читают книжки, ходят по музеям и театрам. Но они считают, что намного ярче пройдет день, если собраться с друзьями, выпить по баночке пива и завалиться в какой-нибудь давно знакомый клуб»; «Мне ближе дух 40-х - 60-х, когда не было сегодняшнего вошедшего в норму холодного равнодушия ко всему, не было этого цинизма и эгоизма». Критические высказывания студентов согласуются с приведенными выше негативными выводами ученых.

Что же касается позитивных оценок, молодые люди пытаются опровергнуть стереотипы, сложившиеся в сознании старшего поколения. Например: «Многие взрослые считают, что нам нужны только гулянки, дискотеки, секс, наркотики, сигареты и выпивка. Не верно это. Время бесцельной, легкой жизни прошло. Мы учимся, развиваемся интеллектуально, ставим перед собой цели и пытаемся их достичь. Не скажу, что все такие, но нас большинство». Или: «Я не совсем понимаю пожилых людей, которые без конца ругают нас темными и необразованными. Ведь это не так. Наш недостаток заключается в том, что мы стали мало читать книг. Но это же не удивительно, ведь прогресс не стоит на месте, и самым главным источником информации на сегодняшний день стал Интернет. И все-таки книги мы также читаем». Другой студент поясняет: «Мы идем в ногу с нашим временем и ни за что не хотим отстать! Мы живем в собственном мире, созданном нами самими. Это вовсе не означает, что он примитивен и пуст. Мы наполняем его собственным смыслом. Наш век диктует нам свои законы, по которым нужно жить».

На мой взгляд, с подобными доводами нельзя не согласиться. Однако для того, чтобы разрушить привычные негативные стереотипы, недостаточно удостовериться, что 60% студентов удовлетворены своим поколением. Ведь они не могут сравнить своих сверстников с молодыми людьми другого времени, ибо сами принадлежат к постсоветской молодежи и хотя бы поэтому пристрастны и необъективны. Правда, четверть опрошенных, заявивших о разочаровании в своем поколении, показатель довольно высокий. Когда в 1961 г. Б.А. Грушин обратился к молодым респондентам с вопросом «Нравится ли Вам Ваше поколение, до-

вольны ли Вы его делами?», то из более чем 17 тыс. ответивших 78% сказали «да» и только 14% – «нет». Причем 20% респондентов студенческого возраста (18-22 года) заявили, что у советской молодежи вообще нет широко распространенных отрицательных черт¹. Постсоветское поколение гораздо самокритичнее: в нашем опросе лишь три человека из 250 абсолютно положительно оценили свое поколение.

Продолжая диалог с этим поколением, попытаемся уточнить, какие отрицательные и какие положительные черты обнаруживают его представители у сверстников и насколько весомы эти черты.

Самооценка поколения: отрицательные черты. В письменных интервью был поставлен вопрос: «Какие отрицательные черты находите Вы у своих сверстников?». Семантически близкие формулировки были обобщены. Выявились десять «осуждаемых» постсоветским студенчеством «пороков». Остановимся на них с учетом ранжирования по частоте упоминания.

1. *Бесцельное существование (жизнь сегодняшним днем), потребительское отношение к жизни («прожигание жизни»), апатичность, пассивность, иждивенчество, лень, тунеядство, разгильдяйство.* Типичные формулировки: Очень многие люди «не знают, чего хотят в жизни, как достичь чего-то»; «надеются просто на случай, предпочитают ничего не делать»; «живут сегодняшним днем, не задумываясь о будущем»; «очень много в обществе молодежи, которая не хочет учиться и зарабатывать себе на жизнь, а надеется и дальше жить на деньги родителей». Целеустремленные интеллектуалы осуждают «папенькиных сыночков», за которых все решают и за все платят их родители, и презирают бездельников: «Те, кто просиживает свои штаны в парадных и подворотнях с бутылкой пива и сигаретой в зубах, вызывают у меня только презрение».

2. *Алкоголизм, пьянство, наркомания, курение – способы разрушения личного здоровья.* Отмечая, что, к сожалению, в молодежной среде «принимать наркотики стало модным, престижным и почти обязательным действием», более 70% студентов категорически осуждают эту «повальную тягу» и решительно отвергают для себя перспективу наркомании или алкоголизма.

3. *Эгоизм, корыстолюбие, жадность, зависть, отсутствие коллективизма, взаимопомощи.* Характерны типичные интеллигентские сетования: «Теперь человек видит только себя, почитает себя центром Вселенной и не считается с остальным миром»; «В душах ничего не осталось, кроме денег»; «В обществе главной ценностью стали деньги, а не человеческие отношения»; «Эгоизм и равнодушие – характерные черты нашего времени»; «Все подвержено ужасной власти денег и зависти»; «Большинство людей вокруг занято погоней за наживой, материальными благами, в которой теряются настоящие человеческие качества, а порой и человеческое достоинство»; «Деньги стали не средством, а целью» и т.д.

Комментируя эти высказывания, надо отметить, что эгоизм и корыстолюбие отнюдь не являются предметами всеобщего безоговорочного осуждения, подобно наркомании. Аскетизм вообще чужд постсоветскому поколению, а эгоизм многими признается необходимым условием жизненного успеха. В минуту откровенности одна из девушек воскликнула: «Я понимаю, что нужно, нужно сейчас быть акулой!». Тем не менее, указанные качества большинство респондентов отнесли к числу отрицательных, порой оправдывая их оговорками, например: «Поскольку жизнь поставила нас перед суровыми условиями выживания, эгоизм должен в нас присутствовать, но в определенной мере, обусловленной совестью, которая будет у человека всегда».

4. *Агрессивность, насилие, жестокость, озлобленность, цинизм, хулиганство, преступность.* «Страшно то, что ради достижения своей цели люди готовы идти по головам других. Это может быть аморальное ущемление прав другого человека, но также и физическое насилие, порой даже смерть»; «Очень страшно, когда видишь проявление детской жестокости». Одна из студенток с горечью заявила: «Идти по головам других – отличительная черта наше-

¹ Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Эпоха Хрущева. М., 2001. С. 159-222.

го поколения». Но есть и сторонники философии социального дарвинизма: «Выживает сильнейший. Сплошная конкуренция порождает ходьбу по головам, и не каждый может выдержать это испытание».

5. *Хамское поведение, бескультурье, грубость, бездуховность, неуважение к старшим.* По словам студентов, типичными проявлениями подобных недугов являются «утрата женственности девушками и рыцарской галантности юношами», «неуважение к окружающим (ночью горланят песни)», «замусоривание среды обитания (город, лес, улица, парадная)», «пренебрежение прошлым и полное равнодушие к будущему» и т.п.

6. *Лживость, лицемерие, безответственность, расхлябанность, предательство, ловкачество.* Эти пороки превратились в «обычное явление», и вместе с тем они особенно ненавистны для дружелюбных и откровенных молодых людей. Около трети студентов заявили, что считают ложь и предательство самыми гнусными и отвратительными явлениями в общении между людьми.

7. *Аморальность, распущенность, разврат.* Степень порочности оценивается по-разному. Некоторые студенты сдержанно констатируют: «Молодежь все больше и больше отклоняется от моральных и эстетических принципов и полностью отдает себя миру игры и виртуальных развлечений». Другие более категоричны: «У нас сплошной беспредел, никто не знает границ порядка, морали и приличного поведения, а точнее сказать, знают, но совершенно с ними не считаются». Рассадником порока, по мнению многих, являются пресса и телевидение, где царствуют «разврат и вульгарность, превращение самого сокровенного и таинственного в общедоступное и даже навязанное».

8. *Бездумное следование моде, глупое подражание.* Мода порождает «вредные привычки, нелепые наряды, отвратительное поведение»; «даже друзей некоторые модники выбирают по моде или по своему стилю». Эта слабость воспринимается не без юмора. Например, одна из студенток написала: «Ныне в моде пирсинг, и все побежали прокалывать себе, что нужно и не нужно; иногда видишь девушку, на которой столько разных сережек, что, если к ней преподнести магнит, она притянется». Мода может быть и благотворной: к примеру, «стало модно получать высшее образование», «в моду входит здоровый образ жизни».

9. *Отсутствие патриотизма, неумение ценить свою историю, равнодушие к судьбе России.* Часто молодые люди самокритично повторяют: «Наше поколение не способно жертвовать собой ради ближних, страны и мира так, как это делали наши бабушки и дедушки. Мало кто сейчас смог бы повторить их подвиг». Однако упрек в недостаточной патриотичности нельзя адресовать всему поколению. Массовые опросы показали, что потенциальными эмигрантами, готовыми сменить гражданство, «если это окажется выгодным и полезным для меня», является треть студентов, но есть другая треть, которую «будущее страны глубоко волнует, потому что судьба России – моя судьба».

10. *Зависимость от техники.* Технический прогресс – несомненное благо, которое признается молодежью. Но всякое благо имеет обратную, не всегда безобидную сторону, и наиболее чуткие и вдумчивые студенты толкуют об опасности «отгораживания техникой от реального мира», потому что люди, «помешанные на техническом прогрессе, перестают чувствовать красоту мира и человеческой души».

Другими отрицательными чертами постсоветского поколения можно пренебречь, ибо они упоминались слишком редко. Обратимся теперь к позитивным качествам.

Самооценка поколения: положительные черты. Среди них студенческая молодежь особо выделила следующие:

1. *Целеустремленность, целенаправленность, деловитость, организованность.* Эти черты отмечаются очень многими (но не всеми) студентами, что не удивительно. Ведь стать студентом – значит сделать жизненный выбор, дать заявку на вхождение в интеллектуальную элиту, принять на себя определенные обязательства перед близкими людьми и перед самим собой, мобилизовать свои духовные ресурсы. Большинство студентов это понимает и вырабатывает целеустремленность и деловитость как качества характера. По этому поводу одна из студенток заметила: «Наши цели сильно различаются. Кто-то хочет самоутвердиться в

обществе, кто-то считает семейное счастье главной ценностью жизни, кто-то мечтает сделать успешную карьеру и заработать много денег. Но цель в жизни у каждого есть, и это – самое главное». Другая студентка столь же категорично утверждает: «нынешняя молодежь точно знает, чего она хочет, и стремится к достижению своих целей». Девушки несколько преувеличивают: есть немало молодых людей, «живущих сегодняшним днем» и отдающих себе в этом отчет. Некоторые студенты честно признаются в своей пассивности: «Как и многие сверстники, я живу сегодняшним днем, хотя имеются не то что определенные цели, скорее, мечты о будущем»; «Никакой уверенности, что я добьюсь чего-то в своей жизни, у меня нет. Есть только наглость и упорство (или, скорее, упрямство). А это уже не мало, поэтому я думаю – прорвемся». Подавляющее большинство готово постоять за себя в жизненной борьбе. У некоторых есть программа: «Я собираюсь развивать свои способности, учиться и набираться опыта; знакомиться с новыми людьми, искать нужные связи; делать свою работу добросовестно и никого не подводить. Надежность, поиск новых путей и стремление все довести до конца – главные качества, которые всегда принесут успех и над развитием которых я неустанно работаю». Еще вариант: «Я уверена, что добьюсь успеха, так как выкладываюсь по полной, усердно занимаюсь, учу иностранные языки, практикуюсь в различных фирмах. Целеустремленность, трудолюбие, коммуникабельность и активность приведут к желаемому результату». Другие просто уверены в себе и своей удаче: «Я добьюсь своей цели, потому что я терпелива и очень люблю жизнь»; «Я полностью уверена, что у меня все получится; ведь одна из составляющих успеха в чем-то – уверенность в себе»; «Я всегда добиваюсь того, чего хочу» и т.п.

2. Самостоятельность, самодостаточность, независимость, свободолюбие. Отмечая эти черты, нельзя не приветствовать такие высказывания студентов: «Многие хотят стать независимыми материально, желают не сидеть на шее у родителей, а напротив, помогать им. И добиваться всего своим умом, талантом, рвением»; «Я желаю быть и буду хозяином своей судьбы, обязанным только себе как своими достижениями, так и неудачами». Охотники за удачей заявляют: «Мы часто пренебрегаем советами старших, но наша предприимчивость заменяет нам их опыт». Постсоветские студентки особенно ревниво дорожат своей независимостью и самостоятельностью и готовы немало потрудиться для их приобретения. Так, одна из них сделала вывод: «Для того, чтобы стать независимой женщиной, необходимо быть личностью и порядочным, интеллигентным человеком». Молодые люди не без гордости заявляют: «Мы – первое поколение подлинно свободных людей», «Мы – первое свободное русское поколение, не знающее старых обычаев, нравов, догматов». Вместе с тем многие из этих раскрепощенных юношей и девушек проявляют мудрую озабоченность: «Избыток свободы вреден»; «Толковые люди нашли свободе правильное применение, а других она загубила»; «Свобода стимулирует построение иллюзорных планов на будущее».

Массовые опросы показали, что не более 15% студентов приветствуют свободу слова без всяких ограничений, а 70% требуют, чтобы свобода слова сочеталась с ответственностью за сказанное. Три четверти решительно против уравниловки в распределении доходов и за свободу предпринимательской инициативы; столько же респондентов отвергают демократию, поскольку «большинство – это безумие, ум ведь лишь у меньшинства». Но политические взгляды и экономические ориентиры нынешнего студенчества не обрели зрелость и определенность.

3. Жизненная активность, оптимизм, уверенность в будущем, предприимчивость, трудолюбие, напористость. Многие процитированные высказывания подтверждают ориентацию постсоветской молодежи на эти качества. Приведем другие примеры. Жизнерадостные оптимисты заверяют: «Мое поколение не только сделает лучше настоящее, но и подаст хороший пример будущему»; «Все будет хорошо, нужно только упорно работать, не жалея себя, не бояться строить планы, идти вперед и ставить перед собой новые цели». Новаторство провозглашается атрибутом поколения: «Нашему поколению свойственна очень хорошая черта – стремление к изменениям, причем к резким и большим изменениям к лучшему»; «Мы – аб-

солютно новые люди, с новым мировоззрением и новыми идеалами. У нас есть пыл, жар и стремление к познанию и движению».

Примечательно, что юношеский энтузиазм и жажда самоутверждения уживаются в сознании эмансипированных девушек с идеалом тихого семейного счастья. Впрочем, этот идеал не чужд и многим представителям сильного пола. Вот типичная жизненная программа: «Я хочу создать крепкую семью (и это самое главное), сделать головокружительную карьеру, добиться прочного материального положения, чтобы у моих детей было все, чего не было у меня, и вместе с тем не утратить своих лучших человеческих качеств. Я хочу быть спокойной за свое будущее и будущее своих детей». Конечно, это программа достижения «мещанского» счастья, которое со времен А.И. Герцена осуждалось благородной русской интеллигенцией. Почему оно стало идеалом постсоветских интеллектуалов? Этот вопрос нуждается в специальном обсуждении, которое выходит за рамки статьи.

4. *Интеллектуальность, умственное развитие, творческие способности (креативность), талантливость* – это черты, которыми не без основания гордится молодое поколение. Часто упоминается «быстрое освоение новой информации», «высокий творческий потенциал», «универсальные таланты и способности». Для некоторых студентов, важно отметить, идеалом служит образ русского интеллигента. Например: «Моя самая заветная мечта и стремление – стать интеллигентом. В мои планы входит отдавать все свои силы на то, чтобы развиваться, стараться впитать в себя как можно больше знаний и умений, никогда не лениться и делать все с благими намерениями. Это моя установка, которую я никогда не нарушу».

5. *Стремление к знаниям, овладению культурой* понимается как естественное дополнение интеллектуальности и интеллигентности. Усердная учебная деятельность мотивируется двояко. Немногие, не более 10% студентов испытывают бескорыстную, неутолимую жажду познания. Большинство же рассматривает знания как доходный вид собственности, способный приносить немалые дивиденды в капиталистическом обществе. Его представители свидетельствуют: «Мы готовы сделать все, чтобы потенциальный работодатель смог найти в нас гармоничное сочетание профессиональных качеств, обаятельной внешности, интеллекта и многого, многого другого».

6. *Альтруизм, доброта, дружелюбие, гуманизм, честь, правдивость, порядочность, вообще – высокие моральные качества.* Появление подобных черт в автопортрете постсоветской молодежи кажется противоестественным, но о них многократно упоминают респонденты. Например: «Истинная жизнь – это жизнь по законам нравственности, гуманности и справедливости. Я точно знаю, что я альтруист»; «Я в первую очередь думаю об окружающих, и только потом о себе. Я люблю не себя, я люблю других людей»; «Я хочу жить не только ради себя, но больше ради других (для общества, страны, своей семьи)»; «Нужно всегда оставаться человеком, который может не стыдиться за свое прошлое, который может идти вперед, не переступая через людей, а, следуя своим принципам, в которых не будет места жестокости, коварству и бесчеловечности» и т.п.

7. *Патриотизм, любовь к Родине*, подобно альтруизму, на фоне отрицательных самооценок представляется неожиданным явлением. Но оказалось, что многие молодые люди способны испытывать патриотические чувства. Несколько примеров: «Я верю в будущее своей страны и горжусь, что являюсь её гражданином»; «Равнодушный человек, не любящий свою Родину, на мой взгляд, хуже всего»; «Мои цели не ограничиваются только тем, чтобы жить в достатке, здоровым и не голодным. Я также задумываюсь о будущем нашей страны и всего мира. Россия – страна с особой миссией, мы – обладатели самобытного духа и культуры. Это важнейшие экономических ценностей, ибо не хлебом единым жив человек». Одна из студенток выразила свои чувства так:

Я стою у истока волшебной реки.
С нарастающим потоком заблестят огоньки,
Все сильнее и сильнее будет сила огня.
Это – наша Россия. Что она для меня?
Она – сила и мощь, она – песнь и душа.

Золотой чудный дождь, что ловлю, чуть дыша.
Я ее не отдам, в ней живу, в ней пою,
Я ее не продам, потому что люблю.

Объяснение парадокса. Если сопоставить отрицательные и положительные черты студенческой молодежи, получается парадокс: ей одновременно присущи разгильдяйство и целеустремленность, эгоизм и альтруизм, агрессивность и гуманизм, апатичность и предприимчивость, бездуховность и интеллектуальность, жажда богатства и жажда знаний, в общем, – все пороки и все добродетели, известные человечеству. Порой исследователи говорят о «противоречивости», «нелепости» социального портрета молодого поколения. Однако парадокс можно объяснить. Надо только уйти от попыток построить *один, единственный* социальный портрет, представляющий всю молодежь постсоветской России – от старшеклассников и учащихся ПТУ до студентов и военнослужащих. Дело в том, что существует не один, а *несколько* социально-психологических портретов, и наложение их друг на друга порождает нелепые конфигурации. Если бы молодое поколение было однородным и унифицированным, для его представления было бы достаточно одного портрета. Нынешняя же молодежь *стратифицирована* на группы, отличающихся интеллектуальными и этическими параметрами, поэтому обойтись одним изображением нельзя. Исследование выявляет *дифференциацию* постсоветского поколения, что необходимо учитывать в научной и педагогической деятельности.

Студенты, участвовавшие в нашем исследовании, отчетливо осознают этот факт. Две цитаты: «Любое общество неоднородно, поэтому очень глупо объединять всех молодых в один ряд под названием «молодежь» и обсуждать их вместе как одно. Есть молодые люди, стремящиеся к цели, имеющие собственную концепцию жизни, и есть те, кому это просто не нужно, им проще жить по заданной схеме. И если первым свойственно брать все в свои руки, постоянно двигаться и преобразовать существующую действительность, то вторые являются, по сути, пассажирами на запряженных повозках, просто сидят и едут»; «Мое поколение делится на два вида. Есть люди, которыми я восхищаюсь: они начитанны, с ними есть о чем поговорить, они понимают, что без образования никуда не пробиться, и я стремлюсь достичь их уровня. А есть такие, которые, кроме вечного веселья и безделья, ничего не хотят знать и при этом надеются: «авось повезет».

Сопоставление (или лучше сказать – противопоставление) положительных и отрицательных черт, описанных нашими респондентами, приводит к выводу о том, что молодое поколение делится не на две, а на три части, не считая маргинального слоя.

Во-первых, будущую *интеллектуальную элиту* следует отделить от молодежной массы. Основным критерием отграничения здесь может служить целеустремленность / бесцельное существование, а вспомогательным – познавательная деятельность. Целеустремленность и заинтересованность в приобретении полезных знаний – отличительное качество молодого человека, планирующего сделать успешную карьеру, добиться признания и самореализации. Это качество, как показали наши опросы, присуще *большинству студенчества*. Оно подтверждается фактом поступления в вуз, которое часто требовало упорства, решительности, самостоятельности. Бездарные «папенькины сынки» и паразитирующая «золотая молодежь» быстро отторгаются студенческими коллективами. Вероятно, вне студенческой среды есть талантливые и волевые люди, целенаправленно занимающиеся самообразованием, но их шансы попасть в интеллектуальную элиту невелики. В наши дни путь к общественному признанию пролегает через вузовские аудитории.

Во-вторых, студенчество, представляющее будущую интеллектуальную элиту, распадается на *интеллектуалов и интеллигентов*. И те, и другие обладают образованностью и креативностью (творческими способностями), что и объединяет их в интеллектуальном слое. Различаются же они *этическим самоопределением*. Этическое самоопределение *интеллигента* характеризуют: а) альтруистическая направленность личности; б) отказ от насилия, как говорят студенты, «хождения по головам»; в) благоговение перед культурой. Вот жизненное кредо интеллигента XXI века: «Я искренне верю, что мои друзья и я сможем достигнуть всего,

чего захотим, и, что важно, остаться людьми и не забыть про нравственный закон, который внутри каждого из нас». Можно сказать, интеллигентность понимается ныне как человечность в эпоху капитала и компьютера.

Интеллектуал, как можно сделать вывод из нашего исследования, руководствуется иными нормами: а) эгоистическая направленность; б) допустимость насильственных действий по принципу «цель оправдывает средства»; в) утилитарное потребление культуры. Будущему интеллектуалу принадлежат слова: «Мне нравится в моих сверстниках их наглость, так как сейчас необходимо быть пробивным и наглым, чтобы добиться своих целей». Если использовать социально-психологические характеристики студентов, перечисленные выше, то основным критерием отграничения интеллигента от интеллектуала может служить альтруизм / эгоизм, а вспомогательным – гуманизм / агрессивность.

Поскольку социальные и психологические характеристики не дискретны, а непрерывны, то образуются промежуточные, *маргинальные прослойки* как между элитой и массой, так и между интеллектуалами и интеллигентами. Этими прослойками чаще всего пренебрегают, но они реально существуют, и многие студенты-заочники их регулярно пополняют. Таким образом, интеллектуально-нравственную *стратификацию постсоветской молодежи* можно представить следующим образом:

А. Интеллектуальная элита, как правило, – студенты, сознательно и энергично стремящиеся к высшему образованию, рассматривая его и как терминальную, и как инструментальную жизненно важную ценность. Элита расколота на две по-разному этически ориентированных подгруппы: а) *интеллектуалы*, б) *интеллигенты*.

Б. Неинтеллектуальная молодежная масса, не обладающая высокой образованностью, развитыми духовными интересами и не стремящаяся к ним. Это люди массовой культуры. Но некоторые из них, особенно истово верующие, могут превосходить представителей интеллектуальной элиты в этическом развитии.

В. Маргиналы.

Иметь в виду стратификацию постсоветской молодежи чрезвычайно важно при осмыслении суждений, высказанных в ее адрес.

Конечно, самооценки студентов субъективны и пристрастны, они нуждаются в критическом анализе, но еще дальше от истины утверждения о неких общих «пороках» молодежи, приведенные в начале статьи. В них допускается методологическая ошибка, когда судят о молодежи по среднестатистическим показателям, игнорируя существенные различия между молодежными стратами, интеллектуально-нравственную дифференциацию поколения. Обвинения в «примитивном потребительстве», «поклонении чужим идолам», «презрении к ежедневному упорному труду», «массовом антипатриотизме» можно отнести к пресловутой «золотой молодежи», к некоторым (далеко не всем!) представителям неинтеллектуальной массы, но, например, не к студенческой интеллектуальной элите. Для большинства молодых интеллигентов и интеллектуалов подобные обвинения и несправедливы, и оскорбительны.

Опасения, что «общество будет более прагматичным, более жестоким и циничным, более лживым и беспощадным к слабым», если «нынешние студенты станут элитой общества», небезосновательны, но они нуждаются в уточнении. Плохо будет, если политическая, экономическая, духовная власть окажется полностью в руках агрессивных эгоистов-интеллектуалов. Необходим противовес им в лице альтруистически ориентированной интеллигенции. В российской истории были времена, когда наблюдался баланс между интеллектуалами и интеллигентами и когда он отсутствовал. Ныне сделались популярными высказывания об «уходе русской интеллигенции». Данные нашего исследования показывают увеличение доли интеллектуалов в студенческой среде (их более половины), но интеллигенция вовсе не аннигилируется, она составляет не менее 20% будущей элиты. Этого достаточно, чтобы общество не впало в бездну деградации.

Одна из задач настоящей публикации – восстановить опороченную (конечно же, без злого умысла) репутацию формирующейся на студенческой скамье интеллектуальной элиты моло-

дого поколения России. Эта элита – наша надежда в наступившем столетии, поэтому к ней надо относиться бережно и уважительно.

Сокурская Л.Г. (ХНУ, Харьков, Украина)

Теоретический и эмпирический анализ трансформация пространства идентичностей студенческой молодёжи

В современном социологическом да и в социальном дискурсе, пожалуй, нет более популярных понятий, чем «глобализация» и «идентичность». Как представляется, такой тандем можно объяснить тесной взаимосвязью соответствующих этим концептам феноменов, а их популярность на уровне специализированного и обыденного сознания – существенными изменениями в пространстве индивидуальных и групповых идентичностей, в том числе и, прежде всего, спровоцированными процессами глобализации¹ всех сфер жизнедеятельности современных обществ.

Эти процессы в сочетании с локальными трансформациями, в частности, с постмодернизацией ценностного сознания, детерминируют значительные изменения такого многофункционального социального феномена, как социализация, в том числе ее важнейшего механизма – идентификации. Как полагают некоторые исследователи, сложившаяся социокультурная ситуация приводит к тому, что индивидуальная идентичность, сформировавшаяся в этих условиях, становится «размытой», «вероятностной», виртуализированной². Все эти характеристики, прежде всего, можно отнести к молодежным идентичностям, находящимся в поле нашего исследовательского интереса.

Цель данной статьи – анализ теоретических интерпретаций и результатов эмпирических исследований, свидетельствующих об изменениях в пространстве идентичностей молодежи, в частности студенческой, а также факторной обусловленности этих изменений.

Научное, в том числе социологическое, изучение проблем идентификации и идентичности имеет достаточно давнюю традицию. Так, К. Пламмер пишет, что термин идентичность «начали анализировать в своих произведениях Дж. Локк и Д. Юм. Однако широко понятие «идентичность» стало применяться не ранее XX в. Оно завоевало особую популярность в пятидесятые годы в Северной Америке, благодаря публикации книг «Одинокая толпа» (The Lonely Crowd) Рисмена и др. (1950 г.) и «Идентичность и тревога» (Identity and Anxiety) Стайна и др., (1960 г.)»³. И все же своей популярностью понятие «идентичность», прежде всего, обязано Э. Эриксону. Именно благодаря ему «в США и Западной Европе это понятие вошло не только в научный дискурс, но и в повседневное мышление»⁴. Э. Эриксон по праву считается автором одной из наиболее известных и глубоко проработанных теорий идентичности. Серьезный вклад в социологическую концептуализацию идентичности внесли такие западные ученые, как: Дж. Мид, понимавший под идентичностью способность человека воспринимать свое поведение как связное, единое целое, равновесную систему импульсивного, внутриспсихического *I* и социального *Me*, которая гарантирует успешную адаптацию человека; П. Бергер и Т. Лукман, рассматривающие её с точки зрения социального конструирования реальности как феномен, возникающий из диалектической взаимосвязи индивида и конкретного общества; И. Гоффман, анализировавший идентичность в условиях множественности социальных ролей; Э. Гидденс, который связывает идентичность с социальной структурой, показывая, как социальные институты формируют личностную идентичность индивидов,

¹ Как подчеркивает Э. Гидденс, процессы глобализации мирового сообщества теперь проникают в самое сердце человеческой личности – *self*. Я-идентичность теперь предстает как объект, который постоянно рефлексивируется, компонуется, переформатируется; переформатируется даже сама способность к рефлексии (Giddens A. *Modernity and Self identity: Self and society in late modern age*. Cambridge, 1991. P.12-14).

² В этом контексте подчеркнем, что постмодернистский социологический дискурс проблематизирует существование феномена (и соответствующего ему понятия) идентификации, провозглашая его мифический и иллюзорный характер. См., напр.: Giddens A. *Modernity and Self identity: Self and society in late modern age*. Cambridge, 1991; Gergen K. *The saturated Self*. N.Y., 1991.

³ Цит. по: Контексты современности: актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории / Хрестоматия. Перевод с англ. Казань, 1995. С.93.

⁴ Симонова О.А. К формированию социологии идентичности / Социологический журнал. 2008. №3. С.45.

обеспечивая относительно устойчивый социальный порядок; Я. Крейб, подчеркивающий, что идентичность переживается в опыте, образуя целостное психическое пространство, которое помогает преодолеть трудности взаимодействия с внешним миром, совмещая в себе индивидуальные и социальные компоненты *self* (то есть индивидуальную и социальную идентичности); Р. Дженкинс, отдающий предпочтение социальному, нормативному аспекту идентичности; С. Холл, полагающий, что идентичность конструируется дискурсивно, поскольку видит в языке творца социальной жизни; А. Турен, определяющий идентичность как осознанное самоопределение социального субъекта¹ и др.

Среди современных российских и украинских социологов, исследующих идентификационные процессы и их результаты на постсоветском пространстве, в том числе в молодежной среде, необходимо назвать В. Арбенину, О. Борисову, Е. Белинскую, Е. Данилову, В. Евтуха, А. Жичкину, С. Климову, С. Крымского, С. Макеева, А. Мусиездова, В. Николаева, Е. Омельченко, С. Оксамитную, О. Павлову, В. Середу, О. Симонову, Н. Федотову, Н. Черныш, Е. Швачко, В. Ядова и др.²

Благодаря теоретическим поискам перечисленных нами выше и многих других отечественных и зарубежных ученых в современном социологическом знании идет активный процесс становления новой отрасли – социологии идентичности, перспективы развития которой «связаны с одной из главных социологических задач – изучением социальной стратификации»³. По мнению С. Климовой, специфически социологический анализ идентичности заключается в исследовании взаимосвязи между индивидом и социальной структурой, в изучении меры «встроенности человека в социально конструируемые категории»⁴. Процесс «встраивания», то есть идентификация и факторы, её обуславливающие, естественно, тоже находятся в поле внимания социологов.

Войдя в научный обиход благодаря теории психоанализа З. Фрейда, понятие «идентификация» в социологической трактовке означает процесс усвоения индивидом нормативных стандартов поведения, ценностей, идеалов, ролей, системы качеств представителей тех социальных групп, с которыми он себя отождествляет.

В современном социогуманитарном знании социальная идентификация анализируется с точки зрения различных направлений. Кроме названного нами выше психоанализа, это и когнитивная психология, и социальная антропология, и ролевая теория, и символический интеракционизм, и теория идентификации как рефлексивного биографического проекта, то есть те же теории, в рамках которых исследуются феномены идентичности (более того некоторые авторы ставят знак равенства между понятиями «идентификация» и «идентичность»).

В исследовании идентификационных стратегий и практик современного студенчества мы исходили из определения понятия «идентификация», сформулированного С. Макеевым, который под социальной идентификацией понимает попытки индивида отыскать в социальном пространстве себе подобных и причислить себя к ним, дистанцируясь от тех, кто отличается

¹ См.: Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. СПб., 2000. С.43; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М., 1995. С.281; Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. N.Y., 1963; Giddens A. Modernity and Self identify: Self and society in late modern age. Cambridge, 1991. P.37-38; Craib I. Experiencing Identity. L., 1998; Jenkins R. Social Identity. L., 1996. 3.9-10; Hall S. Introduction. Who needs identity? // Questions of cultural identity / Ed. by S. Hall, P. Du Gay. L., 1996; Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998.

² См., напр.: Борисова О.А. Проблематизация выделения социологии идентичности в структуре социологического знания // Вестник Удмуртского университета. Сер. Социология и философия. 2003. Сентябрь. С.75-88; Жичкина А.Е., Белинская Е.П. Самопрезентация в виртуальной реальности и особенности идентичности подростка – пользователя Интернета // Образование и информационная культура. М., 2000. С.431-460; Крымский С.Б. Контуры духовности: новые контексты идентификации // Вопросы философии. 1992. №12. С.21-28; Макеев С.А. Социальные идентификации и идентичности / С.А.Макеев, С.Н.Оксамитная, Е.В.Швачко. Киев, 1996.; Федотова Н.Н. Кризис идентичности в условиях глобализации // Человек. 2003. №6. С.50-58; Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. №3. С.35-52; и др.

³ Симонова О.А. К формированию социологии идентичности / Социологический журнал. 2008. №3. С.59.

⁴ Климова С.Г. Стереотипы в определении «своих» и «чужих» // Социс. 2000. №12. С.14.

от него по каким-либо значимым признакам¹. Концентрируя внимание на проблемах идентификационных процессов в молодёжной среде, мы обращаемся как к личностному, так и к групповому уровню данного процесса. Ибо, как подчеркивает В.А.Ядов, собственно социологический фокус исследования идентификации (в отличие от психологического и социально-психологического) формируется за счет выделения тех социально-культурных детерминант, которые определяют процесс *групповой* солидарности².

Как уже подчеркивалось, внимание социологов к процессу идентификации обусловлено тем, что его результат – индивидуальная и социальная идентичность выступает в качестве одного из основных факторов формирования социальных групп, социальных связей, социальной дифференциации. Принятие той или иной идентичности предопределяет *связь идентификации с сигнификацией*, понимаемой как процесс реализации этой идентичности в повседневных практиках человека или группы. Именно поэтому сигнификация, как и идентификация, включена в механизм социализации личности.

Процесс идентификации, по З. Фрейду, выполняет двойственную функцию. С одной стороны, он является механизмом социализации, с другой, – осуществляет защитную (адаптивную) функцию. Поэтому разрыв идентичностей (или их ослабление) превращает повседневное окружение человека в чужой, а, может быть, и враждебный ему мир. Представляется, что последнее характерно сегодня для некоторых представителей старшего поколения, переживающего достаточно острый кризис идентичности. В условиях стабильного общества идентификация способствует достижению человеком гармонического соотношения между собственным представлением о себе и представлениями о нём других, между социальным и индивидуальным «Я». По мере развития личности её идентичность «испытывается» вызовами изменяющегося внешнего мира, в том числе, особенно в современных условиях, в его глобальных контекстах. Отсюда возможность нормативного, психо-социального кризиса, впервые отмеченная Э. Эриксоном. Кризис этот выражается в активном осмыслении человеком собственного места в мире, своих целей, стремлений и отношений с другими людьми. Тем не менее, считает Э. Эриксон, такой кризис – неизбежный этап саморазвития личности или социальной группы, их движение на пути к обретению новой, более зрелой идентичности. Ученый подчеркивал тесную связь кризиса идентичности с кризисами общественного развития. Кризис идентичности, как правило, наступает в том случае, когда начинающийся под влиянием острого социального кризиса, распад ранее доминирующих идеалов и ценностей вынуждает людей искать новые духовные ориентиры для осознания своего места в изменяющемся социуме, связей с государством и окружающей социальной средой, то есть именно тот процесс, который характерен сегодня для абсолютного большинства постсоветских стран, в том числе для Украины.

Социальный кризис сопровождается нарушением «идеологической цельности» общества, расшатыванием его прежней системы ценностей. При этом отдельные, наиболее одарённые индивиды попадают в состояние «психосоциального моратория», т.е. не приемлют общепринятых ценностей, а формируют свою собственную, отличную от принятой, ценностную систему. Это и предопределяет обособление данного сообщества от других, проведение границы между ними, выяснение степени близости или удаленности их социальной позиции («маркировка различий») от той, которая признаётся «своей», а, значит, является наиболее предпочтительной.

Таким образом, идентификация невозможна вне сравнения, вне коммуникации, только в результате взаимодействия, прямого и опосредованного, с иной группой данная общность обретает свои особые признаки. Можно сказать, что результат идентификации (идентичность) – это символическое средство объединения с одними и дистанцирования от других.

Попытаемся несколько подробнее проанализировать особенности идентификационных процессов в современной Украине, акцентируя внимание на такой социальной группе, как студенчество. Прежде всего, подчеркнём, что в условиях трансформации украинского со-

¹ Макеев С. Процессы социальной структуризации в современной Украине // Полис. 1998. №3. С.49-60.

² Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. №3. С.37.

циума, сопровождающейся перманентным экономическим и политическим кризисом, идет процесс размытия традиционных групп общества, в том числе социально-профессиональных, становление новых форм межгрупповой интеграции. Классовая и групповая идентификация, культивировавшаяся в сознании людей на протяжении многих десятилетий, начинает вытесняться индивидуальной, внутригрупповой, корпоративной¹. Заметим, что данный процесс не является локальным, а имеет скорее всеобщий характер. Об этом пишут, как отмечалось выше, многие западные исследователи, подчеркивая, что время твердых и незыблемых идентичностей ушло. Утрата контроля над воспроизводством и конструированием значительной части индивидуальных и групповых идентичностей приводит к тому, что идентичность становится объектом выбора.

Данное обстоятельство детерминировано исчезновением или существенным видоизменением объектов, с которыми индивид мог бы себя отождествить (социальных групп, иерархических слоёв, ценностей, норм, образцов поведения и т.д.). Поэтому сегодня идентичности формируются, особенно в молодёжной среде, вокруг свободного времени, потребительского поведения и самых различных символов и знаков, а не на основе профессии и позиции в публичной сфере, как это было раньше, в советские времена. Происходит, как подчеркивает С. Макеев, индивидуализация идентичностей: «они всё менее публичны и более интимны: идентичность становится скорее делом приватным, чем общественным»².

Подвижность социального статуса различных общественных групп, в том числе студенчества, политики идентичности, реализуемые государством, с одной стороны, и глобальные вызовы, с другой, значительно усложняют процессы индивидуальной и групповой идентификации. Молодой человек оказывается вне круга ранее существовавших социальных стереотипов, норм и представлений, привычных для предыдущих поколений. Современная социоструктурная трансформация, распадающаяся «связь времён» обуславливают невозможность использования идентификационных стратегий, столь распространенных в советском прошлом. В то же время снятие господствовавших ранее идеологических клише, отказ от унификации форм идентичности, динамичность социокультурной ситуации способствует становлению субъектности отдельных индивидов и групп, их самостоятельности в определении своих социальных ролей, места в новой, формирующейся системе социальной иерархии, выборе жизненной стратегии. При этом содержание идентификационных процессов на микроуровне, детерминированное макро- и мегасоциальными изменениями, можно охарактеризовать как сдвиг от прозрачной ясности социальных идентификаций советского типа к групповым и личностным самоидентификациям модернистского и постмодернистского типа, отличающихся амбивалентностью и неустойчивостью.

Исследования идентификационных процессов в молодёжной среде, в том числе проведенные нами, свидетельствуют о том, что эти тенденции обуславливают качественные изменения в пространстве молодёжных идентичностей. Сравнивая результаты исследований 2002-2004 и 2005-2007 гг., мы, прежде всего, обнаружили возрастание уровня гражданской идентичности украинского студенчества. Так, если, по данным первого исследования, в полной мере ощущали себя гражданами своей страны 32% респондентов, скорее ощущали – 36%, то в 2006 г. два эти показателя составили, соответственно, 55 % и 31 %, обеспечив гражданской идентичности первую позицию в иерархии идентичностей, предложенных нашим респондентам для самооценки уровня их сформированности. При этом наиболее существенный рост гражданской самоидентификации студентов мы зафиксировали в восточном и южном регионах Украины³.

¹ Однако, как полагает С. Макеев, прежние идентичности полностью не разрушаются, а перемещаются на периферию культурного мира. Поэтому говорить о кризисе идентичности не совсем корректно, скорее мы имеем дело с «круговоротом идентичностей в социальной природе», а это перманентный процесс.

² Подвижность структуры. Современные процессы социальной мобильности // Макеев С.А., Прибыткова И.М., Симончук Е.В. и др. К., 1999. С.16.

³ Имеются в виду международные исследования, проведенные в 2002-2007 гг. кафедрой социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина: «Высшая школа как субъект социокультурной трансформации» (по репрезентативной выборке опрошено 1972 студента украинских и 981 студент белорусских ву-

Анализ детерминант этого процесса свидетельствует о том, что наиболее нагруженными факторами являются этническая принадлежность студентов, их эмиграционные настроения, дискурсы масс-медиа и образовательные дискурсы. Причем последние (учитывая специфику объекта наших исследований – студенчество) играют особенно значимую роль в конструировании гражданской идентичности молодых украинцев. Рассматривая образование как инструмент реализации политик идентичности государства¹, мы, в частности, обратились к анализу школьных учебников, а также структуры и содержания вузовских учебных программ и планов. Ведь благодаря дискурсам, представленным в учебниках и учебных курсах (прежде всего по социальным дисциплинам), происходит воспроизводство доминирующих (или стремящихся к тому) идеологий, норм, ценностей, установок, создание легитимного образа общества, государства, нации и соответствующих им образов идентичности.

Как показали результаты нашего исследования, в частности, фокусированных групповых интервью со студентами, контент-анализа школьных учебников (прежде всего букварей, учебников истории и т.д.) и содержания вузовских социогуманитарных дисциплин, а также исследования западных и российских коллег-социологов², существенную роль в формировании гражданской идентичности будущих специалистов сыграли те изменения, которые произошли в дискурсах, представляющих прошлое и настоящее Украины.

Что касается этнической принадлежности, то, как и следовало ожидать, более высокий уровень гражданской идентичности характерен для студентов-этнических украинцев: около 92 % из них ощущают себя в полной мере (62 %) или скорее ощущают (30 %) гражданами Украины. В то же время для этнических русских этот показатель составил только 54 %³, причем, в полной мере ощущают себя гражданами Украины только чуть более 18 % русских. Биэтнорам, то есть тем, кто одновременно воспринимает себя и украинцем, и русским, присущ более высокий (по сравнению с русскими) уровень гражданской идентичности. Около 31% респондентов этой группы отметили, что в полной мере ощущают себя гражданами Украины, 36 % – скорее ощущают. У респондентов, представляющих малочисленные национальности, гражданская идентичность более выражена, чем у биэтноров. Так, 73 % из них в той или иной степени ощущают себя гражданами Украины (более 47 % – в полной мере). Формирование гражданской идентичности студенческой молодежи тесно связано с её эмиграционными настроениями. Анализируя эти настроения, мы выделили две группы –

зов) и «Высшее образование как фактор социоструктурных изменений: сравнительный анализ посткоммунистических обществ» (опрошено 3057 студентов Украины, 758 студентов Белоруссии и 587 студентов России (выборка по России нерепрезентативная). В рамках исследования «Высшее образование как фактор социоструктурных изменений: сравнительный анализ посткоммунистических обществ» опрос проводился в 2006 г.

¹ Как подчеркивал П.Бурдые, государство принимает участие в объединении культурного рынка, унифицируя все коды (правовой, языковой) и проводя гомогенизацию форм коммуникации. С помощью систем классификации, вписанных в право, бюрократические процедуры, образовательные структуры, государство формирует ментальные структуры и навязывает общие принципы видения и распределения, то есть формы мышления. Тем самым они принимают участие в воспроизводстве того, что обычно называют национальной идентичностью (Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / П.Бурдые // Поэтика и политика: Альманах рос.-франц. центра социологии и философии. СПб., 1999. С.126-127).

² Хаген М. фон. Имеет ли Украина историю? // *Ab Imperio*. 2000. №1. С.32-45; Портнов А. *Terra hostica: образ России в украинских школьных учебниках истории после 1991 года* // *Неприкосновенный запас*. Дебаты о политике и культуре. 2004. №36. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.nz-online.ru/print.html/aid=250114097

³ Представляется, что низкий уровень гражданской идентичности студентов, относящихся к группе этнических русских, в том числе спровоцирован языковой политикой украинского государства, которая в последние годы стала все активнее реализовываться в сфере образования, науки, в средствах массовой информации и т.д. Мы абсолютно убеждены в том, что в нашей стране государственным языком должен быть украинский. Однако абсурдные формы, к которым, увы, нередко прибегают чиновники в названных нами выше сферах, чтобы воплотить в жизнь «Закон Украины о языке», актуализируют позицию дистанцирования этнических русских от государства и общества, в котором они живут. Еще 9 лет назад, в 2000 г., исследование, проведенное под руководством В. Арбениной в Харькове, показало, что 87 % русских жителей города воспринимали Украину своей страной, 83 % связывали с нею своё будущее, 87 % признавались, что болеют за судьбу Украины, и только 6 % выражали безразличие к её проблемам, а 4 % считали Украину чужой страной.

«патриотов» и «эмигрантов» (кстати, последних, то есть тех, кто хотел бы навсегда покинуть Украину, согласно данным исследования 2005-2007 гг., стало значительно меньше (около 11 %), по сравнению с результатами, полученными в 2002-2004 гг., когда почти 40 % будущих специалистов хотели уехать из своей страны).

Оказалось, что среди «патриотов» тот или иной уровень гражданской идентичности, по данным изучения 2005-2007 гг., присущ 87 % респондентов, что на 10 % больше, чем в 2002-2004 гг., среди «эмигрантов» – 75 % и 58 %, соответственно. Как видим, даже эмиграционные настроения не являются серьёзным препятствием для формирования гражданской идентичности студенческой молодёжи. Заметим, что для студентов этой группы характерен и достаточно высокий уровень этнической идентичности: ту или иную степень её сформированности отметили в 2006 г. 76 % «эмигрантов». Среди «патриотов» о своей этнической самоидентификации заявили 82 % опрошенных. В этом контексте подчеркнём, что этническая идентичность студентов, возросшая за период между двумя опросами почти на 14 %, занимает второе место в иерархии социальных идентичностей украинского студенчества.

Анализ уровня этнической идентичности студентов различных национальностей показал, что и в этом отношении группа этнических русских значительно отличается от других выделенных нами групп. Если среди украинцев не ощущают свою этническую принадлежность только 7% опрошенных (в основном это представители восточного и южного регионов страны), среди малочисленных национальностей – 24%, среди биэтносов – 26%, то среди этнических русских – 40%. Эти данные подтверждают выводы некоторых исследователей о возрастающей маргинальности этнокультурного статуса русских в Украине. В региональном измерении пространства идентичностей современного украинского студенчества практически сохраняется та же иерархия самоидентификации будущих специалистов, что и по массиву в целом: на первом месте – гражданская идентичность, на втором – этническая, на третьем – региональная, на четвертом – глобальная, на пятом – европейская, наконец, на шестом – советская (в исследовании 2002-2004 гг. мы зафиксировали такую же иерархию идентичностей). Только в восточном регионе этническая и региональная идентичности поменялись местами. Более высокая значимость, точнее, осознанность региональной идентичности студентами востока Украины тесно коррелирует с более низким уровнем их этнической самоидентификации.

В контексте представленных нами выше теоретических концептов идентификационных процессов в условиях глобализации особый интерес представляет анализ так называемой глобальной идентичности студентов (восприятие себя «человеком мира»). По данным последнего исследования, такое самоощущение в той или иной степени характерно для почти 55% респондентов, тогда как в исследовании 2002-2004 гг. «людьми мира» воспринимали себя 43% опрошенных. При этом более высокий уровень глобальной идентичности присущ жителям запада и центра Украины, мужчинам, этническим русским и представителям малочисленных национальностей, «эмигрантам» (хотя и у «патриотов» мы зафиксировали достаточно высокий уровень глобальной идентичности), респондентам, в чьём ценностном дискурсе преобладают постмодернистские ориентации (на самореализацию, качество жизни, престижность группы принадлежности и др.), наконец, студентам с высоким культурным капиталом (прежде всего обладающим дигитал-компетентностью, хорошо знающим иностранный язык, много читающим и т.д.). Последний фактор, как представляется, имеет особое значение для конструирования глобальной идентичности. Интернетизация повседневности современной молодёжи, виртуализация её сознания и коммуникативных практик создаёт почву для её космополитического мироощущения. Однако космополитизм значительной части украинского студенчества носит специфический характер: он сочетается с высоким уровнем гражданской и этнической идентификации, патриотическими настроениями, желанием «сделать что-нибудь полезное для своей страны» (цитируем одного из участников фокусированных групповых интервью, который идентифицировал себя как «гражданин мира») и т.д.¹

¹ Под дигитал-компетентностью понимают совокупную компетентность в области современных компьютерных и коммуникативных технологий, специфическую систему ценностей и ценностных ориентаций, в том числе

На фоне достаточно высокой глобальной идентичности украинского студенчества несколько «смущает» более низкий уровень европейской идентичности: только 38% опрошенных в той или иной степени ощущают себя европейцами. Если учесть, что речь идет о молодёжной когорте украинцев да ещё и о наиболее «продвинутой» её части (студенчестве), то вопрос европейской интеграции Украины становится проблематичным, ведь субъективные факторы вхождения нашей страны в Европу едва ли менее важны, чем объективные. Еще более «смущает» советская идентичность некоторой (правда, небольшой) части современной студенческой молодёжи. И в 2002-2004 гг., и в 2005-2007 гг. различная степень идентификации с советским человеком была характерна для примерно 31% опрошенных. Большинство из них живет и учится на востоке и юге Украины. А вот среди студентов западного региона в последнем исследовании мы не обнаружили ни одного респондента, который бы идентифицировал себя подобным образом. Как показал корреляционный анализ, советская идентичность современного студента тесно взаимосвязана с низким материальным уровнем родительской семьи, с невысоким образовательным уровнем и в целом с низким культурным капиталом родителей, местом проживания студента до поступления в вуз (село, поселок городского типа, райцентр), с традиционализмом его ценностного сознания.

Существенно дополнили полученную нами количественную информацию о пространстве идентичностей украинского студенчества результаты фокусированных групповых интервью. Они засвидетельствовали некоторые противоречия, сложности в определении нашими респондентами своего основного статуса, «главной» социальной идентичности. Казалось бы, чего проще: таким статусом (и, следовательно, такой идентичностью) должен быть статус студента. Однако некоторые участники фокус-групп говорили о том, что они ощущают себя не столько представителями учащейся, сколько работающей молодёжи (естественно, это было характерно, прежде всего, для «подрабатывающих» студентов), не столько студентом, сколько «субкультурщиком» и т.д. Таким образом, множественное социальное позиционирование современного студента детерминирует его множественную социальную идентичность, отличающуюся «размытостью», неустойчивостью, изменчивостью, вариативностью. Множественное позиционирование, в свою очередь, провоцирует современная социокультурная ситуация, которая отличается тем, что человек, в том числе и, прежде всего, молодой, одновременно может принадлежать к различным социальным сетям, находясь то в одной из них, то в другой, а то и сразу во всех. Пожалуй, наиболее ярко эта тенденция проявляется в студенческой среде. Можно только учиться и быть студентом; можно учиться и работать и быть студентом; можно практически не учиться, но работать и быть студентом; наконец, можно и не учиться, и не работать и тоже быть студентом (или, во всяком случае, считать себя таковым). Феномен работающего студента становится сегодня все более распространенным. При этом наши исследования и личные наблюдения свидетельствуют о том, что один и тот же студент в течение учебного года может неоднократно менять рабочие места или же одновременно занимать несколько из них. Такая мобильность существенно увеличивает число позиций, занимаемых сегодняшними воспитанниками вузов. Каждая из этих позиций (социальных ролей) может требовать от личности не только соответствующих знаний, умений и навыков, но и актуализировать многообразие его идентичностей.

Переживая коренную ломку социокультурных стереотипов, современное украинское общество пока не может предложить молодому человеку сколь-нибудь устоявшихся общепринятых идентификационных стратегий и практик. Складывается достаточно парадоксальная ситуация. Отсутствие таких стратегий, с одной стороны, существенно усложняет процессы социальной идентификации молодёжи, с другой, помогает ей избежать того кризиса иден-

обеспечивающую принятие студентом той или иной идентичности. Кроме того, немало современных студентов одновременно являются членами нескольких (иногда многих) субкультурных групп, объединений. При этом одни из них могут иметь общие ценностные основания, другие – не только серьёзно отличаться, но и конфликтовать между собой. Тем не менее, входя в такие группы, идентифицируя себя с ними, индивид принимает ценности (порой альтернативные) этих объединений, что и предопределяет противоречивость его сознания (как и противоречивость пространства его идентичностей).

тичности, который переживает старшее поколение. Это означает, что разрушение прежних институциональных структур, идентификационных практик, ценностно-нормативная неопределённость играют не только негативную роль в процессе самоидентификации молодёжи, устойчивости её жизненного мира, но и создают основу для возникновения новых ценностей, идеалов, формируя несистематизированное множество новых образов восприятия окружающей действительности и, следовательно, новых идентичностей. Таким образом, оборотной стороной распада старой институциональной структуры является активное конструирование молодёжью новых социальных и индивидуальных образцов и смыслов, что приводит к трансформации пространства её идентичностей.

Сорока Ю.Г. (ХНУ, Харьков)

Восприятие социальной реальности: повседневное и социологическое

Массовизация высшего образования, усложнение ситуации на рынке труда, взрыв потребностей в связи с развитием коммуникационных технологий и другие процессы приводят к тому, что система высшего образования стремительно превращается в *институт социализации*, становится местом, а главное – временем образовательно-воспитательной работы с молодёжью. Вместе с тем, растущая конкуренция между вузами и необходимость все более четкой ориентации на институты производственной сферы в условиях нависающей угрозы снижения уровня государственной поддержки высшего образования заставляют искать новые подходы к решению собственно *образовательных задач*, задач подготовки квалифицированных специалистов.

На наш взгляд, задача вуза в современных условиях состоит в формировании особой *среды трансформации повседневного способа восприятия социальной реальности в профессиональный*. Обосновывая этот тезис на материале социологического образования, мы рассмотрим ряд вопросов: природа и специфика повседневного восприятия социальной реальности; характерные черты социологического восприятия социальной реальности; проблема и технологии формирования социологического восприятия социальной реальности в условиях современной высшей школы. Иными словами, подготовить социолога – значит, на наш взгляд, сформировать носителя специфического социологического способа восприятия социальной реальности, профессионального социологического взгляда на мир.

Формулируя задачу таким образом, мы опираемся на широко известные идеи Ч. Миллса и З. Баумана. Обращая внимание на то, что «скорость, с которой ныне история обретает новые формы, опережает способности человека ориентироваться в мире в соответствии с подлинными ценностями»¹, Миллс видел для повседневного человека средства от беспомощности в формировании особого качества ума – социологического воображения. Оно позволяет индивиду видеть влияние исторических сил на жизненный путь людей и их внутреннее состояние, различать «личные трудности» и «общественные проблемы» и самостоятельно их анализировать.

Бауман, выражая состояние иной культурно-коммуникативной эпохи (постмодерна), предлагает идею социологического мышления как подспорья «в истолковании проблем, возникающих в повседневной человеческой жизни»². Разграничивая социологическое мышление и здравый смысл («сырое» знание жизни)³ по их отношению к человеческому опыту, Бауман усматривает одно из главных преимуществ социологического мышления в видении реальности собственных действий как результата многообразных взаимозависимостей человека. Социологическое мышление позволяет человеку быть более чутким в анализе повседневных ситуаций, понимать других людей и уважать их право быть другими, понимать формы жизни, недоступные нашему повседневному опыту, тем самым освобождаясь из-под власти стереотипов и навязанного мнения. Оба автора показывают, что возможен иной (по отношению к повседневному) способ восприятия мира, иной способ фильтрации и обработки информации о мире, который по-иному организован и имеет, как мы показали выше, ряд преимуществ.

¹ Миллс Ч. Социологическое воображение. М., 1998. С.13.

² Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996. С.24.

³ Там же. С.18.

ществ по сравнению со здравым смыслом. Точками опоры этого способа восприятия мира являются категории социологической науки и концепции, наполняющие их содержанием и связывающие их в обоснованные схемы анализа и интерпретации реальности, и социологический метод (методы), позволяющий подбирать адекватные анализируемой реальной ситуации категории и концепции.

Как Миллс, так и Бауман используют категории «воображение» и «восприятие», «мышление» и «восприятие» как взаимозаменяемые и тождественные. Также оба автора видят родство социологического и повседневного взгляда на мир, что с одной стороны обосновывает повседневное и социологическое восприятия социального мира как разновидности социального восприятия, а с другой подтверждает тезис о возможности сформировать социологический способ восприятия посредством трансформации повседневного.

Социальное восприятие понимается нами как сложный комплекс явлений и процессов, обеспечивающих ориентацию индивида во внешней социальной среде и обеспечивающих для него состояние готовности к действию¹. Этот комплекс включает как собственно перцептивные процессы обработки информации, поступающей от органов чувств, так и мыслительные, когнитивные процессы. Восприятие не просто регистрирует ощущения, но, как показали эксперименты психологов еще в середине XX в.², активизирует память и мышление в поисках перцептивной гипотезы, базовой перцептивной категории, закрепленной в прошлом опыте и адекватной внешней среде. Восприятие не является простым копированием окружающего мира, как часто предполагают в обыденной жизни. Восприятие избирательно, кумулятивно и конструктивно, это «ряд процессов, в ходе которых люди обращают внимание и реагируют на то, к чему они уже заранее чувствительны, формируют гипотезы относительно свойств объекта, с которым они столкнулись, и затем подкрепляют свои ожидания, осуществляя дальнейшие наблюдения»³.

Все это относится и к социальному восприятию, то есть восприятию человеком других людей, групп, социальных отношений и других социокультурных явлений. Собственно, введение понятия «социальное восприятие» американским психологом Дж. Брунером в середине XX века и было вызвано необходимостью на уровне научного понятия зафиксировать явление зависимости характера восприятия от прошлого опыта индивида⁴. Предтечей концепта социального восприятия в его современном значении является понятие апперцепции, введенное Лейбницем и означающее обусловленность сознания, его отдельных элементов предшествующим знанием. Эти идеи были развиты Кантом, который понимал апперцепцию как свойство самосознания мыслящего субъекта, обеспечивающего его априорные синтетические функции и, в конечном итоге, определяет единство чувственного опыта⁵.

Актуализация социологического звучания категории «социальное восприятие» происходит в работах П. Бурдьё в 1970-80-х гг. в контексте задачи построения интегративной социологической концепции. Стремление увидеть анализируемую ситуацию глазами ее участников, узнать движущие ими «резоны» и таким образом к точке зрения наблюдателя (ученого) добавить взгляд «игрока» ставит для Бурдьё вопрос о природе социального восприятия и организующих его категорий. «Категории перцепции социального мира, – пишет он, – являются в основном продуктом инкорпорации объективных структур социального пространства»⁶, то есть зависят для агента от опыта его социальной позиции.

Опыт социальной позиции приобретает индивидом во взаимодействии с конкретным социокультурным сообществом, которое, с одной стороны, представлено для индивида группой непосредственного контакта, а с другой – более широким контекстом культуры (соци-

¹ Сорока Ю.Г. Трансформация структур восприятия социального мира // Посткоммунистические трансформации: векторы, измерения, содержание / Под ред. О.Д. Куценко, С.С. Бабенко. Харьков, 2004. С.308.

² Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.

³ Там же. С.95.

⁴ См.: Андреева Г.М. психология социального познания. М., 2000. С.43.

⁵ Апперцепция //Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С.35.

⁶ Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр. М., 1993. С.53-97.

ально-территориальной, социально-профессиональной, этнической и т.д.). Посредством взаимодействия с референтной группой индивид обретает мир значимых объектов и усваивает набор перцептивных категорий. Иными словами, становление человека, способного жить среди людей, происходит в конкретном социокультурном пространстве, социокультурной среде, посредством переживания (вернее, проживания) живой реальной жизни сообщества. Именно здесь, через освоение практик и правил культуры групповой жизни формируется его (индивида) способность к практикам, поведенческие установки и эмоциональные реакции, знание ритуалов и символов, ценностных приоритетов и интересов. Ключом к этому миру индивида для внешнего наблюдателя и является процесс социального восприятия в его объективациях – разнообразных культурных продуктах и артефактах: от частной переписки до художественной прозы или фильма. «Функция культурного образца, – утверждает Шютц, – состоит в элиминации трудоемкого исследования, предоставлении готовых руководств, в замещении труднодостижимой истины удобными трюизмами». Отсюда становится ясным, что для превращения нашего студента в носителя социологического способа восприятия реальности необходимо особое социологическое окружение, социологическая культурная среда со всеми элементами полноценной культурной формы. Речь идет о системном единстве символического мира, особого языка, предметной среды, представлений о прошлом, набора ритуалов, а также группы непосредственного контакта, воплощающей эти культурные черты в практике повседневной деятельности.

А. Шютц представляет анализ конфигурации мира повседневного социального восприятия¹. Индивид переживает социальный мир, прежде всего, как поле действий, а лишь во вторую очередь как объект мышления. Отсюда повседневное восприятие организуется в терминах, релевантных его (индивида) возможному и/или реальному действию. Дальнейшие рассуждения Шютца о знании в повседневной жизни мы можем развернуть в характеристики повседневного социального восприятия. «Оно(1) некогерентно, (2) только частично ясно и (3) вовсе не свободно от противоречий»². Набор перцептивных категорий и их конфигурация, характеризующая «картину социального мира» индивида не когерентен, то есть не отвечает требованиям связности и логической последовательности. Этот набор определяется набором релевантных объектов социального мира, который в свою очередь лишь частично организован «в соответствии с каким-то планом, например планом жизни, планами работы или досуга, планами для любой принятой социальной роли». Практическая эффективность превалирует в повседневной жизни над истиной отношений между элементами мира. Изменение ситуации и развитие личности ведут к изменению иерархии этих планов и уточнению, детализации самих перцептивных категорий. Различия в степени релевантности отдельных объектов приводит к несогласованностям в повседневном знании и наличии в нем одинаково значимых и несовместимых утверждений. Такая картина мира (конфигурация перцептивных категорий) оказывается достаточной для того, чтобы иметь шансы понимать и быть понятым в группе. Она, по утверждению Шютца, необходима в качестве «рецепта» для действия в типичных ситуациях и схемы интерпретации.

Конфигурация социологического восприятия реальности видится как минимум в двух аспектах: контексте социологической науки и контексте конкретного социологического сообщества в реальный момент его истории. Существование последнего является необходимым условием для воспроизводства и развития научной практики. Вместе с тем, научное сообщество несет в себе все атрибуты любой другой реальной группы с ее иерархией, центром и периферией, борьбой за власть и контроль, часто достаточно далекой от борьбы за истину. Иными словами, внутри своей профессиональной группы социологи ни чем не отличаются от остальных людей, самореализующихся в профессиональной деятельности, делающих карьеру, добывающих хлеб насущный и т.д. Вместе с тем есть черты, отличающие их взгляд на социальный мир, обусловленные их профессиональной научной деятельностью. Социологическое восприятие реальности организуется в терминах определенной научной системы.

¹ Шютц А. Чужой // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. М., 2003.

² Там же. С.194.

Связность, консистентность и аналитическая последовательность являются, по словам Шютца, идеалами научного описания социального мира¹.

Характерные черты социологического социального восприятия представляет Бурдье, характеризуя различия практического и теоретического отношений. Центральным моментом научного подхода к социальной реальности является тотализация, то есть преодоление и игнорирование времени. Безотлагательность решений как требование для участника игры (практического деятеля) противопоставлена в науке отказу от всякой заинтересованности в оплате за возможность остановить время для наблюдателя (ученого)².

Иными словами, социологическое восприятие социального мира организовано вокруг категорий, релевантных в рамках определенной научной системы. Ее категории определяют и набор типизаций, с помощью которых интерпретируется поведение людей. Следует также предположить, что способность встать на позиции другого предполагают для социолога и возможность принимать его (их) систему релевантности.

Если предложенные выше рассуждения верны, то технология профессионального социологического образования должна включать следующие аспекты:

- актуализацию *культурной среды* социологической науки, предполагающей развернутую символическую систему и язык; вещную среду профессиональной деятельности социолога с ее «священными объектами»; систему ритуалов и ритуализированных практик, закрепляющих и воспроизводящих базовые ценности сообщества; объективации позиций иерархии в профессиональном сообществе, конкретное место в которой занимает и студент, и преподаватель, и классики и современные ученые; специальные ритуалы перехода, закрепляющие позиции в иерархии;
- развертывание элементов профессиональной культуры в практике конкретного социологического сообщества (научной группы, кафедры, факультета и т.д.) с его конкретной историей и реальными интересами;
- провокацию «культурного шока», вернее создание технологии «управляемого культурного шока». Последнее положение требует пояснений. Задача формирования носителя социологического способа восприятия мира предполагает (и здесь мы снова обращаемся к идеям Шютца) превращение его из «чужого» в «своего». В этой связи среда, в которой оказывается наш студент должна быть достаточно агрессивной, чтобы достижение в ней желаемого для него статуса требовало затрат энергии и времени, то есть инвестиций его жизненных сил и интеллекта. С другой стороны, необходимо нейтрализовать такие характеристики чужого, как объективность и сомнительную лояльность³, предоставляя ему возможности для познания профессиональной культурной среды и самореализации и самоидентификации в ней.

Практика активизации отдельных аспектов социологии как культурной среды в контексте задач социологического образования постепенно развивается в различных социологических центрах нашей страны. Богатый опыт в этой области накоплен Харьковской социологической школой и, в частности, связан с деятельностью профессора И.Д. Ковалевой. Еще на заре социологического образования в нашей стране ею были разработаны и предложены технологии социологических ролевых игр, в частности – игры «Гайд-парк», через которую прошли практически все ныне действующие социологи Харькова. Ею были предложены такие методические проекты, как социологическая экскурсия, праздник «День рождения Спенсера», проект «Живой Ковалевский», галерея портретов классикой социологической науки и многие другие, представленные в работах под ее редакцией «Нетрадиционные методы преподавания социологии» (1997, 2001), «Социология в аудитории: искусство преподавания» (2003), «Социология в аудитории: искусство коммуникации» (2004).

Разрабатываемые методики объединены общей задачей – преодолеть одномерность книжной науки, превратить категории и концепции в инструмент осмысления и интерпретации повседневной реальности, включить получаемые в аудитории знания в картину мира

¹ Шютц А. Чужой // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. М., 2003. С.192.

² Бурдье П. Практический смысл. М.-СПб., 2001. С.156-165.

³ Шютц А. Чужой // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. М., 2003. С.205.

студентов. И реализация этих задач происходит на пути конструирования и активизации разнообразных культурных практик.

Староверова И.В.

Факторы девиации сознания и поведения российской молодежи

Интенсивный рост девиантного (в том числе криминогенного) сознания и поведения населения справедливо отнесен к одной из наиболее опасных *социальных болезней* современного российского общества¹. Особенно выражено поветрие *правовой девиантности* в сознании и поведении *молодежи*, от гражданственности которой во многом зависит нынешнее состояние, а, в конечном счете, и историческое будущее страны.

Автором статьи проведено эмпирическое исследование по данной проблематике в нескольких учебных группах студентов разной специализации – юристов, социологов и гуманитариев, а также неучащейся молодежи студенческого возраста на молодежных тусовочных площадках. История исследования такова: несколько лет назад преподавателей юридических факультетов ряда московских вузов обеспокоил рост правового нигилизма студентов. Возникло предположение, что причиной его стало «злоупотребление» молодежью приобретенными знаниями. Автору поручили выявить, не характерен ли этот феномен вообще для современной молодежи или же он действительно является следствием получения некоторого объема правовых знаний и их своекорыстного применения; не стала ли основополагающим фактором развития правового нигилизма у студентов сама современная система юридического образования?²

Проанализированы ответы 364 респондентов. Выборка квотная, ибо ставилась цель: выяснить не столько масштабы, сколько степень деформации правосознания и правомерного поведения опрошенных. Использовалась комбинация методик, разработанных С.И. Григорьевым и В.О. Рукавишниковым³.

Характерные девиации сознания и поведения молодежи показывает и официальная статистика⁴. Она свидетельствует, что дефекты правового сознания и явления *массового девиантного* (в т.ч. *делинквентного*) поведения детей, подростков, юношей и девушек приобретают все большие масштабы. Хотя доля молодежи в общем количестве совершенных преступлений в последние 5-10 лет снижалась, однако масштабы молодежной преступности с учетом динамики роста ее общего количества увеличивались. При всей либерализации правооудительной практики последних лет страна так и не возвратилась к состоянию правового поведения молодежи в дореформенном 1990 г., а оно уже и тогда (влияние начавшейся перестройки) было далеким от благополучия. Растет подростковая преступность: наркомания – в 15-17 раз, число венерических заболеваний среди подростков 14-15 лет – в 45-50 раз, увеличивается проституция среди малолеток. По сведениям социальных психологов, государственные органы, при всем их нежелании заводить дела, готовят сейчас в 6-7 раз больше мате-

¹ Российская газета. 2008, 31 января.

² Староверова И.В. Правосознание и правоповедение молодежи // Наука. Культура. Общество. 2006. №7. С. 127-133.

³ Григорьев С.А. 17-летние россияне 1997 года: сочетание либеральных и антилиберальных ориентаций // Социс. 1998. №7; Рукавишников В.О., Халмар Л., Эстер П. Мораль в сравнительном изучении // Социс. 1998. № 6. Принятые С. Григорьевым во внимание формы девиантного поведения учитывали несколько типов отношений, предполагавших готовность респондентов к альтернативному поведению в рамках следующего выбора: «Считаю недостойным при любых обстоятельствах», «Считаю возможным в особых обстоятельствах»; «Иногда считаю возможным»; «Считаю нормальным». В. Рукавишников проверял склонность респондентов к тем или иным социальным действиям по шкале «Никогда не может быть оправдано»; «Иногда допустимо: к этому нужно относиться снисходительно». Всего было предложено 22 формы девиантного поведения, 15 из которых имели в российских условиях непосредственное отношение к неправомерному поведению и были включены нами как контрольные в инструментарий исследования. Некоторые результаты предшествующих исследований касались всего массива опрошенной молодежи; в данном случае проведен сравнительный анализ сознания и поведения молодежи отдельных групп, который и дает ответ на исходный вопрос о влиянии на них правовых знаний. Ответы этих респондентов на вопросы анкеты были внесены в компьютерную базу данных SPSS, после чего обработаны с помощью методов статистического анализа. Все гипотезы проверялись с помощью Independent-Samples T-Test.

⁴ См.: Российская Федерация в цифрах в 1993 году. М., 1994. С. 318-320; Россия в цифрах. М., 2007. С. 158.

риалов о лишении родительских прав, чем это было в начале либеральных реформ¹. Отражением этого стал факт, что количество несовершеннолетних, доставляемых в правоохранительные органы, превысило миллион человек, из которых половина доставляется с расплывчатой, но в общем-то не оставляющей сомнения в девиантном характере поведения подростков формулировкой «за совершение правонарушений, влекущих меры административного и общественного порядка». Растут масштабы и последствия беспризорничества и безнадзорности детей, тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные подростками; об этом также свидетельствует структура сроков заключения несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы: вопреки общей тенденции смягчения наказаний за преступления, ставшей отличительной чертой Фемиды либеральной России, наказания несовершеннолетних ужесточаются, что отражает тяжесть совершенных ими деяний².

Все это говорит о неоправдавшихся надеждах, что проблемы девиации в поведении молодежи могут быть решены юридическими и правоохранительными мерами, а также о тяжелых последствиях для воспитания российского юношества по сию пору не изжитых ошибок радикально-либерального развала страны.

Как известно, отечественная система формирования сознания и поведения молодежи базировалась на *приоритете* традиционной *морали и нравственности*, что и обеспечивалось *единством обучения и воспитания*. В обучении доминировал принцип овладения основами фундаментальных научных знаний в сочетании с практическим опытом их применения, причем, реализация его обеспечивалась преемственностью прошлого и настоящего, с ориентацией на будущее, при относительной *диалектической* гармонии материального и идеального. Нельзя в связи с этим не отметить, сколь разрушительным оказался нахлынувший в конце 1980-х гг. на российскую среднюю и высшую школу и продолжающий бушевать по сию пору шквал очернения отечественной истории, извращающий не только подлинную картину развития страны, но и само мировоззрение учащихся. Новые программы и учебники по истории, литературе, обществоведению весьма поспособствовали развернутой в СМИ кампании по очернению отечественной истории, дегероизации *поколений дедов и прадедов* – строителей экономического и оборонного могущества советской сверхдержавы, а также в целом отечественных патриотов прошлых веков, ставших для новых поколений символами российских цивилизационно-социальных и правовых ценностей. Вот и получили массы ценностно дезориентированных юных и молодых манкуртов. А ведь разрушительное воздействие этой практики вплеталось в совокупность с другими, действующими в унисон с нею либеральными инициативами. Так, в начале 1990-х гг. в учебные заведения нахлынула волна социологических и социопсихологических анкет сексуальной направленности, ориентированных на возбуждение у учащейся молодежи нездоровых интересов. Вместе с «клубничными» детскими и юношескими газетами, многотиражными журналами, далеко переходящими грани традиционной морали телевизионными передачами, всем доступными порнофильмами они, безусловно, имеют самое прямое отношение к расцвету в России педофилии, малолетней проституции, появлению массовых жертв *Venusa*, тотального юношеского аморализма. К этому надо добавить дурное влияние на податливое к манипулированию детское и юношеское сознание внедренных в нашей стране социальными психологами и «желтыми» журналистами многочисленных, урожденных на Западе, валеологических и мракобесных иррациональных концепций. Их разлагающее воздействие на процессы социализации молодого человека уже давно и основательно проанализировано западными социальными психологами, но было проигнорировано российскими реформаторами.

Это сыграло огромную роль в ценностном перекодировании основывавшегося ранее на *культурных интересах, патриотизме, коллективизме* массового сознания многочисленных формальных и неформальных групп сверстников, различных субкультурных объединений

¹ Бедичева С.А. Психологическое обеспечение социальной работы и превентивной практики в России. М., 2004. С. 15.

² Преступность и правопорядок в России: статистический аспект. Официальное издание. М., 2007. С.33.

российской молодежи. Известно, что именно этого рода группы и объединения во многом определяют состояние такого фактора социализации как досуг. В долиберальные времена в процессе социализации нашей молодежи одно из ключевых мест занимали комсомольская и пионерская организации, многочисленные объединения по интересам – спортивные, творческие и др. При всей скованности идеологическими рамками, они формировали *здоровые досуговые интересы молодого человека*, да к тому же *обеспечивали их реализацию инфраструктурой, кадрами и средствами*. С фактической ликвидацией этих форм молодежной самодетельности уже на первом этапе либеральных реформ значительная часть молодежного и детского контингента перешла, по мнению ведущих российских ювенологов, в «субкультурные ниши», которые далеко не всегда носят позитивный характер. Либеральные реформы привели российское общество к прогнозируемому учеными *ценностному кризису*. В результате, по соотношению числа разводов к количеству молодежных браков Россия занимает одно из первых мест в мире; каждый 38-й ребенок – брошенный; страна занимает 1-е место в мире по количеству самоубийств подростков 15-18 лет¹. Кроме того, ценностный кризис породил заметный рост экстремистских и националистических настроений в молодежной среде: по различным экспертным оценкам, ее экстремистский потенциал составляет от 5-7 % в столицах и благоприятных регионах до 11-12 % в депрессивных².

Следует назвать еще одну драматическую страницу: реформирование отечественной системы образования и воспитания. Реформаторы немало сделали, чтобы подменить базировавшуюся на *единстве обучения и воспитания* российскую классическую зарубежной системой калькулированного, оторванного от воспитания утилитарного образования. К сожалению, эта политика продолжается до сих пор, в частности, в настоящее время она воплощается в упорном насаждении, вопреки возражениям многих ученых и практиков, системы тестовой оценки знаний и ступенчатого деления российского высшего образования на утилитарный бакалавриат и теоретически фундированную магистратуру. Тестовая оценка ведет к подмене, рано или поздно, в массе учащихся способности мыслить гибко к шаблонному мышлению с механической опорой на запоминание и, следовательно, к снижению способности к ценностной ориентации и морально-нравственному выбору творческого варианта поведения в той или иной ситуации; бакалавриат же *в условиях платного обучения в магистратуре* отсекает значительную часть молодежи от полного овладения специальностью.

Обозначим эти обстоятельства не для того, чтобы посчитать их единственной причиной неудачного для российского общества хода борьбы с ростом девиантности и делинквентности молодежи, а затем, чтобы высказать предположение, что при всей пагубности для воспитания либеральной молодежной политики истоки неудач этой борьбы, видимо, не только в ее пороках, но и в чем-то более глубинном и коренном. Положившись на чисто юридические и правоохранные меры в ходе реформирования традиционной российской молодежной политики, либералы, став инициаторами новой, базирующейся полностью на рыночных ценностях политики, упустили из виду те обстоятельства, которые более значимо влияют на правовое сознание и поведение молодежи, требуют иных, более мощных мер, чем паллиативные по отношению к ним частные меры выше рассмотренного характера. Это и подтверждается материалами эмпирических социологических исследований, в частности, результатами проверки *гипотетических факторов зависимостей* правового сознания и поведения.

В ходе анализа выяснилось, во-первых, гипотезы о зависимости правового сознания и девиантного поведения от наличия и характера высшего образования, а также доверия к законам имеют право на существование, но они менее значимы, нежели гипотеза о зависимости их, вне связи с образованием, от социальных факторов; во-вторых, хотя гипотезы о значимо-

¹ Бобров А. Мой месяцеслов – Отчетно-межевой февраль // Советская Россия. 2008. 28 февраля. «Принять необходимые законы о защите нравственности детей и молодежи». Резолюция XXII Всемирного русского народного собора 21-23 февраля 2008 г.

² Молодежные и детские общественные объединения: проблемы преемственности деятельности и исследований. Сб. докладов и выступлений. М., 2002. С. 18.

сти влияния юридического образования в целом (точнее «знания», как его использовать или «обойти» закон) и подтвердились, но важнее оказалось то, что это влияние весьма противоречно – оно существенно выражено на ценностном уровне и менее значимо на уровне поведения; в-третьих, подтвердились гипотезы о более сильной подверженности негативам правосознания и неправомерному поведению молодых людей, не имеющих специального высшего образования и не являющихся студентами (к тому же у них оказалась существенно иной структура неправомерного поведения – реального и прожективного, чем у студентов). Эти зависимости очевидны, причем значимость их действительна при всех ситуациях, однако на их негативизме в большей степени и, прежде всего, сказываются социальные факторы, деформирующие семью, школу, референтные молодежные группы и социальную структуру общества, а через них – сознание и поведение молодежи. Мы полагаем, что юридическое знание обретает качества негативного влияния постольку, поскольку само отражает пороки современной социальной ситуации в российском обществе и социального уклада жизни молодежи. В этом плане интерес представляет отношение разных групп опрошенной нами молодежи к антисоциальным явлениям.

Таблица 113

Негативное отношение к антисоциальным явлениям (в % к числу опрошенных)

Явления	Σ	В том числе		
		Юристы и социологи	Гуманитарии	Неучащаяся молодежь
Хулиганство	79	84	83	71
Алкоголизм	70	75	71	51
Наркомания	72	73	69	72
Проституция	61	65	60	54
Сектантство	73	76	71	69
Криминал	74	79	72	68
Фашистская идеология	78	80	75	69
Взятки	56	54	53	63

Опрос показал разную степень негативного отношения московской молодежи к различным антисоциальным явлениям: в наибольшей степени отрицательно относится она к хулиганству, в наименьшей – к взяточничеству, студенты-юристы и социологи относятся к этим явлениям нетерпимее, нежели гуманитарии.

Что касается неучащейся молодежи студенческого возраста, то почти по всему перечню антисоциальных явлений, за исключением наркомании и взяточничества, она показала наименьший уровень негативного к ним отношения: отрицание наркомании оказалось немного слабее, чем у юристов и социологов, но значительно сильнее, чем у гуманитариев, что возможно, объясняется разным характером богемности, свойственной тому или иному контингенту молодежи. Анализ благосостояния показал, что в семьях юристов и социологов оно выше (можно предположить, что это является одной из причин такой разницы в отношении к взяточничеству). Сказывается и то, что проанализированные ранее взаимосвязи показали большее осознание юристами степени и меры кары за поведение в духе перечисленных в таблице антисоциальных явлений. Семейное благосостояние «завсегдатаев Арбата» ниже, чем у студентов. Этим и определяется, вероятно, разная степень их негативного отношения к взяточничеству. Возможно, вторые сталкиваются с ним чаще, а потому привыкли к этому явлению.

Бросается в глаза намного меньшая степень отрицания неучащейся молодежью пьянства и алкоголизма, хулиганства и проституции, сектантства и фашистской идеологии. Выше у этой молодежи и степень идеализации криминального мира. Мы предполагаем, что здесь сказывается не столько неодинаковый уровень благосостояния семей (располагаемые личные доходы у «тусовщиков» выше студенческих) сколько начало формирования у молодежи (под

влиянием различий условий жизни и доминантных черт образа жизни во всей их совокупности) различных субкультур.

Располагая значительно большим свободным временем и меньшим культурным багажом (собственные попытки включиться, например, в мир музыкальной попсы носят у этой молодежи больше характер моды, чем сознательных усилий сделать в творчестве карьеру), – неучащаяся молодежь сама в большей степени увлекается выпивками, курением «травки», сексом, рискованными поступками на грани хулиганства, нетрадиционными религиями и идеологиями, в том числе, фашистской.

Постепенно для некоторых молодых людей этой категории такие увлечения превращаются в элементы девиантного сознания и поведения, а подчас и преступления. Зачатки дифференциации субкультур обнаруживаются и при сравнении отношения к антисоциальным явлениям будущих юристов и социологов, с одной стороны, гуманитариев – с другой. В данном случае, как мы полагаем, имеет место обусловленная профессионализацией дифференциация субкультур. Рассмотренные тенденции подтверждаются данными о «безразличном отношении к антисоциальным явлениям»¹.

Таблица 114

Безразличное отношение к антисоциальным явлениям (в % к числу опрошенных)

Явления	Σ	В том числе		
		Юристы и социологи	Гуманитарии	Неучащаяся молодежь
Хулиганство	11	9	8	18
Алкоголизм	13	14	15	10
Наркомания	15	13	14	19
Проституция	23	19	23	24
Сектантство	17	19	18	12
Криминал	18	17	15	23
Фашистская идеология	15	12	16	19
Взятки	33	35	34	26

Как видно, в целом молодежь проявляет разную степень безразличия к тем или иным видам антисоциальных явлений. В наибольшей степени она равнодушна к взяточничеству, что свидетельствует, как мы полагаем, с одной стороны, о примирительном отношении к нему, как к привычному для их социальной среды явлению, с другой – о зреющей установке на возможность его интериоризации в качестве модели собственного будущего поведения.

Тревожно то, что в наибольшей степени «безразличие» присуще студентам, у которых в перспективе больше возможностей для такого поведения; у гуманитариев равнодушие к коррупции обусловлено, скорее всего, примирением с реальностью типа «се ля ви»; неучащаяся молодежь также, хотя и в меньшей степени, проявляет в этом аспекте свой конформизм. Студенты вообще, помимо взяточничества, проявляют большее безразличие, чем неучащаяся молодежь, к пьянству и алкоголизму, а также к сектантству, увлечение которыми требует много дефицитного свободного времени; эта молодежь также более безразлична к явлениям хулиганства, наркомании, проституции, идеализации криминального мира и к фашистской идеологии, часто это идет не от равнодушия к этим явлениям, а по причине их одобрения. Степень одобрения антисоциальных явлений за исключением взяточничества, как и следовало ожидать, наименьшая у студентов юристов и социологов, которые лучше, чем другие категории молодежи, осведомлены в правовом смысле, «что такое хорошо, что такое плохо». В 1,5-2 раза она выше у студентов гуманитариев (за исключением неодобрения ими хулиганства, к которому «ботаники» по своему складу менталитета предрасположены меньше, чем кто-

¹ У С.И. Григорьева оно соответствует среднему между «нормальным» и «трудно сказать», у В. Рукавишникова – «снижительному» отношению разных групп молодежи к антисоциальным явлениям.

либо). Зато намного толерантнее они к пьянству, наркомании и проституции, а также к фашистской идеологии.

Таблица 115

Одобрительное отношение к антисоциальным явлениям (в % к числу опрошенных)

Явления	Σ	В том числе		
		Юристы и социологи	Гуманитарии	Неучащаяся молодежь
Хулиганство	8	7	6	10
Алкоголизм	15	9	12	29
Наркомания	10	8	15	9
Проституция	9	7	8	14
Сектантство	7	4	7	13
Криминал	5	3	7	5
Фашистская идеология	5	3	6	7
Взятки	10	11	9	9

Неожиданно выше оказался в их среде и уровень идеализации криминального мира. В последних двух случаях сказался, очевидно, свойственный им романтизм книжного характера при относительно слабом интересе к реальности. Наибольшую тревогу внушает толерантность по отношению к антисоциальным явлениям неучащейся молодежи. За исключением неодобрения ею взяточничества и криминального мира, к которым завсегдатаи арбатских тусовок по самому своему характеру не могут испытывать симпатии, да дорогостоящей наркомании, для увлечения которой у этой категории молодежи мало денег, что замещается повышенным одобрением пьянства и алкоголизма.

В принципе, не определившись в своем отношении к антисоциальным явлениям среди московской молодежи немного: 13 % "тусовочников" не определились к алкоголизму, 9 % студентов (юристов и социологов) – к проституции, 6 % гуманитариев – к криминалу, причем такой уклончивой ответ больше свидетельствует о нежелании открывать свои позиции. Особенно это характерно для группы юристов и социологов, чем о действительной их «неопределенности». У нас создалось впечатление, что уклончивые ответы скрывали больше «одобрительное» отношение к антисоциальным явлениям, чем «безразличие» или «отрицательное» отношение к ним. По отношению к закону, его соблюдению у студентов-юристов больше релятивизма¹ и даже отмечен своеобразный цинизм, выразившийся при опросах в часто звучавшей в их устах фразе «закон суров, но это фигня». Констатировав, что «дух пренебрежения к праву присутствует везде. На уровне бытового сознания, когда мы покупаем пиратские записи, и на уровне бизнеса, когда договоры оплачиваются сумками «налички»..., в форме коррупции..., которая имеет сегодня огромные масштабы и борьба с которой должна превратиться в национальную программу». Д.А. Медведев в выступлении на II Всероссийском гражданском форуме особое внимание обратил на неудовлетворительное состояние самой пра-

¹ В связи с практическими выводами из проведенного исследования несколько в тревожном свете предстает, на наш взгляд, познавательная сторона состояния теорий, использованных для теоретико-методологического обоснования, а именно, некоторый перекоп в отечественной социологии права молодежного сегмента теории правового нигилизма, которая в последние полтора-два десятилетия сделала явный крен в позитивистскую теорию права. Известно, что с точки зрения последней, право рассматривается с сугубо практической стороны, тем самым, освобождаясь от духовно-нравственной нагрузки. Позитивистская юриспруденция ориентируется на ценности среднего уровня – ценности эмпирического характера. В соответствии с этим юристы как носители позитивного права относятся к нему с точки зрения его практической полезности, не возводя его в абсолют, но несколько пренебрегая им. В свою очередь, юристы, не придерживающиеся позитивистской парадигмы, сознают эту ущербность существующих законов, их неадекватность социальной реальности и неспособность в полной мере выполнять функции права в обществе. Понимание этого также подпитывает правовой нигилизм юристов как следствие их убежденности в нежизнеспособности позитивистского права и как оппозицию существующему правопорядку.

воохранительной сферы, а в заключение сказал: «Между тем, правовым государством может быть только такое, в котором хорошо знают и уважают законы своей страны, а уровень правового сознания людей настолько высок, что позволяет контролировать действия чиновников».

В исследовании, в частности, проверено, насколько характерна для различных групп молодежи установленная в ювенологии взаимосвязь прямой зависимости на уровне сознания степени подверженности девиантности и делинквентности от потребления ими алкоголя (в нашем случае, от *одобрения его потребления*). Оказалось, что студенты-юристы наименее зависимы, что усиливает основания, позволяющие полагать, что их достаточно высокий уровень правового нигилизма обусловлен спецификой их правовой субкультуры, имеющей истоки в характере образования.

С точки зрения позитивистской теории социально-правовых установок уровень правосознания зависит от социально-правовой установки индивида, сформировавшейся под влиянием многих факторов, в том числе, специализированного образования и глубин знаний по предмету права. Правовой *нигилизм как социально-психологическое явление* развивается на основе пограничной, негативно отклоняющейся и отчасти неустойчивой системы социально-правовых установок. С этой точкой зрения перекликается известная в социологии молодежи *теория взаимосвязи социального риска и молодежного максимализма*, которая также использовалась в нашем исследовании. Поскольку личность молодого человека в стадии социализации имеет ещё не полностью сложившееся отношение к явлениям социальной реальности, то молодежь намного больше подвержена внешнему влиянию и склонна все воспринимать намного ярче, нежели другие социальные группы, и в силу этого откровеннее демонстрирует своё мировоззрение. Из этого, кстати, следует, что воздействие социальной реальности лучше всего можно изучить именно в молодежной среде. Для изученных групп молодежи, как мы уже убедились, влияние социума в наибольшей мере зависит от состояния сферы образования. И поскольку социология образования изучает влияние наличия и специализации образования на отношение индивида или социальной группы к определенным общественным явлениям, то определенную социальную значимость приобретает обнаруженная в рамках нашего исследования факторальная роль наличия образования вообще и характера специализированного образования, в частности, в детерминации правосознания индивида.

Установлена также значимость изучаемых в рамках социологии поведения девиантных субкультур: отношение индивида к нормам и установкам определяется нормами и ценностями той субкультуры, с которой он себя идентифицирует; субкультура влияет как на ценностную ориентацию личности, так и на поведение личности, особенно, если последняя еще находится в стадии формирования. В нашем исследовании дифференциация субкультур происходила по признаку глубины знания права и правовых норм в контексте наличия/отсутствия образования вообще и образования по предмету. В качестве девиантогенной субкультуры здесь выступает правовая субкультура профессиональных юристов, противопоставленная культуре остального общества по критерию знания правовых норм и собственной сущности права, носителями которого, по сути, и являются субъекты данной субкультуры.

Симптоматично и то, что студенты-социологи, немного выигрывая в сравнении со студентами-юристами в степени девиантогенности своего правосознания и правоповедения, несколько проигрывают в этом отношении студентам-гуманитариям, вероятно, здесь сказывается их лучшее знание не законов, как у юристов, а механизмов функционирования общества и государственных структур, ответственных, по идее за реализацию законов. Однако эти обстоятельства имеют существенное значение в связи с тем, что последние 15 лет численность студентов и аспирантов-юристов в нашей стране увеличилась почти в 4 раза, кроме того, многие получили за годы реформирования постдипломное или подтверждаемое аттестатами правовое образование на любительских курсах и семинарах; примерно в таких же соотношениях вырос и контингент изучающих социологию или имеющих ту или иную социологическую подготовку (сегодня в России социологов готовят около 140 вузов, кроме того, имеется масса социологических факультативов, дающих соответствующую подготовку). И еще одно,

на наш взгляд, любопытное наблюдение: если у студентов в большей или меньшей степени выражено девиантогенное сознание и поведение, то в среде неучащейся молодежи, особенно не имеющей специального или полного среднего образования, наблюдается «нулевое» сознание и более выраженное, чем у студентов, неправоное (реальное и прожективное) поведение. Это обстоятельство имеет существенное значение в связи с тем, что в современной России перманентно растет доля молодежи, не получающей полного среднего образования. В 2007 г. аттестаты об общем, точнее неполном среднем образовании, получили 1,5 млн. юношей и девушек. Но в свое время в 1-й класс их поступило 2,3 млн. человек, следовательно, почти треть отсеялась, оставшись без документа о неполном среднем образовании. Полное среднее общее образование в 2007 г. получили выпускники, численность которых стала вдвое меньше пришедших в школу 11 лет назад детей-первоклассников. Число юношей и девушек, получивших дипломы о специальном среднем профессиональном образовании в 2007 г., оказалось на 16% меньше, чем три года назад. Сегодня в России многие миллионы детей и подростков школьного возраста не посещают школу. Но и те, кто посещает, отнюдь не всегда испытывают ее благотворное воспитательное влияние. По данным статистики, из 60,5 тыс. российских школ в 2007 г. около 27 тыс. были мало пригодны для обучения в них детей: в некоторых порой нет вообще ничего, кроме куска мела и полуразвалившейся мебели.

В рамках реализации приоритетного национального проекта развития образования начата компания всеобщей компьютеризации и подключения школ к Интернету. Но «складывается впечатление, считает президент Всероссийского фонда образования С. Комков, – что связанными с нею «благими пожеланиями вымощена дорога в ад». Потому что грешно мечтать о всеобщем включении в «мировую паутину», когда у детей нет элементарных возможностей получить качественное общее среднее образование. Да и небезопасно это, так как огромный объем разнообразной информации попадает в мозг не окрепшего и не подготовленного к этому подрастающего человека. А мы до сих пор так и не решили главную задачу: должна ли школа заниматься воспитанием или это удел улицы?»¹. Что эти опасения небезосновательны, подтверждают многочисленные факты. Хотя бы следующее: «В Карелии разгорелся скандал, когда выяснилось, что подключенные к Интернету школьники скачивают вместо методических материалов музыку или «гуляют» по порносайтам. Директоров срочно вызвали на ковер...»². А в других регионах директоров на ковер, очевидно, еще не вызывали. К сожалению, суммарные результаты нашего исследования выводят нас и на более тревожные предположения, связанные с формированием в пореформенной России синдрома перманентного воспроизводства очередного «потерянного поколения». Подобные публикации появились еще в начале 1990-х гг., а сегодня историко-социологический анализ, социальная статистика, летописи тревожных заявлений отечественных политиков разных лет, информация СМИ и повседневная российская реальность неуклонно подтверждают, что в стране действительно уже третье десятилетие последовательно воспроизводятся «потерянные поколения» молодых граждан. Первое из них, повзрослев, так и не выбралось из состояния «потерянности», превратившись в поколение 35-45-летних; переболевшие пепси-коловским наваждением его представители на ином возрастном уровне воспроизвели свою социально-политическую инфантильность, общественную расхлябанность и свою общую неприкаемую неуверенность. Второе поколение рубежа прошлого и текущего десятилетий (группа нынешних 25-34 летних россиян) почти адекватно воспроизвело эти же черты социального инфантилизма. Немногие из них с пользой для себя и отечества усвоили нравственные нормы «цивилизованного» рыночного, то есть нацеленного на достижение экономического благополучия общежития, большая же часть пытается сегодня компенсировать свою потерянную неумеренным пьянством, безалаберностью, лакейством, мелким шkodничеством. Между тем в сегодняшней России хаотически мечется нарождающееся третье «потерянное» поколение молодежи (не считая, естественно, небольших, преимущественно карьеристских сколков с нее: эти-то знают, чего хотят, только от их целеустремленности блага России не прибавится). Однако надо

¹ Комков С. Кому мешает русская школа? // Советская Россия. 2008. 15 января.

² Недочеты контроля // Российская газета. 2008. 17 января.

признать, что новое (третье с начала перестройки) поколение российской молодежи существенно отличается от двух первых: скажем, явственными тенденциями роста в нем леворадикальных настроений, на одном полюсе, экстремистских и даже фашистских – на другом. Это подтверждается данными социологических исследований самочувствия наиболее продвинутого отряда – студенчества.

Таблица 116

Жизненные позиции российских студентов (в % к числу студентов)¹

Ответы, выражающие согласие	1997	1999	2007
В нашей стране столько неясного, что такому человеку, как я, трудно в ней разобраться	73	82	83
Сегодня кажется, что все в жизни обесценивается	74	74	81
Все живут сегодняшним днем и не заботятся о будущем	51	65	80
Ни в ком нельзя быть уверенным	57	58	61
Сейчас, когда будущее неясно, вряд ли стоит рожать детей	40	43	55

Но в данном случае, на наш взгляд, стоит обратить внимание на нечто иное, а именно – третье поколение молодежи под воздействием либеральных реформ стало отличаться еще большей степенью девиантности и деликвентности. Частными случаями девиантного поведения являются, с одной стороны, алкоголизм и наркомания, сексуальная разнузданность и сектантство, с другой, – экстремизм, фашизм, черносотенность, ксенофобия и др. В среде современной российской молодежи последовательно все чаще девиантное поведение перерастает в антисоциальное. О первом свидетельствуют данные исследования, о втором – статистика. В России в организованную преступность вовлечено не менее 6 млн человек, из них 1/5 действует активно, более 4/5 таких «активистов» – из «потерянных поколений», 1/3 – молодежь; еще больше молодых в неорганизованной, спонтанной преступности. Примерно такова же структура 20 млн российских алкоголиков, а из 4 млн. наркоманов – большинство молодежь.

В целом результаты исследования подтвердили гипотезу о зависимости правосознания и правоповедения молодежи от наличия у нее и характера образования (высшего), а также от доверия к законам и их знания. Вместе с тем выявилось, что эта зависимость слабее детерминирующей силы социальных, социально-культурных и социально-политических факторов, что позволяет констатировать приоритетную зависимость от них, как правосознания, так и правоповедения. Аналогичные исследования проведены автором также среди разных категорий работающей молодежи, живущей в сельской местности, молодых предпринимателей и молодежи, не желающей заниматься предпринимательством, и т.д., предварительные результаты обсчитываются, но мы приходим к тому же выводу о приоритетном влиянии социальной среды на правовое сознание и поведение наших респондентов. Состояние правосознания и правоповедения современной российской молодежи не только не улучшается, а последовательно ухудшается. Главная причина – несостоявшиеся надежды на кардинальное улучшение уровня, качества и образа жизни в стране в целом, молодежи, в том числе. Немаловажной причиной является и то, что в социальной политике в целом, в молодежном ее сегменте господствуют сиюмоментные пиаровские установки и популизм, отсутствует системность, которая проистекала бы из научнообоснованных потребностей *формирования правовой культуры населения страны, молодежи, в первую очередь.*

Темницкий А.Л. (МГИМО/У/ МИД РФ, Москва)

**Человеческий потенциал и гражданские позиции активистов
молодежных объединений (на примере форума «Селигер – 2008»)**

Процесс формирования и функционирования молодежных объединений и организаций в современной России (как на основе их формальной регистрации, так без неё) может рассмат-

¹ Источник: В.и. Чупров, Ю.А. Зубок, К. Уильямс. Молодежь в обществе риска. М., 2001. С.192. За 2007 г. – данные авторского опроса московских студентов.

риваться как проявление личностно и социально значимой активности. Участие в их деятельности основано на свободе выбора, ценностных предпочтениях и самых разнообразных мотивах: от идейной убежденности до стремления развлечься. В любом случае, всегда находится один или несколько привлекательных для молодежи факторов, приводящих их в ту или иную молодежную организацию современной России.

Если заглянуть в прошлое, то мы увидим, что комсомол «первых поколений» (1920-1930-х гг.) был привлекательной организацией для активной части молодежи. Одни становились комсомольцами, чтобы непосредственно на разделяемой ими идейной основе участвовать в борьбе за светлое будущее, другие – чтобы получить новые возможности для работы и образования, третьи – чтобы через участие в общественной деятельности продвинуться по службе, получить материальные блага. С определенной долей уверенности можно также утверждать, что в 1960-е гг., когда комсомол перестал рассматриваться как организация, объединяющая активную часть молодежи, а постепенно стал превращаться в массовую молодежную организацию, в которую не попадали лишь явные девианты, были положены основания для его стагнации и последующего развала. Исследователи справедливо подчеркивают, что «к концу 1960-х гг. комсомол перестает быть союзом молодежи и даже союзом для молодежи, а превращается в правую руку КПСС, советского правительства, выполняя важнейшую роль социализации всей молодежи и ее социального контролирования»¹.

Имея перед глазами опыт предшествующих интересно проанализировать состояние и гражданские позиции активистов современных молодежных движений. Среди участников форума проведен социологический опрос на основе раздаточного анкетирования по квотной выборке, репрезентирующей с 5% погрешностью численность делегации². Выборочная совокупность составила 16 % от генеральной совокупности по каждой из отобранных делегаций.

Несмотря на многообразие направлений деятельности организаций: политическое, социальное, культурное, спортивное, экономическое, менеджериальное, предпринимательское, условно все делегации были объединены в две типологические категории: социально-политические (65 %) и экономико-менеджериальные (35 %).

Указанные делегации мы будем называть организациями, поскольку каждая из них может рассматриваться как целевая общность людей, с элементами иерархической соподчиненности и управляемости, наличием определенных ресурсов. Официальные названия делегаций чаще сопровождалось терминами: *проект* (например проекты «Малые города», «Наши строители» или «МШП»), *направление* (например «ДМД»), *программа* (например, «Новое образование»), *движение* (например молодежно-патриотическое движение «Сталь»).

Участники отобранных делегаций представляли 30 областных центров России, а также Москву и Санкт-Петербург, и большое количество малых городов России (из последних были отобраны 87 респондентов).

Для понимания и объяснения ответов участников форума следует учитывать сложившуюся к началу его проведения социально-политическую ситуацию: уверенная победа на президентских выборах Д.А. Медведева, несостоятельность потенциально возможного для России варианта проведения «оранжевых революций». С учетом того, что реальность будущих «грузинских» событий была впереди, а мировой финансово-экономический кризис еще не входил в повестку дня, можно сказать, что атмосфера форума отражала время «мирной» передышки. На форуме была создана благоприятная ситуация для поддержки конструктивных начинаний в разнообразных молодежных инновационных проектах, которыми в основном и наполнялись презентационные площадки.

¹ Омельченко Е.Л. Молодежь. Открытый вопрос. Ульяновск, 2004. С. 36.

² Полевой опрос был начат за неделю до окончания форума. В подготовке инструментария исследования, сборе и вводе данных активное участие принимали члены делегации «Экономика», с которыми автор исследования проводил на форуме занятия по курсу: «Методы исследования и анализа социологических данных». Всего в данном исследовании было задействовано 40 анкетеров, а в последующем – операторов по вводу данных.

Таблица 117

**Распределение состава участников по принадлежности к организации
(в % от числа опрошенных)**

Делегации	Все	Пол	
		мужской	женский
Белый свет	5	5	4
Города	7	7	7
Добровольная молодежная дружина (ДМД)	4	7	1
Кадры для модернизации страны (КМС)	10	10	10
Малые города	9	10	7
Молодежная школа предпринимательства (МШП)	8	8	8
Наш туризм	6	6	6
Наши выборы	5	5	5
Наши строители	5	7	2
Новое образование	6	3	9
Православие	2	1	2
Россия молодая	7	6	8
Русский стиль	4	2	6
Сталь	4	4	3
Старт Ап	6	7	6
Школа национального лидера (ШНЛ)	3	3	3
Экономика	6	6	6
<i>Количество опрошенных</i>	<i>437</i>	<i>227</i>	<i>210</i>

Формирование и проявления человеческого потенциала. В качестве основных его характеристик могут рассматриваться все приобретенные ими в жизни качества, как объективного содержания (запас знаний, полезные навыки и умения, накопленный опыт участия в общественной жизни), так и субъективного (жизненные ценности, возможности для установления социальных контактов, способности к генерации новых идей), которые могут стать источниками и инструментами как достижения личного блага, так и блага общества.

Получаемая (полученная) специальность является наиболее очевидной характеристикой потенциала молодежных активистов. Поскольку возраст участников форума охватывал диапазон от 15 до 33 лет, то указанная каждым из них специальность отражала как профиль учащегося ПТУ (например, монтажник, слесарь по ремонту оборудования, оператор ЭВМ), так и профиль закончивших университеты (например, юрист, финансист, стратегический менеджмент). В целом, явно преобладающим оказался статус студента вуза. На основании контент-анализа ответов о получаемой (полученной) специальности были выделены четыре типа профессиональной специализации участников форума.

Таблица 118

**Типы получаемой (полученной) профессиональной специализации
участников форума (в % от числа опрошенных)**

Типы специализации	Все	Пол	
		мужской	женский
Инженерно-технические	27	41	13
Гуманитарные	39	31	46
Экономико-финансовые	24	21	28
Менеджеральные	10	7	13

В целом инженерно-техническая направленность специализации участников форума (28 %) явно уступала другим профессиональным направлениям. Распространенность выявленных типов специализации не имела различий в зависимости от региона, возраста, стажа участия в форумах на Селигере. Различия выявлены лишь в зависимости от типа делегации. Среди участников делегаций с выраженной экономико-менеджеральной направленностью

доля имеющих инженерно-техническую специализацию существенно ниже, чем среди делегаций с социально-политической направленностью (20 % и 32 %). Доля участников с экономико-финансовым типом профессиональной специализации в 2 раза выше в делегациях экономико-менеджеральной, чем социально-политической направленности (35 % и 17 %).

Рассмотрим проявления человеческого потенциала в аспекте значимости терминальных жизненных ценностей

Таблица 119

Иерархия жизненных ценностей участников форума (в % от числа опрошенных)

Ценности жизни	Все	Пол	
		мужской	женский
Семья	66	61	72
Друзья	46	46	45
Интересная работа	42	41	44
Здоровье	39	40	39
Справедливость	28	29	27
Карьера	24	19	29
Образование	23	21	25
Деньги	15	19	10
Свободное время (отдых, развлечения)	10	13	7
Вера в бога	10	10	9

Предполагалось, что активисты молодежных организаций будут отличаться от рядовой учащейся и работающей молодежи России большей устремленностью на ценности карьеры, образования и денег, с одной стороны, и справедливости и религиозной веры, с другой. Однако набор первых четырех жизненных ценностей участников форума показал, что они, примерно, такие же, как и у всей российской молодежи. Данные других исследований жизненных ценностей молодежи, проведенных в 2002-06 гг. в различных регионах России показывают, что несомненным устойчивым лидером в ценностных ориентациях молодежи выступает семья, а ниже ее, как правило, не менее чем с 10% разрывом располагаются ценности общения с друзьями, интересная работа, здоровье¹. Желание семейного счастья, доминирующее в структуре жизненных ценностей, как юношей, так и девушек, как гуманитариев (73 %), так и у представителей инженерно-технических специальностей (56 %), как у 15-18 летних (68 %), так и у 24-30 летних (67 %) подчеркивает универсальную притягательность и устойчивость этой консервативной ценности для современной молодежи. Примерно таким же уровнем устойчивости и неподатливости факторам возрастных и профессиональных различий обладают ценности общения с друзьями и значимости интересной работы. Предполагается, что указанные три ценности образуют первостепенный ценностный потенциал современной молодежи, тот фундаментальный строительный материал, который латентно участвует в производстве и достижении всех других значимых жизненных благ. Религиозная вера в этом смысле пока не является жизненным ориентиром большинства молодежи, не выступает, несмотря на ее учащуюся артикуляцию со стороны масс-медиа, реальным социально-духовным стержнем жизни. «Религия как мировоззрение лишена главной своей опоры – ощущения людьми присутствия Бога в их жизни»².

Какие мотивы и обстоятельства способствовали участию в форуме, насколько выраженными оказались лично-значимые мотивы достигенческого, а не предписанного характера, заданные внешней ситуацией и атрибутивными признаками (например, членством в организации)? Ответы на этот вопрос позволили, прежде всего, проверить гипотезы нормативно-

¹ Семенов В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социс. 2007. № 4. С. 37; Вишневецкий Ю.Р., Шапко В.Т. Парадоксальный молодой человек // Социс. 2006. № 6. С. 29-32.

² Андреева Л.А. Процесс рехристианизации в секуляризованном российском обществе // Социс. 2008. № 8. С. 70.

го содержания о придании первостепенной значимости, сформировавшимся благодаря членству в молодежных организациях, убеждениям, новой идейности.

Действительно, больше половины молодежных активистов подчеркнули роль идейных мотивов и убеждений как главных факторов участия в форуме. Примерно такой же удельный вес мотива идейности среди участников молодежных движений прокремлевской направленности (49%) был зафиксирован в общероссийском исследовании молодежного экстремизма в 2006 г.¹ Роль идейности повышается с ростом стажа участия в форуме. Среди тех, кто участвовал в форуме во второй раз, доля мотива идейности составила 68 %, а в третий раз – 70%. Среди делегаций в максимальной степени подчеркивали свою идейность представители организации «Наши выборы» (84%), модальными специальностями которых являлись журналистика, PR, политология. Возможно, что в этом конкретном случае новая идейность сформировалась, благодаря факту успеха на прошедших выборах, которые для данной делегации были практически поприщем их общественной активности.

Несомненно, что выделение одной лишь идейной убежденности вне связи с другими мотивами носит условный характер, так как все мотивы переплетены друг с другом. Тем не менее, в отличие от исследований подобного рода, построенных на качественных методах, где выделение идеологического, эгоистического, развлекательного мотивов участия в молодежных движениях является по признанию автора чисто аналитическим конструктом², в количественных исследованиях можно определить доминирующий характер того или иного мотива. Так, на основе метода парных корреляций удалось установить (на уровне р-значимости $\leq 0,01$), что мотив идейности обратно пропорционален мотивам участия в форуме по причине случайного стечения обстоятельств, участия за компанию, советам друзей и знакомых; и прямо пропорционален росту ценности справедливости в структуре жизненных ценностей. Это позволяет утверждать о преимуществе терминального, а не инструментального характера мотива идейной убежденности среди участников форума.

К другим достигнутым факторам участия в форуме можно отнести победу в региональных конкурсах, роль которых, судя по ответам, оказалась незначительной. Исключение составляет делегация молодежной школы предпринимательства (МШП), где почти каждый третий подчеркивал факт победы в конкурсе как определяющий фактор участия в форуме.

Факторы внешнего по отношению к личности порядка (роль совета друзей, знакомых и сложившейся компании, обязательства, вытекающие из членства в организации) можно квалифицировать как мотиваторы, но не мотивы участия в форуме. В совокупности их удельный вес превышает долю индивидуально-личностных мотивов и указывает на преобладающее влияние внешних побудителей участия в форуме. Самым сильным дифференцирующим фактором мотивов и обстоятельств участия в форуме является стаж участия в нем. Одновременно с ним возрастает влияние факторов членства в молодежной организации (до 43 % у тех, кто приехал на форум третий и четвертый раз) и сложившейся привычки (до 60 %). Таким образом, участники форума со стажем участия более одного раза (таких оказалось около 1/3) могут рассматриваться как референтная группа, показавшая уже при первом приближении целый ряд нормативно значимых качеств.

Какие ожидания от форума двигали его участниками? Поскольку само название форума указывало на первостепенность роли получаемых на нем новых знаний и полезных навыков, то предполагалось, что данные мотивы участия окажутся модальными для всех групп. Действительно, активисты молодежных организаций хотели бы получить *новые знания, обрести новых друзей, полезные связи и знакомства с нужными людьми*.

Следует подчеркнуть особую значимость *полезных связей и знакомств* в выявленной модальности целевых ожиданий. Она оказалась обратно пропорциональной как нормативным целям (получению новых знаний и полезных навыков), так и эмоциональным (обретению но-

¹ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Самоорганизация в проявлениях молодежного экстремизма // Социс. 2009. №1. С.82.

² Лебедев П. «Вместе веселее» или «Один в поле не воин». Очерк о молодежном общественно-политическом активизме // Социальная реальность. 2008. № 5. С. 59.

вых друзей и получению эмоциональных впечатлений). Более высокую значимость полезным связям и знакомствам придают те активисты, которые приехали на форум в третий/четвертый раз, и те, возраст которых превысил 24 года. Получившая первый ранг в иерархии ожиданий от форума ценность обретения новых друзей является отражением первостепенной значимости для участников форума простого общения без соображений материального прагматического характера (тех же полезных связей, а также заграничных стажировок, устройства на хорошую работу, карьерного продвижения), с которыми обнаружена обратная корреляционная связь.

Насколько полезным для повседневной учебной и трудовой жизни оказался опыт, полученный от участия в прошлом форуме (2007 г.)? Какими образовательными программами, практическими навыками и умениями овладели его участники?

Рассмотрим, прежде всего, набор приобретенных компетенций, которые активно используются участниками форума в повседневной жизни. Контент-анализ свободных ответов на данный вопрос позволил свести их набор к нескольким основным группам. То, что на первое место попали навыки командопостроения и лидерства, вполне объяснимо применительно к ситуации форума 2007 г., когда зримо стояла угроза оранжевых революций, и требовалось овладеть искусством убеждения других людей, навыками публичных выступлений, политическими технологиями. Большой популярностью тогда пользовались лекции и авторские тренинги (В. Якеменко, Д. Зеленина, А. Кузьмина, С. Маркова, М. Леонтьева). В группу программ общего направления были включены занятия туризмом, физической подготовкой, экономикой и др. По ответам на вопрос о практических навыках и умениях, которыми удалось овладеть за время участия на форуме 2007 г. выяснилось, что наиболее часто упоминались коммуникативные качества (56%), лидерские и аналитико-интеллектуальные качества (по 34%), туристические навыки (31%). По ответам на вопрос о практических навыках и умениях (которыми уже овладели или хотели бы овладеть в дни форума 2008 г.) выяснилось, что наиболее важными для молодежи оказались сферы коммуникативные (46 %), аналитико-интеллектуальные (45 %), а также – лидерские (28 %). И, наконец, ответы на вопрос о предпочтительных нововведениях в образовательных мероприятиях и программах на *будущем* форуме (2009 г.) показали, что у молодежных активистов формируется потребность, прежде всего в знаниях информационно-познавательного и вместе с тем инструментального характера (38 %): о новых информационных и PR технологиях, психосемантике, социальному дизайну т.п. Многие респонденты (21 %) еще более конкретизировали свой выбор, указывая на первостепенную значимость получения таких компетенций, как анализ нормативных актов, составление бизнес-планов, курсы системных администраторов, бухгалтеров, журналистики, методики работы помощников депутатов, продюсирование и режиссура. Примерно, такая же часть участников форума (20%) испытывает потребность в коммуникативно-психологических компетенциях: в массовых тренингах с профессиональным психологом, тренингах на корпоративную сплоченность, на умение собрать коллектив, по выходу из экстремальных ситуаций, ораторского искусства. Лишь небольшая часть участников форума (15%) видит его будущее преимущественно как большую досугово-развлекательную площадку, подчеркивая важность развития следующих форм развлечений: аквапарк, квадроциклы, граффити, игровые площадки, театральные гостиные, экскурсии. Еще примерно каждый десятый из участников форума указал на необходимость повышения роли тренингов по развитию личностно-лидерских и управленческих компетенций и спортивно-туристических навыков. Несомненно, что большинству молодежных активистов, собравшихся на форуме, присущи качества целеустремленности, заинтересованность в приобретении полезных знаний. В целом, можно утверждать, что в среде активистов наметились тенденции к доминированию личностно значимых, достиженческих компетенций над коллективно и организационно значимыми (командостроительство, сплочивание).

Гражданские позиции. Индикаторами высокого уровня гражданственности в жизненных позициях личности могут служить любые указания на первостепенность значимости социа-

тальных ценностей (имеющих отношение ко всему обществу) по сравнению с индивидуально-личностными ценностями. Можно выделить три вида проблем:

- отдаленно связанные с личной жизнью (например, уменьшение авторитета России в международном сообществе или отсутствие национальной идеи);
- актуальные социальные проблемы региона, больших социальных групп людей (экологическая обстановка в регионе, невозможность улучшить жилищные условия, недоступность в получении качественного образования);
- сугубо личные проблемы (материальное положение, карьерное продвижение).

Таблица 120

**Иерархия проблем, вызывающих беспокойство у участников форума
(в % от числа опрошенных)**

Беспокоят проблемы	Все	Пол	
		мужской	женский
Мое будущее	66	64	69
Состояние культуры в обществе	37	37	36
Мое материальное положение	32	40	22
Недостаточные возможности для карьерного продвижения	28	25	30
Снижение чувства коллективизма и товарищества у россиян	27	32	22
Состояние здоровья	26	25	27
Недоступность получения качественного образования	26	24	29
Экологическая обстановка в регионе проживания	24	23	24
Отсутствие общенациональной идеи	23	26	21
Уменьшение авторитета России в международном сообществе	21	22	19
Невозможность улучшить жилищные условия	19	19	18
Опасение не найти работу	18	17	18

Наибольшее беспокойство у молодежных активистов вызывает их будущее (66%). В этом плане они ничем не отличаются от представителей рядовой молодежи России, среди которых данная проблема, также оказалась наиболее значимой почти для 2/3 опрошенных¹. Явное лидерство проблемы будущего связывается не столько с собственными усилиями, сколько с самим обществом, предоставляемыми им возможностями для достижения лучшей жизни. Она имеет универсальное значение, так как не имеет статистически значимых различий ни по одному из учитываемых в исследовании объективных признаков (пол, возраст, стаж участия, типы профессиональной специализации, делегации, региона).

Состояние культуры как проблема, вызывающая обеспокоенность у более 1/3 активистов, получившая второй ранг значимости, может рассматриваться как индикатор их гражданской ответственности. Наиболее отчетливо ее функциональность проявляется в выявленной обратной корреляции по отношению к ценностям карьерного роста (почти по всем вопросам анкеты, где фигурировали признаки карьеры как жизненной ценности, в ожиданиях по поводу участия в форуме, в получаемых компетенциях). Напротив, актуализация проблемы культуры в обществе в существенно большей мере свойственна тем активистам, для которых главной жизненной ценностью является семья, которые ожидают от форума новых знаний.

Явно личные проблемы (материальное положение и карьерное продвижение), получившие 3 и 4 ранги значимости в соотношении с проблемами социетального характера (отсутствие общенациональной идеи и уменьшение авторитета России в международном сообществе), занявшие одни из последних мест в представленной иерархии, могут указывать на слабость гражданских позиций молодежных активистов. Иерархия значимости указанных проблем существенно различается в зависимости от возраста. Так, возвеличивают актуальность

¹ Гаврилюк В.В., Маленков В.В. Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи // Социс. 2007. №4. С. 46.

карьерного продвижения чаще других 15-18-летние (36%), и одновременно они принижают значение отсутствия общенациональной идеи (18%). Напротив, для участников форума старшего возраста (24-30 лет) проблема карьерного продвижения уже не так актуальна (19%), зато обеспокоенность отсутствием у России общенациональной идеи выразили 52 %.

В целом, утверждать, что проблемы общегражданского, социетального характера мало волнуют активистов молодежных организаций, было бы необоснованно. Проблемы культуры в обществе, снижения чувства коллективизма и товарищества у россиян вошли в пятерку наиболее значимых для участников форума, а отсутствие общенациональной идеи мало волнует только самую молодую, еще недостаточно социализированную группу молодежных активистов. Несомненным признаком гражданственности является чувство *патриотизма*. Однако патриотизм не имеет выверенного, однозначно формулируемого определения. Под ним чаще всего понимается любовь к Родине, гордость за нее, но такое чувство носит преимущественно *пассивно-созерцательный характер*. Применительно к молодежи, особенно ее самой активной части, следует применять более четкие, *деятельностно выраженные признаки патриотизма*. В качестве таковых могут рассматриваться как признаки *героического патриотизма*: «Быть готовым защитить Россию, готовность к самопожертвованию за интересы страны», так и *профессионально-делового патриотизма*: «Быть полезным России неутомимым развитием своего дела, профессиональным совершенствованием». Рассмотрим, какое место занимают указанные проявления патриотизма среди возможных других, что обуславливает их выбор? Всего было выделено и представлено для оценок шесть признаков патриотизма, три из которых отражали массивно-созерцательные позиции (отношение к объекту оценки через термины «уважение», «любовь»), а три активно-деятельностные позиции (через термины: «польза», «участие», «готовность к самопожертвованию»)

Таблица 121

**Иерархия представлений о содержательных компонентах чувства патриотизма
(в % от числа опрошенных)**

Что значит быть патриотом?	Все	Пол	
		мужской	женский
Уважать традиции и культуру России	54	51	57
Любить и гордиться Россией	46	50	43
Быть полезным России, совершенствовать профессию	46	43	50
Быть готовым защитить Россию	42	43	40
Любовь к родному краю, месту, где родился и вырос	33	35	31
Личным участием в социально-значимых делах способствовать процветанию страны	32	25	39

Активно-деятельностные проявления патриотизма участников форума в целом уступают пассивно-созерцательным признакам (чувствам уважения к традициям и культуре, любви и гордости за Россию). Вместе с тем выявлено, что между двумя противоположными группами признаков патриотизма существует обратная корреляция, причем наиболее сильная статистически значимая корреляция обнаружена между проявлениями героического и профессионально-делового патриотизма. Дискриминатный анализ выделенных типов патриотизма показал, что их обуславливают принципиально различающиеся предикторы. Предикторы *героического патриотизма* указывают на то, что у его приверженцев явно сильнее выражены креативные качества по отношению к себе как личности, возвышающей роль нематермальных факторов жизни: идейности, справедливости и вместе с тем придающей большее значение своему конкурентному потенциалу, его реализации в победах на конкурсах, в построении карьеры, постоянном личном совершенствовании. Для такого типа личности в большей мере присуща обеспокоенность проблемами отдаленного, дистанцированного, общественно, а не личностно значимого характера.

**Предикторы героического и профессионально-делового патриотизма
молодежных активистов¹**

Предикторы героического патриотизма	Предикторы профессионально-делового патриотизма
Более высокая роль идейных мотивов участия в форуме	Большая доля участников с экономико-финансовым типом профессиональной специализации
Большее значение, придаваемое победе в региональном конкурсе как факторе участия в форуме	Более высокое место ценности интересной работы в структуре жизненных ценностей
Более высокое место ценности справедливости в структуре жизненных ценностей	Более высокая значимость полезных связей и знакомств с нужными людьми в структуре ожиданий от участия в форуме
Придание большей полезности компетенциям по построению карьеры и личному совершенствованию в оценках форума 2007 г. и 2008 г.	Более высокая значимость получения полезных навыков в структуре ожиданий от участия в форуме
Большая обеспокоенность проблемой снижения чувства коллективизма и товарищества у россиян	Большее значение, придаваемое повышению стабильности и обеспечению безопасности жизни среди привлекательных идей, связанных с будущим России
Большая обеспокоенность проблемой отсутствия общенациональной идеи	Большая обеспокоенность проблемой уменьшения авторитета России в международном сообществе

Предикторов, обуславливающих модель *профессионально-делового патриотизма*, оказалось меньше, и все они указывают на придание большей значимости факторам материально-прагматического, утилитарного характера. Развивать свое дело, заниматься профессиональным совершенствованием – так кратко можно выразить пафос данной модели патриотизма. Следует также отметить, что каждому пятому участнику форума присущ смешанный тип патриотизма, который сложился на придании равной значимости как героическому, так и деловому варианту.

В качестве показателей гражданских позиций может также рассматриваться отношение молодежи к учебе, работе и проживанию за границей. Учеба и работа за границей могут рассматриваться как вполне современные и востребованные молодежью ценности, но вот желание жить и работать за границей на постоянной основе может оцениваться как антипатриотическая ценность, как индикатор антигражданственности. Среди молодежных активистов, желающих постоянно жить и работать за границей, оказалось не так много (примерно каждый десятый). По данным других исследований, репрезентировавших представителей обычных молодежных групп, каждый четвертый из молодых россиян готов уехать за границу на постоянное место жительства². Характерно, что по другим позициям (уехать за границу на

¹ Использовался шаговый метод отбора предикторов (статистика Уилкса) по основным блокам вопросов анкеты. На основе полученных удовлетворительных результатов классификации были составлены перечни наиболее информативных дискриминантных переменных. Определение качества значений переменных, их большей либо меньшей степени выраженности проводилось на основе сравнения групповых средних между двумя типологическими категориями респондентов, указавших и не указавших на значимость тестируемых типов патриотизма.

² Даффлон Д. Молодежь в России: портрет поколений на переломе / Вестник общественного мнения. 2008. № 5. С. 23.

учебу или временную работу) существенных различий между участниками форума и обычной молодежью России не обнаружено.

Таблица 123

Ориентации участников форума на учебу, работу и жизнь за границей¹
(в % от числа опрошенных)

Хотели бы	Все	Пол	
		мужской	женский
Работать за границей, стажироваться	68	61	74
Учиться за границей	53	51	56
Постоянно жить и работать за границей	11	10	12

Желание уехать за границу на постоянное место жительства максимально проявляется у 15-18-летних активистов (15 %) и минимально у 24-30-летних (7 %). На снижение желания постоянно жить и работать за границей существенное влияние оказывают мотивы участия в форуме на основе идейной убежденности (до 8 %), членство в молодежной организации (до 4 %) и в максимальной степени – стаж участия в форуме. Отметим, что среди активистов, приехавших на форум в 3-й и 4-й раз, не оказалось ни одного, кто хотел бы постоянно жить и работать за границей. Напротив, готовности уехать за границу на постоянное место жительства способствует высокое значение денег в структуре жизненных ценностей (до 19 %), и в еще большей мере – ожидания получить посредством участия в форуме заграничную стажировку (до 23 %).

Подводя краткие итоги, можно утверждать, что активисты молодежных объединений не отличаются от своих, не столь активных ровесников ни по набору главных жизненных ценностей, ни по основным, актуализируемым ими социальным проблемам.

Представляется, что основная проблема в формировании человеческого потенциала складывается на основе сохранения либо потери баланса между поисками форм личностного совершенствования, продвижения в молодежных организациях и нормативными требованиями, идущими от этих организаций. По данным исследования выявлено, что в 2008 г. по сравнению с форумом 2007 г. наметился крен в сторону возвышения индивидуально значимых, достиженческих компетенций над коллективно и организационно значимыми.

В еще большей мере требуется соотносить и регулировать процессы формирования и укрепления человеческого потенциала молодежи и их гражданских позиций и социальной ответственности. Односторонняя актуализация проблемы получения новых знаний, развития способностей, навыков и практических умений молодежи вне их увязки с усилением социальной ответственности за происходящее в стране, может привести к перерождению молодежных движений в институты рыночного типа, игнорирующие гражданские обязательства и связанные с ними институты.

Тесленко И.В. (УрФУ, Екатеринбург)

Роль туризма в социальных практиках современной молодежи

Для развития путешествий и туризма XX век стал знаковым. Непрерывающийся рост туристических потоков на рубеже XX-XXI вв. оказал существенное влияние на социальное развитие. Сформированный в эпоху индустриального общества интегративный феномен туризма рассматривается как особое социокультурное явление. В рамках туризма активно проявляется смещение приоритетов экономической деятельности современного общества от производства товаров к производству услуг. Современный туризм – это социальная практика, образ жизни достаточно широких слоев населения, международная отрасль экономики и услуга, пользующаяся массовым спросом. Отличительными характеристиками туризма стали значимые компоненты современной жизни: мобильность, визуальность, виртуальность, информатизация, глобальность и потребление.

¹ Эта таблица основана на отборе только положительных ответов (да) на три самостоятельных вопроса анкеты. Помимо этого были варианты «нет», «затрудняюсь ответить».

Безусловно, в росте значимости культурной компоненты туризма проявляют заинтересованность и государства, для которых туризм является одной из стремительно развивающихся отраслей экономики. По оценкам Всемирной туристической организации (ВТО), доля культурного туризма к 2020 г. составит 25 % от общих показателей мирового туризма¹. Туризм, в том числе и культурный, способствует экономическому и культурному развитию страны, стимулирует создание новых рабочих мест. Влияние туризма на экономику принимающей стороны общеизвестно: ряд стран существует именно благодаря туризму. Основным условием развития культурного туризма является исторический и культурный потенциал той или иной страны, уровень организации доступа к нему для всех интересующихся, а также бытовой комфорт проживания туристов. С другой стороны, в условиях глобализации пропаганда культуры как таковой, культурного наследия является и значимой политической задачей.

Туризм сегодня – это одна из наиболее интересных современных форм организации досуга, которая активно влияет на расширение общих знаний, культурной эрудиции человека. Именно культурный туризм в наши дни получает все больший размах, укрепляет свой рейтинг среди самых востребованных услуг XXI века. Следует отметить, что туризм как форма организации досуга пользуется высокой популярностью у всех слоев общества и всех возрастных групп. Повышенный интерес к туризму как социально-коммуникативной практике демонстрирует современная молодежь. Так, пилотажное исследование среди 350 студентов технических и гуманитарных специальностей УГТУ-УПИ, проведенное в 2009/2010 учебном году выявило следующие тенденции.

Среди респондентов не оказалось ни одного студента, который ни разу не совершил какое-либо путешествие, причем 56 % опрошенных предпочитают принимать активное участие в составлении программы своего будущего отдыха. Учитывая мировые процессы глобализации, около 80 % респондентов в качестве целей своих туристических поездок видят открытие новых уголков своей страны, знакомство с другими странами и т.д. Более активную позицию в данном случае занимают девушки (83 % от числа ответивших, тогда как юноши – 73 %). Вполне предсказуемым было и то, что молодежь больше всего ценит туризм как социальную практику за возможность общения, получения новых впечатлений и эмоциональной «зарядки». Для юношей актуальным также является экстрим, «щекотание нервов», а для девушек на первых строках рейтинга находится изучение культуры других стран. Меньше всего молодых людей интересуют поездки по санаторно-курортным путевкам. Надеемся, что проблем со здоровьем у молодого поколения не так много, поэтому и оздоровление (поездка в санаторий) не является актуальным и уверенно занимает последнюю позицию рейтинга. В целом рейтинг значимости туризма для молодежи достаточно показателен: доминирующая коммуникативная составляющая в данном случае получает наиболее полное и комплексное удовлетворение, при этом она выполняет ряд сопутствующих функций (развитие личности, расширение кругозора, языковая практика).

Достаточно интересен анализ организации молодежи своего отдыха в выходные дни (суббота – воскресенье). Как вариант проведения свободного времени первую строку в рейтинге занимает выезд на природу. Пытаются конкурировать с традиционными шашлыками на природе ночной клуб, бильярд, посещение музеев, театров и сельский туризм. Причем мнение девушек разделилось: половина предпочитает объединиться с юношами на бильярде, а другая – посетить театры и музеи. Сельский туризм, видимо, рассматриваются молодежью как более затратный и соответственно менее доступный вид отдыха. Такие виды отдыха, как пейнтбол, велоспорт, спортивный туризм, работа в гараже, девушек вообще не привлекает, но и юноши не очень высоко оценивают данные варианты организации свободного времени. Не может не радовать кругозор наших студентов. Студенты УГТУ-УПИ посещали различные уголки Свердловской области – Нижняя Синячиха, Ганина яма, Алапаевск, Тальков камень, Бажовские места, Коптелово, Березовский, Верхотурье, Невьянск, границу Европы-Азии, сплавлялись по рекам Урала, купались в Горячих источниках (это уже Тюменская область),

¹ [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.mitt.ru/info1_rus.php

любовались красотами Кунгурской пещеры, отдыхали на турбазах и в санаториях-профилакториях. Анализ количества поездок в тот или иной уголок нашего края позволяет говорить о высокой значимости стоимости путешествия: чем выше посещаемость места – тем ниже стоимость. Однако более 50 % респондентов указывают на то, что посетили порядка 2/3 предлагаемых экскурсий по Свердловской области по значимым культурным уголкам за годы учебы в школе. Около 60 % респондентов организуют свой отдых на выходные как минимум 2 раза в месяц; около 55 % респондентов указывают на достаточно высокую значимость уровня качества предоставляемых услуг.

Достаточно неожиданным, на наш взгляд, оказалось осознание студентами высокой значимости туризма в развитии толерантности, рассматриваемой как взаимопонимание между представителями разных стран. Так, 82 % респондентов указали на положительное воздействие туризма, 18 % респондентов или затруднились с ответом, или не видят такого влияния. В комментариях к ответам студенты указали, что во время туристической поездки – в процессе потребления услуги – происходит знакомство не только с культурно-историческим наследием, но и с актуальной культурой. Если культурно-историческое наследие включает в себя историческую территорию, архитектурные сооружения и комплексы, зоны археологических раскопок, художественные и исторические музеи, народные промыслы, праздники, бытовые обряды, выступления фольклорных коллективов, то актуальная культура – преимущественно художественная культура, образ жизни населения: особенности национальной кухни, костюм, специфика гостеприимства.

Продукт потребления в рамках культурного туризма состоит из комплекса услуг. Соответственно качество услуги как высокое воспринимается только при совокупном высоком качестве ряда компонентов, таких как транспортные услуги, сервис отеля, питание, экскурсионное обслуживание и даже эмоционально положительный настрой клиента. В данном случае потребитель туристской услуги перемещается из постоянного места жительства на новую территорию, чаще всего, сохраняя при этом привычный для него уровень сервиса. Акцент потребителя перемещается на культурное достояние страны пребывания, на ее местный колорит.

Благодаря ключевым особенностям социокультурной жизни XXI в. – углубление процессов глобализации, создание информационного пространства, устойчивый интерес к культурам мира, массовое потребление, развитие скоростного транспорта, единые стандарты качества на предоставляемую услугу – культурный туризм сегодня переживает новый этап развития и начинает играть более значимую роль в жизни современного человека.

Тихомирова В.В. (ИСЭиЭПС КомиНЦ УрО РАН, Сыктывкар)

Социальное самочувствие и ценностные ориентации молодой семьи

Важнейшая роль в социальном переустройстве общества отводится *молодой семье*. Она вступает в общество, для которого характерны как социально-экономическая нестабильность, так и радикальная переоценка ценностей, что сопровождается перестройкой социально-психологических основ семейного образа жизни и жизненных ориентиров, целей, отсутствием ясных способов реализации индивидуальных жизненных стратегий¹. Поэтому именно в ней, как в зеркале, видны все противоречия и проблемы общества, вырисовываются контуры будущего, прогнозируется эволюция института семьи в целом. Чем тщательнее мы изучим современную молодую семью и происходящие в ней перемены, тем более точно сможем прогнозировать вероятные сценарии будущего развития семьи в России.

В российском законодательстве к молодым отнесены семьи первых трех лет после заключения брака (в случае рождения детей – без ограничения продолжительности брака), при условии, что один из супругов не достиг 30-летнего возраста, а также неполные семьи с детьми, в которых мать или отец не достигли 30-летнего возраста². В своем развитии молодая семья

¹ Неудачина И.Г. Современная российская молодая семья: гендерный анализ. Автореф. дис. к.с.н. Екатеринбург, 2003. С.7.

² Постановление Верховного Совета РФ от 3 июня 1993 года № 5090-1 «Об основных направлениях государст-

осваивает множество новых социальных ролей: самостоятельно содержать семью, вести семейный бюджет и домашнее хозяйство, осуществлять уход за детьми и их воспитание. Муж и жена выступают в роли агентов социализации по отношению друг к другу, решая вопросы о распределении прав и обязанностей, о лидерстве в семье, отношениях к новой родне и т.д.

Формирование социального самочувствия и ценностных ориентации молодой семьи являются составной частью процесса ее социализации в современном обществе. Само понятие «ориентация» возникло в физиологии, которая изучает ориентировочную деятельность людей в качестве основного средства человеческого выживания в социокультурных условиях.

Понятие «ориентировочный рефлекс» впервые был введен И.П. Павловым, который охарактеризовал данное явление как совокупность действий индивида, направленных на ориентацию в ситуации. При помощи ориентации индивид производит выбор социально значимых объектов, которые в результате оценки их полезности, важности для него получают статус «ценности». Выделяя индивидуальные ценности в социокультурной среде, социологи используют для их характеристики понятие «ценностные ориентации». Именно ценностные ориентации, выступающие в качестве целей жизни и основных средств их достижения, приобретают функцию важнейших регуляторов социального поведения индивидов. Причем цель выступает как «идеальное предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия»¹. Следовательно, ценностные ориентации являются связующим звеном между мотивом (побудительной силой) и целью (ориентиром) деятельности. «Мотивация выступает ключевым аспектом личности, поскольку она придает поведению направление»². Мотивы и цели тесно связаны между собой. Отношение «мотив – цель» является своего рода «вектором», задающим направленность и интенсивность деятельности. При этом цель формирует содержание этой деятельности. Цель является необходимым источником развития. Определение характера целей осуществляется на основе выбора тех или иных общественных, жизненных и человеческих ценностей. Значимость молодого поколения определяется тем, что оно олицетворяет собой будущее. Любая ценность может характеризоваться как вечная, абсолютная и общечеловеческая лишь тогда, когда она связана с будущим, наполнена его потенциями.

Э. Шпрангер выделяет шесть типов объективных ценностей: теоретические (область науки, проблема истинности); эстетические (стремление к оформлению, выражению своих впечатлений, к самовыражению); экономические (материальные блага, полезность); социальные (общественная деятельность, обращенность к чужой жизни, чувство себя в другом); политические (власть как ценность); религиозные (смысл жизни)³. В каждой индивидуальности представлены все шесть типов ценностей, но с разной силой; руководящие, определяющие жизнь, образуют психическую структуру человека.

В основу нашего исследования положена именно эта классификация и данный теоретический подход. При разработке собственной типологии ценностей мы исходили, прежде всего, из психологического понимания ценностей как некоего многомерного и иерархического их понимания. В каждой индивидуальности представлены все шесть типов ценностей, но с разной силой; руководящие, определяющие жизнь, образуют психическую структуру человека. В основу нашего исследования положена именно эта классификация и данный теоретический подход. При разработке собственной типологии ценностей мы исходили, прежде всего, из психологического понимания ценностей как некоего многомерного и иерархического их понимания. Основная цель исследования – выяснение того, как молодые супруги оценивают свое экономическое положение, на что надеются, какими средствами собираются обеспечить себя и свою семью. Выборочная совокупность составила 380 семей, в которых насчитывается 1153 чел. Из них проживают в городских округах 547 чел., в сельской местности 606. В них

венной молодежной политики в РФ».

¹ Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя, П.Ф. Юдиной. М.: 1963. С.496.

² Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. С.48.

³ Проблемы социальных взаимодействий в транзитивном обществе. Сборник научных трудов / Под ред. М.В. Удальцовой. Новосибирск, 1999.

воспитываются 399 детей, при этом по массиву 209 семей имеют по одному ребенку, 83 семьи – двое детей, 8 – три ребенка. 80 молодых семей не имеют детей. Молодые люди трудятся на производстве, заняты в бюджетных сферах и предпринимательстве, учатся в вузах. Особым объектом нашего социологического исследования является сельская семья, так как существует ряд объективных и субъективных факторов, которые отличаются характером производства; оплатой труда; собственности; расселения. Все это накладывает отпечаток и на духовный мир сельского жителя, и на его образ и стиль жизни, и на формирование потребностей. Распределение семей по профгруппам представлено в таблице.

Таблица 124

Профессиональные группы молодых людей (количество человек)

Вид деятельности	Городские округа		Районные центры	
	Супруг	Супруга	Супруг	Супруга
Производство	96	23	71	14
Бюджетная сфера	37	96	60	113
Сфера предпринимательства	18	20	15	12
Учеба в вузе	8	19	1	15
Зарегистрирован(а) в качестве безработного	2	7	3	8
Безработный (нигде не зарегистрирован)	1	5	4	5

В качестве критериев социальной дифференциации молодых семей выделены: тип семьи, состав, возраст членов семьи, место проживания, профессиональная принадлежность. Введены также уровень дохода, престижность профессии, так как в современных условиях данные показатели выступают детерминантами различных стилей поведения, в значительной степени формируют жизненные ориентации. Определены следующие профессиональные группы молодых семей: супруги-рабочие, супруги-рабочие и служащие, супруги-служащие, супруги-студенты, супруги-безработные, супруги-предприниматели. Учитывался и смешанный по профессиональной принадлежности тип семей.

В ходе исследования получена информация о социальном самочувствии молодых семей в контексте осуществляемых социальных трансформаций и кризисных явлений. Жизненные установки и ценностные ориентации молодой семьи рассматривались через призму двух стратегий жизнедеятельности – саморазвития и выживания. Выявлены средства, пути выживания и развития, на которые рассчитывают различные категории семей. Проанализированы способы социальной адаптации, выявлены характерные для молодой семьи типы ценностных систем. Данные исследования позволяют составить достаточно полную картину об уровне самочувствия, поведении молодых семей. В проекте участвовали научные сотрудники Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, специалисты Министерства образования Республики Коми, специалисты отдела культуры и молодежной политики МО г. Сыктывкара и 20 муниципальных образований республики.

Социально-психологическое самочувствие молодых семей. Большинство молодых семей определяющим в своем социальном и психологическом самочувствии назвали уровень экономического и материального благополучия. Для них деньги являются основным содержанием представления о благосостоянии. Отсюда важнейшая проблема стабилизации и укрепления современной молодой семьи – это ее материальное обеспечение на достойном уровне. 63% семей беспокоят материальные проблемы, практически каждая вторая семья озабочена экономической нестабильностью, каждая шестая – безработицей, каждая третья – социальной незащищенностью. Далее в ранжированном ряду значимых проблем выделены: высокий уровень преступности (24%); бытовые проблемы (20%); наркомания (16%); СПИД (10%); межнациональные конфликты (6%); психологическая несовместимость (4%); межрелигиозные конфликты (3%). Молодые семьи Ижемского района беспокоит отсутствие на селе мест отдыха, детских кафе. Родителей Усть-Цилемского района волнует проблема пьянства, а Сысольского – духовное и нравственное состояние общества.

Одно из важнейших условий социализации молодежи – занятость. От решения этого вопроса зависят уровень жизни, жилищные условия, реализация творческого и профессиональ-

ного потенциала. Наиболее высокий уровень тревоги отмечается в семьях с низкими доходами, в которых муж или жена являются безработными, служащими, где профессия остается единственным источником дохода. Таких семей большинство. Поисками работы занимается 32% молодых семей Вуктыла, 26% респондентов Княжпогостского района, 25% – г. Печоры и 20% – Ижемского района. Данной проблемы не отметили в своих анкетах жители г. Усинска, Прилузского, Троицко-Печорского, Удорского и Усть-Вымского районов.

Денежный доход ниже величины прожиточного минимума (прожиточный минимум на 1 квартал 2008 г. составлял в среднем по республике – 5556 рублей; по северной зоне – 5831; по южной зоне – 5414 рублей) имеют 25% молодых семей. Денежный доход семей районов и городских округов представлен в таблице.

Таблица 125

Распределение молодых семей по доходам

Денежный доход	Городское население	Сельское население
Ниже прожиточного минимума	19	31
Выше величины прожиточного минимума	34	41
От 10 до 15 тыс. руб.	29	21
От 15 до 20 тыс. руб.	9	4
Свыше 20 тыс. руб.	9	3

Больше всего молодых семей, находящихся за чертой бедности, в Усть-Куломском (68%) и Сыктывдинском (46%) районах, в Корткеросском и Сысольском районах ниже величины прожиточного минимума около 40% опрошенных респондентов. Пятая часть приходится на долю малообеспеченных семей в Княжпогостском, Койгородском и Усть-Цилемском районах.

Источники дохода молодых семей крайне ограничены: это заработная плата по месту основной работы и помощь родителей. Доходы от собственного дела, работы по совместительству не превышают 10 %. В условиях экономического кризиса мало перспектив улучшить свое материальное положение.

В соответствии с уровнем достатка выстраивается схема расходов денежных средств. На вопрос: «Какая часть дохода вашей семьи используется на питание?» примерно половина семей (49 %) отметили, что на питание расходуется 50 % их семейного бюджета, меньше половины – 21 %, 2/3 расходует каждая пятая семья, почти весь доход тратят на питание 12 %. На вопрос «Какие меры способны улучшить ваше положение?» 90 % респондентов отметили повышение уровня оплаты труда. Уменьшение налоговой нагрузки определили 11 % семей, работающие в сфере предпринимательства. Жители Сыктывкара и Прилузского района как дополнительную меру назвали сдерживание цен на продукты питания. Снижение оплаты жилья и коммунальных услуг требуют молодые семьи Воркуты и Печоры, улучшение жилищных условий – респонденты Усинска. Создание рабочих мест для мужчин отметили усть-куломские семьи и бесплатное образование в высших и средних учебных заведениях – жители Усть-Цильмы.

Опора на собственные силы. Одной из качественных характеристик процесса социализации молодой семьи является отказ от иждивенческих настроений. Формирование ответственности за собственное благополучие представляется базисом, предвосхищающим дальнейшее развитие самосознания личности, ответственности семьи за свое будущее. Индикатором патерналистских отношений между государством и личностью в исследовании явилось согласие респондентов с высказыванием «государство должно создавать условия, чтобы молодая семья могла решать свои проблемы». Следующая установка, характеризующая стремление решать проблемы собственными силами, обозначена «в решении своих проблем должны опираться на собственные силы». 57 % семей считают, что государство должно создавать условия для решения проблем молодой семьи. Среди семей на селе (55 %) больше доля тех, кто рассчитывает при решении материальных проблем на собственные силы, а не на государство. Среди городских жителей этот процент составил 45.

Какие же категории семей ориентируются больше всего на поддержку со стороны государства? Это семьи, где оба супруга – рабочие, один из супругов – безработный, супруги – студенты, а также семьи, в которых дети воспитываются одним родителем. Таким образом, ориентация молодых семей на государство и его заботу о каждом члене общества остается высокой, несмотря на неэффективность социальной политики в сфере занятости, декларативность государственных мер поддержки материнства и детства, низкий уровень установленного прожиточного минимума. Количество семей, опирающихся на собственные силы, составляет 50 %. Особенно это свойственно семьям, где один из супругов занимается предпринимательской деятельностью. 5 % семей возложили ответственность за благополучие своей семьи как на государство, так и на собственные силы. На поддержку со стороны местных органов власти рассчитывает 21 % респондентов.

На вопрос «*Какими способами вы хотите улучшить свое социально-экономическое положение и добиться поставленной цели?*» на первое место семьи поставили необходимость активно трудиться на своем рабочем месте (45 %). Далее в ранжированном ряду идут следующие ответы: получение второй профессии и повышение квалификации (43 %); найти работу по совместительству (23 %); участвовать в бизнесе (15 %); экономить на всех расходах (11 %); занять деньги под процент, ипотечное кредитование (10 %); не иметь детей (1 %); взять детей на попечение (1 %).

Управляя бюджетом, каждая семья выбирает свою стратегию увеличения его доходной части. Первая стратегия связана с трудовой занятостью – это вторичная занятость, карьерное продвижение, смена места работы и т.д. Вторая стратегия – уменьшение расходов бюджета, их количества, что приводит к отказу от достигнутого уровня потребления. В экономическом поведении сельской семьи повсеместно преобладает стратегия выживания, при которой возникающие материальные проблемы решаются посредством жесткого режима экономии. Эта стратегия тем жестче, чем больше детей в семье. Экономия является основным способом поддержания уровня жизни в сельских семьях. Появление детей в семье неизбежно снижает уровень ее благосостояния. Это происходит не только за счет роста числа членов семьи, но и из-за необходимости матери оставить на время работу и ухаживать за малолетним ребенком или переходить на более благоприятные условия труда. В большинстве случаев это сопровождается снижением заработной платы.

Намерение отказаться от рождения детей в значительной степени выявлено в рабочих семьях, в семьях, где один супруг – рабочий, второй – служащий, в семьях служащих, имеющих низкие доходы, безработных. В материально обеспеченных семьях такой тенденции не наблюдается.

Жизненные планы и ориентиры на будущее достаточно разнообразны. В целом по массиву 67 % хотят добиться материального благополучия, 41 % – решить проблему жилья, найти дополнительные источники дохода желает 28 % семей, 19 % – иметь детей, 16 % – получить профессиональное образование, 11 % – найти работу, примерно такой же процент респондентов планирует открыть собственное дело. Хотели бы уехать на жительство в другие регионы РФ – 12 %, за границу – 2 %. Таким образом, практически каждая молодая семья имеет определенную жизненную цель.

На вопрос «*Сколько детей вы хотели бы иметь?*» 62 % ответили – двоих, 18 % – троих, одного ребенка планируют 15 %, четырех и более – 3 %. 41 % семей хотят завести второго ребенка, 16 % – третьего и 3 % желают иметь четверых и более детей. Причем, желание иметь детей у респондентов сельской местности выражено более ярко, чем у горожан.

Препятствиями завести желанного ребенка в ранжированном ряду по массиву служат: материальное состояние (46%); отсутствие жилья (32%); ответственность за будущее детей (21%); здоровье (9%) и отсутствие работы (8%). При этом материальное состояние семьи мешает рождению детей 54% сельчан и 37% городских жителей.

В настоящее время в Республике Коми ежемесячное пособие на ребенка выплачивается в размере от 150 до 450 руб., что устраивает лишь 6 % семей. Более половины молодых домохозяйств желали бы получать ежемесячное пособие на ребенка в пределах разницы между

суммой величины прожиточного минимума семьи и общим доходом членов малоимущей семьи (на 1 квартал 2008 г. прожиточный минимум ребенка в республике составлял 4968 руб.). Среди респондентов 88 % считают, что ежемесячное пособие на ребенка должна получать каждая семья, лишь 9 % отметили малообеспеченные семьи и 3 % – только семьи с детьми с ограниченными возможностями. Респонденты указывают, что ежемесячное пособие на ребенка должно обеспечивать полноценное содержание и воспитание его (Вуктыл), пособия должно хватать на оплату детского сада (Усинек), оно не должно быть «смешным» (Печора).

Ценностные ориентации молодой семьи выступают мотивом сознательного поведения индивида. На их основе складываются социокультурные типы отношения граждан к процессам, происходящим в обществе. В ходе исследования был выявлен набор ценностей, которым молодые супруги отдают предпочтение. Это, прежде всего, базовые ценности, которые присущи всем профессиональным, образовательным и возрастным группам независимо от места проживания. Первое место в шкале жизненных ценностей занимает воспитание детей (76% опрошенных), на втором – здоровье (66%) и третье место по степени значимости занимает материальное благополучие (62%). Эти три вида ценностей занимают ведущие места во всех профессиональных группах. На четвертое место в шкале ценностей респонденты поставили любовь (57%). Совместный семейный отдых находится на пятом месте (35%), иметь интересную работу желают 33% опрошенных. Далее молодые люди отдают предпочтение образованию. Уважение окружающих (соседей, коллег по работе, уважение в семье, уважение друзей) отметили 32% респондентов. Стремление к успеху выделяет для себя в качестве ценности каждая четвертая молодая семья. К независимости стремится практически каждая четвертая семья (22%). Собственную карьеру хотят сделать 22% респондентов. На 12 месте в ранжированном ряду стоит стремление к знаниям (15%), далее идут творчество (14%) и профессионализм (13%). Каждая шестая семья отметила предприимчивость как ценностную ориентацию. На семейный бизнес ориентируются 7% молодых. И последнее место в шкале ценностей – религия (2%).

Распределение ролей в семье. При включении данного вопроса в анкету ставилась задача выяснить: какой тип семьи преобладает среди молодых семей – *патриархальный, матриархальный или эгалитарный*, как распределяются обязанности между супругами, кто из супругов и в какой мере распоряжается денежными средствами.

К *патриархальному* типу были отнесены семьи, где супруги разделяли точку зрения, что «идеальная семья – это семья, в которой муж зарабатывает деньги, а жена исключительно ведет домашнее хозяйство».

Матриархальный тип семейных отношений, где женщина играет доминирующую роль.

Эгалитарным (равноправным) типом семьи мы считали такую семью, где оба супруга работают и сообща занимаются домашними делами.

По итогам опроса получены следующие данные. Модель патриархальной наиболее популярна в семьях предпринимателей, студентов и безработных (14 %). К матриархальному типу отнесли себя 12 % респондентов. Эгалитарный тип семьи предпочитают 74 % молодых супругов.

Таблица 126

Распределение семейных обязанностей (в % к числу опрошенных)

Виды деятельности	Всегда жена	Всегда муж	Вместе муж и жена
Покупка продуктов	30	4	66
Приготовление пищи	50	3	47
Стирка	66	2	32
Занятия с детьми	22	3	75
Уборка	50	1	49
Уход за больными членами семьи	25	4	71
Мелкий ремонт	7	41	52

Больше всего сторонников равноправия среди рабочих семей. Таким образом, идеальной семьей в современном обществе, по мнению большинства опрошенных, является эгалитарная

семья, построенная на отношениях партнерства и взаимопонимании. Однако данные свидетельствуют, что сегодня можно говорить скорее о традиционном, чем эгалитарном распределении обязанностей в семье.

Совместное ведение домашнего хозяйства подразумевает, прежде всего, наличие общего бюджета, т.е. объединенных доходов и расходов. Основным и наиболее весомым компонентом совокупного дохода была и остается заработная плата. Семья как автономная экономическая единица определяет характер использования своих доходов, превращение их в те или иные блага. Опрос показал, что в 66 % молодых семей деньгами ведают совместно муж и жена. В каждой третьей семье – это обязанность жены. В 3 % семей денежными средствами распоряжается муж.

Женщинам в сельской местности принадлежит бóльшая роль в решении вопросов расходования денежных средств, что является важным показателем экономически-хозяйственного доминирования, лидерства в сельской семье. Однако и здесь, в ряде семей вопрос о расходовании средств решается на паритетных началах. Результаты опроса позволяют сделать вывод, что в молодых семьях постепенно «эра отца отсутствующего» (занятого работой и реализацией собственных возможностей во внешнем мире) сменяется «эрой отца присутствующего», который разделяет с женой все заботы о семье.

Фатеев И.В. (ООО «Интерпак»)

Групповая делинквентность как источник социальных рисков в современной России

Современную Россию не без основания называют «обществом всеобщего риска»¹. Это понятие можно интерпретировать как органическое нарушение в системе производства ресурсов, необходимых для нормального функционирования общества. В последние десятилетия деградирующая социальная система не препятствовала распространению в обществе групповой делинквентности, которая в свою очередь становилась источником социальных рисков в современной России. Делинквентные субкультуры – такая норма риска, которую можно считать элементом современной культуры, то есть формирование в массовом сознании понятия «социально приемлемого риска», отразившего сознание, а затем принятие обществом факта рискогенности собственной жизнедеятельности². В связи с этим новые тенденции распространения групповой делинквентности среди населения России следует трактовать как риски социетального характера. Понятие «групповая делинквентность» уже содержит в себе понятие риска, отражающего причину или следствие названных состояний и процессов.

Риски, согласно У. Беку, постоянно легитимно производятся обществом во всех сферах его жизнедеятельности: экономической, политической, социальной³. Исходя из этого, риск можно трактовать как динамическую переменную, объясняющую механизм приобщения людей к делинквентным группам в России – стране, в которой социальная среда быстро «наполняется» рисками, привносимыми в нее как отдельными индивидами, так и группами – носителями делинквентного поведения.

Российские делинквентные группы создаются вследствие плохой адаптации к неблагоприятным социально-экономическим условиям. Ограниченность доступа к институционализированным возможностям материального обеспечения и затрудненность социальной мобильности для значительной части населения также являются причинами выбора делинквентного поведения. Очень часто участие в группах с делинквентной направленностью является реакцией на равнодушное отношение общества к личности, к ее проблемам. Делинквентные группы – это мощный катализатор индивидуального поведения его членов. В зависимости от господствующих в группе норм усиливаются социально полезные или социально опасные ориентации и формы деятельности. Направленность групповой активности во многом зависит и от личных качеств неформального лидера, который имеет более твердый ха-

¹ Яницкий О.Н. Социология риска. М., 2003.

² Яницкий О.Н. Социология и рискология // Россия: риски и опасности «переходного» общества. М., 1998. С.11.

³ Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М., 2000.

рактар, сильную волю, богатый опыт, но чаще всего не обладает достаточно высокими нравственными и иными положительными качествами, это приводит к тому, что свойственные отдельным личностям отрицательные черты уродливо трансформируются в психологию группы. Все, что принято в группе, воспринимается как норма, не подвергающаяся сомнению. Так, исследования показывают, что чаще всего причиной делинквентных поступков подростков и молодых людей является их ориентация на «групповые» нормы, которые вступают в противоречие с общественными и являются источником социальных рисков. Показывая себя сторонником провозглашенных ценностей, подражая друг другу, подростки попадают в психологическую зависимость от группы.

Рассмотрим на конкретных примерах групповые правонарушения молодежи, являющиеся источником риска и угрозой общественной безопасности. Среди металлистов источником социальных рисков являются поклонники ансамблей «спид-метал», призывающих к насилию и жестокости. Сам их внешний вид несет в себе вызов обществу и агрессию: черная одежда с остро отточенными металлическими шипами, на груди перевернутый крест, надпись на майках «сатана» на английском языке. Они называют себя «сатанистами», исповедуют культ сатаны, проповедуют расизм и шовинизм, склонны к хулиганским поступкам. Очень часто сатанисты провоцируют столкновения различных молодежных групп и охотно в них участвуют. Среди реперов широко практикуется «кидалово» (изъятие каких-либо предметов одежды или дорогих вещей под угрозой физической расправы) более «идейно непросвещенных» реперов или просто людей, далеких от hip-hop культуры.

В настоящее время источником риска во многих городах являются так называемые праворадикальные группы, которые в основном проповедуют неонацизм. Увлекаясь атрибутами и ритуалами своей организации, подростки не настолько опасны, пока группу не возглавит взрослый человек или партия с подлинно реакционными взглядами – тогда такая группа становится социально опасной. Например, скинхедов многие праворадикальные и фашистские партии и организации считают своим резервом и «социальной базой». Молодежные группы леворадикального типа отличаются своей неприязнью к приверженцам западных культур и идеологии, что выливается в настоящую войну против них: освистывание приезжающих к нам западных артистов, уничтожение у мажоров импортных вещей, отрезают длинные волосы у «хиппи» и т.д. Часто такие действия сопровождаются избиением неформалов- «западников». Члены этих групп стригутся под полубокс, носят зачесанные назад волосы, обычно полностью бреют лицо, на груди носят значки с изображением видных советских партийных и государственных деятелей.

Источником социальных рисков являются и футбольные фанаты. Далеко не последнее место в их жизни занимают драки, которые являются тщательно спланированными акциями и имеют под собой серьезную социальную, национальную или историческую подоплеку. Авторитет того или иного фаната определяет смелость, бойцовские качества наряду с количеством выездов и временем участия в движении. Сейчас фан-клубы представляют собой закрытые группировки, у которых есть свои враги и друзья, например: Спартак (Москва): враги – ЦСКА, Динамо, Zenit и почти вся периферия; друзья – Торпедо, хотя скорее соблюдается нейтралитет; ЦСКА (Москва): враги – Спартак, Торпедо и провинция; друзья – Динамо, Zenit (скорее – нейтралитет); Динамо (Москва): враги: Спартак, Zenit, Торпедо; друзья: ЦСКА; Zenit (СПб): враги: Спартак, Динамо, Торпедо; друзья: ЦСКА (скорее – нейтралитет).

Но одним из важнейших рисков социетального характера¹, способных поставить под угрозу стабильность и безопасность всего общества, является принадлежность к группам, которые употребляют наркотики, так как молодые люди, пробуя и использующие наркотики, действительно представляют собой основную угрозу для общества. На сегодняшний день вполне доказано, что половина современной молодежи в течение своего подросткового возраста пробовала наркотики. В общем, при оценке наркологической ситуации в России выяв-

¹ Позднякова М.Е. Наркомания как социетальная проблема // Россия: риски и опасности «переходного» общества. М., 1998. С.21.

ляются следующие тенденции: вовлечение в наркопотребление лиц молодого возраста; стремительный рост числа злоупотребляющих ПАВ; стирание половых различий среди наркопотребителей за счет роста числа наркоманов женского пола; увеличение потребления наиболее тяжелых наркотиков (героина); расширение спектра потребляемых наркотиков; появление большого числа носителей вируса СПИДа среди наркоманов.

Делинквентные группы являются одним из наиболее значимых и тяжелых по своим социальным последствиям источником социальных рисков и прежде всего потому, что вовлеченность в них достаточно большого количества населения, которое полностью или частично «выпадает» из повседневной гражданской и политической практики, то есть становится неспособным в полной мере участвовать в процессах управления обществом как ответственные, самостоятельные в принятии и исполнении решений граждане, в результате чего существенно сокращается социальная база и возникают преграды для формирования гражданского общества.

Цветкова И.В. (ВолжГУ, Тольятти)

Молодые тольяттинцы о престиже города

Начиная с середины XX в., Тольятти был городом, который развивался на основе реализации трех проектов: ГЭС, химических заводов и АВТОВАЗа. В этот период в Ставрополь-Тольятти приезжала молодежь из различных регионов страны на строительство грандиозных предприятий. Во второй половине XX в. стереотип Тольятти как молодежного города сформировался под влиянием не только идеологических факторов, но и статистических показателей. В 1980-е гг. средний возраст тольяттинцев составлял немногим более 35 лет, при этом среди жителей преобладали мужчины. В городе осуществлялась подготовка преимущественно специалистов технического профиля, гуманитарной интеллигенции было мало. За последние десятилетия произошли разительные перемены: старение населения, изменение идеологии и структуры ценностей. Однако стереотип *Тольятти как молодежного города* продолжает существовать.

В исследовании, проведенном 10 лет назад сотрудниками «Ресурсного центра» департамента образования Тольятти, большинство опрошенных (85-87%) выразило согласие с тем, что «Тольятти – город для молодых». В исследовании, проведенном весной 2009 г., была проверена гипотеза относительно содержательного аспекта данного стереотипа. Насколько условия города Тольятти соответствуют потребностям современной молодежи? Является ли Тольятти молодежным городом XXI в.? Основой послужили материалы анкетирования старшеклассников г. Тольятти, проведенного сотрудниками отдела мониторинга «Ресурсного центра» Департамента образования весной 2009 г., в котором приняли участие 818 учащихся выпускных классов из 21 школы. Данное распределение позволяет корректно распространить данные на совокупность всех десятиклассников города в пределах ошибки репрезентативности $\pm 5\%$ для уровня значимости 0,05.

Анализ представлений молодежи о престижности города дает информацию о критериях оценки городской среды. Социологическая трактовка престижа включает интегративные показатели статусных характеристик. Таким образом, престиж свидетельствует об относительном ранге в статусной иерархии. Однако престиж, по нашему мнению, является также динамической характеристикой прогрессивных социальных изменений. В этом аспекте он связан с оценкой социальных тенденций, которые выражают ценности, идеалы, предпочтения социальных субъектов. Престиж в современных условиях соотносится с системой символов, которые характеризуют уровень и качество жизни. Таким образом, престижность городской среды может быть рассмотрена не только исходя из объективных характеристик условий жизни, но также с позиций направленности и динамики социальных изменений, которые происходят в обществе. Уровень жизни горожан, развитая производственная сфера, чистота, благоустройство занимают первые три места в рейтинге представлений о престижности. Эти критерии отмечены в интервале от 62 до 41% анкет. Примерно треть опрошенных в качестве критериев престижности называет удобную транспортную связь с другими городами и странами, благоприятные возможности развития бизнеса. Данные варианты ответа занимают чет-

вертое и пятое место в рейтинге. Шестое, седьмое, восьмое места рейтинга занимают быстрые темпы развития города, известные учебные заведения (вузы), благоприятная экология, сохранный природный ландшафт (31% опрошенных). 30% подростков выделили высокий уровень культуры горожан. Данный показатель занимает девятое место в рейтинге. Приблизительно четверть опрошенных считает признаками престижа города: высокий статус (столичный, областной); известных деятелей культуры, науки, искусства, спорта, которые живут в городе; многовековые традиции; развитую сферу науки, искусства, культуры. Эти варианты занимают с десятого по тринадцатое места в рейтинге. На предпоследнем и последнем местах в рейтинге находятся известные архитектурные сооружения, памятники, численность жителей, отмеченные, соответственно, 18 и 15% респондентов.

Мнения молодых тольяттинцев относительно престижности города отображают сочетание старых и новых стереотипов. Первые места в рейтинге занимают критерии высокого уровня жизни, развитой промышленной сферы, а также чистоты и благоустройства. Эти результаты частично отображают реалии города Тольятти – высокий уровень развития промышленной сферы. Стереотип «высокий уровень жизни» также частично воплощен в Тольятти, если сравнивать его социально-экономическое положение с другими российскими провинциальными городами. Чистота и благоустройство выступают критерием престижности, необходимость которого население осознает вполне отчетливо, однако для того, чтобы на него равняться, как всегда, недостаточно средств в городском бюджете.

В середине рейтинга находятся варианты ответов, обеспечивающие динамику развития города: высокие темпы развития, потенциал сферы образования, обеспечение благоприятной экологической ситуации. Интересно, что критерии престижности города, отображающие состояние его культурной сферы, находятся во второй половине рейтинга. Вероятно, это следствие влияния технократических идей, которые воплотились в Тольятти и продолжают оказывать влияние на мышление подрастающего поколения.

Мнения о престижности распределились следующим образом: 40% подростков считают, что жить в Тольятти престижно; 27% респондентов дают отрицательный ответ; треть опрошенных затрудняются с ответом. Подростки, имеющие высокие показатели успеваемости, реже, чем другие, считают Тольятти престижным городом. В 2009 г. намерение покинуть Тольятти для продолжения образования высказали 29% подростков. Вероятно, больше половины из их числа реализуют свои миграционные планы. Юноши чаще, чем девушки, считают Тольятти престижным местом проживания. Это объясняется тем, что юношам легче найти работу в сфере строительства, промышленности или транспорта.

Представим данные о мнениях двух групп подростков: представители первой группы считают город Тольятти престижным, второй – придерживаются противоположного мнения. Молодежь, которая считает Тольятти престижным городом, чаще, чем представители второй группы, выбирает варианты ответа, подчеркивающие важность развития промышленности и количественного состава населения. Подростки, утверждающие, что Тольятти не является престижным городом, чаще среди характеристик урбанистической престижности выделяют: высокий уровень жизни, благоприятные возможности развития бизнеса, благоустройство, развитие сфер науки, искусства, культуры. Для них также важны: благоприятные экологические условия, высокий статус города, исторические традиции, высокий уровень культуры горожан. Представители этой группы выделяют критерии, которые значимы при оценке современного города, но на сегодняшний день не нашли воплощения в Тольятти. Представители обеих групп отмечают такие аспекты городской жизни, как: удобная транспортная связь с другими городами и странами, известные деятели культуры, науки, искусства, спорта, которые живут в городе, быстрые темпы развития, известные учебные заведения (вузы), архитектурные сооружения. Мнение подростков, которые не считают Тольятти престижным местом проживания, связано с современными представлениями о качестве жизни населения.

Таблица 127

Различия во мнениях респондентов об урбанистических критериях в зависимости от оценки престижа Тольятти (в % от числа опрошенных)

Престижный город характеризуется...	Считают престижным	Не считают престижным
высоким уровнем жизни горожан	55	71
удобной транспортной связью с другими городами	37	38
чистотой, благоустройством	34	51
большим количеством известных учебных заведений (вузов)	30	31
Благоприятной экологией, сохраненным природным ландшафтом	26	38
известными деятелями культуры, науки, искусства, спорта, которые в нем живут	25	25
высоким уровнем культуры горожан	23	40
многовековой историей, традициями	22	29
быстрыми темпами развития	22	29
развитием сфер науки, искусства, культуры	17	26
благоприятными возможностями развития бизнеса	9	41
известными архитектурными сооружениями, памятниками	8	22
высоким статусом (столичный, областной)	5	32
большим количеством жителей	3	10
развитой производственной сферой, известными предприятиями	2	45

Мнения молодежи о внешнем облике города изучались при помощи суждений, по отношению к которым подросткам предлагалось выразить согласие или несогласие.

Таблица 128

Суждения о внешнем облике города в зависимости от оценки престижа Тольятти (индексы относительных показателей по позициям «согласен» и «не согласен»)

Суждения о внешнем облике города	Считают престижным	Не считают престижным
1. Много зеленых насаждений, газонов, клумб	1,22	0,41
2. Ухоженный лесной массив в черте города	0,74	0,24
3. Ухоженные, благоустроенные дворы	0,58	0,20
4. Разнообразная архитектура, придающая индивидуальный облик городу	0,69	0,15
5. Чистые улицы	0,30	0,09
6. Качественное асфальтовое покрытие тротуаров, дорог	0,40	0,19
7. Хорошо оборудованы места отдыха (парки, скверы, пляжи)	1,04	0,27
8. Удобная планировка города, улиц, магистралей	4	1,38
9. Красивая, оригинальная и современная световая реклама	2,06	0,59
10. Красивые, оригинальные памятники	2,03	0,59
11. Нет суеты, тесноты, ощущения многолюдности	2	1,7
12. Хорошее освещение улиц, дворов	1,1	0,38
13. Красивое оформление культурных учреждений, общественных и административных зданий	2,45	0,54

Оценка престижности Тольятти зависит от профессиональных планов молодежи. Половина подростков, выбравших профессии в сфере строительства, промышленности и правоохранительных органов, считает Тольятти престижным городом. Среди молодежи, предпочи-

тающей сферы образования, обслуживания и юриспруденции, распределение мнений о престижности Тольятти близко к средним показателям по массиву. Старшеклассники, ориентированные на получение образования в сферах бизнеса, экономики, транспорта, связи, немного чаще, чем в среднем по массиву, высказывают отрицательные мнения о престиже родного города. Подростки, выбравшие профессии в сферах искусства и СМИ, на 7-8% чаще, чем в среднем по массиву, не согласны с утверждением о престиже Тольятти.

На основе соотношения данных показателей был разработан индекс, свидетельствующий об уровне удовлетворенности внешним видом города. О высоком уровне удовлетворенности свидетельствуют показатели, превышающие 1, о низком от 0 до 1.

В исследовании предполагалось выяснить, насколько условия г. Тольятти удовлетворяют различные потребности молодежи. Девять аспектов городской жизни предлагалось оценить по пятибалльной шкале («5» – высшая оценка, «1» – низшая, «0» – затрудняюсь ответить). Результаты рассчитаны на базе показателей, исключающих варианты ответов «затрудняюсь ответить». В массиве по всем параметрам они не превышали 10 %. Выше всего подростки оценивают возможность удовлетворения потребностей в развлечениях. Три четверти респондентов дают этому параметру городской среды оценки «хорошо» или «отлично». Средний балл доступности и качества развлечений – 4. Более двух третей считают благоприятными условия Тольятти для создания семьи. Средний балл по этому показателю – 4.

Больше половины опрошенных дают высокие оценки удовлетворению культурных потребностей. Средняя оценка учреждений культуры Тольятти 3,6. Мнения подростков о культурной сфере города отражают сравнительно невысокий уровень их запросов. Современная молодежь, в первую очередь, выражает заинтересованность в развитии массовой культуры, связанной со зрелищностью и развлечениями. Развитие театрального или художественного искусства интересует сравнительно небольшую группу респондентов. Подобная ситуация типична не только для Тольятти, но и для других городов. Однако специфика Тольятти выражается в том, что сфера традиционных учреждений культуры здесь развита слабо в силу того, что город стремительно развивался как промышленный центр.

Половина респондентов оценивает позитивно возможности получения собственного жилья в Тольятти. Четверть – дает им среднюю оценку, а другая четверть – низкую. Средний балл – 3,5. Данный параметр оценки городских условий получает более высокие оценки у подростков, выбравших профессии в сферах обслуживания, образования, связи. Молодежь, ориентированная на получение профессий в сфере транспорта, чаще дает низкие оценки перспективам получения жилья в Тольятти. Две пятых респондентов считают благоприятными перспективы карьерного роста в Тольятти. Треть считает их удовлетворительными, а четверть – неудовлетворительными. Средний балл по оценке данных параметров городской среды – 3,2. Примерно половина респондентов, выбравших профессии в сфере строительства, обслуживания, правоохранительных органов, надеется на благоприятные условия для карьерного роста. Подростки, выбравшие профессии в сфере СМИ, искусства, транспорта, чаще, чем другие, дают низкие оценки данному критерию оценки города Тольятти. Распределения по оценке доступности и качества медицинского обслуживания и социальной защиты, а также возможности найти достойную работу представлены аналогично. Однако средний балл по этим параметрам ниже – 3,1.

Мнения об оценке сферы социальной защиты и медицинского обслуживания Тольятти также зависят от профессиональных предпочтений молодежи. Подростки, стремящиеся получить профессии в сферах строительства, обслуживания, бизнеса, юриспруденции, выше оценивают уровень развития сферы медицинского обслуживания и социальной защиты, чем другие. Вероятно, это связано с тем, что выбранные подростками профессии дают возможность получать заработную плату, позволяющую оплатить качественное медицинское обслуживание. Молодежь, предпочитающая профессии в сферах искусства и СМИ, чаще дает низкие оценки данным параметрам. Замыкает рейтинг оценка подростками обеспечения личной безопасности граждан и их имущества. Мнения по удовлетворенности этим аспектом го-

родской жизни разделились на три равные группы. Треть дает ему высокую оценку, треть – среднюю и треть – низкую. Средний балл составляет 3.

Таким образом, более высокие оценки условиям жизни в Тольятти дает молодёжь, которая выбрала профессии в сферах строительства, обслуживания, правоохранительных органов. Подростки, ориентированные на получение профессий в сферах транспорта, искусства, СМИ, оценивают условия городской жизни гораздо ниже. Мнения подростков о городской среде различаются в зависимости от их миграционных планов. Старшеклассники, которые планируют в дальнейшем жить и работать в Тольятти, в два раза чаще, чем респонденты, связывающие свои образовательные планы с другими городами, дают высокие оценки возможности получения хорошего образования в Тольятти, достойной работы, дальнейшего карьерного роста. Среди молодежи, укорененной в Тольятти, примерно на 10-20% больше тех, кто высоко оценивает возможности удовлетворения своих культурных потребностей, потребностей в развлечениях и возможности создания семьи.

Для изучения связей между оценками городской среды был проведен анализ коэффициентов корреляции Пирсона.

Таблица 129

Корреляция показателей удовлетворенности молодёжи Тольятти условиями городской среды (коэффициент Пирсона)

Возможность найти достойную работу	Перспективы карьерного роста	0,655
	Получение образования желаемого уровня и качества	0,535
	Перспективы собственного жилья	0,333
Удовлетворение потребностей в развлечениях и отдыхе (клубы, дискотеки, шопинг)	Удовлетворенность культурных потребностей (посещение музеев, театров, выставок...)	0,557
	Перспективы создания семьи	0,334
Обеспечение личной безопасности граждан и их имущества	Медицинское обслуживание и социальная защита	0,532

В результате выявлены следующие показатели наиболее сильных статистических связей. При оценке условий городской среды центральное место занимают условия трудоустройства. С ними связана оценка качества образования (0,655), карьерного роста (0,535) и приобретения собственного жилья (0,333). Удовлетворение потребностей в развлечениях и отдыхе у молодежи связано с культурой (0,557) и возможностью создания семьи (0,334). Культурная сфера города ассоциируется с развлечениями, общением со сверстниками, следовательно, с решением проблемы поиска брачного партнера. Примерно 29% юношей и девушек выражают намерение покинуть город для продолжения образования. Интересно, что мнения патриотов родного города и потенциальных мигрантов практически не различаются при выделении критериев урбанистической престижности. Представители обеих групп чаще всего выделяют уровень жизни горожан, развитую производственную сферу, чистоту, благоустройство. Примерно в два раза реже представители подрастающего поколения отмечают критерии городской среды, связанные с развитием духовной культуры. Основные различия между группами проявляются при оценке престижности родного города. Среди потенциальных мигрантов на 20 % меньше, чем среди «патриотов», считающих Тольятти престижным. Следовательно, мнения молодежи разделяются на основании представлений об уровне реализации критериев престижности в условиях конкретной городской среды. Молодежь, которая остается в Тольятти, считает, что данные показатели получили воплощение в родном городе, а потенциальные мигранты, вероятно, придерживаются противоположного мнения и поэтому стремятся в другие регионы. Таким образом, на сегодняшний день условия жизни в Тольятти соответствуют потребностям примерно половины молодежи, вступающей во взрослую жизнь, материальные и духовные запросы которой сравнительно невысоки.

Многообразие феномена патриотизма молодых мурманчан

В последнее время вместе с укреплением российской государственности стал активнее проявляться патриотизм россиян. Так, в исследовании ВЦИОМ, которое проводилось в ноябре 2006 г., 83 % респондентов причислили себя к патриотам России, причем практически одинаково во всех слоях общества. В рейтинге жизненных приоритетов патриотизм занял четвертое место – выше были только семья, дети и дом. В исследовании были выявлены некоторые особенности современного патриотизма: россияне не видят ничего предосудительного в таких ситуациях, как работа в иностранной фирме (нормальным или допустимым ее назвали 63 % респондентов), переезд в другую страну (62 %), брак с иностранцем (52 %), уклонение от службы в армии (допускают 40 % опрошенных с теми или иными оговорками) и др.¹ Можно сказать, патриотизм россиян в современных социально-культурных условиях приобретает какие-то новые черты. Не быть патриотом, согласно результатам исследования ВЦИОМ, в наше время оказывается непрестижным и немодным.

Сам факт возрастания патриотических настроений граждан нашей страны не является неожиданным. Исследователи феномена патриотизма отмечают, что без него невозможно построить новое сильное государство, привить людям понимание их гражданского долга и уважения к закону, выработать сколько-нибудь плодотворную и самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. Без уважения к собственной истории, к делам и традициям старших поколений невозможно вырастить морально здоровую молодежь². Российским правительством разработана и принята новая федеральная целевая программа «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2006-2010 годы». Сегодня она реализуется. В связи с этим интерес представляет исследование особенностей проявления патриотизма различными группами населения страны.

На изучение специфики патриотизма молодежи Мурманской области был направлен один из блоков исследования, которое проводила социологическая лаборатория Мурманского государственного педагогического университета совместно с Управлением по делам молодежи Мурманской области в декабре 2007 г. Выборочная совокупность составила 775 человек с соблюдением квот по полу, возрасту (для трех возрастных групп: 15-19, 20-24 и 25-29 лет) и месту жительства (Мурманск и область). Была реализована доступная модель выборки, опрашивалась молодежь всех основных социальных групп: учащаяся, работающая, служащая в армии и безработная.

Изучение феномена патриотизма сталкивается с трудностями из-за неоднозначности трактовки термина, многовариантности его использования. Это обусловлено сложной природой патриотизма, многообразием форм его проявления, зависимостью его конкретного содержания от исторических, социально-политических и экономических условий. Различается толкование патриотизма изучающими его исследователями: в зависимости от гражданской позиции, мировоззрения, исторических и социально-экономических условий и т.д. Пожалуй, нет разночтений только в его главной черте: любви к своему отечеству, родине. Социологический словарь добавляет к этому любовь к своей стране, народу, привязанность к месту своего рождения, месту жительства³.

Философы серебряного века в определении патриотизма делали акцент на его духовной природе, связывая его прежде всего с духовным развитием человека, его гражданственностью, привязанностью к месту жительства, культурной среде (В.С. Соловьев⁴, И.А. Ильин⁵). Истинный патриот, согласно И.А. Ильину, выступает как человек, любящий свое отечество,

¹ Федоров В. Российский патриотизм – истинный и мнимый // Российская газета. 2006 г. 22 декабря.

² Баранов П.А. Патриотизм в системе общероссийских ценностей // Человек и его потребности к социально-политической и социально-психологической сферах. Материалы межвузовской научной конференции 10 декабря 2002 г. СПб., 2003. С. 50.

³ Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль. 2003. С. 164.

⁴ Философский словарь Владимира Соловьева. Ростов н/Д, 1997. С. 34.

⁵ Ильин ИЛ. Общее учение о праве и государстве. О сущности правосознания / Собрание сочинений в 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 242-243.

осознавший свои обязанности перед ним из чувства долга, чести, признательности и имеющий высокий уровень духовного развития, проявляющийся в его нравственной, политической и правовой культуре. Современные авторы пытаются в той или иной степени учесть имеющиеся подходы к изучению патриотизма. Так, по мнению В.И. Лутовинова, патриотизм выступает как некое духовно-нравственное образование личности, среди основных черт которого можно выделить комплекс позитивных чувств (любви, привязанности) к Отечеству, месту жительства, соотечественникам, интерес к культуре, истории страны и активностно-деятельностную гражданскую позицию¹.

Выявление патриотизма проводилось двумя способами. В открытом вопросе у респондентов спрашивалось, *считают ли они себя патриотами*, и выражалась просьба обосновать свою позицию. Второй способ заключался в *оценке опрашиваемыми различных проявлений патриотизма по 7-балльной шкале*.

Таблица 130

**Оценка молодежью проявления патриотических качеств по 7-балльной шкале
(от 1 – «практически нет» до 7 – «ярко проявлено»)**

Аспекты проявления патриотизма (патриотические чувства, черты)	Позиционирование патриотизма			Средняя
	Патриот	«Непатриот»	Затрудняюсь ответить	
Желание процветания своей стране и своему народу	6,3	5,5	6,1	6
Чувство радости и гордости за достижения страны на международной арене	6,2	4,8	5,6	5,8
Любовь и уважение к своему языку, культуре	6,1	5	5,7	5,7
Сопереживание в трагических ситуациях соотечественникам	5,9	5	5,7	5,6
Чувство привязанности к «малой Родине»	5,5	4,2	4,8	5,1
Стремление жить и работать в своей стране	5,5	3,9	4,2	5
Желание, чтобы дети жили и работали в своей стране	5,4	3,7	4,1	4,9
Чувство любви и преданности к Отечеству	5,4	3,3	4,6	4,8
Знание происходящих в стране событий и интерес к ним	5,1	4,2	4,6	4,8
Чувство солидарности и благожелательности к соотечественникам	4,9	3,9	4,5	4,6
Знание истории страны, края, народа и интерес к ней	4,9	4,1	4,2	4,6
Знание и почитание государственной символики	4,8	3,4	4,3	4,4
Поддержка отечественного производителя	4,7	3,5	4,4	4,4
Осознание необходимости несения воинской службы	4,6	3,3	4	4,3
Средний балл	5,4	4,1	4,8	5

В большей степени у молодых людей выражены проявления патриотизма, связанные с наличием определенных позитивных чувств к стране, соотечественникам («желание процветания своей стране и своему народу», «чувство радости и гордости за достижения страны на международной арене», «любовь и уважение к своему языку, культуре»). У позиционирующих себя «патриотами» эта оценка составила от 6,1 баллов до 6,3 по 7-балльной шкале, у

¹ Лутовинов В.И. Российский патриотизм: история и современность // Евразийский вестник. 2006. №17. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusidea.ru/?part=76&id=674>.

«непатриотов» – от 4,8 до 5,5. В меньшей степени проявились черты патриотизма, связанные с обязательствами по отношению к стране («осознание необходимости несения воинской службы» и «поддержка отечественного производителя» – у «патриотов» соответственно 4,6 и 4,7 балла, у «непатриотов» – 3,3 и 3,5 балла), а также «знание и почитание государственной символики» (4,8 и 3,3 балла).

Приверженцев патриотизма оказалось достаточно много, хотя и несколько меньше, чем по данным ВЦИОМ: 70 % молодых мурманчан *называют себя патриотами*. 24 % указывают на отсутствие патриотических чувств и 6 % затруднились ответить на этот вопрос. Был определен уровень проявления патриотических чувств и черт у групп молодежи, по-разному позиционирующих свой патриотизм:

Разница в оценках степени проявления патриотизма у групп молодежи, позиционирующих себя «патриотами» и «непатриотами», оказалась не столь существенной, как можно было бы предполагать, и по отдельным направлениям составляет от 0,8 до 2,1 балла. В то же время эта разница, несмотря на не очень убедительное значение, является статистически значимой по «критерию Стьюдента». Самая большая разница между «патриотами» и «непатриотами» была выявлена в «чувстве любви и преданности к Отечеству», т.е. именно в той характеристике патриотизма, которая является основной во всех его определениях (2,1 балла); наименьшая – в «желании процветания своей стране и своему народу» и «знании истории страны, края, народа и интерес к ней» (по 0,8 балла).

Для выявления латентных переменных с целью обобщения проявлений патриотизма был использован *факторный анализ*, результаты которого оказались весьма интересными. В факторную модель были дополнительно включены вопросы, направленные на выяснение позиции респондентов в отношении патриотизма: его определение, мнение о его месте в современном мире и представление о необходимости его государственного воспитания. Факторный анализ выполнялся с помощью программы SPSS методом главных компонент. В полученной модели было выделено *четыре фактора*, у которых числа корреляционной матрицы превышают значение 1. Эти факторы в совокупности объясняют 63 % дисперсии всех переменных, что свидетельствует о достаточно хорошей объяснительной способности модели.

В *первый фактор* были включены переменные, выражающие чувственное, эмоциональное отношение к своей стране, народу, соотечественникам, культуре. Во *второй* – выражающие стремление поддержать ее своей деятельностью: жить и работать в стране, служить в армии, поддерживать отечественного производителя. В *третий* вошли переменные, связанные со знанием государственной символики, истории и культуры страны, края, происходящих в них событий и интересом к ним. А вновь введенные переменные (включая «определение у себя чувства патриотизма») образовали *четвертый фактор*. Таким образом, в проявлениях патриотизма четко выделились четыре составляющих, которые можно обозначить как *эмоционально-чувственная, деятельностьная, когнитивная и гражданская* позиции. Эти составляющие в достаточно явном виде можно найти в приведенных выше определениях. Что интересно, переменная «любовь и уважение к своему языку, культуре», вошедшая в два фактора (1 и 3) с коэффициентом корреляции более 0,5, действительно несет в себе черты их обоих. С одной стороны, она отражает чувство, с другой – объектом этого чувства выступают язык и культура, которые предполагают их знание.

Выделенные в факторном анализе *четыре компоненты патриотизма*, по-видимому, действительно являются важными и даже определяющими в определении этого феномена, поскольку все они получили подтверждение своего действительного существования в обоснованиях респондентами наличия у себя патриотических чувств в открытом вопросе. Ответы молодых людей при обобщении уложились в выявленные четыре категории, при этом четвертая составляющая (гражданская позиция) дополнилась новым содержанием, вполне соответствующим ее общему смысловому контексту.

К *эмоционально-чувственной* составляющей проявлений патриотизма были отнесены такие ответы, как «люблю свою страну как бы то ни было», «есть чувство гордости за то, что живу именно в России...», «всегда очень болею и переживаю за представителей России в

спортивных соревнованиях» и т.д. Т.е. при объяснении причины определения себя патриотом респондент указывает на те или иные чувства, которые он проявляет по отношению к своей Родине. Подобных обоснований было больше всего – 55 %.

К *деятельностной* составляющей относились ответы, в которых молодежь аргументировала свой патриотизм службой в вооруженных силах, выражала готовность воевать за страну, а также говорила о способствовании развитию страны: «работаю на свою страну», «готов защищать свою страну и т.д.». Подобным образом отвечали 12 % респондентов.

К *когнитивной* составляющей были отнесены ответы, в которых указывалось на важность для респондентов событий, происходящих в стране, знаний о стране: «интересуюсь политикой и жизнью страны», «постоянно слежу за событиями, которые происходят в нашей стране» и др. – таких ответов было 18 %.

И как выражение *гражданской* позиции понимались такие ответы, как «живу, работаю в этой стране», «я россиянин», «это моя Родина, здесь мои корни», «потому что каждый житель страны должен быть патриотом» и т.н. Здесь респонденты как бы заявляли: я гражданин своей страны и поэтому я патриот, т.е. патриотизм оказывался естественным продолжением их гражданской позиции. И по количеству ответов эта составляющая патриотизма заняла 2 место – 30% из числа назвавших себя патриотами. Некоторые опрашиваемые указывали на наличие у себя проявлений патриотизма, относящихся к двум различным категориям (их было 15% от числа ответивших), но большинство называли проявления только одного вида. Для оценки относительного уровня проявления у молодежи выделенных составляющих патриотизма были построены индексы по группам переменных, объединенных факторным анализом в четыре фактора. При этом переменная «любовь и уважение к своему языку, культуре» была исключена из обработки, так как она не имеет достаточно высокой однозначности в принадлежности к определенному фактору. Переменные, составляющие фактор «гражданская позиция», были перекодированы в 7-балльную шкалу для приведения в соответствие с остальными. Оценки уровня проявления составляющих патриотизма у респондентов, считающих себя «патриотами» и «непатриотами», таковы:

Таблица 131

Средняя оценка уровня проявления составляющих патриотизма у респондентов, позиционирующих себя «патриотами» и «непатриотами» (по 7-балльной шкале)

Составляющие патриотизма	Позиционирование патриотизма	
	«патриот»	«непатриот»
Чувственно-эмоциональная	5,7	4,4
Деятельная	5	3,6
Когнитивная	4,9	3,9
Гражданская позиция	6,4	2,8

Различия средних баллов у «патриотов» и «непатриотов» по всем составляющим патриотизма статистически значимы (при проверке по «критерию Стьюдента»), но все же говорить об их существенном различии, наверное, нельзя (как и в случае сравнения по отдельным проявлениям патриотизма). Значительное различие между теми, кто позиционирует себя «патриотами» и «непатриотами», наблюдается только в их гражданской позиции, что естественно. При анализе приведенных выше данных следует учитывать, что в первых трех составляющих патриотизма их проявление меняется постепенно от 1 – практическое отсутствие до 7 – ярко выражено. Гражданская позиция имеет среднее значение 4 – *отсутствие выраженной позиции*. Соответственно, выше 4 – респондент в большей степени поддерживает развитие патриотизма в обществе и сам стремится быть патриотом; ниже 4 – считает, что патриотизм изжил себя. Относительная близость средних баллов «патриотов» и «непатриотов» у первых трех составляющих говорит о том, что среди тех, кто не относит себя к патриотам, есть такие, у которых проявления патриотизма по каким-то из его составляющих обнаружены достаточно ярко, и наоборот, не у всех патриотов одинаково сильно выражены все составляющие патриотизма. Подтверждение этому предположению можно найти, если обра-

тяться к обоснованиям молодых людей своей непатриотической позиции. Из тех, *кто не считает себя патриотом*, большая половина респондентов (52%) основной причиной этого считает отсутствие поддержки государства и условий для благополучной жизни в России: «страна должна заботиться о своих гражданах», «не ощущаю никакой помощи от страны», «нет условия для жизни, если бы смог, то уехал бы». 13% респондентов, объясняя свою позицию, отмечали: «мне не нравится моя страна», «я разочаровался в России», «в России нельзя быть патриотом», «нечем гордиться», т.е. выражали негативную оценку страны в целом. Но наряду с такими, достаточно резкими оценками страны были обоснования непатриотической позиции и иного рода. Например, 13% респондентов считали, что не могут назвать себя патриотами, т.к. это звание «нужно заслужить», «я ничего для этого не сделал». 8% молодежи не относят себя к патриотам страны, но при этом сами отмечают у себя проявление патриотических чувств, например, «непатриот, но в сложной ситуации готов постоять за страну», «непатриот, но болею во время спортивных соревнований» и даже «непатриот, но люблю свою страну». И только 12% молодежи высказали принципиальную позицию против патриотизма: «необходимо одинаково любить все страны», «патриотизм способствует развитию национализма в стране», «патриотизм – это религия бешеных» и т.п. Во многих ответах респондентов чувствовалась боль, переживания по поводу существующих в стране негативных явлений. Возникает впечатление, что такая молодежь рада была бы назвать себя патриотами, если бы в стране произошли позитивные изменения, и условия их жизни хоть немного бы улучшились. И тогда закономерно встает вопрос: кого в большей степени можно считать патриотами: тех, кто так себя позиционирует, но при этом не испытывает к стране никаких особых чувств? Или тех, кто не считает себя патриотом, но остро переживает трудности, существующие в стране, готов поддержать ее в трудную минуту, испытывает определенные обязательства по отношению к ней? Чтобы выделить группы патриотически и непатриотически настроенной молодежи по комплексу выделенных четырех составляющих патриотизма, был выполнен *кластерный анализ методом К-Means*. В него были включены четыре фактора, полученные с помощью факторного анализа. Выборка была разделена на семь групп по особенностям проявления респондентами патриотических чувств:

Таблица 132

Проявления патриотизма у разных групп молодежи (по 7-балльной шкале)

Группы с разными проявлениями патриотизма	Составляющие патриотизма (индексы, баллы)				Средний балл	Доля группы
	Чувственно-эмоциональная	Деятельностная	Когнитивная	Гражд. позиция		
1 «Патриоты»	6,2	6	5,8	6,8	6,2	34,2
2	5,8	3,8	4,2	6,7	5,1	16,9
3	4,1	4,7	3,8	6,4	4,7	9,4
4	4,6	5,2	5	3,2	4,5	9,6
5	5,6	4,6	3,5	4	4,4	13,9
6	4,9	2,4	5	4,2	4,1	8,2
7 «Непатриоты»	2,9	2,2	2,8	2,6	2,6	7,7

Значения F-статистики по всем четырем переменным (факторам) показывают, что их распределение по кластерам выполнено с высоким уровнем значимости ($\alpha < 0,001$).

Группы молодежи в таблице расставлены в порядке убывания уровня проявления патриотизма (по столбцу «средний балл»). Шрифтом выделены относительно высокие значения проявлений патриотизма. Средние баллы в крайних группах (у «патриотов» и «непатриотов») различаются существенно. В первой группе проявления всех составляющих имеют высокий уровень, а в седьмой – низкий; в остальных – как относительно повышенного уровня, так и относительно пониженного. Например, респонденты группы 3 позиционируют себя в значительной степени «патриотами» – 6,4 балла (напомним, что для составляющей «гражданская позиция» балл 4 обозначает нейтральную позицию), а остальные составляющие патриотизма выражены у них в среднем (чуть больше развита деятельностная – 4,7 балла). Группа «патриотов» самая многочисленная (34%) и, если исходить из приведенных выше опреде-

лений патриотизма, наверное, только входящая в нее молодежь может претендовать на этот статус. Самая малочисленная группа «непатриотов» составляет всего 46 человек (7,7 % от числа ответивших на открытый вопрос). Численность групп «патриотов» и «непатриотов» значительно уменьшилась по сравнению с аналогичными группами, определяемым просто по *самоопределению респондентов*. Рассмотрим, как позиционировали свой патриотизм представители выделенных в кластерном анализе групп

Таблица 133

**Позиционирование респондентами патриотизма (непатриотизма)
(по результатам кластерного анализа)**

	Позиционирование патриотизма		
	Патриот	«Непатриот»	Затрудняюсь ответить
1 «Патриоты»	94	3	3
2	94	2	4
3	89	7	4
4	21	70	9
5	54	37	8
6	41	43	16
7 «Непатриоты»	13	76	11

Заметно, что «патриотами» считает себя абсолютное большинство первых трех групп (более 89 %), а «непатриотами» – респонденты, попавшие в 4-ю и 7-ю группы (более 70 %). Если соотнести эти данные с другими данными, то можно увидеть, что отмеченные особенности позиционирования патриотизма связаны прежде всего с уровнем проявления *гражданской позиции* по отношению к нему. В первых трех группах эта позиция имеет ярко выраженный характер, поддерживающий патриотизм, а в 4-й и 7-й группах сдвинута в сторону его отрицания. Для 5-й и 6-й групп в среднем характерна нейтральная гражданская позиция, и они занимают промежуточное место по числу наличия в них патриотов. Можно также отметить, что влияние гражданской позиции на уровень патриотизма является существенным, но не определяющим. Так, относительно большее число патриотов в 5-й группе в сравнении с 6-й (45 против 20) обусловлено тем, что в ней выше среднего уровня проявлена чувственно-эмоциональная составляющая патриотизма (5,6 балла), а в 6-й группе наблюдается снижение уровня деятельностной составляющей (2,4 балла). И особенно интересным является тот факт, что в группе 1-й («патриотов») 3 % респондентов позиционируют себя «непатриотами», а в группе 7-й («непатриотов») 13 % респондентов – «патриотами». По-видимому, в первом случае мы встречаемся с ситуацией протестного «непатриотизма», когда человек считает, что нельзя быть патриотом в нашей стране, так как находит в ней много негативных явлений, но в тоже время искренне переживает за нее (о подобных ответах выше упоминалось) и в целом является сторонником патриотизма. Во втором случае, возможно, позиционирование респондентом себя патриотом обусловлено его конформизмом и следованием за пропагандой патриотизма в СМИ, но при этом он никаких особых чувств по отношению к стране не испытывает. По-видимому, подобных «патриотов» и «непатриотов» можно в достаточном количестве найти и в промежуточных группах. Данный факт еще раз указывает на то, как сложно выявлять действительный патриотизм населения и как опасно ориентироваться только на самоопределение респондентами себя патриотами.

Разноликость выделенных в кластерном анализе групп, по нашему мнению, отражает реальное состояние современного патриотизма. Сложность этого феномена, многозначность его проявления ведут к тому, что даже у специалистов нет его однозначного понимания. Тем более нельзя этого ожидать от массового сознания. Респонденты позиционируют себя «патриотом» или «непатриотом» вне зависимости от того, какие проявления патриотизма для них характерны, они отталкиваются от имеющихся у них общих представлений о патриотизме, от социально одобряемых ориентиров, и поэтому картина получается очень размытой. С другой стороны, наверное, нельзя определять патриотизм, отталкиваясь только от его проявлений (без самоопределения респондентов), ибо патриотизм – это все же сознатель-

ный выбор человека, его гражданская позиция. Эта позиция в полной мере открывает и проявляет себя, когда стране грозит опасность. Тогда могут иметь место явления массового патриотизма, а в спокойное время патриотический настрой, по-видимому, представляет собой некий континуум от явного выражения патриотизма до его практического отсутствия, что и показывают результаты исследования.

При всей *полученной размытости картины* патриотизма, наверное, можно считать, что в крайние группы («патриотов» и «непатриотов») попала молодежь с достаточно четко выраженной позицией в отношении патриотизма, и поэтому сравнение их может показать какие-то отличительные черты современного патриота. Возьмем в качестве оснований для сравнения *интерес молодежи к политической жизни страны и ее отношение к правопорядку*. По данным исследования, *патриотически настроенная молодежь* проявляет значительно больший интерес к политической жизни страны: почти 40 % обычно следят за политическими событиями, причем 15 % делают это регулярно, и только 3 % политикой не интересуются совсем. С другой стороны, из «непатриотов» всего 9 % проявляют интерес к политике, 63 % – скорее не интересуются, а 28 % – «не интересуются совсем». Зависимость степени интереса к политике от патриотизма статистически подтверждена по критерию χ^2 с достоверностью более 99 %. Патриоты в большей степени интересуются также деятельностью политических партий (регулярно или эпизодически 81% против 54 % у «непатриотов»); совсем не интересуются только 19 % против 45 %. В большей степени ориентированы «патриоты» и на участие в выборах. Регулярно участвовать настроены 65 % против 26 % у «непатриотов», а не настроены участвовать 8 % против 41 %.

В целом, отношение молодежи к политике свидетельствует о более высокой политической культуре группы «патриотов», об их активно-деятельном участии в жизни страны, что и должно быть характерно для них согласно определению патриотизма.

Рассмотрим различия «патриотов» и «непатриотов» в их отношении к совершению *правонарушений*. Различия средних оценок у групп «патриотов» и «непатриотов» статистически значимы (по «критерию Стьюдента» с достоверностью более 95 %). В среднем эти различия составляют 0,5 балла, что для применяемой шкалы в 3 балла соответствует 25 %. «Патриоты» в большей степени настроены на соблюдение законов и правил повеления. «Непатриоты» в среднем склонны иногда допускать правонарушения, кроме тех, которые связаны с пропагандой, приобретением, хранением и употреблением наркотиков, но даже к этим нарушениям относятся более терпимо по сравнению с патриотами. Таким образом, по изучаемому аспекту правовой культуры можно сделать вывод, что она в большей степени развита у патриотично настроенной молодежи.

Подводя итог исследованию, можно сделать, по крайней мере, два основных вывода.

1. Феномен современного патриотизма крайне сложен для изучения из-за его неоднозначности понимания и многовариантности проявления. При определении себя патриотом каждый респондент ориентируется на какое-то свое особое понимание этого феномена, в результате чего мы встречаемся с самыми разными его уровнями (от явного патриотизма до явного непатриотизма) и ликами (от протестного непатриотизма до конформистского патриотизма). Поэтому трудно и даже, наверное, невозможно сегодня найти грань, где кончается непатриот и начинается патриот. Во всяком случае, самоопределения тем или иным для этого явно недостаточно.

2. Сравнение «патриотов» и «непатриотов» показывает, что патриотически настроенная молодежь имеет более высокую политическую и правовую культуру, в большей степени нацелена на активно-деятельное участие в жизни страны, имеет более выраженную демократическую гражданскую позицию. Иначе говоря, современный патриотизм несет в себе черты, которые ему традиционно приписывались. А выявляемые его трансформация и различные новообразования, помимо культурно-исторических причин, по-видимому, результат расширения границ патриотизма, охвата им групп населения, демонстрирующих новые формы его проявления.

Социальное партнерство как фактор формирования культуры гражданственности: социологический анализ

Результаты деятельности профсоюзов показывают нам нарастающую роль профсоюзов в формировании культуры гражданственности, что, в первую очередь, наблюдается в сфере высшего образования. Это говорит об изменившемся характере профсоюзного движения, о развитии *«консенсусного» общества* и *«переговорной» экономики*. В вузах на местах действующие первичные организации профсоюзного движения более четко представляют фундамент гражданского общества, в то время как верхние слои организационной структуры профсоюзного движения сферы образования были сориентированы на взаимодействие с государственными властями.

Суть этого взаимодействия заключается в выработке особой технологии, в основе которой лежит *«социальный диалог»*, для совместной реализации существующих в обществе, в сфере образования, в сфере культуры и т.д. социально значимых проблем и вопросов. Такое взаимодействие «выгодно» каждой стороне в отдельности и всем в целом. При этом «социальный диалог» понимается как процесс поиска государством или государственной организацией одного или двух социальных партнеров (в роли которых могут выступать профсоюзы) с целью эффективного разрешения какой-либо социальной проблемы.

Опыт работы и развития профсоюза в перестроечное время показал, что, во-первых, получил развитие принцип социального партнерства, закрепленный в Трудовом Кодексе Российской Федерации. Система соглашений, начиная от Генерального трехстороннего и кончая коллективным договором, позволяет вести переговорный процесс с работодателем и государством, находить компромиссы, в рамках закона урегулировать трудовые споры. В Соглашениях есть возможность включать мероприятия, позволяющие снизить социальную напряженность в коллективе. Организованные по правилам акции, митинги, забастовки – тоже вошли в цивилизованное русло, и, хотя они выполняют функции давления, но, тем не менее, свои требования работники передают работодателю, различным органам власти. Эта функция воздействия на государство очень важна. К ней прибегают и политические партии, помогая тем самым формировать государство в соответствии с демократическими нормами.

Главным рычагом в достижении намеченных целей, задач, безусловно, становится социальное партнерство: заключение и реализация различного уровня соглашений, коллективных договоров, регулярное ведение переговоров в интересах членов профсоюза. В Трудовом кодексе РФ не только присутствует, но и усилен блок по социальному партнёрству.

Профсоюзные организации принадлежат к тому меньшинству институтов, составляющих гражданское общество, которые имеют «естественных» партнеров-противников в самом этом обществе, т.е. в нем изначально заложена дихотомия: профсоюзы работников – работодатели. Чтобы профсоюзы смогли существенно повысить свою роль в современном переходном постсоциалистическом обществе в формировании культуры гражданственности, необходимо решить несколько взаимосвязанных задач.

Прежде всего, профсоюзы должны завершить процесс обретения полной самостоятельности, независимости от государственных и хозяйственных структур, процесс самоорганизации и самоутверждения в качестве эффективно функционирующего института гражданского общества. Профессиональные союзы по своей природе являются одним из элементов последнего. В соответствии с современными научными представлениями основными критериями гражданского общества выступают: независимость образующих его структур от государства и добровольное объединение членов общества в многочисленные ассоциации и организации для реализации своих интересов и потребностей¹.

Гражданское общество является саморазвивающейся и самоорганизующейся системой. И профсоюзы, будучи одной из его структур, призваны развиваться как самоорганизующаяся и самоуправляемая система.

¹Гражданское общество. М., 1993. С.76-78.

Вторая крупная задача, решение которой выступает важной предпосылкой повышения уровня деятельности профсоюзов в современных условиях, – совершенствование структуры всей системы, укрепление организационных основ ее построения. Научкой установлено, что обоснованная организационная структура, адекватная выполняемым организацией функциям, становится очень важным условием ее эффективной деятельности.

Посмотрим, как оценивают респонденты сам процесс становления системы социального партнерства, неотъемлемой частью которой и являются сами профсоюзы. Примечательны уже общие оценки.

Таблица 134

Отношение к системе социального партнерства

Значение:	% ответов
Существует только на бумаге	58
Сложилась фрагментарно (в отдельных отраслях и регионах)	31
Думаю, что да	11
Не могу сказать определенно	5

Так, 3 из каждых 5 опрошенных членов профактива считают, что система социального партнерства в России пока существует только на бумаге. Однако это уже свершившийся первый шаг становления социального партнерства и осознание этого на уровне членов профсоюзов свидетельствует о развитии культуры гражданственности. Треть опрошенных считает, что система социального партнерства в России сложилась, но фрагментарно (в отдельных отраслях, регионах), что также говорит о нарастающем потенциале «социального диалога» в обществе, о начальных шагах формирования культуры гражданственности. Каждый девятый из опрошенных твердо уверен в существовании сформированной системы социального партнерства. Предположительно, именно эта часть профактива применяет на практике принципы социального партнерства во взаимодействии с работодателями и государством. Примечателен и возрастной разрез мнений:

Таблица 135

Существует ли в России социальное партнерство? (в %)

Возраст	Да	Фрагментарно	Только на бумаге
до 30 лет	18	38	7
30-49 лет	38	26	49
50 лет и старше	44	37	44
Итого	100	100	100

Заметно, что среди отметивших наибольшую уверенность в существовании системы социального партнерства в России возрастает доля людей старшего поколения, однако здесь вызывает сомнения само понимание социального партнерства. Аналогична и ситуация с оценкой, что система социального партнерства существует только на бумаге, хотя чаще других такое мнение распространено среди людей среднего возраста. Как видно, мнение молодежи несколько отличается от мнения старшей и средней возрастной группы – она считает, что система социального партнерства сложилась, хоть и фрагментарно (в отдельных отраслях и регионах). 5 % респондентов, тем не менее, уверены в обратном – системы социального партнерства в России еще не существует.

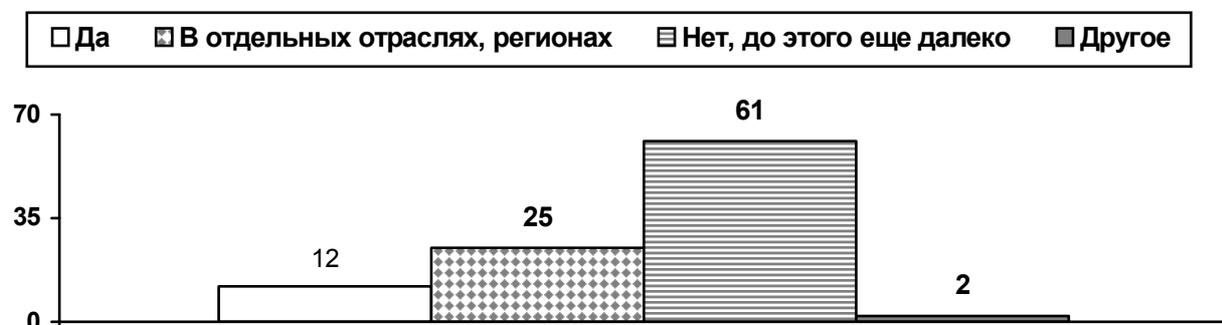
Если понимать социальное партнерство как цивилизованную форму общественных отношений в социально-трудовой сфере¹, обеспечивающая согласование и защиту интересов работников, работодателей (предпринимателей), органов государственной власти, местного самоуправления путем заключения договоров, соглашений и стремления к достижению кон-

¹ Социально-трудовая сфера – составная часть социальной рыночной экономики, основными элементами которой являются: социальная сфера (отрасли социально-культурного комплекса); социально-трудовые отношения в области формирования и развития рынка труда, занятости, заработной платы, системы социального партнерства, социальной защиты, социального страхования и т.д. / Социальная политика: Учебник / Под общ. ред. Н.А.Волгина. М., 2003. С.38.

сенсуса, компромисса по важнейшим направлениям социально-экономического и политического развития»¹, то профсоюзы как объединения работников выступают в данной системе взаимоотношений полноправным субъектом.

Закономерно выяснить, считают ли члены профсоюзов свои объединения полноправными субъектами в системе социального партнерства в современных условиях

Рис.48. Является ли ваш профсоюз полноправным субъектом системы социального партнерства?

Мнения многих респондентов на этот счет совпадают: по оценке 3 из каждых 5, до того момента, когда профсоюзы будут играть роль партнеров во взаимоотношениях с работодателями и государством, еще далеко. Тем не менее, каждый четвертый респондент признает полноценную роль профсоюзов в системе социального партнерства только на уровне отдельных отраслей или регионов, достаточно развитых в социально-экономической сфере. Признание профсоюзов равноправным субъектом (партнером) в отношении социального партнерства отмечает лишь 1 из каждых 8 опрошенных. Таким образом, можно констатировать тот факт, что социальное партнерство, как и гражданское общество в России находятся еще в зачаточном состоянии. Данный вывод позволяет судить о том, что еще достаточно большое поле деятельности для институализации социального партнерства и первоочередная роль в данном процессе принадлежит именно профсоюзам как еще не полностью оформившемуся субъекту партнерства.

Являясь субъектом социального партнерства, профсоюзы призваны, прежде всего, исполнять свое предназначение. Основной целью деятельности профсоюзов является защита социально-экономических прав работников, состоящих в нем. Насколько эффективно профсоюзы справляются с этой целью, позволяет определить следующий индикатор отношения населения к профсоюзам.

Таблица 136

Распределение мнений респондентов о возможных действиях профсоюзов

Значение:	%
Отстаивать социально-экономические интересы членов профсоюза	59
Сплочение профсоюзных рядов	24
Доводить информацию о своих действиях до каждого члена	14
Другое	4

3 из каждых 5 опрошенных основное средство усиления влияния профсоюзов в обществе видят в ужесточении политики по отстаиванию социально-экономических интересов членов профсоюза. Мнения респондентов о важности направлений деятельности профсоюзов распределились следующим образом: На первом месте оказалась защита социально-экономических прав членов профсоюза на всех уровнях власти – 71% респондентов, на втором – участие в договорном регулировании социально-трудовых отношений в рамках социального партнерства – 28%, на третье место респонденты поставили участие в нормотворческой деятельности органов государственной власти. Правозащитную деятельность и воспитание правовой культуры выделили 19% и 17% опрошенных соответственно.

¹ Михеев В.А. Политика социального партнерства. М., 1999. С. 3.

Такое распределение мнений респондентов позволяет ранжировать функции, выполняемые профсоюзами высшей школы в таком же порядке – сначала защитная функция как наиболее приоритетная, далее – функция договорная или представительская, и уже потом – функция культурно-правовая или формирующая.

Наибольшее количество респондентов чаще всего в своей деятельности использует нормы Коллективного договора – 47%, практически одинаковое количество респондентов использует положение об оплате труда в своем вузе и устав вуза (40% и 39% соответственно), 40% респондентов постоянно используют нормы времени для планирования труда. Таким образом, самым основным документом, используемым членами профактивов вузов, является Коллективный договор. Данный факт свидетельствует: члены профсоюза знакомы со своими трудовыми и социально-экономическими правами и активно применяют нормативные акты в своей деятельности. Итак, определенный уровень гражданственности у работников образования уже сформирован и продолжает развиваться.

Мало наделять сотрудника или студента определенными правами, надо еще научить его ими пользоваться. Поэтому профсоюзы придают большое значение обучению членов профсоюза и, прежде всего, профсоюзного актива. Раньше человек получал организационные навыки, «работая» в различных общественных организациях – профсоюзе, комсомоле, ДОСА-АФ, наконец, был активистом КПСС. Сейчас получить навыки этой работы можно только в профсоюзе. Причем, получить такие навыки работы с людьми, в коллективе, которые приходят только с большим опытом работы. Этот полученный профсоюзный опыт незаменим и в карьерном росте людей. Поэтому, если говорить о формировании культуры гражданственности работников вузов и учащихся этих вузов, то у Профсоюза образования большое поле деятельности. Реализуется это через многие факторы, в том числе и учебу профсоюзного актива, которая вбирает в себя различную тематику.

Определенный интерес представляет учеба профсоюзного актива по вопросу: «Участие профсоюзного актива в производственной деятельности коллектива вуза», на которой рассматриваются основные направления производственной работы профактива как основополагающей деятельности. Для развития этих основных направлений с целью повышения эффективности деятельности профсоюзной организации и подготовки к заключению нового коллективного договора необходимо понимание наиболее крупных проблем образования, т.к. решение задач участия и роли в производственной деятельности работников профсоюзной организации вуза возможно только на основе анализа реальной обстановки и тенденций в системе профессионального образования в стране, анализа ситуации в производственной деятельности коллектива вуза и действий в этой сфере системы управления. Изучение вопросов охраны труда в вузе (правовые основы, обязанности работодателя и работника, принципы организации работ по охране труда, порядок допуска работника к работе, расследование несчастных случаев на производстве, контроль за состоянием охраны труда со стороны профсоюзной организации, Соглашение по охране труда) позволяет определить права и обязанности сторон трудового договора – работника и работодателя в очень важном деле – сохранение здоровья и жизни в процессе работы.

Подготовка к принятию и принятие коллективного договора – это школа приобщения целого коллектива к переговорному процессу. Существует определенный порядок подготовки и принятия Коллективного договора и Соглашения по охране труда в вузе, который предполагает вовлечение в этот процесс большого количества не только членов профсоюзного актива, но и других сотрудников университета. В порядок подготовки входит и подготовка предложений работниками институтов, факультетов, других структурных подразделений университета, анализ и обобщение предложений комиссией по принятию коллективного договора (КД) со стороны профкома, оценка предложений администрацией. Затем происходит согласование проекта уже на согласительной комиссии администрации и профкома. Уже после этого вновь проект КД передается для обсуждения и сбора замечаний в коллективы на обсуждение. И последний этап – принятие КД конференцией коллектива университета. Такой же порядок определен и для заключения Соглашения по охране труда. Все это позволяет во-

влекать как можно больше работников университета в процесс принятия решений в пользу работников.

Менталитет работников таков, что некоторое потребительское отношение ко всему происходящему в обществе осталось еще от советской системы, и люди не привыкли к тому, что надо учиться защищать свои права самим. В Трудовом кодексе с появлением нового метода правового регулирования трудовых отношений (в частности, появления особого способа защиты трудовых прав – самозащиты) работник и работодатель рассматривается как равноправные партнеры. Самозащита предполагает проявление правовой активности, инициативы работников. Но этих знаний работнику негде взять, кроме профсоюза. Работодатель вряд ли будет учить этому. И в этом смысле профсоюзы это школа борьбы за свои права, которая формирует культуру гражданственности у членов профсоюза, в том числе используя возможности социального партнерства.

В.Н. Киселев в статье «Профессиональные союзы и социальное партнерство в современной России» пишет: «Развивающаяся практика и идеология социального партнерства, регулирование социально-трудовых отношений на партнерских принципах основывается на ряде социальных, экономических, политических факторах, среди которых важнейший – фактор принципиального изменения социального статуса и общественного назначения работника. Из объекта этих процессов он постепенно становится (и должен стать) все более активным, самостоятельным субъектом»¹. Социологический анализ показывает: такое превращение профсоюза в активного самостоятельного субъекта социального партнерства происходит, но пока – крайне медленно и неравномерно по территориям и отраслям.

Шаброва Н.В. (УрФУ, Екатеринбург)

Межнациональные отношения и установки студентов

Студенчество – одна из самых удобных для социологического исследования социальных групп. Это связано не только с доступностью, но и с универсальностью, комплексностью получаемой информации, поскольку мнения студентов, анализируемые в результате исследований, с одной стороны отражают ценности предыдущих поколений, с другой – студенческая молодежь всегда динамично усваивает новационные идеи.

В первом квартале 2010 г. было проведено кросскультурное исследование ценностей и установок студенческой молодежи. В качестве объекта исследования выступили студенты первых и четвертых курсов двух вузов – Уральского Федерального университета и Харьковского национального университета. Целью исследования было выяснить основополагающие ценности и установки студентов России и Украины. Одним из аспектов анализа выступили межэтнические установки и ценности. На их анализе мы остановимся подробнее.

Формирование отношения к другим нациям, этносам не может существовать без национальной идентичности. Адекватная этническая и национальная идентичность способствует развитию толерантности, гипертрофированная, напротив, – усилению национализма и ксенофобий. Интересно отметить, что для российских студентов (64%) более важно, чем для украинских (56%) чувствовать принадлежность к своей национальной группе. Возможно, это связано с чувствами, испытываемыми студентами относительно их национальности в последнее время. Так, почти половина российских студентов (49%) испытывают скорее уверенность и защищенность, и лишь 8% – неуверенность и незащищенность. В то время как лишь треть (29%) украинских студентов испытывают уверенность и защищенность, а треть (33%) – неуверенность и незащищенность, что, на наш взгляд, связано с длительной политической и экономической нестабильностью в Украине.

В ходе исследования студентам были предложены возможные *основания принадлежности к их собственной нации*. Ряд критериев оказались равно значимы и для российских, и для украинских студентов. Студенты считают человека россиянином или украинцем, если он «признает Россию (Украину) своей страной», «родился в России (Украине)», «имеет паспорт россиянина (украинца)», «соблюдает закон государства», «проживает на территории госу-

¹ Киселев В.Н. Профессиональные союзы и социальное партнерство в современной России //Солидарность. 2002. №36.

дарства», «принадлежит национальной церкви». Наибольшие различия между мнениями россиян и украинцев проявились в отношении знания и понимания языка: для студентов из Украины это важнее (на 37 %). Кроме того, украинцы чаще отмечали необходимость гражданину Украины признавать государственные праздники, знать обычаи и традиции, этнические корни, знать историю страны и говорить на национальном языке. Таким образом, можно констатировать, что у украинских студентов в большей степени присутствует *примордиалистский* подход к пониманию нации.

Отношение к своей нации так же проявилось в ответах на вопрос о ситуациях, когда молодые люди вспоминают о своей стране. Обе группы студентов в первую очередь вспоминают о своей стране при победах своих соотечественников, упоминаниях об истории народа, упоминаниях о произведениях национального искусства, при столкновении с государственными символами – всем тем, что дает возможность гордиться принадлежностью к своей стране.

Таким образом, относительно национальной идентичности можно сделать вывод, что у российских студентов она более сформирована. У украинских студентов она скорее размыта, что, возможно, связано с соответствующей национальной политикой.

Интересно распределение мнений студентов относительно допустимости предвзятого отношения к представителям других социальных групп. Однозначное негативное отношение у россиян и украинцев вызывает предвзятое отношение к представителям других религий, около 80 %. По отношению к представителям других национальностей, других рас, иностранцев и мигрантов несколько большую толерантность проявляют российские студенты, нежели украинские. Как видно, студенты УрФУ в наибольшей мере допускают предвзятое отношение к представителям других национальностей и мигрантам, а студенты ХНУ – к представителям других рас и других национальностей. Возможно, это связано с негативным опытом общения и сложившимися стереотипами.

Таблица 137

Отношение студентов к этническим группам (в %)

Отношение к предвзятому отношению	К представителям других национальностей		К представителям других рас		К иностранцам		К мигрантам	
	УрФУ	ХНУ	УрФУ	ХНУ	УрФУ	ХНУ	УрФУ	ХНУ
Вполне допустимо	3	9	2	9	2	7	2	8
Скорее допустимо	4	6	4	6	3	6	5	4
В некоторых случаях допустимо, а в некоторых нет	18	23	18	22	15	22	20	24
Скорее не допустимо	29	19	30	18	31	22	32	23
Не допустимо	46	43	46	45	49	43	41	41
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Другой важной составляющей межэтнического и межнационального отношения являются поведенческие практики. Обе группы студентов (около 55%) практически никогда не чувствовали к себе враждебность со стороны людей других национальностей, а порядка 75% сами не ощущают враждебности к представителям других национальностей. Хотя, по мнению российских студентов, в России существует чувство враждебности по отношению к представителям других национальностей, рас (71%) и к мигрантам (62%). В то время как, по мнению украинских студентов, уровень враждебности в Украине несколько ниже – 49% и 38% соответственно. Для российских студентов был задан вопрос об этнонациональных группах, вызывающих у них негативные эмоции. Наиболее часто упоминались таджики, кавказцы. Воз-

можно, это связано с существующими конфликтами на территории России и увеличением негативного отношения к трудовым мигрантам.

Если же говорить о наличии врагов у страны в целом, то российские студенты в два раза чаще говорили о существовании таковых (64% против 33%). Причем, если у студентов Украины трудно выделить «врага», то у российских студентов в качестве врага предстают прежде всего США (около 50%). Возможно, это связано со сложившимися неоднозначными политическими отношениями между странами.

Для выявления социальной дистанции между представителями российского и украинского студенчества и других этнонациональных групп был предложен ряд вопросов, построенных по принципу шкалы Богардуса. Выяснилось, что наименьшая дистанция и у россиян, и у украинцев по отношению к представителям других национальностей. Скорее всего, это связано с тем, что обе страны полиэтничны и имели опыт «советского прошлого». Наибольшая дистанция у российских студентов проявилась по отношению к мигрантам, что связано, на наш взгляд, с низкостатусностью этой группы. Наибольшая дистанция у украинских студентов проявилась по отношению к людям другой расы, что, возможно, связано с негативным опытом общения и стереотипами.

В заключение хотелось бы отметить, что в современных условиях межэтнические, межнациональные взаимодействия занимают важное место. Их анализ может помочь обеспечить бесконфликтное общение и минимизировать негативные последствия. Главным выводом данного блока проведенного исследования можно считать то, что и российские и украинские студенты признают необходимость быть толерантными, лишь 5% россиян и 6% украинцев считают, что данное качество им не присуще.

Шестопалова О.Н. (УрГУПС, Екатеринбург)

Трудовые стереотипы молодежи: особенности и противоречия их становления

Формирование взаимоотношений в трудовой деятельности и выбор стратегий поведения происходит в тесной связи старых и новых норм культуры труда, выраженных в стереотипах сознания и поведения. Как мы знаем, социальный стереотип обладает большой устойчивостью и выражает привычное, закрепленное в сознании и поступках отношение к социальной среде. Стереотип трактуется различными исследователями как шаблон, схема¹, на основе которой человек осуществляет определенную деятельность (и может возникать в различных сферах жизни, где существуют устойчивые формы взаимодействия). Главной характеристикой стереотипа является то, что на основе схемы обеспечивается воспроизводство форм сознания и поведения.

Процесс стереотипизации происходит в различных сферах деятельности человека, в том числе и в трудовой деятельности. Трудовые стереотипы дают возможность индивиду успешно участвовать в хозяйственной жизни общества. Их становление происходит в процессе воспроизводства всей экономической системы общества, определено основными закономерностями ее функционирования. На поведение человека в труде, а, следовательно, на формирование его трудовых стереотипов влияет множество факторов. Объективными факторами становления стереотипов трудового сознания и поведения являются условия, в которых протекает трудовой процесс. Они связаны, прежде всего, с природными, техническими, культурными особенностями среды. Их устойчивость находится в прямой зависимости от темпов изменения общественной жизни, при этом не только в экономической, но и других областях жизни общества. Решающим моментом в формировании трудовых стереотипов является система ценностей, преобладающая в обществе. От свойственного данной культуре «нормативного человека»² зависит специфика трудовой социализации, реализуемой, прежде всего, на уровне семьи, а позднее на уровне других институтов социализации, складываются схемати-

¹ См., напр.: Агеев В.С. Механизмы социального восприятия // Психологический журнал. 1989. Т.10. № 2. С.63-70; Липпман У. Общественное мнение. М., 2004; Меренков А.В. Социология стереотипов. Екатеринбург, 2001; Шихирев П.Н. Исследование стереотипов в американской социальной науке // Вопросы философии. 1971. № 5. С.168-175 и др.

² См.: Кон И.С. Ребенок и общество: (ист.-этногр. перспектива). М., 1988. С.127.

зированные образы субъектов экономической деятельности, в том числе руководителя, работника, предпринимателя, «хозяина» и т.д. Потребности эффективного трудового взаимодействия рожают требуемые стереотипы поведения участников производственного процесса. Имеют значение и особенности иерархии ценностей группы. В качестве основного субъективного фактора выступают ценностные ориентации личности. Они определяют выбор стереотипов поведения, ориентируя человека на успех, продвижение, творчество, самосовершенствование, помощь другим и т.д. Отдельного упоминания заслуживает влияние организационной культуры предприятия или субкультуры, в которую включен работник. Усвоение норм и ценностей культуры предприятия способствует позитивной стереотипизации поведения работника, что, в свою очередь, формирует определенный стиль трудового взаимодействия, характерный для данного предприятия (данной социальной группы).

Определение факторов становления трудовых стереотипов, указание их особенностей позволяет выделить главные структурные элементы стереотипов трудового поведения:

- стереотипы трудового сознания – их содержание раскрывается через основные элементы трудовой культуры – правила, нормы, ценности труда, профессиональные установки;
- стереотипы установок на труд – потребности, мотивы, ценностные ориентации, внутреннее и внешнее побуждение к труду;
- стереотипы осуществления труда – трудовые приемы и навыки, образцы поведения, взаимодействия с руководством и членами коллектива, способы труда, формы, традиции ведения хозяйства;
- стереотипы качества труда – стандарты качества труда, технико-технологические нормативы, система характеристик «правильно-неправильно», «хорошо-плохо», «выгодно-невыгодно» и т.п.

Особенностью трудовых стереотипов является способность обеспечить включенность личности в трудовую общность. Они являются формой адаптации работника к требованиям и условиям производственного процесса и социального окружения. В современных условиях становление трудовых стереотипов молодежи происходит в условиях противоречивого характера социализации. С одной стороны, наблюдается кризис ролевой функции родителей, как «образца для подражания», а социальная страта, к которой принадлежат родители, нередко интерпретируется как общность неудачников; рождаются новые социальные группы, в которые есть потребность вписаться; регулярные перестройки в системе образования не способны сформировать устойчивого, но вместе с тем гибкого мировоззрения молодого человека; дегуманизация средств массовой информации провоцирует формирование модели самоутверждения человека не посредством личных усилий и творческой самореализации, а за счет подавления других, чаще всего более слабых, не обладающих деньгами и властью. С другой стороны, молодежь, вступая в трудовую жизнь, опирается не на производственный опыт, который у нее отсутствует, а на установки, усвоенные в процессе обучения и в родительской семье, а также ролевые аналоги, которые предоставляют СМИ. Определение особенностей трудовых стереотипов молодых работников важно с нескольких позиций. Прежде всего, необходимо осмысление представлений молодежи о труде, жизненном и профессиональном успехе, изучение противоречий их формирования в современных условиях, а также в необходимости построения устойчивых шаблонов рационального поведения в новых условиях, которое обеспечили бы социально-экономическое развитие общества.

Проведенное автором исследование¹ позволяет выявить закономерности и противоречия, которые возникают в процессе стереотипизации трудового поведения молодых работников.

Обнаружено парадоксальное сочетание стереотипов: новый для россиян индивидуалистический прагматизм, который важен для успешности деловой карьеры (стремление «быть яркой личностью», «проявлять инициативу», «реализовать собственные интересы» и т.п.) и сохраняющиеся традиционные стереотипы сознания человека-коллективиста (потребности

¹ Выборочная совокупность опроса составила 600 молодых работников ОАО «РЖД», филиал «Свердловская железная дорога». Отбор респондентов производился на основе случайного бесповторного отбора, производственной целевой выборки.

«быть со всеми», «быть не хуже других»). Новая экономическая ситуация привела к приоритету системы жизненных ценностей, которые обеспечивают успешное поведение на рынке труда: ценности коллективистского поведения, характерные для менталитета советского работника, в молодежной среде постепенно уходят из актуальной системы ценностей. Это свидетельствует о том, что начинают формироваться новые модели поведения – инициативного, с расчетом на собственные силы и поддержку близких, ценность которых четко не осознается. В ходе исследования показано, что ориентация на прагматический успех (стремление обеспечить высокий социально-экономический статус в структуре общества) является ведущей при формировании стереотипов поведения молодежи на рынке труда, что отражает ее инструментальное отношение к труду («максимум дохода ценой максимума трудовых затрат»). Такой тип поведения предполагает высокую степень трудовой активности и понимание молодыми людьми того, что современный рынок предоставляет возможности для повышения благосостояния соответственно вложенным усилиям.

Представим основные стереотипы, которые определяют трудовое поведение современной молодежи, обеспечивают вхождение в новый социальный слой преуспевающих людей, но некоторые из них проявляются противоречиво:

- стереотип самостоятельности: «о себе не беспокоиться, никто о тебе не позаботится»;
- интернальность локус контроля поведения: уверенность, что материальное обеспечение и положение в обществе зависят только от собственных усилий;
- понимание своего места в структуре современного общества и стремление достичь более высокого социального статуса: молодежь активно получает высшее образование, часто второе, третье, если это необходимо для дела; это сочетается с желанием легко добиваться диплома, стремлением к «корочкам»;
- высокий статус профессионализма и стремление избежать сложности процесса его обретения;
- активность и напористость действий, не всегда морально оправданных, но обеспечивающих продвижение в группу преуспевающих людей;
- моделирование конкурентных стратегий поведения и высокая степень мотивации избегания (работа «за страх, а не за совесть»);
- прагматичность трудового поведения (сегодня он не выйдет на работу при отсутствии заказа и зарплаты, как это было в начале 1990-х гг.);
- низкая ценность труда как сферы жизнедеятельности и понимание, что ничего невозможно добиться без упорной работы;
- инструментальное отношение к работе и труду: достоин любой труд, приносящий хороший доход;
- отношение к уровню материального благосостояния и перспективам его роста как к главным показателям, позволяющим судить о правильности избранного жизненного пути и человеческом достоинстве;
- стереотип восприятия денег («деньги решают все», «деньги управляют миром») определяет количественные и качественные границы действий молодых людей ставит перед необходимостью рационального обоснования всех своих действий;
- эйджеризм как своеобразный молодежный «шовинизм», желание максимально использовать возрастной потенциал для достижения «нормальных» статусных позиций в обществе и на рабочем месте;
- рост индивидуализма и ослабление коллективистских установок, что парадоксально сочетается со стремлением работать в коллективе.

Такие стереотипы поведения вполне можно назвать рыночными, поскольку они предполагают высокую степень активности индивида, понимание, что рынок представляет возможности для повышения благосостояния соответственно приложенным усилиям (хотя, как отмечено, определенной степени сохраняют свое значение и традиционные для России стереотипы трудового поведения).

Исследование показало, что труд по-прежнему воспринимается как единственный источник существования (86%), а главная мотивационная составляющая – размер заработной платы. Инструментальное отношение молодежи к труду становится определяющим в формировании стереотипа поведения на рынке труда, иногда в ущерб профессиональным амбициям: при определении «идеальной» работы наиболее значим размер зарплаты (68%), в то время как важность реализации своих способностей отметили 23%, а содержания труда – 15%. Поведенческий стереотип, выраженный во фразе «чем лучше платят, тем больше делаю», отражает нормальную рыночную ориентацию на эквивалентный, справедливый обмен между трудовым вкладом и ожидаемым материальным вознаграждением. Он явно коррелирует с установкой на социальную справедливость. Справедливость следует понимать как осуществление нравственного начала, предоставление человеку того, что принадлежит ему по праву.

В ходе исследования были раскрыты стереотипы отношения молодых работников к труду на конкретном предприятии, где они работают. Выявлена тенденция: для работников с высшим образованием ценность места работы определяется содержанием труда и возможностями должностного продвижения; для работников со средним общим образованием наиболее ценны материальные аспекты труда и гарантированная занятость. В целом оценка значимости места работы молодежи определяется тем, насколько оно может обеспечить гарантированный доход (62%) и постоянную занятость (53%). Мало кто назвал свое место работы на предприятии, обеспечивающим работу железнодорожного транспорта, престижным (24%).

Процесс перестройки взаимоотношений в обществе затронул диспозицию моральных предпочтений молодых людей: размываются ценности бескорыстия, любви к людям, их все больше заменяет личный интерес, отношения строятся на основе принципа взаимной выгоды при немалом влиянии необходимости конкурентной борьбы, опоры на собственные силы.

В качестве индикатора формирования такого рыночного стереотипа, как индивидуалистическое поведение, была принята привлекательность таких понятий, как «индивидуализм» и «коллективизм». Понятия вызывают положительные чувства соответственно у 69% и 27,5% респондентов. В то же время исследование выявило потребность в принадлежности к коллективу. Стереотип коллективиста, отвечающего представлениям и потребности в доверии, сплоченности, чувстве локтя и т.п., не подвержен столь быстрому разрушению, хотя на эмоциональном уровне само понятие «коллективизм» вызывает отрицательную оценку. Хорошие отношения с коллективом и руководством, сплоченность коллектива является одной из главных трудовых ценностей. Понятие «коллективизм» скорее соотносится с понятием «корпоративный дух».

Таким образом, становление и реализация трудовых стереотипов молодежи происходит в противоречивых условиях, которая обусловлена неоднородностью адаптации к постоянно обновляющейся среде.

Южакова Н.О. (УрФУ, Екатеринбург)

Ресурсный подход к социокультурной деятельности студенчества

Долгое время доступность культуры для населения была отличительной особенностью и неоспоримым преимуществом российского государства. За годы реформ в области культуры произошло немало перемен как позитивных, связанных с демократизацией культуры, снятием идеологических запретов и ограничений, так и негативных. Одним из разрушительных для отрасли является снижение уровня доступности культурных благ для многих категорий населения. В этой связи проблему доступности культурных благ, затрагивающую интересы многих россиян, безусловно, следует отнести к разряду весьма актуальных. Культурные явления и процессы, как правило, непредсказуемы, часто не имеют объективных критериев оценки, описываются в основном субъективными характеристиками. Возникает потребность в комплексном изучении ценностных ориентаций и социокультурных установок населения, их всестороннем учете при принятии управленческих решений по регулированию культурных процессов.

В особом внимании со стороны государства нуждаются проблемы развития, защиты и поддержки культурных интересов и потребностей молодежи по ряду причин. Во-первых, мо-

молодежь – это один из главнейших ресурсов социального развития. А это значит, что от того, насколько культурным, образованным, духовно и нравственно развитым является сегодня молодое поколение, завтра во многом будет зависеть уровень развития нашего общества и качество жизни. Во-вторых, юношеский период – очень важный этап в жизни личности, время ее становления и самоопределения. В-третьих, молодежь – один из наименее социально защищенных слоев, особенно в условиях полярного расслоения современного российского общества по уровням дохода.

Это и определило основную цель нашего социологического исследования: изучить культурные потребности и запросы современной молодежи и выработать основные направления совершенствования культурного обслуживания с учетом удовлетворения культурных потребностей молодежи. В качестве объекта исследования выступала современная молодежь как потребитель культурных благ. Опрос проводился в мае 2010 г. Опрошено по квотной случайной выборке 287 студентов младших курсов технических, гуманитарных и социально-экономических специальностей УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Значительная часть студенческой молодежи ориентирована на физически активные формы досуга. В общей сложности эти виды досуга предпочитают 2/3 опрошенных. В число наиболее характерных для студентов и популярных у них видов досуга входят посещения (в порядке убывания регулярности): 1) кинотеатров; 2) спортивных учреждений; 3) дискотек и ночных клубов. Поход в кино привлекает респондентов как возможность пообщаться, выйти «в свет». Ориентация значительной части студентов на оздоровительный досуг сегодня весьма актуальна, в виду активной пропаганды здорового образа жизни. Как негативную тенденцию в досуговых ориентациях студентов следует отметить незначительный интерес к изобразительному искусству и музыкальной классике. Музеи и выставки регулярно посещают лишь 9% опрошенных, что почти в 7 раз меньше числа респондентов, предпочитающих проводить время в кинотеатрах, спортивных учреждениях, на дискотеках. Отсутствие интереса к посещению библиотек связано с повсеместным распространением сети Интернет, его доступностью, возможностью найти любую интересующую информацию, не выходя из дома, наличие электронных библиотек.

Социокультурное развитие молодежи определяется и объективными возможностями, и субъективными желаниями. Важно выяснить, как соотносятся обе эти группы факторов. Своеобразным инструментом такого анализа может служить вопрос о том, что препятствует дальнейшему культурному росту респондентов. Результаты отражают довольно устойчивые стереотипы, фиксируемые во многих исследованиях в 1990-е гг. Особенно устойчивы приоритеты: нехватка свободного времени, материальные трудности, усталость после учебы. У студентов практически не остается свободного времени по ряду причин: занятость учебой (сказывается напряженный график занятий), семейные заботы (для определенной части студентов). Конечно, дефицит времени у этой группы студентов создает особую напряженность жизни. Вместе с тем можно понять желание этих студентов поспеть всюду и одновременно. Примечательно, что на второй план отодвинулись недостатки в работе учреждений культуры (их отметили только 3% опрошенных).

Рыночные отношения двояко воздействуют на культурную активность молодежи: многие занятия становятся малодоступными из-за материальных затруднений (это отметил каждый третий). Культуры запросы отодвигаются на периферию жизненных интересов. В условиях растущей социальной дифференциации молодежи, коммерциализации сферы культуры усиливаются различия между богатым, содержательным досугом у одной части молодежи и бедным досугом – у другой. На фоне трудного материального положения, обеспокоенности по поводу здоровья и других личных и социальных проблем, досуг и его условия отходят на задний план. Вместе с тем досуговая деятельность является одной из важнейших сфер самореализации, самоутверждения молодого человека. Невнимание к досуговым проблемам молодежи открывает возможности для реализации различных девиантных форм проведения досуга. И в этом плане, студенчество в силу своей социальной и возрастной специфики в определенной мере принадлежит к группе риска.

Досуг современного студента характеризуется комбинированностью, сочетанием различных занятий и увлечений. Интересы молодого поколения отнюдь не замыкаются на одних лишь развлечениях. Такие формы повышения культурного уровня, как чтение (каждый второй), изучение иностранного языка (более половины опрошенных), самообразование (каждый третий) свидетельствуют о наличии значимой развивающей компоненты в досуговой деятельности современной молодежи.

Условно перспективные намерения респондентов можно поделить на две группы:

1. Первая – предполагает *более интенсивное посещение учреждений культуры*. Прежде всего, это касается театрально-концертной деятельности – 2 из каждых 5 респондентов хотели бы чаще посещать концерты и спектакли. Это значит, что у театров, концертных учреждений весьма значительный круг потенциальных посетителей. Вторым в этом потенциальном кругу идут просмотры кинофильмов (каждый третий). Несколько меньше потенциальных посетителей музеев, выставок (каждый четвертый). Чаще бывать во Дворце культуры желает каждый восемнадцатый. Впрочем, их число реально даже больше – в него можно было бы добавить тех, кто хотел бы активнее заниматься техническим творчеством (каждый пятый) и художественной самодеятельностью (каждый седьмой).

2. Вторая – включает *стремление к более разнообразным формам самореализации личности*. Здесь на первом месте стремление изучить иностранный язык (59% опрошенных). Далее в ряду приоритетов желание больше читать (46%), заниматься самообразованием (32%), научиться играть на музыкальном инструменте (23%). Несколько меньше желающих интересоваться политикой (20%), овладеть основами правовых знаний (19%), рыночной экономики (18%), научиться рисовать (14%). Очень ограничен круг студентов, желающих лучше познакомиться с историей культуры своего народа (10%), заниматься коллекционированием (7%). Конечно, речь идет об индивидуальных, личностных ориентациях. Но у учреждений культуры есть возможность предложить молодежи организованные, институциональные формы реализации своих культурных желаний и стремлений.

Наиболее многочисленную группу (5/6 опрошенных) посетителей учреждений культуры составляют *ситуативные посетители*. Их более частый и регулярный приход в учреждения культуры возможен, но при определенных условиях. Результаты исследования дают выявить эти условия:

- из традиционных форм чаще всего отмечаются массовые праздники и представления. Если учесть, что эти клубные мероприятия наиболее посещаемые, то можно сказать: это направление работы учреждений культуры и досуга в перспективе должно оставаться приоритетным.
- как весьма перспективное рассматривается респондентами (каждый пятый) *возможность войти в клубное сообщество, расширить круг знакомств; развитие и совершенствование семейного досуга*. Сегодня ориентация на семейный досуг преобладает у девушек (они в 1,5 раза чаще юношей отмечали эту форму досуга).
- совершенствоваться должен и *дифференцированный подход*. Его ориентация на группы по интересам – расширение выбора любительских клубов, кружков технического творчества (на это сориентированы только студенты технического профиля обучения), вечера национальной культуры, фольклорные праздники. Важно при этом иметь в виду: без квалифицированных руководителей такие формы работы не могут быть успешными.
- о необходимости для учреждений культуры и досуга активно *включаться в новые рыночные отношения говорят* и ответы респондентов (каждый восемнадцатый) о желании прийти на ярмарку, выставку, продажу, аукцион.
- определенная часть молодежи (каждый восьмой) согласна принять и *платные услуги*, если спектр этих услуг будет расширяться. Более 1/3 опрошенных готовы оплатить спортивно-оздоровительные занятия. На ориентации респондентов влияют реальные изменения в социально-экономической жизни, в деловой и профессиональной активности. В связи с этим большая часть респондентов готова оплатить обучение иностранным языкам, основам предпринимательства и маркетинга, права. Все эти услуги могут быть предоставлены учрежде-

ниями культуры и досуга в сотрудничестве с учреждениями другой ведомственной принадлежности – образовательные и физкультурно-спортивные учреждения.

В целом, проведенный нами анализ подтверждает тот факт, что культурные вкусы и интересы молодежи необходимо формировать. И в этой связи низкий интерес у значительной части студентов к развивающему досугу и общению с классикой объясняется явной недостаточностью внимания к проблемам общекультурного воспитания и развития молодежи. В свое время Николай Бердяев писал: «Культура поднимает человека из варварского состояния». Для этого надо приложить усилия, это жизненно важно для государства. Как известно, «пропуски» в культурном образовании и воспитании личности отрицательно сказываются на здоровье и стабильности всего общества¹.

Явон С.В. (ПГУС, Тольятти)

Молодёжь Поволжья: жизненные ориентации

В условиях трансформации российского общества значительно повышается роль субъективного начала в выборе жизненных стратегий. Проследить тенденции жизненных ориентации молодежи можно по результатам исследований, проведенных автором².

Выборка составлена с учетом статистических данных о численности населения (в нее вошли и крупные, и средние, и маленькие районы), а также территориального расположения относительно областного центра и крупного города. Согласно данным российской статистики³, уровень жизни населения Ульяновской области существенно ниже, что позволяет сравнивать положение молодежи в разных социально-экономических условиях. Характеристики молодых людей Ульяновской и Самарской областей отражают общие тенденции в регионе в последние годы⁴.

Основной показатель направления жизненных стратегий молодежи – ощущение себя как определенного поколения. Ориентация на будущее и надежда на лучшее – ключевые консолидирующие определения идентификации своего поколения. В целом молодежь выбрала вариант «поколение надежд» – 29 %. Второй по популярности вариант «агрессивное поколение» (14 %). Но молодые люди в возрасте 14-17 лет ближе всех к определению себя как «агрессивное поколение» (20 %). Интересно отметить, что у молодежи старшей группы (25-30 лет) на второй позиции оказался ответ «обманутое поколение» (16 %). Территориальный аспект также несколько повлиял на оценку своего поколения. Молодежь Ульяновска одинаково себя ощущает как «агрессивным поколением» (11 %), так и «обманутым» (11 %). Сельская молодежь характеризует себя как «агрессивное поколение» (16 %) и «потерянное поколение» (9 %) (8 % в Ульяновске и 7 % в Тольятти). В целом молодежь Самарской области (более

¹ Цит. по: Арнольдов А.И. культура и горизонты XXI века // Вестник МГУКИ. 2003. № 1. С. 16.

² 1) «Молодежь в современном обществе» 2002 г.; Тольятти; N = 1000; при отборе использовался метод квотной, маршрутной выборки и целевой аудитории; 2) «Место и роль молодежи в современном обществе» – 2009 г.; Ульяновск, Тольятти, населенные пункты сельского типа Приволжского федерального округа (Ульяновской области, Самарской области); N = 3000 человек 14-30 лет, сегментированных на подгруппы по критериям гендерной принадлежности (юноши/мужчины, девушки/женщины), возраст (время надежд – 14-17 лет, этап формирования собственного пути – 18-24 года и пора получения первых устойчивых результатов – 25-30 лет), территории проживания (центр субъекта РФ – Ульяновск, крупный город в субъекте РФ – Тольятти и сельская местность – поселки городского типа, села Ульяновской и Самарской областей).

³ Социально-экономическая характеристика населения городов Приволжского федерального округа / [Электронный ресурс]. Режим доступа

<http://uisrussia.msu.ru/docs/stat/Publications/Reg2008-3/Reg2008-3 04 /Reg2008-3 04 OOO.htm#HL 80>;

Статистические данные численности постоянного населения Самарской области // Демографический ежегодник Самарской области: статистический сборник. Самара, 2009.

⁴ Итоги деятельности центров «Семья» Самарской области в 2008 году. Самара: Министерство по вопросам семьи и демографического развития, 2009; Отчет по итогам социологического исследования «Молодежь Тольятти: сегодня и завтра». Тольятти, 2002; Отчет по итогам социологического исследования «Портрет молодежи Ульяновской области». Ульяновск, 2006; Рузова Л.А., Кораблева О.В., Головина Е.В., Скутнева С.В. Молодежь Тольятти, анализ опыта социологического исследования: монография. Тольятти, 2009; Скутнева С.В. Гендерное измерение жизненного самоопределения молодежи. М., 2009.

продвинутой и развитой территории) чаще выражает надежду на перемены к лучшему, чем молодежь Ульяновской области.

Сравнительный анализ данных исследований тольяттинской молодежи 2002 г. (N=1000) и 2009 г. (N=1000) говорит о следующих изменениях. Для 2002 г. «тройка лидеров» выглядела так: «поколение надежд» (35%), «агрессивное поколение» (22%), «прагматичное поколение» (9%). В 2009 г.: «поколение надежд» (31%), «агрессивное поколение» (14%), «циничное поколение» (13%). Хотя стоит отметить, что показатель «прагматичное поколение» также несколько вырос в процентном соотношении до 10%. С одной стороны, позитивный настрой молодых людей сохраняется, о чем говорит преобладание ответов «поколение надежд», с другой имеет место увеличение популярности варианта «агрессивное поколение», «циничное поколение» и появление у старшей возрастной группы ответа «обманутое поколение».

Полученные результаты, возможно, связаны с экономическим кризисом в стране. Ухудшение экономической ситуации по объективным причинам отрицательным образом сказывается на восприятии действительности. И именно этот фактор стал причиной некоторой «агрессивности», «цинизма» и ощущения «обманутости». Ключевые проблемы, наиболее актуальные для всех молодых людей, это «нехватка денег» (22%). 42% из них ставят эту проблему на первое место по значимости; волнуют «жилищные проблемы» (15%). «Проблемы с работой» актуальны для 10%. Для 8% молодежи имеет значение «материальная зависимость от родителей». Меньше всего респондентов волнуют «проблемы этического характера» (1%).

Относительно гендерной специфики ответов можно сказать, что выборы юношей и девушек практически совпадают. В возрасте 14-17 лет важнее всего: «нехватка денег» (20%), «материальная зависимость от родителей» (11%), «возможности для отдыха, проведения свободного времени» (9%). Респонденты 18-24 лет, которые в силу возраста уже более вовлечены во взрослую жизнь, определили своими главными проблемами также «нехватку денег» (23%), «жилищную проблему» (13%), «материальную зависимость от родителей» (9%). К этому времени молодые люди начинают создавать семьи, пытаются жить отдельно от родителей и быть независимыми от них. В 25-30 лет молодежь также выделила для себя проблемы с «нехваткой денег» (23%), «жилищную проблему» (17%). Но в отличие от средней возрастной группы третьей обозначена «проблема с работой» (8%). После 25 лет молодежь (в основном) материально не зависит от родителей и имеет самостоятельный доход, поэтому поиск высокооплачиваемой и перспективной работы более актуален именно для этой возрастной группы. Территориальное разделение не показало принципиальной разницы в ответах молодежи. Исследование выявило, что с возрастом увеличивается доля тревожности. Наибольший диссонанс отмечен не между городской и сельской молодежью, а между сельской молодежью Ульяновской области и Самарской области. Более позитивные оценки проблематики повседневности зафиксированы у молодежи Самарской области.

Наличие цели помогает молодому человеку легче ориентироваться в жизни и найти свое место в современном мире. Отсутствие четкой цели говорит о непонимании своей социальной роли или о социальной дезориентации. Было предложено 16 вариантов жизненно важных целей с выделением 1-й, 2-й и 3-й степени значимости. По всей выборке наиболее значимым оказался «высокий заработок, материальное благополучие» (19%), «дело по душе, интересная работа» (15%), «хорошие отношения в семье» (12%).

Таблица 138

Жизненные цели молодежи(в %)

Жизненные цели	Σ	Пол		Возраст		
		Муж.	Жен.	14-17	18-24	25-30
Высокий заработок, материальное благополучие	19	20	18	18	19	19
Дело по душе, интересная работа	15	14	16	17	15	14
Хорошие отношения в семье	12	10	14	10	12	13
Хорошие, верные друзья	10	11	9	16	10	7
Удовлетворенность в любви, интимной жизни	7	7	7	7	7	7

Представления молодежи о целях в жизни в определенной мере коррелируют с оценками того, какими путями можно к ним идти. Наиболее популярными средствами достижения чего-либо в жизни молодые люди назвали: «личные качества, способности» (25%), «наличие знаний» (12%), «деньги, материальное положение» (10%). Стоит отметить, что девушки выбрали вариант «высшее образование» (11%). Ориентации девушек на образование, а юношей на высокий заработок подтверждают различия в гендерных представлениях о способах достижения успеха, с одной стороны, и с другой, говорят о меньшей доступности высокооплачиваемой работы при отсутствии высшего образования для девушек. Молодые люди младшей и средней возрастных групп выбирают следующие средства достижения жизненно важных целей: «личные качества и способности» (24% и 26% соответственно), «знания» (14% и 12%), «высшее образование» (13% и 10%). Старшая возрастная группа рассчитывает на «личные качества и способности» (26%), «деньги, материальное состояние» (13%), «физическая сила, здоровье» (11%), «семья» (11%). Образовательный ресурс для молодежи старше 25-ти лет теряет свою актуальность. Результаты исследования показали, что выбираемые способы достижения успеха во многом зависят от жизненных целей и планов молодых людей. По мнению респондентов, найти дело по душе, интересную работу можно с помощью высшего образования (38%) и знаний (37%). Высокому заработку и материальному благополучию будет способствовать руководящая должность (45%). Гармоничные отношения в семье зависят от самой семьи (47%).

Анализ планов на ближайшее будущее и соотношение их с поставленными целями и выбранными средствами достижения дает возможность оценить, какую жизненную стратегию выбирают для себя молодые люди для решения возникающих проблем.

Домашняя жизнь как традиционная система ценностей в жизни женщины отходит на второй план, уступая место профессиональной сфере. Значительная часть девушек желает направить усилия в более перспективную, с их точки зрения, область самореализации. Все, что связано с миром домашней жизни, лишено для них перспективы развития. Более того, препятствует их профессиональному и социальному росту и, в конечном счете, выживанию в жестких условиях сегодняшней российской реальности.

Сложившийся в России гендерный порядок определенным образом сказывается на принципах планирования своего будущего юношами (активная позиция и принятие полной ответственности за решение возникающих проблем). На передний план выходит организация собственного бизнеса как способа реализации классической схемы карьерного роста и освоения новых возможностей жизненного успеха, основанного на другом типе культурного капитала (собственных силах, деньгах, власти). Стратегия достижения жизненного успеха девушек базируется на советских представлениях: получение высшего образования и работа в государственных учреждениях. Совсем небольшая часть респондентов связывает свою трудовую деятельность с научно-исследовательской сферой (2 % юношей и 2 % девушек). Молодежь не стремится в науку, прежде всего, из-за низкого уровня зарплаты.

Сравнение результатов исследования в Тольятти за 2002 г. и 2009 г. о планах на ближайшее будущее говорит о снижении числа респондентов, планирующих продолжить образование, и увеличении желающих организовать собственное дело. Данная тенденция является адекватной реакцией на экономический кризис в стране. Эта же причина способствовала тому, что для девушек большее значение стала приобретать работа не в коммерческих структурах, как семь лет назад, а в государственных, где кризис не так сильно отразился на заработной плате. Увеличилась значимость трудоустройства по специальности, особенно у мужчин. Средняя возрастная группа находится на перепутье, о чем говорят цифры: 17% хотят основать свое дело; 16% – продолжить образование; 16% – работать по специальности в госструктурах. В постановке целей и задач (планов) на ближайшее будущее молодые люди особо отметили достижение материального благополучия. Реализация данной цели возможна через «работу по специальности в коммерческих структурах» (32%), «основание собственного бизнеса» (29%), «отъезд за границу работать или учиться» (28%).

Таблица 139

Планы на ближайшее будущее (в % от числа ответивших)

Ближайшие цели	Σ	Пол		Возраст		
		Муж.	Жен.	14-17	18-24	25-30
Работать по специальности в госструктурах	17	16	17	14	16	19
Работать по специальности в коммерч. структурах	11	11	10	8	12	10
Работать не по специальности в госструктурах	3	2	3	1	3	3
Работа не по специальности в коммерч. структурах	7	7	7	1	8	9
Продолжить образования	19	16	21	40	16	7
Заняться научно-исследовательской работой	2	2	2	1	3	2
Основать свое дело	17	21	13	13	17	21
Посвятить себя дому, семье	5	3	7	1	3	9
Остаться работать в организации, где подрабатываю	2	2	2	0,1	1	3
Уехать за границу учиться или работать	5	5	6	8	5	3
У меня другие планы на будущее	10	10	10	9	10	11
У меня еще нет никаких планов на будущее	4	5	4	4	5	3

Исходя из выше сказанного, можно сделать следующие выводы. Вовлеченность молодежи в жизнь общества проявляется в самоидентификации молодого поколения как поколения надежд (более характерно для девушек/женщин, молодежи до 18 лет, сельской молодежи); происходит адаптация молодежи к рыночным условиям (динамика оптимистической оценки социального самочувствия характерна для девушек/женщин); наблюдается прагматизм, стремление к материальному достатку среди молодежи (более характерно для юношей/мужчин, молодежи 25-30 лет, сельской молодежи).

Таблица 140

Планы на ближайшее будущее (в % от числа ответивших)

Ближайшие цели	Σ	Территория				
		Ульяновск	Тольятти	Села УО	Села СО	Села Σ
Работать по специальности в госструктурах	17	18	13	14	21	18
Работать по специальности в коммерч. структурах	11	12	13	9	7	8
Работать не по специальности в госструктурах	3	2	3	2	3	3
Работа не по специальности в коммерч. структурах	7	7	8	7	4	5
Продолжить образования	19	16	20	21	18	19
Заняться научно-исследовательской работой	2	3	2	3	1	2
Основать свое дело	17	14	19	19	18	19
Посвятить себя дому, семье	5	5	4	5	5	5
Остаться работать в организации, где подрабатываю	2	2	1	1	1	1
Уехать за границу учиться или работать	5	7	4	5	4	4
У меня другие планы на будущее	10	8	10	10	12	12
У меня еще нет никаких планов на будущее	4	5	3	3	6	5

УО – Ульяновская область; СО- Самарская область

Но эти тенденции не доминируют, не отодвигают на задний план традиционные ценности нашего общества (значимость семейных отношений более характерна для девушек/женщин, молодежи 25-30 лет, городской молодежи); в процессе осуществления жизненного самоопределения юноши/мужчины и девушки/женщины больше рассчитывают на собственные силы, личные качества и способности, что позволяет максимально увеличить свой социальный ресурс в конкурентном обществе; наблюдается признание ценности образования (более характерно для девушек/женщин, сельской молодежи), оно имеет ценность в инструментальном плане позволяет в перспективе улучшить «качество жизни», завоевать определенный соци-

ально-экономический статус. Большинство молодежи планирует работать по специальности (данное стремление более характерно для девушек/женщин, молодежи 25-30 лет, городской молодежи). Ориентация на трудовую деятельность в государственных структурах проявляется больше у девушек, молодежи 25-30 лет, сельской молодежи; коммерческие структуры привлекают молодых мужчин, молодежь 18-24 лет, городскую молодежь; отмечена асимметрия в установках юношей/мужчин относительно сферы занятости – все женское традиционно продолжает ассоциироваться с семьей, домашним хозяйством. Девушки-респонденты имеют более либеральные убеждения, чем юноши, относительно их гендерно-ролевого поведения.

Происходящие в России социально-экономические трансформации существенным образом повлияли на все сферы жизни общества. Современные ценностные ориентиры молодежи подвержены воздействию рыночной экономики, что привело к новому типу адаптационного поведения, в котором отдается предпочтение материальным ценностным ориентациям с одновременным ростом индивидуализма, прагматизма, гедонистических устремлений, усложняющих процесс становления социальной зрелости.

Наши Авторы

1. Абрамова М.А., д.пед.н., проф., Институт философии и права Сибирского отделения РАН (ИФиП СО РАН, Новосибирск)
2. Агинская Т.И., ст.преп., соискатель, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ, Екатеринбург)
3. Айвазян А.А., к.полит.н., доцент, (УрФУ, Екатеринбург)
4. Акулич М.М., д. социол. н, профессор, Тюменский государственный университет (ТюмГУ, Тюмень)
5. Антонова Н.Л., к. социол. н, доцент, Уральский государственный университет имени А.М. Горького (УрГУ, Екатеринбург)
6. Бабинцев В.П., д.ф.н., проф., Белгородский государственный университет (БелГУ, Белгород)
7. Багирова А.П., д.с.н., проф., (УрФУ, Екатеринбург)
8. Багирова Т.Б., ст. преп. ((УрФУ, Екатеринбург)
9. Баландина Т.Ю., к.с.н., доц. (УрФУ, Екатеринбург)
10. Балихина О.А., студент, Тюменский государственный нефтегазовый университет (ТюмГНГУ, Тюмень)
11. Балынская Н.Р. Магнитогорский государственный университет, (МагГУ Магнитогорск)
12. Баразгова Е.С., д.ф.н., проф., Уральская академия государственной службы (УрАГС, Екатеринбург)
13. Батырева М.В., к. социол. н, доцент, (ТюмГУ, Тюмень)
14. Безукладнова К.А., студент (УрФУ, Екатеринбург)
15. Богданова Д.В., м.н.с., аспирант, Челябинский институт (филиал) УрАГС, (ЧИ УрАГС, Челябинск)
16. Бойко В.П., к. пед.н., доц., Одесский национальный политехнический университет (ОНПУ, Одесса, Украина)
17. Бондаренко Е., соискатель (УрАГС, Екатеринбург)
18. Боронинан Л.Н. к.ф.н. доцент (УрФУ, Екатеринбург)
19. Бояк Т.Н., к.с.н., доц., Восточносибирская государственная академия культуры и искусства (ВСГАКиИ, Улан-Удэ)
20. Букин В.П., к.с.н., проф., Пензенский государственный университет (ПензГУ, Пенза)
21. Вандышев М.Н., к.с.н., доц. (УрГУ, Екатеринбург)
22. Вишневский С.Ю., д.с.н., проф. (УрФУ, Екатеринбург)
23. Вишневский Ю.Р., д. филос.н., проф., вице-президент РОС (УрФУ, Екатеринбург)
24. Вожева Л.Б., к.и.н., доц. (УрФУ, Екатеринбург)
25. Волосков И.В., к.филол.н., доц., Московский городской педагогический университет (МГорПУ, Москва)
26. Воробьев А.В. д.п.н., д.псих.н., профессор, Даугавпилсский университет, (ДУ, Даугавпилс, Латвия)
27. Воронов В.В. д.с.н., ведущий исследователь (ДУ, Даугавпилс, Латвия)
28. Гаврилюк В.В., д.с.н., проф. (ТюмГНГУ, Тюмень)
29. Гишинский Я.И., д.ю.н., гл.н.с., Социологический институт РАН (СИ РАН, С.-Петербург)
30. Гончарова Г.С., н.с., (ИФиП СО РАН, Новосибирск)
31. Горшков М.К., чл.-корр. РАН, д.ф.н., проф., Институт социологии РАН (ИС РАН, Москва)
32. Грошев И.Л., к.с.н., доц. (ТюмГНГУ, Тюмень)
33. Грошева И.А., к.с.н., доц., Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права (ТГАМЭУиП Тюмень)
34. Гузенко В.А., к.псих.н., доц. (ОНПУ, Одесса, Украина)
35. Гущин О.В., к.с.н., доц. (УрФУ, Екатеринбург)
36. Дегтярева Т.П., к.пед.н., доц. (УрФУ, Екатеринбург)

37. Дидковская Я.В., к.с.н., доц. (УрФУ, Екатеринбург)
38. Дорждагва Т., д.ф.н., проф., Улан-Баторский государственный университет (Улан-Батор, Монголия)
39. Дятлов А.В., д.с.н., проф., Южный федеральный университет (ЮФУ, Ростов н/Д)
40. Еробкин И.Е., ст. преп. (УрФУ, Екатеринбург)
41. Ерохина Е.А., к.ф.н., н.с. (ИФиП СО РАН, Новосибирск)
42. Ефимова Г.З. - аспирант (ТюмГУ, Тюмень)
Ефимова Е.Ю.- ведущий специалист (Центр «Шанс», Тула)
43. Железнякова С.И., к.с.н., доц., Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия (НТГСПА, Н.Тагил)
44. Журавлева Л.А., к.ф.н., проф. Российский государственный профессионально-педагогический университет (РГППУ, Екатеринбург)
45. Забирова О.В. – аспирант (УрФУ, Екатеринбург)
46. Задорина М.А. – студент (УрФУ, Екатеринбург)
47. Замогильный С.И., д.ф.н., проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ, Москва)
48. Зборовский Г.Е., д.ф.н., проф., вице-президент РОС, Гуманитарный университет (ГУ, Екатеринбург)
49. Зерчанинова Т.Е., к.ф.н., доц. (УрАГС, Екатеринбург)
50. Зубок Ю.А., д.с.н., зав. отделом, Институт социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН, Москва)
51. Зырянов С.Г., д. полит. н., проф. (ЧИ УрАГС, Челябинск)
52. Ивасенко Н.А., студент, Амурский государственный университет (АмГУ, Благовещенск на-Амуре)
53. Изерских М.И., студент (ТГАМЭУП Тюмень)
54. Ильинский И.М., д.ф.н., проф., ректор, Московская гуманитарно-социальная академия (МГСА, Москва)
55. Казанцева Л.А. – аспирант (УрФУ, Екатеринбург)
56. Каташинских В.С. – аспирант (УрГУ, Екатеринбург)
57. Кетов Л.Л., ассистент, соискатель (УрФУ, Екатеринбург)
58. Кожеурова Н.С., д.ф.н., проф., Московский государственный педагогический университет (МГПУ, Москва)
59. Козлова Т.З., к.с.н., доц. Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ, Санкт-Петербург)
60. Козлов А.А., д.с.н., проф. (СПбГУ, Санкт-Петербург)
61. Кокшаров В.А., к.и.н., ректор УрФУ (УрФУ, Екатеринбург)
62. Колот С.А. (ОНПУ, Одесса)
63. Колпина Л.В., к.с.н., доц. (БелГУ, Белгород)
64. Константинова Е.В., к.с.н., доц. (УрГУ, Екатеринбург)
65. Копцева О.А. (МагГУ Магнитогорск)
66. Кораблева Г.Б., д.с.н., проф. (УрГУ, Екатеринбург)
67. Костерина И.В., н.с., Научно-исследовательский центр (НИЦ) «Регион» (Ульяновск)
68. Курбатова Л.Н., к.с.н., доц., Пермский государственный технический университет (ПГТУ, Пермь)
69. Ладыжец Н.С., д.с.н., проф., Удмуртский государственный университет (УдГУ, Ижевск)
70. Латов Ю.В., д.с.н., проф., Академия управления МВД (АУ МВД, Москва)
71. Латова Н.В., к.с.н., доц. (ИС РАН, Москва)
72. Латышева Т.В. – асс. (ТГНГУ, Тюмень)
73. Левикова С.И., д.ф.н., проф. (МГПУ, Москва)
74. Леденцов Д.С., к.с.н., доц., Иркутский государственный университет путей сообщения (ИГУПС, Иркутск)

75. Лоншакова Н.А., д.с.н., проф., Российская международная академия туризм (РМАТ, Химки, Московская обл.)
76. Луков В.А., д.ф.н., проф. (МГСА, Москва)
77. Лыкова С.Н., к.с.н., доц. , Сибирский федеральный университет (СибФУ, Красноярск),
78. Магницкий Ю.Г., к.ф.н., доц. (АмГУ, Благовещенск на-Амуре)
79. Макарова М.Н., д.с.н., проф. (УдГУ, Ижевск)
80. Мансуров В.А., д.ф.н., проф., Президент РОС (ИС РАН, Москва)
81. Меренков А.В., д.ф.н., проф. (УрГУ, Екатеринбург)
82. Мехришвили Л.Л., д.с.н., проф. (ТюмГНГУ, Тюмень)
83. Москалева Ю. – магистрант, Мордовский государственный университет (МордГУ, Саранск)
84. Мочалова Н.Ю., к.ф.н., доц. (НТГСПА, Н.Тагил)
85. Моченов В.П., к.пед.н., доц. (РМАТ, Химки, Московская обл.)
86. Мулина Т.В. – аспирант, Мурманский государственный педагогический университет (МурмГПУ, Мурманск)
87. Мулянова Б.М., д.с.н., проф., гл.н.с. Российский институт истории искусств (РИИИ, Элиста, Калмыкия)
88. Мустаева Ф.А., к.пед.н., проф. (МагГУ, Магнитогорск)
89. Нархов Д.Ю., соискатель (УрФУ, Екатеринбург)
90. Нархова Е.Н., к.с.н., доц. (УрФУ, Екатеринбург)
91. Нифонтов С.А., ст. преп. (УрФУ, Екатеринбург)
92. Нотман О.В., к.с.н., доц., Европейско-Азиатский институт управления и предпринимательства (ЕАИУиП, Екатеринбург)
93. Ольховиков К.М., д.ф.н., проф. (УрФУ, Екатеринбург)
94. Ольховикова С.В., к.ф.н., доц. (УрФУ, Екатеринбург)
95. Омельченко Е.Л., д.с.н., проф. Центр «Регион», Ульяновск
96. Онегов Д.В., зав. отделом. (ЦПОиППН, Красноярск)
97. Орлова В.В. – к.с.н., доц., Томский университет систем управления и радиоэлектроники – ТУСУРЭ (Томск)
98. Островска И.В. магистр педагогики, магистр экономики (ДУ, Даугавпилс, Латвия)
99. Охотников О.В., к.ф.н., доц. (УрФУ, Екатеринбург)
100. Пасовец Ю.М., к.с.н., доц., Курский государственный университет (КурскГУ, Курск)
101. Певная М.В., к.с.н., доц. (УрФУ, Екатеринбург)
102. Петухова И.В., доц. (УрФУ, Екатеринбург)
103. Помелова Н.А., к.с.н., доц. (МордГУ, Саранск)
104. Пономарева О.Я., к.пед.н., доц. (УрФУ, Екатеринбург)
105. Попов А.А., соискатель (УрФУ, Екатеринбург)
106. Попова М.Г., студент(УрФУ, Екатеринбург)
107. Пронина Е.И., с.н.с., исполнительный вице-президент РОС (ИС РАН, Москва)
108. Реутов Е.В., к.с.н., доц. (БелГУ, Белгород)
109. Ружа В.А., соискатель (УрФУ, Екатеринбург)
110. Самкова В.А., к.ф.н., доц. (УрФУ, Екатеринбург)
111. Самсонова Е.А. - зав. соцлабораторией (Центр «Шанс», Тула)
112. Сербай И.Н., аспирант
113. Скоробогачкий В.В., д.ф.н., проф. (УрАГС, Екатеринбург)
114. Скутнева С.В., к.с.н., доц., Поволжский государственный университет сервиса (ПГУС, Тольятти)
115. Смирнов В.А., к.полит.н., доц., Костромская государственная сельскохозяйственная академия (КГСХА, Кострома)
116. Соколов А.В., д.пед.н., проф. Санкт-Петербургский гуманитарный университет проф-союзов (СПбГУП, Санкт-Петербург)

117. Сокурская Л.Г., д.с.н., проф., Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина (ХНУ, Харьков, Украина)
118. Сорока Ю.Г., к.с.н., доц. (ХНУ, Харьков, Украина)
119. Ставропольский Ю.В., к.с.н., доц., Саратовский государственный университет (СГУ, Саратов)
120. Староверова И.В., к.с.н., докторант (ИС РАН, Москва)
121. Стегний В.Н., д.с.н., проф. (ПГТУ, Пермь)
122. Темницкий А.Л. – к.с.н., доц. Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (МГИМО/У/ МИД РФ, Москва)
123. Терещук Е.А., к.с.н., доц. (ЧИ УрАГС, Челябинск)
124. Тесленко И.В., к.с.н., доц. (УрФУ, Екатеринбург)
125. Тихомирова В.В. – нс. Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (ИСЭиЭПС КомиНЦ УрО РАН)
126. Тобенгауз П.М. (ИС РАН, Москва)
127. Ушкин С.Г. - магистрант(МордГУ, Саранск)
128. Фатеев И.В. – юрист, ООО «Интерпак»
129. Федотова Н.А. – студент (УрФУ, Екатеринбург)
130. Цветкова И.В., д.ф.н., проф., Волжский государственный университет (ВолжГУ, Тольятти)
131. Цылев В.Р. – к.ф.н., доц. (МурмГПУ, Мурманск)
132. Чегодаева Т.А., к.с.н., доц. (УрФУ, Екатеринбург)
133. Чупров В.И. – д.с.н., гл.н.с. (ИСПИ РАН, Москва)
134. Шаброва Н.В., к.с.н., доц. (УрФУ, Екатеринбург)
135. Шереги Ф.Э. – к.ф.-м.н., доц., директор, Центр социологических исследований (ЦСИ, Москва)
136. Шестопалова О.Н., к.с.н., доц., Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС, Екатеринбург)
137. Широкова Е.А., к.с.н., доц. (ГУ, Екатеринбург)
138. Шуклина Е.А., д.с.н., проф. (ГУ, Екатеринбург)
139. Явон С.В. к.с.н., доц. (ПГУС, Тольятти)

Содержание

<i>Кокшаров В.А.,</i> Формирование и развитие конкурентоспособного человеческого капитала на основе создания и реализации инновационных услуг и разработок – миссия федеральных университетов (Вместо предисловия).....	3
<i>Мансуров В.А.</i> Достижения РОС прирастают исследованиями уральских социологов.....	7
Памяти Валерия Трофимовича Шапко.....	9
<i>Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т.</i> Актуальные проблемы социологии молодежи.....	11
<i>Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т.</i> Системные качества молодежи: социализация и адаптация.....	21
<i>Вишневский Ю.Р., Вишневский С.Ю., Шапко В.Т.</i> Социология молодежи в системе социологического образования.....	34
<i>Абрамова М.А., Гончарова Г.С.</i> Аккультурационные стратегии учащейся молодежи Якутии.....	40
<i>Агинская Т.И.</i> Идеальные устремления и реальные ожидания в брачном поведении студенческой молодежи.....	46
<i>Айвазян А.А., Ольховиков К.М.</i> Политическая социализация современной российской молодежи и западные представления о гражданственности и экстремизме.....	50
<i>Акулич М.М., Батырева М.В.</i> Особенности профессионального самоопределения выпускников школ в условиях экономического кризиса.....	58
<i>Антонова Н.Л., УрГУ</i> Медицинское обслуживание в оценках молодежи.....	64
<i>Бабинцев В.П., Реутов Е.В.</i> Актуальные формы социокультурной рефлексии молодежи: самоорганизация и «атомизация».....	67
<i>Багирова А.П., Багирова Т.Б.</i> Осознанное родительство: возможности формирования в системе высшего образования.....	73
<i>Баландина Т.Ю., Еробкин И.Е., Петухова И.В.</i> Студенческое самоуправление в представлениях студентов конца 1980-х гг.....	79
<i>Балихина О.А.</i> Ценность молодежи, её ценности и ориентации в условиях экономического кризиса....	80
<i>Балынская Н.Р., Котцева О.А.</i> Риски в творческой деятельности молодежи: социологический аспект.....	83
<i>Банникова Л.Н., Казанцева Л.А.</i> Образ профессии в студенческой среде как модель желаемого будущего.....	89
<i>Барзгова Е.С., Бондаренко Е.</i> Особенности формирования жизненных стратегий молодежи ЗАТО в условиях неопределенности социального развития.....	97
<i>Барзгова Е.С., Вандышев М.Н.</i> Система социальной стратификации в Свердловской области: риски развития.....	105
<i>Безукладнова К.А.</i> Образовательные и профессиональные стратегии студентов.....	108
<i>Белова О.Р. Боронина Л.Н., Вишневский Ю.Р.</i> Молодежь: ресурсный подход.....	109
<i>Богданова Д.В., Зырянов С.Г.</i> Социальные проблемы молодежи города Челябинска.....	111

<i>Бойко В.П.</i>	
Особенности управления мотивацией студентов к обучению в рамках Болонского процесса на основе теории мотивации Ф. Герцберга.....	115
<i>Бояк Т.Н.</i>	
Сельская молодежь Забайкалья: духовно-нравственные ценности.....	118
<i>Букин В.П.</i>	
Социально-статусная принадлежность и самоидентификация провинциальной молодёжи.....	123
<i>Букин В.П.</i>	
Молодёжь российской провинции и её жизненные стратегии.....	129
<i>Вишневский Ю.Р., Кетов Л.Л.</i>	
Проблемы становления информационной культуры учащейся молодежи.....	133
<i>Вожева Л.Б.</i>	
Ценностные ориентиры молодежи современной России.....	149
<i>Волосков И.В.</i>	
Особенности социализации учащейся молодежи.....	151
<i>Воробьев А.В., Воронов В.В., Островска И.В.</i>	
Эффективность современной образовательной системы Латвии в оценках ее молодежи и людей ранней зрелости.....	154
<i>Гаврилюк В.В.</i>	
Феномен гоп-культуры в молодежной среде.....	159
<i>Гилинский Я.И.</i>	
Социология девиантности (новеллы и перспективы).....	164
<i>Горшков М.К., Шереги Ф.Е.</i>	
Историческое сознание молодежи.....	167
<i>Грошев И.Л.,</i>	
Социологические опросы молодёжи в образовательных учреждениях системы МВД России.....	178
<i>Грошева И.А.</i>	
Институциональные практики глазами современной молодежи.....	182
<i>Гузенко В.А.</i>	
Социальные страхи молодежи современной Украины.....	187
<i>Гуськов Д.В.</i>	
Грамотная социокультурная политика как одна из мер по борьбе с возникновением и распространением экстремизма и его негативными последствиями.....	191
<i>Гуцин О.В.</i>	
Государственная молодежная политика – интегративный подход.....	193
<i>Гуцин О.В.</i>	
Моделирование государственной молодежной политики в регионах.....	197
<i>Дегтярева Т.П.</i>	
Проблемы профессиональной ориентации молодежи в современных экономических условиях.....	207
<i>Дидковская Я.В., Певная М.В.</i>	
Исследование динамики профессиональной карьеры молодежи в социокультурном аспекте.....	218
<i>Дьяченко И.В.</i>	
Реклама кино как механизм социализации молодёжи.....	230
<i>Дятлов А.В.</i>	
«Динамическое поле» социальных ресурсов.....	235
<i>Ерохина Е.А.</i>	
Этническое самосознание горноалтайской молодежи: коллективная память.....	245

<i>Ефимова Г.З.</i>	
Роль вузов в подготовке кадров для инновационной экономики.....	250
<i>Железнякова С.И.</i>	
Молодежь об актуальных проблемах моногорода.....	251
<i>Журавлева Л.А.</i>	
Наркотизм как социальный институт.....	255
<i>Журавлева Л.А.</i>	
Социальные отклонения: синергетический подход.....	258
<i>Забирова О.В.</i>	
Государственная молодёжная политика в контексте социологического анализа.....	261
<i>Забирова О.В.</i>	
Парламентаризм в Германии: «федеративная политическая культура».....	265
<i>Задорина М.А.</i>	
Формирование активной гражданской позиции у молодого населения.....	267
<i>Задорина М.А., Певная М.В. (УрФУ, Екатеринбург)</i>	
Место патриотизма в системе ценностей современной молодежи.....	269
<i>Замогильный С.И., Дорждагва Т.</i>	
Ценностные установки молодежи России и Монголии.....	271
<i>Зборовский Г.Е., Широкова Е.А., Шуклина Е.А.</i>	
Отношение еврейской молодежи к национальному образованию как социокультурному фактору этнонациональной идентификации.....	278
<i>Зборовский Г.Е.</i>	
Научно-педагогическая общность как социологическая и практическая проблема....	284
<i>Зерчанинова Т.Е.</i>	
Социальные потребности молодежи.....	289
<i>Зубок Ю.А., Чупров В.И.</i>	
Самоорганизация в проявлениях молодежного экстремизма.....	293
<i>Зырянов С.Г., Терещук Е.А.</i>	
Молодежные социальные программы предприятия как часть молодежной политики.....	302
<i>Ивасенко Н.А., Магницкий Ю.Г.</i>	
Социальное самочувствие молодежи Амурской области.....	306
<i>Изерских М.И.</i>	
Профессиональное самоопределение молодежи: быть или не быть?.....	313
<i>Ильинский И.М.</i>	
Молодежь как будущее России в категориях войны.....	316
<i>Каташинских В.С.</i>	
Реализация положений Болонского процесса как основное направление реформирования высшего образования.....	320
<i>Козлова Т.З.</i>	
Молодёжь в восприятии старшего поколения.....	328
<i>Козлов А.А.</i>	
Какая она, современная молодёжь?.....	330
<i>Колот С.А.</i>	
Организационная культура и социальное обучение.....	333
<i>Колтина Л.В., Сербай И.Н.</i>	
Эмпирический анализ социального здоровья старшеклассников: региональный аспект.....	337
<i>Константинова Е.Б.</i>	
Социальное проектирование как инструмент современной молодежной политики.....	347
<i>Кораблева Г.Б.</i>	
Профессиональные ассоциации: история и современность.....	350

<i>Костерина И.В.</i>	
Практики маскулинности в молодежных группах.....	355
<i>Курбатова Л.Н., Стегний В.Н.</i>	
Оценка степени развитости компетентных качеств студентов и преподавателей.....	363
<i>Ладыжец Н.С.</i>	
Тренинг «привычка действовать. Техники преодоления препятствий и повышения эффективности».....	369
<i>Латова Н.В., Латов Ю.В.</i>	
Особенности «вестернизации» ментальности студенчества модернизирующихся стран.....	376
<i>Латышева Т.В.</i>	
Феномен молодёжной субкультуры: сущность, типы.....	382
<i>Леденцов Д.С.</i>	
Ценности как фактор смысложизненных ориентаций современного российского студенчества и их динамика (на примере технических вузов города Иркутска).....	390
<i>Левикова С.И.</i>	
Неформальная молодежная субкультура как модель и элемент ценностно-смыслового расслоения грядущего постиндустриального общества.....	401
<i>Лоншакова Н.А., Моченов В.П.</i>	
Современные стратегии развития профессионального образования.....	403
<i>Луков В. А.</i>	
Исследование проблем молодежи в России.....	407
<i>Луков В.А.</i>	
Молодежные субкультуры в современной России.....	417
<i>Лыкова С.Н., Онегов Д.В.</i>	
Профессиональные планы и информированность о состоянии рынка труда выпускников школ Красноярского края.....	431
<i>Макарова М.Н.</i>	
Профессиональные компетенции выпускников учреждений начального и среднего профессионального образования: взгляд работодателей.....	436
<i>Меренков А.В.</i>	
Жизнь и смерть культуры в динамично меняющемся мире: проблема межпоколенческого взаимодействия.....	441
<i>Мехришвили Л.Л.</i>	
К вопросу становления и развития социологии детства.....	446
<i>Мулянова Б.М.</i>	
Студенческая молодёжь Калмыкии: национальное самосознание и этническая Идентификация.....	454
<i>Мустаева Ф. А.</i>	
Современная семья и её социальные проблемы.....	462
<i>Нархов Д.Ю.</i>	
Толерантность как элемент профессиональной культуры преподавателя вуза.....	466
<i>Нархов Д.Ю. , Нархова Е.Н.</i>	
Социокультурный портрет современного преподавателя вуза: взгляд социолога....	471
<i>Нифонтов С.А.</i>	
Трудовой коллектив и профессиональное развитие молодых рабочих: методика исследования.....	478
<i>Нотман О.В.</i>	
Потребности молодежи в сфере бизнес-образования.....	488
<i>Ольховикова С.В.</i>	
Структурно-генетические основания мифа.....	492

<i>Омельченко Е.Л.</i>	
Поколения молодежной солидарности постперестроечной России: от пофигистов до прагматиков.....	498
<i>Омельченко Е.Л.</i>	
Социология и молодежные субкультуры.....	501
<i>Омельченко Е.Л.</i>	
Молодость в публичном пространстве современности. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры?.....	505
<i>Орлова В.В.</i>	
Ценностные приоритеты молодежи в сибирском регионе.....	521
<i>Охотников О.В.</i>	
Постулаты марксистской парадигмы в истории социологии.....	525
<i>Охотников О. В.</i>	
Основание и критерий сравнения в методологии историко-социологического анализа.....	527
<i>Пасовец Ю.М.</i>	
Общие черты и региональная специфика социального портрета молодежи России.....	528
<i>Помелова Н.А., Москалева Ю.</i>	
Жизненные стратегии студенческой молодежи.....	533
<i>Помелова Н.А., Ушкин С.Г.</i>	
Читательские предпочтения молодежи.....	537
<i>Пономарева О.Я., Попова М.Г.</i>	
Субъектно–личностная предрасположенность заказа к результатам образования выпускника университета – HR- специалиста со стороны студентов, работодателей и профессорско–преподавательского состава.....	541
<i>Пономарева О.Я., Федотова Н.А.</i>	
Отраслевая направленность профессиональных компетенций выпускника как заказ работодателя.....	546
<i>Попов А.А.</i>	
Формирование инновационной культуры молодых предпринимателей в современном российском обществе.....	555
<i>Пронина Е.И., Тобенгауз П.М.</i>	
Воспитание гражданственности и патриотизма в школе и вузе.....	558
<i>Ружа В.А.</i>	
Любовь и любовь к Родине глазами студентов: социологический анализ.....	568
<i>Самкова В.А.</i>	
Время как мера социальной жизни.....	572
<i>Самсонова Е.А., Ефимова Е.Ю.</i>	
Молодежь Тулы: ценностные ориентации и реалии повседневной жизни.....	574
<i>Скоробогачкий В.В.</i>	
Последнее поколение Системы.....	578
<i>Скутнева С.В.</i>	
Несовершеннолетние матери.....	583
<i>Смирнов В.А.</i>	
Жизненные стратегии и социальные практики провинциальной молодёжи.....	587
<i>Соколов А.В.</i>	
Современное студенчество: интеллектуально-нравственная дифференциация.....	594
<i>Сокурская Л.Г.</i>	
Теоретический и эмпирический анализ трансформация пространства идентичностей студенческой молодёжи.....	602

<i>Сорока Ю.Г.</i>	
Восприятие социальной реальности: повседневное и социологическое.....	609
<i>Староверова И.В.</i>	
Факторы девиации сознания и поведения российской молодежи.....	613
<i>Темницкий А.Л.</i>	
Человеческий потенциал и гражданские позиции активистов молодежных объединений (на примере форума «Селигер – 2008»).....	621
<i>Тесленко И.В.</i>	
Роль туризма в социальных практиках современной молодежи.....	630
<i>Тихомирова В.В.</i>	
Социальное самочувствие и ценностные ориентации молодой семьи.....	632
<i>Фатеев И.В.</i>	
Групповая делинквентность как источник социальных рисков в современной России.....	638
<i>Цветкова И.В.</i>	
Молодые тольяттинцы о престиже города.....	640
<i>Цылев В.Р., Мулина Т.В.</i>	
Многообразие феномена патриотизма молодых мурманчан.....	645
<i>Чегодаева Т.А.</i>	
Социальное партнерство как фактор формирования культуры гражданственности: со- циологический анализ.....	652
<i>Шаброва Н.В.</i>	
Межнациональные отношения и установки студентов.....	656
<i>Шестопалова О.Н.</i>	
Трудовые стереотипы молодежи: особенности и противоречия их становления.....	658
<i>Южакова Н.О.</i>	
Ресурсный подход к социокультурной деятельности студенчества.....	661
<i>Явон С.В.</i>	
Молодёжь Поволжья: жизненные ориентации.....	664
Наши авторы.....	669

Научное издание

УДК 316.346.32-053.6(062)

ББК 60.542.15я4

А43

Актуальные проблемы социологии молодежи

Редакторы-составители:

Вишневский Ю.Р., д.ф.н., проф. (отв. редактор)

Багирова А.П., д.экон.н., проф.

Банникова Л.Н., д.с.н., проф.

Боронина Л.Н., к.ф.н., доц.

Певная М.В., к.с.н., доц.

Печатается по решению Ученого Совета факультета гуманитарного образования от 15 декабря 2010 г.

Компьютерная верстка: Кетов Л.Л.